

ПРЕПОДОБНЫЙ
СЕРАФИМ
САРОВСКИЙ

Москва
2011

УДК 235.3
ББК 86.372
С 32

*Рекомендовано к публикации
Издателским Советом Русской Православной Церкви
(ИС 11-025-2770)*

С 32 Преподобный Серафим Саровский. (Серия «Причастники Божественного света»). – М.: Благовест, 2011. – 512 с.
ISBN 978-5-9968-0098-8

Книга «Преподобный Серафим Саровский» включает в себя жизнеописание святого, молитвы и акафист преподобному Серафиму, а также Серафимово правило. В него вошли письменные наставления преподобного и его устные поучения; воспоминания современников, свидетельствовавших о благодатном влиянии сего угодника Божия и его благодатной помощи. Также сборник включает в себя подробную историю прославления преподобного Серафима и историю второго чудесного обретения его мощей.

Книга рассчитана на широкий круг православных читателей.

**УДК 235.3
ББК 86.372**

© Издательство «Благовест» — текст,
ISBN 978-5-9968-0098-8 оформление, оригинал-макет, 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

Преподобный Серафим – святой, чью жизнь отделяют от нас несколько веков, близок и дорог православным. Недаром к его мощам стекается огромное количество страждущих, просящих преподобного о помощи. Как в земной жизни он был помощником и молитвенником о всех, приходящих к нему; так и отойдя в вечность, преподобный не оставляет никого без своей помощи.

Не менее чем помощь преподобного, притягателен и сам его образ смиренного подвижника – старца Серафима. Он боролся с нечистой силой «как со львами и леопардами», в пустыне стоя на камне тысячу дней и ночей. Он простил обидчиков, искалечивших его, и готов был оставить Саровскую обитель, если избившим его крестьянам «будет причинено какое-либо наказание». Он сподобился великих и многократных явлений Царицы Небесной, не раз свидетельствовавшей: «Сей – от рода нашего». Он всякого приходящего к нему называл «радость моя», и распространил свою любовь не только на ближних, но и на лесных зверей. Эти и многие, многие другие моменты из жизни преподобного Серафима вот уже около двухсот лет привлекают к преподобному все новых и новых почитателей. А воспоминания современников преподобного, в настоящее время вновь ставшие доступными, делают образ о. Серафима объемнее и ближе.

Благодаря тому, что преподобный Серафим жил относительно недавно и был почитаемым подвижником, кроме жизнеописания и воспоминаний – свидетельствах внешней жизни преподобного, до нас дошли также и свидетельства о его внутренней жизни – письменные и устные наставления; и беседа о стяжании Святого Духа, рассказ о которой сохранился в записи одного из духовных чад о. Серафима – Н. Мотовилова.

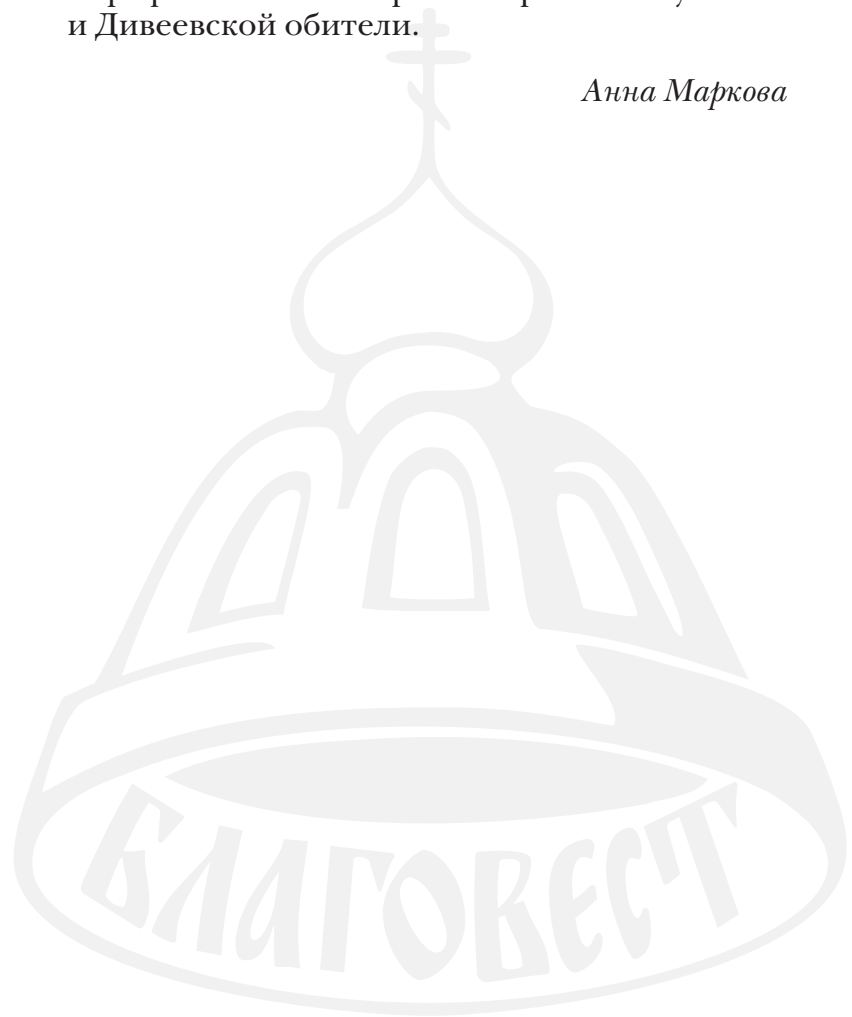
Все это является настоящей сокровищницей духовной пищи, пригодной для всех – и для людей духовно опытных, и для новоначальных, и для тех, кто избрал монашеское житие, и кто предпочел спасение в миру.

Данный сборник включает в себя жизнеописание святого, молитвы и акафист преподобному Серафиму, а также Серафимово правило. В него вошли письменные наставления преподобного и его устные афоризмы; воспоминания современников, свидетельствовавших о благодатном влиянии преподобного, и свидетельства о его благодатной помощи.

Также сборник включает в себя подробную историю прославления преподобного Серафима и историю второго чудесного обретения мощей преподобного. Очень важны приводимые здесь свидетельства непосредственных очевидцев и участников возвращения мощей преподобного в Дивеевскую обитель.

Также в сборник вошли рассказы о двух непосредственно связанных с преподобным Серафимом монастырях – Саровской пустыни и Дивеевской обители.

Анна Маркова

ЖИТИЕ

РОЖДЕНИЕ И ДЕТСТВО ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА

Преподобный Серафим Саровский – уроженец древнего города Курска – земляк другого великого преподобного, Феодосия Печерского.

Будущий преподобный Серафим родился 19 июля 1759 года в купеческой семье Мошниных. Родители преподобного, Исидор и Агафья Мошнины, уже имели двоих детей – дочь Параскеву и сына Алексея. Их третий, младший ребенок, во святом Крещении был назван Прохором – в честь апостола Прохора, память которого празднуется 28 июля.

Купеческое семейство Мошниных было состоятельным и благочестивым. Исидор Мошнин имел лавку, кирпичные заводы и занимался в качестве подрядчика постройкой каменных зданий: церквей и домов. Также Исидор Иванович был знаменит честностью, твердою верой и истовым благочестием. Еще более украшалась добродетелями мать будущего преподобного, Агафья Фотиевна: она отличалась милосердием к бедным; в особенности же помогала сиротам-невестам выходить замуж. Но кроме этого, она была одарена и глубоким разумом, и мужественною душою.

Еще в 1752 году Исидор Мошнин взялся за сооружение большой церкви во имя препо-

добного Сергия Радонежского по плану знаменитого архитектора Растрелли. Но благочестивый купец за последние десять лет своей жизни успел закончить лишь нижний храм святого Сергия. В 1762 году, когда нижняя церковь была готова, он умер, передав все дела умной, распорядительной жене своей Агафьи Фотиевне. Самому будущему преподобному в это время было только три года.

Агафья Мошнина, хотя и не была подрядчицей в техническом смысле этого слова, в течение многих лет продолжала постройку Сергиевской церкви, лично наблюдая за всеми строительными и отделочными работами.

Первое чудо в жизни преподобного связано именно с этой стройкой. Когда Прохору было около семи лет, мать его, отправляясь на стройку, взяла его с собой. Осматривая колокольню, Агафья Мошнина поднялась на самый верх, где не были еще утверждены перила. Прохор не отставал от нее; резвый, как все дети, он захотел посмотреть вниз. Неосторожно подойдя к краю, он с огромной высоты упал на землю. Испуганная мать в ужасе сбежала с колокольни, думая найти своего сына разбитым до смерти. Но, к несказанной радости ее и общему изумлению, она увидела его целым и невредимым. Тогда Агафья Фотиевна слезно возблагодарила Бога за спасение сына и поняла, что ее сын Прохор охраняется особым Промыслом Божиим.

Вскоре после этого случая Агафья Мошнина увидела еще одно свидетельство особо-

го промысления Божия о ее младшем сыне. Идя по городу вместе с сыновьями, она встретила одного почитаемого в Курске юродивого. «Божий человек», обратив внимание на Прохора, сказал его матери: «Блаженна ты, вдовица, что у тебя такое детище, которое со временем будет крепким предстателем пред Святой Троицею и горячим молитвенником за весь мир!»

А несколько лет спустя, когда Прохору Мошнину было около десяти лет, с ним произошло еще одно чудо. Прохор, мальчик весьма крепкого сложения и привлекательной по живости и красоте наружности, вдруг сильно заболел, и снова Агафия Фотиевна стала опасаться за жизнь своего любимого сына. Положение казалось безнадежным, но в самый критический момент болезни мальчику во сне явилась Божия Матерь с обещанием лично прийти и исцелить его. Он рассказал об этом сне матери – вместе они молились и ждали исполнения обещанного Царицей Небесной.

Вскоре их молитвы были услышаны. В то время по улицам Курска часто устраивали крестные ходы с иконой Знамения Божией Матери. Крестный ход шел по Сергиевской улице, где они жили. Вдруг разразился сильный дождь. Для сокращения пути икону понесли через проходной двор Мошниных. Увидев это, Агафия Мошнина поспешила вынести больного сына и приложить его к чудотворной иконе. Затем икону пронесли над мальчиком.

С этого времени он стал поправляться и скоро совсем выздоровел.

Со времени чудного исцеления жизнь Прохора протекала спокойно. По природе своей он одарен был исключительными способностями светлого ума, сильной памяти, сердечной впечатлительности, которые сохранились до самой смерти; поэтому, за что бы он ни брался, он все усваивал быстро и прочно. Так было и с грамотой. По мудрому и благочестивому обычаю старых времен обучение начиналось с Часослова и Псалтири, а потом переходило к Библии, житиям святых и другим духовным книгам, питая знаниями ум, а благочестием – сердце. Прохор весьма скоро научился книжному искусству, и все свое свободное от молитвы и занятий время отдавал чтению.

С самого детства он сделался серьезным. Как и многие иные святые, отрок чуждается обычных детских забав и игр, и ищет себе товарищей, подобных по духу. Из них пять его друзей определяют себя на иночество: двое из них уйдут с ним вместе в Саров, а двое других – в иные монастыри; и лишь один останется в миру, да и то потому, что на его попечении останутся, по смерти родителей, пять братьев и три сестры.

Большое влияние на Прохора в эту пору его жизни имел тот самый юродивый, который некогда предсказал Агафии Фотиевне, что ее младший сын станет молитвенником за весь мир. Часто беседуя с Прохором, он окончательно укрепил его в духовной жизни.

Юность – выбор жизненного пути

Подрастая, Прохор не мог остаться в стороне от семейных забот. К тому времени старший брат его Алексей, занимавшийся торговлей и имевший свою лавку в Курске, брал Прохора себе в помощники, в лавку; там мальчик постигал искусство купли, продажи и получения барыша. Преподобный впоследствии рассказывал: «Я родом из курских купцов, и когда не был в монастыре, мы, бывало, торговали таким товаром, который больше нужен был крестьянам: дуги, шлеи, железо, веревки, ремни и т.п.»

Юный Прохор не отказывался и от этих трудов, но сердце его было уже отдано Богу. Однако он сначала старался совместить и то и другое: рано, зимой, еще до света, спешил он в храм к заутрене, а потом отдавал день занятиям по торговле. Но чем дальше шло время, тем больше убеждался юноша, как трудно совместить всецелую любовь к Богу со служением миру. «Невозможно, – поучал он после, – всецело и спокойно погружаться в созерцание Бога, поучаться в законе Его и всей душою возноситься к Нему в пламенной молитве, оставаясь среди неумолчного шума страстей, воюющих в мире». И потому он мечтал об уединенной тихой обители, где бы он мог всецело отдать духовной жизни и пламенной серафимской любви к Богу. Сверстники, с которыми он делился своими мыслями – Иван Дружинин, Иван Безходарный, Алексей Меленин, поддерживали его в этих стремлениях. Книги указывали путь.

Через несколько лет Прохор стал заговаривать о монашестве и осторожно, боясь огорчить мать, визнавал, будет ли она против того, чтобы ему пойти в монастырь. Агафия Мошнина, будучи женщиной умной и благочестивой, конечно, заметила духовные устремления своего младшего сына, и не противодействовала им.

Когда же он открыл свои заветные думы любимой матери, она с кротостью приняла и этот крест, усмотрев в нем святую волю Божию: святая мать добровольно соглашается отдать сына Богу. Тогда Прохор хлопочет об увольнительном свидетельстве от Курского общества для поступления в монашество; и, как свободная птица, решает сначала отправиться в Киево-Печерскую обитель вместе с пятью своими единомышленниками.

Перед паломничеством в Киев Прохор трогательно простился с родными. Сначала, по благочестивому обычаю, молчаливо посидели. Потом святой юноша встает и кланяется родимой матери в ноги, прося у нее благословения на иночество. Мать, прежде всего, дала сыну приложиться к иконам Спасителя и Божией Матери, а потом благословила его на крестный путь большим медным крестом. И это благословение преподобный всегда носил открыто на груди, до самой смерти. С ним и скончался.

Оставив тихий родительский кров и родной Курск, шестеро богомольцев направили стопы свои к колыбели Русской Земли, богоспасаемому Киеву. По обычаю, на богомолье

было решено идти пешком, а пройти надо было из Курска в Киев около 500 верст.

Благополучно дошли паломники до Киева, молились Богородице, поклонялись мощам угодников и осмотрели все святыни. В то время славился жизнью и даром прозорливости старец Досифей – затворник, спасавшийся в Китаевской обители, верстах в десяти от Лавры.

Преподобный Досифей ныне прославлен Церковью как местночтимая святая. Это была незаурядная личность, необычен и ее жизненный путь. В миру преподобный был девицей из дворян Дарьей Тяпкиной. С юности она стремилась к монашеству, но из-за активного противодействия родных вынуждена была, передевшись мужчиной, скрываться в мужских обителях. Так она и была пострижена во иночество с мужским именем Досифей. Лишь по кончине подвижника, братия узнала, кто был инок Досифей, тогда же на погребении пропавшую Дарью опознали и родные.

Но, конечно, обращаясь к старцу Досифею за советом, Прохор Мошнин тогда и предположить не мог, каков был путь киевского подвижника. Инок же Досифей, увидев его, прозрел в нем благодать Божию, и решительно благословил идти в Саровскую пустынь. При этом он дал такой завет: «Гряди, чадо Божие, и пребуди тамо. Место сие тебе будет во спасение, с помощью Господа. Тут скончаешь ты и земное странствие твое. Только старайся стяжать непрестанную память о Боге чрез непрестанное

призывание имени Божия так: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного! В этом да будет все твое внимание и обучение: ходя и сидя, делая и в церкви стоя, везде, на всяком месте, входя и исходя, сие непрестанное вопияние да будет и в устах, и в сердце твоём; с ним найдешь покой, приобретешь чистоту духовную и телесную, и вселится в тебя Дух Святой, источник всяких благ, и управит жизнь твою во святыне, во всяком благочестии и чистоте. В Сарове и настоятель Пахомий богоугодной жизни; он последователь наших Антония и Феодосия».

В этих немногих словах пророчесвенно не только было указано место подвижничества Прохору, но и определено было главное «обучение» монашеское – внутреннее делание молитвы Иисусовой. Этот благодатный завет воспринял и вложил в сердце свое к неуклонному исполнению чуткий, горевший уже духом Прохор. А спустя много лет, в поразительной беседе с Н. А. Мотовиловым, мы уже от него самого услышим те же самые заветы: «Цель жизни нашей христианской состоит в стяжании Духа Святаго Божия: дивная цель духовная!»

После беседы с иноком Досифеем Прохор исповедовался, и, причастившись Святых Таин, отправился на родину в Курск.

Прохор еще около двух лет прожил дома. Но он жил там лишь телом, а душа его стала умирать ко всему земному: он еще ходит и в лавку, но в торговле уже не принимает никакого участия; время же свое проводит в молитве,

безмолвном богомыслии, чтении книг и душеспасительных беседах с приходящими. Так мирно, как в свое время преподобный Сергей Радонежский, молодой Прохор готовился покинуть свой дом.

Когда пришел час его, взял он котомку на плечи и посох в руки, собравшись туда, куда указал ему идти прозорливый Досифей. И матери оставалось лишь еще раз благословить Прохора, чтобы, как думала она, больше не увидеть его на земле. Саров был слишком далеко для нее. Было ему в ту пору 19 лет. С Прохором пошли и двое из сопаломников его по Киеву, другие же двое ушли в иные монастыри еще раньше.

ПОСЛУШНИК В САРОВЕ

20 ноября 1778 года, накануне праздника Введения во храм Богоматери, 19-летний Прохор с товарищами пришел в Саров.

Обитель стояла далеко от больших дорог и проездных путей; долог и труден был путь к ней через дремучие леса. Перед ними среди монастырского двора высился огромный пятикупольный главный храм обители, в честь Успения Божией Матери, только год тому назад отстроенный при игумене Ефреме. Видом своим он весьма напоминал далекую церковь Успенской Киевской Лавры.

Недавно еще поставленный игумен, о. Пахомий, соборно совершал торжественное праздничное богослужение. Все исполнялось

чинно и по Уставу: настоятель был строг в соблюдении церковных и монастырских порядков. Радовалась душа Прохора.

На другой день саровский настоятель о. Пахомий с радостью встретил своих земляков – курских паломников. Особенное внимание обратил о. Пахомий на Прохора, родителей которого он хорошо знал еще по Курску. Прозревая в нем великий дух будущего подвижника, он передал его для духовного руководства в опытные руки ближайшего своего сотрудника и друга, мудрого и любвеобильного казначея о. Иосифа; от него Прохор принял и первое свое послушание – келейника.

Скоро новоназначенного Прохора, как и всех других насельников монастыря, стали проводить по разным, более трудным физически, послушаниям: он был и в хлебной, и в просфорне, и в столярной. В столярне нес он послушание несколько лет, вырезая кипарисные кресты и делая кресты для могил. Усердие его было так велико и умение настолько искусно, что за ним установилось название «Прохора-столяра». Затем исполнял обязанности будильщика монахов, церковного пономаря; был и на клиросе, ходил на общие послушания – рубку леса, пилку дров.

Сам преподобный Серафим, вспоминая свои молодые годы, говорил: «Вот и я, как поступил в монастырь-то... на клиросе тоже был, и какой веселый-то был... бывало, как ни приду на клирос-то, братья устанут, ну и уныние нападает на них, и поют-то уж не так, а иные и

вовсе не придут. Все соберутся, я и веселю их, они и усталости не чувствуют... ведь веселость не грех... она отгоняет усталость, да от усталости ведь уныние бывает, и хуже его нет, оно все приводит с собою...»

О том, как проходила его внутренняя жизнь в данный новоначальный период, когда закладываются главные основы монашеского воспитания, нам известно немного. В основном это внешние проявления той внутренней жизни, которой жил молодой послушник.

В определенные часы он был в церкви на богослужении и правилах. Подражая старцу Пахомию, он являлся как можно раньше на церковные молитвы, выстаивал неподвижно все богослужение, как бы продолжительно оно ни было, и никогда не выходил прежде совершенного окончания службы. Сам он впоследствии, исходя из своего опыта, давал новоначальным послушникам такой совет: «В церкви на молитве стоять полезно с закрытыми очами, с внутренним вниманием; открывать же очи – разве тогда, когда уныешь, или сон будет отягощать тебя и склонять к дреманию; тогда очи должно обращать на образ и на горящую пред ним свещу».

Что касается подвигов, то в первое время своего монашества он, хотя держал себя в общем непрестанном и строгом воздержании, но не выходил из меры. И других учил потом так же по общему святоотеческому наставлению о «царском» пути: «Выше меры подвигов принимать не должно; а стараться, чтобы друг –

плоть наша – был верен и способен к творению добродетелей. Надобно идти средним путем». Уже в то время будущий преподобный понял, что особое внимание следует уделять хранению мира душевного.

В то время главным подвигом послушника Прохора было чтение. Этот подвиг он называл «бдением». Евангелие и послания Апостолов он читал пред иконами и непременно стоя, в молитвенном положении. Как он сам говорил впоследствии: «От сего чтения бывает просвещение в разуме, который изменяется изменением Божественным». Кроме того, он постоянно читал жития святых и святоотеческую литературу: творения святого Василия Великого, преподобных Макария Египетского, Иоанна Лествичника, «Маргарит», Добротолюбие, и другие.

По словам одного из агиографов преподобного Серафима, В. Н. Ильина, «острая, исключительная память и неустанное прилежание помогли ему овладеть Священным Писанием, святоотеческой житийной литературой и аскетической в небывалых размерах. Про него можно сказать, что он был как бы упитан святой письменностью».

Какова была борьба у Прохора с плотскими движениями? В своих наставлениях он говорит: «Человеку в младых летах можно ли гореть и не возмущаться от плотских помыслов?!» Следовательно, не свободен и он был от этих приражений естества. Но эти страсти не имели в нем материала: чистый от юности, он без тру-

да преодолевал находящие на него помыслы; и даже обращал эти искушения вражьи в поводы к добру тем, что противился им: «В этих нападениях, – учил он, – тотчас же нужно обращаться с молитвою к Господу Богу, да потухнет искра порочных страстей при самом начале. Тогда не усилится в человеке пламень страстей».

Со временем душа Прохора возжаждала более строгого подвига. Видя примеры пустынножительства игумена Назария, иеромонаха Дорофея, схимонаха Марка, он испросил благословение своего старца о. Иосифа оставлять монастырь в свободные часы и уходить в лес. Получив благословение, Прохор нашел в лесу уединенное глухое место, где и построил себе шалаш. В своей первой пустыньке он предавался богомыслию и совершал правило преподобного Пахомия Великого. Это правило совершается в следующем порядке: Трисвятое и по Отче наш; Господи, помилуй – 12 раз; Слава и ныне; Приидите, поклонимся – трижды; 50 Псалом; Помилуй мя, Боже; Верую. Затем 100 молитв: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного, и в конце – Достойно есть и отпуст.

Впоследствии он говорил об этом так: «Если не всегда можно пребывать в уединении и молчании, живя в монастыре и занимаясь возложенными от настоятеля послушаниями, то хотя некоторое время, остающееся от послушания, должно посвящать на уединение и молчание. И за это малое Господь Бог не оставит ниспослать на тебя богатую Свою милость».

Вступление на подвиг пустынножительства не обошлось без искушений. Дьявольские нападения внушали послушнику помыслы скуки и уныния. Но чем более восставал враг, тем сильнейшую брань воздвигал на него Прохор и тем пламеннее становился его дух.

БОЛЕЗНЬ И ИСЦЕЛЕНИЕ ПОСЛЕ ВИДЕНИЯ БОГОРОДИЦЫ

Через два года после вступления в монастырь, в 1780 году, Прохор тяжело заболел водяною: он весь распух и большею частью лежал в келье неподвижно. Но ни единого слова ропота никто не слышал от него, он старался с терпением и благодарением переносить свою болезнь, чтобы она вменилась ему вместо подвига. Игумен Пахомий и старец Иосиф, горячо полюбившие послушника, с любовью ухаживали за ним.

Состояние его, как и при первой серьезной болезни в детские годы, казалось безнадежным. Отец Пахомий стал настойчиво предлагать обратиться к врачу или, по крайней мере, пустить кровь. Но Прохор кротко ответил ему: «Я предал себя, отче святой, истинному Врачу душ и телес, Господу нашему Иисусу Христу и Пречистой Его Матери; если же любовь ваша рассудит, снабдите меня, убогого, Господа ради, небесным врачевством, причастием Святых Тайн».

Тогда старцы оставили мысль о помощи земных врачей. Старец Иосиф с усердием

отслужил бдение и Литургию о здравии болящего, исповедал и причастил его в келье. Прохор стал поправляться. Много-много лет спустя старец рассказывал одной инокине дивеевской, что тогда, в болезни, после причащения Святых Тайн явилась ему в несказанном свете Пресвятая Богородица с апостолами Иоанном Богословом и Петром. Указывая на Прохора, Она сказала Иоанну: «Сей – от рода нашего!» Затем: «Правую-то ручку, радость моя, положила мне на голову, а в левой ручке держала жезл; и этим-то жезлом, радость моя, и коснулась убогого Серафима; у меня на том месте, на правом бедре-то и сделалось углубление, матушка; вода-то вся в него и вытекла. И спасла Царица Небесная убогого Серафима. А рана пребоольшая была; и до сих пор яма-то целая».

После этого видения здоровье его стало быстро поправляться, и братия немало тому дивилась, ничего не зная о чудесном явлении. В этой смертельной болезни умерло в Прохоре человеческое: отныне он – уже не земного «рода», а небесного.

В следующем году, после выздоровления святого, на месте этой кельи начали строить больничный корпус с двухэтажной церковью. В нижнем этаже храм был освящен в честь преподобных Зосимы и Савватия Соловецких, в верхнем – в честь Преображения Господня.

Когда Прохор вполне окреп, игумен Пахомий послал его собирать деньги на украшение этой церкви. Прохор с особым усердием

принял новое послушание – сборщика; обходя города и селения, он дошел и до Курска. Здесь Прохор узнал, что мать его уже умерла. Брат же его Алексей пожертвовал на постройку саровской церкви немалую сумму. И тогда уже, при свидании с братом, подвижник проявил дар прозорливости, открыв брату время его кончины.

По возвращении в Саров, послушник Прохор сделал кипарисовый престол для нижнего этажа больничного храма в честь преподобных Зосимы и Савватия. До конца дней это место было для преподобного особым – именно здесь явилась ему Богородица, исцелившая его от водянки. Он любил посещать этот храм и причащаться в нем Святых Тайн. В нем он общился и накануне блаженной кончины своей, 1 января 1833 года.

МОНАШЕСКИЙ ПОСТРИГ, ДЯКОНСКОЕ СЛУЖЕНИЕ И ОСНОВАНИЕ ДИВЕЕВСКОЙ ОБЩИНЫ

Прошло восемь лет с того времени, как Прохор вошел в Саровскую обитель, и было ему уже 27 лет. Наружный вид его к этому времени изменился: он был высоким, мужественно сложенным и сильным. Несмотря на строгое воздержание и пост, у него было полное, белое лицо, прямой и острый нос, светло-голубые глаза, весьма выразительные и пронизательные; густые брови и густые светло-русые волосы, окладистая борода и усы.

Имел он ум светлый, память острую, сердце милостивое, волю твердую и дар слова живой и обильный, а речь столь действенную, что слушатели получали от нее всегда душевную пользу.

Он был всеми в обители любим и почитаем, особенно же строителем обители, отцом Пахомием, который любил его, как свою душу. Пройдя все степени монастырского искуса, послушник Прохор был способен и готов принять монашеские обеты.

13 августа 1786 года, с соизволения Святейшего Синода, о. Пахомий постриг послушника Прохора во иночество. Причем без ведома его и выбора ему было дано имя Серафим, что значит, с еврейского языка, и «пламенный», и «согревающий». И это имя, несомненно данное ему за его горение духа, он оправдал вполне и своею пламенною любовью к Богу и Божией Матери, и теплой лаской к людям. Восприемниками его при пострижении были старцы Иосиф и Исаия.

С первых дней монашества преподобный Серафим усилил молитвенный подвиг, несмотря на то, что ему пришлось отказаться от уединения и подвизаться совместно со своими духовными отцами игуменом Пахомием и старцем Исаией, который был дан ему в духовные отцы при его постриге. Он вверился им с детским послушанием в ответ на их крепкую любовь к нему.

27-го октября 1786 года монах Серафим, по ходатайству о. Пахомия, был посвящен пре-

освященным Виктором, епископом Владимирским и Муромским, в сан иеродиакона.

Со дня возведения в сан иеродиакона он, храня чистоту души и тела, в течение пяти лет и девяти месяцев, почти непрерывно находился в служении.

Строитель о. Пахомий привязался сердцем к о. Серафиму и без него не совершал почти ни одной службы и, уезжая из обители по делам или для служения где-нибудь, брал его обыкновенно с собой.

Ночи накануне служения преподобный Серафим проводил в бодрствовании и молитве, а по окончании каждой службы долго оставался в храме, приводя в порядок священную утварь и ризницу. Господь, видя его усердие, подавал ему необычайную крепость, так что он не чувствовал трудов и, уходя в келью для краткого отдыха днем, жалел, что человек не может непрерывно, подобно Ангелам, служить Богу. При этом он был всегда весел. «Веселость, – говорил он, – отгоняет усталость, а от усталости ведь уныние бывает, и хуже его нет. Оно все приводит с собой». Поэтому всегда, даже в церкви на клиросе, он был веселым; когда братия уставали и уныние нападало на них, так что и пение не ладилось, он подбадривал всех веселым и ласковым словом, и они переставали чувствовать усталость. «Ведь дурное что говорить ли, делать ли нехорошо, и в храме Божиим не подобает, а сказать слово ласковое, приветливое да веселое, чтоб у всех перед лицом Господа дух всегда весел, а не уныл был –

вовсе не грешно», – говорил он. И в такой непрестанной благодатной радости и духовном веселье проходил он свой дьяконский подвиг.

Также во время дьяконского служения на преподобного Серафима было возложено послушание, которое он пронес через всю жизнь и не оставил и по преставлении. Это попечение о дивеевской общине.

В 1789 году, в начале июня, о. Пахомий с казначеем о. Исаией отправились в село Леметь Ардатовского уезда Нижегородской губернии на погребение благодетеля монастыря, помещика Александра Соловцова. По обычаю, о. игумен взял с собой иеродиакона Серафима.

По дороге они заехали в Дивеево – навесить основательницу общины, блаженную Агафию Семеновну Мельгунову, в монашестве Александру. Рано овдовев, Агафья Семеновна, богатая помещица нескольких губерний, посвятила жизнь свою странствованиям по святым местам, а также делам благотворения. Однажды, во время пребывания ее в Флоровском Киевском монастыре, ей явилась Пресвятая Богородица с повелением идти к северу России и остановиться на том месте, какое ей будет указано: там со временем возникнет славная обитель. Когда Мельгунова, по пути в Саров, дошла до села Дивеева и, присев отдохнуть на бревна у сельской церкви, забылась от усталости, ей вновь явилась Царица Небесная с повелением остаться на этом месте. Агафия Семеновна поселилась у сельского священника, где, ища подвигов и уничижения,

исполняла всю черную работу. Кроме того, она широко, но в тайне благотворила крестьянам. Деньги, полученные ею от продажи ее имений, она употребила на возведение нескольких и украшение многих храмов. В том числе она сделала большое пожертвование на строительство каменного храма в Дивеево. Около нее собрались жить несколько благочестивых женщин, что и составило первоначальную общину Дивеевского монастыря.

Ко времени визита в Дивеево саровских старцев мать Александра была больна и, получив от Господа извещение о скорой кончине своей, просила отцов-подвижников, ради любви Христовой, осособовать ее. Отец Пахомий сперва предлагал отложить елеосвящение до возвращения их из Лемети, но она повторила свою просьбу и сказала, что они уже не застанут ее в живых на обратном пути.

Прощаясь с ними, мать Александра отдала о. Пахомию последнее, что имела: мешочек золотом, мешочек серебром и два мешка меди, суммою в 40 тысяч, прося выдавать ее сестрам, так как сами они не сумеют этим распорядиться. Также она просила поминать ее в Сарове и не оставить без попечения ее сирот. На это старец о. Пахомий ответил: «Матушка! Послужить по силе моей и по твоему завещанию Царице Небесной, и попечением о твоих послушницах не отрекаюсь; также и молиться за тебя не только я до смерти моей буду, но и обитель вся наша никогда благодетель твоих не забудет, а впрочем, не даю тебе слово, ибо я

стар и слаб; но как же и браться за то, не зная, доживу ли до этого времени. А вот иеродиакон Серафим – духовность его тебе известна, и он молод – доживет до этого; ему и поручи это великое дело».

Тогда основательница общины обратилась к преподобному Серафиму и просила его не забывать дивеевских сирот, так как «Царица Небесная Сама тогда наставить его изволит».

Старцы уехали. На обратном пути, 13 июня, они поспели как раз к погребению ее. Отслужив литургию и отпев первоначальницу Дивеевской общины соборно, саровские старцы похоронили ее напротив алтаря Казанской церкви.

В этот день шел проливной дождь так, что ни на ком не осталось сухой нитки; саровские отцы решили было заночевать в Дивеево, но иеродиакон Серафим по своему целомудрию не остался даже на поминальный обед в женской обители. Тотчас же после отпевания он, взяв благословение, пешком ушел в свой монастырь под дождем.

Проходя дьяконское служение, о. Серафим удостоился великого духовного откровения. Вот как рассказывал об этом он сам: «Случилось мне служить с отцом Пахомием в святой и великий четверг. Божественная литургия началась в два часа пополудни, и обыкновенно – вечернею. После малого входа и паремии возгласил я, убогий, в царских вратах: «Господи, спаси благочестивыя и услыши ны!» и, вошедши в царские врата, и наведя ора-

рем на народ, окончил: «И во веки веков», – вдруг меня озарил луч как бы солнечного света. Взглянув на это сияние, увидел я Господа и Бога нашего Иисуса Христа, во образе Сына Человеческого, во славе и неизреченным светом сияющего, окруженного небесными силами, Ангелами и Архангелами, Херувимами и Серафимами, как бы роем пчелиным, и от западных церковных врат грядущего на воздухе. Приблизясь в таком виде до амвона и воздвигнув пречистые Свои руки, Господь благословил служащих и предстоящих; посем, вступив во святой местный образ Свой, что по правую сторону царских врат, преобразился, окружаемый Ангельскими ликами, сиявшими неизреченным светом во всю церковь. Я же, земля и пепел, сретая тогда Господа Иисуса на воздухе, удостоился особенного от Него благословения; сердце мое возрадовалось чисто, просвещенно, в сладости любви ко Господу!»

Преподобный изменился видом и, пораженный божественным видением, не мог сойти даже с места у Царских Врат. Заметив это, о. Пахомий послал двух других иеродиаконов, которые, взяв его под руки, ввели в алтарь. Около двух часов стоял он там неподвижный. Лицо его изменялось поминутно: то покрывала его белизна, подобная снегу, то переливался на нем румянец. И долго еще он не мог ничего проговорить, созерцая в душе дивное посещение Господа.

После окончания богослужения старцы спросили его: «Что случилось?» И о. Серафим,

ничего не таивший от своих духовных отцов, поведал им все. Они дали завет ему: ограждать себя молчанием и еще более углубляться в смирение, опасаясь надмения от такого необычного видения.

СВЯЩЕННИЧЕСКАЯ ХИРОТОНИЯ И УДАЛЕНИЕ В ПУСТЫНЮ

Игумен Пахомий, друг родителей диакона Серафима с молодых лет, несомненно давно уже знавший необыкновенную духовную одаренность их младшего сына – послушника своего, вовсе не спешил проводить его по ступеням духовного пути: 8 лет Серафим был послушником, 7 лет – диаконом.

В 1793 году преподобному Серафиму исполнилось 34 года. В том же году, согласно распоряжению Святейшего Синода, Саровская обитель была передана из Владимирской епархии в Тамбовскую. Поэтому, вместе со старшей братией, которые тоже видели подвиги и святое житие молодого инока, о. настоятель обратился с ходатайством о рукоположении его в сан иеромонаха к Феофилу, епископу Тамбовскому. И 2 сентября 1793 года о. Серафим в Тамбове рукоположен был в иеромонаха.

После того, как епископ Тамбовский рукоположил диакона Серафима во иерея в Тамбове в 1793 году, новопоставленный служил долгое время ежедневно.

Но через год от почти непрерывного стояния у преподобного Серафима ноги до такой

степени опухли и покрылись ранами, что он уже не в состоянии был продолжать священническое служение. Болезнь эта была серьезным побуждением к избранию пустынножизни. На это и указано было официально, как на первую причину. Но главное внутреннее основание было духовное: «По усердию... единственно для спокойствия духа. Бога ради».

К тому же о. игумен доживал последние дни свои. Преподобный был при нем неотходно и служил ему с горячим усердием, помня, как настоятель с любовью ухаживал за ним в течение трехлетней его болезни. Незадолго до кончины о. Пахомия преподобный Серафим испросил у него благословение на пустынножительство. Перед смертью строитель Пахомий благословил иеромонаха Серафима на жизнь в пустыни.

Одновременно он поручил преподобному заботу о Дивеевской общине. Это произошло следующим образом. Однажды о. Серафим заметил в лице о. Пахомия какую-то особую заботу и грусть.

– О чем, отче святой, – спросил он старца, – так печалишься ты?

– Я скорблю о сестрах Дивеевской общины, – ответил болящий, – кто их будет назирать после меня?

Тогда преподобный, обычно столь смиренный и в особенности осторожный к женскому полу, обещал умиравшему продолжать его дело: это было внушением Духа Божия и волею Царицы Небесной. Отец Пахомий обрадовался и в благодарность поцеловал Серафима.

6 ноября 1794 года строитель Саровской пустыни о. Пахомий отошел ко Господу. На его место был избран о. Исаия – старец преподобного по постригу. С благословения нового настоятеля о. Исаии, 20 ноября 1794 года, он удалился в лесную келью. Впоследствии он, отвечая на вопрос о причинах, побуждающих к удалению в пустыню, говорил так: «И удаляемся мы из числа братства не из ненависти к ним, а для того более, что мы приняли и носим на себе чин ангельский, которому невместительно быть там, где словом и делом прогневается Господь Бог. И потому мы, отлучаясь от братства, удаляемся только от слышания и видения того, что противно заповедям Божиим, что при множестве братии случается. Мы бегаем не людей, которые с нами одного естества и носят одно и то же имя Христово, но пороков, ими творимых; как и великому Арсению сказано было: «Бегай людей, и спасешься!»

ПОДВИЖНИЧЕСТВО В УЕДИНЕНИИ

Деревянная келья, куда удалился о. Серафим, была расположена в пяти верстах от монастыря, на берегу реки Саровки, в дремучем сосновом лесу. Это была небольшая избушка, состоявшая из печки, сеней и крыльца.

Икона Божией Матери в одном углу, печь в другом, обрубок дерева, заменявший и стол и стул, глиняный горшок для сухарей – вот и все убранство этой «дальней пустыньки». Под

полом кельи был устроен тесный подвал, может быть, для хранения овощей. Но о. Серафим пользовался им для уединенной молитвы. Вокруг нее преподобный развел маленький огород, на котором выращивал картофель, капусту, лук, свеклу и т. п. Одно время он завел даже пчельник, но после оставил это занятие – вероятно, потому, что оно отвлекало его от внутренней жизни. Здесь подвижник провел тоже почти шестнадцать лет.

В пустыне душа преподобного жила внутренней молитвой, которая давно уже сделалась непрестанной. Большею частью он совершал богослужение по обычному распорядку: после полуночи читал правило св. Пахомия, потом утренние молитвы, полунощницу, утреню и т. д. – до повечерия включительно. Иногда же он заменял уставные службы земными поклонами с молитвою Иисусовой: так, вместо вечернего правила, клал тысячу поклонов. Но сверх этого, о. Серафим был всегда в непрестанной «памяти Божией» и богомыслии. Иногда, занимаясь каким-либо делом на огороде, он вдруг, незаметно даже для себя, выпускал из рук мотыгу и погружался духом своим в горний мир; или отрубит один, два, три куса дерева и, опустив топор, застынет в созерцании тайны Пресвятой Троицы – Единицы и молитвенном возношении к Ней.

В том же лесу жили отшельники – отцы Назарий, Марк и Досифей. Приходя к о. Серафиму, они заставляли его в таком положении, что он ничего не замечал, и, иногда про-

ждав перед ним около часу, они так и уходили незамеченными им.

Чтение слова Божия по-прежнему занимало у него довольное время; но и оно являлось для него иным лишь способом к единой цели – зрению иного мира. «Священное Писание, – говорил он после, – должно читать для того, чтобы дать духу своему свободу возноситься в небесные обители и питаться от сладчайшей беседы с Господом».

Живя горным миром, преподобный даже окружающим местам дал имена, напоминавшие ему о небесных жителях и святых событиях – гору свою он назвал Афоном. Другим окрестным холмам преподобный дал имена святых мест Палестины: у него были свой град Иерусалим, Голгофа, Вифлеем, Назарет, Фавор, Иордан, Кедрон.

В своем мысленном Назарете, в память Благовещения Архангела Пресвятой Деве Марии, он пел акафист; в Вифлеемской своей пещере он созерцал умными очами Превечного Младенца, поклонялся Ему с пастухами и вместе с небесными силами воспевал: «Слава в вышних Богу». Нагорную проповедь любил читать на одном возвышенном холме близ реки. Спускался он часто и под гору к реке, «на пол потока Кедрона», и там вспоминал прощальные беседы Господа с учениками. Часы третий, шестой и девятый вычитывал в глухом уединенном месте, именуемом им Голгофой, где он мысленно зрел Господа Спасителя, гвоздями пригвождаемого ко кресту.

Одежду преподобный Серафим носил всегда одну и ту же, простую, и даже убогую: белый полотняный балахон, кожаные рукавицы, кожаные чулки (бахили), лапти, старую камиллавку. На груди был крест – материнское благословение. На спине он носил сумку, а в ней Евангелие.

Свободное от богослужения время о. Серафим употреблял на телесные труды, без коих немислима жизнь иноческая даже и в пустыни: то занимался он огородом, то собирал мох, то готовил дрова, то укреплял берег.

Во время подобной работы он ходил иногда без одежды, перепоясав лишь чресла свои; и насекомые жестоко уязвляли тело его, отчего оно опухало, синело по местам и запекалось кровью. Преподобный добровольно терпел эти язвы Господа ради, руководствуясь примерами подвижников древнего времени. В баню преподобный никогда не ходил.

С подвигами преподобный Серафим соединял пост и строжайшее воздержание. Поначалу пищей его был хлеб, и то черствый, который он брал из монастыря раз в неделю. Употреблял он и овощи со своего огорода. Недельным запасом хлеба преподобный делился с разными обитателями Саровского леса – зверями и птицами, которые очень любили его и ходили к нему.

Со временем преподобный Серафим по благословию старца и игумена Исаии и совсем перестал брать из монастыря хлеб, дабы ничем не обременять обители. Так он про-

жил около трех лет. Саровская братия недоумевала: чем же подвижник питается в глухом лесу? Это открылось лишь незадолго до его кончины. В разговоре с одной дивеевской сестрой старец Серафим сказал, что эти три года он питался одной травой снытью: «Я сам себе готовил кушанье из снитки. Ты знаешь снитку? Я рвал ее, да в горшок клал. Немного вольешь, бывало, в него водицы – славное выходит кушание. На зиму я снитку сушил и этим одним питался, а братия удивлялась, чем я питался. А я снитку ел... И о сем братии не открывал».

Так проводил преподобный Серафим свою жизнь в будни. А накануне воскресных и праздничных дней он приходил в обитель, слушал вечерню, всенощное бдение и за ранней литургией в больничной церкви святых Зосимы и Савватия причащался Святых Христовых Таин. Затем оставался в монастыре до вечерни. В это время он принимал приходивших к нему за советами и утешением монахов и богомольцев. Когда же братия уходила к вечерней службе, незаметно возвращался в свою любимую пустыньку.

В течение же первой недели Великого Поста он все время проводил в монастыре, не вкушая пищи до самого причащения в субботу. Духовником его по-прежнему был старец, о. Исаия – настоятель Саровской обители.

Другие пустынножители имели при себе по одному ученику, которые и служили им. Преподобный Серафим жил в совершенном

одионочестве. Иноков, желавших с ним пустынножить, преподобный не гнал от себя, но принимал ласково и благословлял на подвиг; однако ни один из них не мог вынести тягостей этого подвига, и все возвращались назад в монастырь.

В то же время в Сарове говорили: «В пребывание его в пустыни вся братия была его учениками».

ИСКУШЕНИЯ И СТРАХОВАНИЕ ОТ БЕСОВ

В своем пустынножеском житии преподобный Серафим не избежал и многих искушений. Одним из них было нарушение пустынно-го безмолвия преподобного. Узнав об удалении его в пустыню, народ стал посещать преподобного там. Особенно женщины, привлекаемые молвой об отшельнике, и побуждаемые своими скорбями, скоро нашли к нему дорогу и стали нарушать его безмолвие.

Чтобы оградить себя от них, преподобный Серафим решил совсем не принимать никого, особенно женщин. Однако он сначала усердно помолился Господу и Пресвятой Богородице: есть ли на то воля Божия, чтобы оставлять людей без назидания и утешения? Для удостоверения он дерзновенно испросил знамения: «Если Богу это решение угодно, то пусть путь к его келье закроют деревья».

Как раз наступал праздник. Отец Серафим пошел по обычаю в монастырь. И вот при спуске со своей Афонской горы он увидел,

что сосны склонились и завалили тропинку. Батюшка пал на колени с благодарностью к Богу за чудное знамение и поспешил в обитель к литургии. Служил о. Исаия. Отец Серафим стоял в алтаре.

После Херувимской песни он благоговейно приблизился к своему духовному отцу:

– Батюшка, отец строитель! – промолвил он кротко. – Благослови, чтобы на мою гору, на которой живу теперь, женам не было входа.

Отец Исаия, расстроенный подобной просьбой, ответил:

– В какое время и с каким вопросом подошел ты, отец Серафим!

– Теперь-то и благослови, батюшка, – продолжал просить преподобный.

– Как же я могу за пять верст смотреть, чтобы женам не было входа? – возражал о. Исаия.

– Вы только благословите, батюшка, – настаивал о. Серафим, – а уж никто из них не взойдет на мою гору!

Тогда отец настоятель велел подать икону Божией Матери «Блаженное Чрево» и, благословив его, сказал:

– Благословляю, чтоб не было женам входа на твою гору. А ты сам охраняй!

Преподобный поцеловал святую икону и отошел. Причастившись Святых Тайн, он ушел в пустыньку и завалил дорожку колодами. Вход к нему теперь был закрыт.

Если же подвижник встречался с кем в лесу, то он смиренно кланялся и поспешно отходил в сторону. Даже саровская братия, зная о благо-

словении настоятеля и любви преподобного к уединению, старалась не беспокоить его в лесу.

Но, чтобы укрепить Своего подвижника в молитвенном духе, премудрый Господь попустил ему еще испытание – страхования бесовские. По рассказам преподобного саровской братии, во время молитв в лесной пустыни вдруг слышал он страшный звериный рев, потом невидимая толпа с шумом выломала дверь кельи и бросила в комнату громадное полено, которое смогло из нее вынести лишь 8 человек. В другие разы и днем, особенно же ночью, во время стояния на молитве, ему видимо вдруг представлялось, что келья его разваливается на четыре стороны, и что к нему со всех сторон рвутся страшные звери с яростным и диким ревом. Иногда вдруг являлся перед ним открытый гроб, из которого вставал мертвец.

Иногда злые силы, ибо это были их нападения, поднимали Серафима на воздух и со страшной силой ударяли об пол. Если бы не Ангел-Хранитель, самые кости от таких ударов могли бы сокрушиться. «Подобные искушения диавола, – говорил впоследствии о. Серафим, – подобны паутине: стоит только дунуть на нее, и она истребится, так-то и на врага дьявола: стоит только оградить себя крестным знаменем – и все козни его исчезают совершенно».

После страхований в духовной жизни о. Серафима появилось новое искушение. Не сумев изгнать подвижника из пустыни с помощью страхований, дьявол искусил его любоначалием. Поводом послужило следующее обстоя-

тельство. Саровский монастырь в то время пользовался уже славою строгого устава и высокой жизни монахов. Поэтому не раз уже обращались к нему за устроителями и настоятелями для обителей других епархий. Не мог тем более укрыться от взоров человеческих и пламенный Серафим. И вот в 1796 году ему предлагают быть настоятелем Алатырского монастыря Самарской губернии с возведением в сан архимандрита. Преподобный отклонил это лестное приглашение и упросил о. Исаию избавить его от этого. На его место был послан инок Авраамий.

Вскоре после этого враг с адскою злобою напал на святого, воздвиг в нем бурю мысленной брани – хульных помыслов и уныния. Тогда преподобный Серафим решился предпринять новый подвиг – столпничество.

В лесу, приблизительно на полпути между кельей и монастырем, в стороне от дороги лежал огромный гранитный камень. Каждую ночь о. Серафим приходил сюда и, стоя или склонясь на колени, с воздетыми к небу руками, взывал непрестанно: «Боже, милостив буди ми грешному!» А другой камень преподобный втащил в свою келью и там молился днем, чтобы не видели его люди. В таком великом подвиге он провел тысячу дней и тысячу ночей, отрываясь только для необходимого отдыха и подкрепления себя пищей.

Об этом подвиге преподобный молчал. Но все же молва дошла до епископа Тамбовского, и впоследствии он запросил игумена Нифонта.

Сохранился отзыв Нифонта, в котором он пишет: «О подвигах и жизни отца Серафима мы знаем. О тайных же действиях каких, также и о стоянии 1000 дней и ночей на камне никому не было известно».

Лишь незадолго до кончины своей, по примеру многих других праведников открывая некоторые обстоятельства своей жизни, великий старец поведал об этом молении некоторым из саровской братии. Один из них в удивлении сказал: «Это – выше сил человеческих». Отец Серафим ответил ему: «Святой Симеон Столпник сорок семь лет стоял на столпе, а мои труды похожи ли на его подвиг?» Собеседник заметил, что, вероятно, благодать помогала ему. «Да! – ответил старец. – Иначе сил человеческих не достало бы». Потом добавил: «Когда в сердце бывает умиление, то и Бог бывает с нами». Этим подвигом и благодатным умилением преподобный преодолел беса тщеславия и уныния, и вошел на чрезвычайную высоту молитвенного духа.

Преодолев и победив искушение, и получив от Бога внутреннее удостоверение о помиловании, святой Серафим снова возвратился к обычной, прежней, но еще более внутренне напряженной духовной жизни. Только теперь на всю его жизнь здоровье уже значительно ослаблено. Особенно же стали болеть ноги.

Однако искушение повышением снова повторилось после великого подвига. Отцу Серафиму предложили второй раз настоятельство в Краснослободском Спасском монастыре.

И преподобный спокойно, но решительно отклонил новое предложение, точно оно не его касалось уже.

НАПАДЕНИЕ РАЗБОЙНИКОВ И ЯВЛЕНИЕ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ

Во всех искушениях и нападениях на преподобного Серафима дьявол имел целью удалить его из пустыни. Не одолев святого борца внутренними искушениями и страхованиями, он напал на него внешне. Это случилось уже через десять лет пустынножительства, 12 сентября 1804 года.

Однажды о. Серафим рубил в лесу дрова. К нему подошли три неизвестных крестьянина и нагло стали требовать денег:

– К тебе ходят мирские люди и деньги носят!

– Я ни от кого ничего не беру, – ответил старец.

Но они не поверили. Тогда один из пришедших кинулся на него сзади, хотел свалить его на землю, но вместо того сам упал. От этого они несколько оробели.

Преподобный обладал большой физической силой; и, кроме того, он был с топором и мог бы защищаться. Мысль эта, – как он после рассказывал, – даже мелькнула у него в уме, но тотчас он вспомнил слова Спасителя: *взявшие меч, мечом погибнут* (Мф. 26: 52), не захотел сопротивляться, спокойно опустил на землю топор и сказал, кротко сложив крестообразно руки на груди: «Делайте, что вам надобно».

Тогда один из крестьян, подняв с земли топор, обухом так крепко ударил о. Серафима в голову, что у него изо рта и ушей хлынула кровь, и он без памяти упал на землю. Они продолжили бить преподобного топором, дубиной, топтали его ногами. Затем они потащили его к келье, надеясь, что он там придет в память и сам укажет деньги. При этом крестьяне даже поговаривали о том, не бросить ли старца в реку. В сенях они связали его по рукам и ногам и стали обыскивать пустыньку: разбили даже печь, разломали пол, но их долгие поиски не дали результата: они нашли только одну икону и несколько картофелин.

Внезапно чего-то испугавшись, они убежали, оставив преподобного Серафима связанным. Отец Серафим пришел в сознание и с трудом развязал себя. Прежде всего, он поблагодарил Господа, что сподобился ради Него понести раны безвинно; помолился, чтобы Бог простил убийц.

Ночь он провел у себя в келье, страдая от ран, а наутро с трудом встал и пошел в монастырь. Он пришел в обитель во время литургии. Братия ужаснулись страшному виду преподобного: он был весь в крови и грязи, лицо и руки – в ранах, в ушах и устах запеклась кровь, часть зубов выбита, одежда измятая, окровавленная, засохла и по местам пристала к ранам.

Поначалу преподобный не отвечал на расспросы братии. После богослужения он просил пригласить к себе настоятеля о. Исаию и

монастырского духовника. Им он подробно рассказал о случившемся.

Преподобному пришлось остаться в монастыре. Восемь суток страдал больной невыносимо: он не мог ни пить, ни есть, ни забыться сном. В обители ждали его смерти.

В конце концов, не видя перемен к лучшему, настоятель о. Исаия решил послать в Арзамас за врачами. Врачи, вызванные лишь на седьмой день, нашли его в следующем состоянии: голова у него была проломлена, ребра перебиты, грудь оттоптана, все тело покрыто смертельными ранами; лицо и руки избиты, вышиблено несколько зубов. Удивлялись они, как это старец мог остаться в живых после таких побоев.

По старинной методике лечения врачи считали необходимым открыть кровь больному. Настоятель, зная, что больной и без того много потерял ее от ран, не соглашался на эту меру, но, по настоятельному убеждению консилиума врачей, решил рассказать об этом о. Серафиму. Консилиум опять собрался в келье преподобного. Он состоял из трех врачей; с ними было три фельдшера. В ожидании настоятеля они опять осмотрели больного, согласившись, что помощь необходимо подать как можно скорее.

С начала осмотра о. Серафим был в сознании; но к концу его он впал в забытие и сподобился дивного видения. С правой стороны постели подошла к нему Пресвятая Богородица с теми же апостолами Петром и Иоанном, как и в первое посещение. Указав перстом правой

руки на больного, Она обратилась в ту сторону, где стояли врачи, и произнесла: «Что вы трудитесь?» Потом посмотрела на о. Серафима и опять сказала апостолам прежние слова: «Сей – от рода нашего».

Видение кончилось. В это время вошел отец настоятель. Врачи предложили ему пустить кровь больному, омыть раны спиртом и приложить пластыри. Но преподобный Серафим отклонил все это, предаваясь на волю Божию и Пресвятой Богоматери. Нечего было делать, оставили преподобного в покое, уважая его терпение и удивляясь силе и крепости веры.

В течение нескольких часов после видения страдалец ощущал чрезвычайную духовную радость. Потом почувствовал облегчение. В тот же вечер в первый раз после избияния спросил пищи и поел хлеба с квашеной капустой. С того дня он мало-помалу стал поправляться, но следы избияния остались на нем на всю жизнь. Он сгорбился и не мог ходить иначе, как опираясь на палку или топорик.

Пять месяцев прожил в обители подвижник. Отец Исаия и братия советовали ему оставаться здесь совсем, но преподобный Серафим испросил благословение снова возвратиться в любимое уединение. Уступая христианской неустрашимости духа и любви к пустынножительству, о. Исаия благословил преподобного.

Вскоре крестьяне, избившие старца, были найдены. Они оказались крепостными помещика Татищева, Ардатовского уезда, из села Кременок. Их хотели судить, но о. Серафим,

узнав об этом, умолял помещика их Татищева и о. Исаию простить преступников. Вопреки всем, настаивавшим на наказании крестьян, преподобный заявил: «В противном случае, я оставлю Саровскую обитель и уйду в другое место».

Строителю же, о. Исаии, своему духовнику, он говорил, что лучше его удалили бы из обители, нежели нанесли крестьянам какое-либо наказание. Просьбу преподобного Серафима исполнили. Но Бог Сам наказал разбойников: их жилища сгорели. Тогда, раскаявшись, они пришли к о. Серафиму и просили у него прощения. Преподобный Серафим простил их и снова начал свою пустынножизнь.

Кончина игумена Исаии и подвиг молчальничества в пустыне

Прошло двенадцать лет пустынножительства преподобного. В то время настоятель Саровской обители о. Исаия по старости и слабости здоровья решил уйти на покой. Когда о. Исаия был здоров, он сам ходил в пустынь к о. Серафиму. Когда он сложил с себя должность, о. Серафим был избран братией в настоятели. Это было уже третье предложение ему: кроме Алатыря его хотели назначить строителем еще в Краснослободский Спасский монастырь. Но после подвига на камне пустыжник твердо и спокойно отклонял подобные предложения.

Тогда настоятелем был избран иеромонах Нифонт, который поступил в обитель при игу-

мене Пахомии, через девять лет после вступления в нее отца Серафима. До избрания о. Нифонт исполнял в Сарове послушание казначея.

Последний год жизни о. Исаия часто посещал преподобного в пустыне. Сам он уже не мог ходить, и братия возили его на тележке. В 1807 году о. Исаия мирно почил. В лице старца Исаии ушел из жизни последний духовный руководитель преподобного, восприемник его и духовный друг.

Преподобный Серафим всю жизнь хранил к нему, как и к другим своим старцам и друзьям, глубокое почитание как к угодникам Божиим. «Когда идешь ко мне, – наставлял он впоследствии начальницу Ардатовской общины, мать Евдокию, и многих других, – зайди на могилки, положи три поклона, прося у Бога, чтобы Он упокоил души рабов Своих: Исаии, Пахомия, Иосифа, Марка и прочих; и потом припади ко гробу, говоря про себя: «Простите, отцы святые, и помолитесь обо мне». Это – «огненные столпы от земли до небес». И сам он, приходя в монастырь, сначала шел к любимым отцам своим на могилки. Так отошли в вечность его близкие. Точно осиротел преподобный. Новый настоятель был для него далеким духовно.

Стремясь подвигом смирить печаль души, о. Серафим приступил к новому деланию – молчальничеству, по примеру святых Арсения Великого и Иоанна Молчальника.

К тем немногим посетителям, какие все же изредка посещали его, он перестал выходить

совсем. Когда встречался кто из братии ему на пути, то преподобный падал лицом к земле и так оставался, пока не проходил посетитель. По болезни ног он реже стал посещать монастырь: не всегда ходил туда даже и в праздничные дни.

Один из послушников носил ему и пищу в пустынь, особенно в зимнее время, когда у о. Серафима не было своих овощей. Пища приносилась однажды в неделю, в день воскресный.

Вошедши в сени, послушник произносил обычную монашескую молитву: «Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас». Преподобный внутри говорил «Аминь» и отворял келью. Сложив руки на груди, потупив глаза в землю, не благословляя даже пришедшего, о. Серафим становился у дверей. Послушник кланялся ему в ноги, ставил пищу на стол в сенях. А преподобный клал туда же или кусок хлеба, или капусты: это означало, что ему нужно принести в следующий раз. Брат снова кланялся в ноги, просил молитв и уходил, не услышав ни единого слова, кроме «Аминь».

Таково было внешнее выражение молчаливосты. Значение же и сущность его состояли в отречении от всяких житейских попечений для совершеннейшего служения Богу. Можно сказать, что этот подвиг состоял в безмолвии ума и полной сосредоточенности ума в Боге, погружении в Него и посвящении Ему всех своих мыслей и чувств. Сам о. Серафим

впоследствии пояснял: «Паче всего должно украшать себя молчанием, ибо святой Амвросий Медиоланский говорил, что молчанием многих видел спасающихся, многоглаголанием же – ни единого. И паки, некто из старцев говорит: «Молчание есть таинство будущего века, словеса же – орудия сущего мира сего. Молчание приближает человека к Богу и делает его как бы земным ангелом. Ты только сиди в келье своей во внимании и молчании и всеми мерами старайся приблизить себя к Господу. А Господь готов сделать тебя из человека Ангелом: «И на кого воззрю, – говорит Он (Ис. 66: 2), – воззрю, токмо на кроткого и молчаливого и трепещущаго словес Моих». Плодом молчания, кроме других духовных приобретений, бывает мир души. Молчание учит безмолвию и постоянной молитве. Наконец, приобретшего сие ожидает мирное состояние».

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ОБИТЕЛЬ И УХОД В ЗАТВОР

Отец Серафим с ухода своего в молчаливосты все реже стал посещать монастырь и даже редко причащался Святых Христовых Таин. Прежде он ходил по воскресеньям и праздникам в обитель причащаться Святых Таин. Теперь, со времени стояния на камнях, у него болели ноги; ходить он не мог. Братия монастыря стали этим смущаться, на их сторону стал и новый игумен Нифонт.

Он созвал монастырский собор из старших иеромонахов по поводу особого, необыч-

ного жития пустытника, и они решили: предложить о. Серафиму, будь он здоров и крепок ногами, по-прежнему ходить в обитель по воскресным и праздничным дням, и причащаться Святых Таин; если же ноги его уже не служат, то возвратиться ему в монастырь на всегдашнее жительство в своей келье.

Это решение должен был передать ему брат, носивший пищу, при первом же приходе к нему в пустыньку. Отец Серафим молча выслушал и отпустил его, не промолвив ни единого слова. Решение монастырского собора было столь неожиданным, что оно застало молчальника как бы врасплох: он привык к послушанию, но есть ли на это и Божья воля? Должно ли оставлять святое и спасительное безмолвие, если и на него он пошел тоже по благословению святых отцов своих – Иосифа, Пахомия, Исаии? Да и легко ли ему теперь, после 16 лет, оторваться от сладкого безмолвия и возвратиться в обитель?

Привыкший к безусловному послушанию, о. Серафим не мог сойти с этой, спасительной для многих, стези. Но еще меньше он мог оставить «блаженное безмолвие». Выход он, подобно Григорию Богослову, нашел в среднем пути: он решил жить в монастыре, как бы в пустыни, быть вместе с другими телом, но безмолвствовать духом. Преподобный решил жить в обители – в затворе: так сочетаются и внешнее послушание и внутреннее безмолвие. Лишь увеличится сила подвига, ибо в монастыре хранить безмолвие духа, даже в затворе, будет труднее.

Брат передал настоятелю, как дело было. Отец-настоятель, может быть, узрел в этом молчании признак своей воли, велел послушнику в следующее воскресенье повторить ему решение собора.

Принеся пищу на будущую неделю, послушник повторил предложение. На этот раз о. Серафим благословил брата и вместе с ним пришел в монастырь. Это было 8 мая 1810 года, после 15-летнего пребывания о. Серафима в дальней пустыньке, на 51-м году его жизни.

Вступив в монастырские врата, после 15-ти летнего пребывания в пустыне, о. Серафим, не заходя в свою келью, отправился прямо в больницу. Это было днем, до наступления всенощной. Когда ударили в колокол, преподобный явился на всенощное бдение в храм Успения Богородицы. Весть об этом быстро распространилась среди братии: удивились, но и обрадовались они, что батюшка решился опять жить среди них.

Но удивление их возросло еще более, когда произошли следующие обстоятельства: на другой день преподобный Серафим пришел, по обычаю, в больничную церковь к ранней литургии и причастился Святых Христовых Таин, а оттуда направился к отцу игумену Нифонту, и получил от него благословение жить в затворе в своей монастырской келье. После этого пошел он в свою прежнюю келью и затворился в ней.

Жизнь его и внутренне и внешне проходила приблизительно так же, как и в пустыньке.

Разница заключалась лишь в том, что он уже никого решительно не принимал, ни с кем не говорил. Кроме того, он не мог уже по-прежнему заниматься здесь и физическим трудом, уделял этому лишь малое время. И потому весь и всецело отдался только молитве, богомыслию, чтению слова Божия и святых отцов, освободившись от всяких иных забот и попечений.

Келья его была узкая, тесная, два маленьких окна ее выходили на овраг. Постелью служил мешок с песком и камнями, обрубок пня заменял сиденье. Кучка дров лежала перед печкой, которая никогда не топилась. Для себя отец Серафим не употреблял огня, и только перед иконой Божией Матери «Умиление», которую он называл «Всех радостей Радость», горела неугасимая лампада.

Питьем его была одна вода, а в пищу он употреблял только толокно да кислую капусту. Все это доставлял ему живший рядом с ним по келье монах, о. Павел. Затворник, чтобы никто не видал его, накрывал себя большим полотном; и, взявши блюдо, стоя на коленях, как бы принимая пищу из рук Божиих, уносил ее в келью. Там, подкрепивши себя пищею, посуду ставил на прежнее место, опять скрывая лицо себе под полотном. Случалось так, что старец и вовсе не являлся брату; и носивший пищу опять уносил все, что было предложено: старец оставлял себя без вкушения пищи.

Одеждой преподобному служил неизменно один и тот же белый холщовый балахон и чер-

ная крашеная шапочка. На груди его висело медное Распятие, благословение матери; а на плечах, под балахоном, он носил для умерщвления плоти, поддерживаемый веревками, большой пятивершковый железный крест. Вериг и власяницы он никогда не носил, и говорил впоследствии вопрошавшим его о пользе ношения вериг: «Кто нас оскорбит словом или делом, и если мы переносим обиды по-евангельски – вот и вериги наши, вот и власяница».

Нес преподобный и другие подвиги. Как и в пустыньке, о. Серафим совершал все ежедневные службы, кроме литургии, и выполнял свое келейное правило. В остальное время он предавался подвигу умной молитвы, творя попеременно то молитву Иисусову, то Богородичную.

Занятие словом Божиим во время затвора, естественно, было увеличено, так как труд нести было невозможно и, следовательно, оставалось свободное от молитв время. Как рассказывал он впоследствии: «Вот я, убогий Серафим, прохожу Евангелие ежедневно: в понедельник читаю от Матфея от начала до конца, во вторник – от Марка, в среду – от Луки, в четверг – от Иоанна, в последние же дни разделяю Деяния и Послания Апостольские, и ни одного дня не пропускаю, чтоб не прочитать Евангелия и Апостола дневного и святому. Через это не только душа моя, но и самое тело услаждается и оживотворяется оттого, что я беседую с Господом, содержу в памяти моей жизнь и страдание Его, и день и ночь славлю, хвалю и благодарю Испытателя моего

за все Его милости, изливаемые к роду человеческому и ко мне, недостойному».

Во время чтения Священного Писания преподобный часто погружался в продолжительное созерцание Господа умом и удостаивался дивных видений. Вот что он рассказывал впоследствии послушнику Ивану Тихонову: «Однажды я услаждался словом Господа моего Иисуса Христа, где Он говорит: *в дому Отца Моего обители многи суть* (Ин. 14: 2). На этих словах Христа Спасителя я, убогий, остановился и возжелал видеть оные небесные обители, и молил Господа, чтобы Он показал мне их. Пять дней и пять ночей провел я в бдении и молитве, прося у Господа благодати сего видения, и Господь не лишил меня, убогого, Своей милости. Он исполнил мое желание и прошение: я был восхищен в эти обители, только не знаю – с телом или кроме тела, – Бог весть, – это непостижимо, – и видел неисповедимую красоту райских селений и живущих там». При этом он добавлял: «Ах, если бы ты знал, какая радость, какая сладость ожидает душу праведного на небеси, то ты решился бы во временной жизни переносить всякие скорби, гонения и клевету с благодарением. Если бы самая эта келья наша была полна червей и если бы эти черви ели плоть нашу во всю временную жизнь, то со всяким желанием надобно бы на это согласиться, чтобы не лишиться той небесной радости, какую уготовал Бог любящим Его. Там нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания, там сладость и радость неизглаголанная, там праведники просветятся, как солнце».

Беседуя с послушником, о. Серафим замолчал, склонился вперед, голова его с закрытыми глазами поникла долу, и простертою дланью правой руки он тихо водил напротив сердца. Лицо его постепенно изменялось и издавало чудный свет; и, наконец, до того просветилось, что невозможно было смотреть на него: на устах же и во всем выражении его была такая радость и восторг небесный, что поистине можно было назвать его в это время земным Ангелом и небесным человеком. Во все время таинственного своего молчания он как будто что-то созерцал с умилением и слушал с изумлением.

Величайшим утешением для преподобного было святое причащение. Во все праздничные и воскресные дни Святые Тайны приносились ему после ранней обедни очередным священнослужителем из той же больничной церкви в келью, чтобы не нарушать его затвора. Тогда преподобный Серафим сверх обычного своего белого балахона надевал монастырскую мантию, холщовую епитрахиль и поручи. При появлении Святых Даров падал ниц и с трепетною радостью причащался. В остальные дни ему приносили часть антидора, собственно для него нарочно отделяемую.

Чтобы никогда не забывать о часе смертном, чтобы яснее представить и ближе видеть его пред собою, о. Серафим изготовил себе гроб из цельного дуба и поставил его в сенях затворнической кельи. Здесь старец часто молился, готовясь к исходу от настоящей жизни. И после затвора не раз просил саровских ино-

ков: «Когда я умру, умоляю вас, братия, положите меня в моем гробе!»

Преподобный провел в строгом затворе около пяти лет, а затем несколько ослабил его. Поначалу он стал выходить по ночам на свежий воздух. Однажды брат, несший послушание монастырского будильщика, встав ранее утрени, ходил близ соборного храма, где почивают почитаемые отцы и пустыnnики саровские. И оттуда он в ночной тьме увидел перед кельей о. Серафима какого-то человека, который двигался быстро взад и вперед. Осенив себя крестным знаменем, брат направился туда и увидел самого затворника. Чуть слышно произнося молитву Иисусову, он тихо, но быстро переносил поленницу дров с одного места на другое, ближе к келье. Обрадованный видением преподобного, послушник бросился к ногам его и, целуя их, просил благословения.

– Оградись молчанием и внимай себе! – сказал ему батюшка. И, благословив счастливого наблюдателя, скрылся в свою келью.

Но при этом преподобный хранил себя от человекоугодия. Однажды к монастырскому престольному празднику Успения Богородицы приехал епископ Иона, впоследствии экзарх Грузии. Желая видеть затворника, о котором молва давно уже доходила и до далеких покоев тамбовских архиереев, он, в сопровождении игумена, о. Нифонта, и других лиц, направился к келье о. Серафима. Постучались они, но ответа оттуда, по обычаю, не было. Сказано

было через дверь, что старца хочет видеть владыка, но о. Серафим, как и всегда, молчал.

Тогда о. Нифонт предложил снять дверь с крюков, и, таким образом, против воли узреть затворника. Но епископ рассудил за лучшее отказать от своего желания, добавив со страхом: «Как бы не погрешить нам!»

ОКОНЧАНИЕ ЗАТВОРА

Первый раз двери монастырского затвора отворились почти тотчас после отказа преподобного принять епископа Иону. Это было в сентябре 1813 года.

Тамбовский губернатор Александр Михайлович Безобразов со своей женой прибыл в обитель и, помолившись в храме, они направились к келье преподобного. У сопровождавших губернатора и губернаторшу монахов не было надежды, чтобы миряне увидели старца: ведь он только недавно ответил молчаливым отказом даже монаху, архиерею своему. Но неожиданно случилось иное. Когда посетители подошли к келье о. Серафима, он сам отворил им дверь и молча благословил их. Строгий затвор кончился.

С тех пор преподобный ослабил затвор свой и открыл дверь своей кельи для желающих видеть его. На вопросы старец не давал ответа. Не обращая внимания на приходящих, преподобный продолжал свои духовные занятия. Преподобный лишь одним примером своего безмолвного жития поучал приходивших к нему.

В 1815 году явилась преподобному Царица Небесная в сопровождении Онуфрия Великого и Петра Афонского, и повелела ему не скрывать своего светильника под спудом. Окончился молчальнический подвиг его, но затвора своего преподобный еще не оставлял. И о. Серафим стал отвечать на вопросы братии и даже беседовать с нею. Он внушал братии неопустительно совершать богослужение, благоговейно стоять в церкви, постоянно заниматься умной молитвой, каждому усердно исполнять послушание, не есть ничего вне трапезы, за трапезой сидеть с благоговением и страхом Божиим; без важной причины не выходить за ворота; бояться своеволия, как причины великого зла.

Со временем преподобный Серафим стал принимать и поучать также приходящих в обитель богомольцев. С ранней литургии и весь день до вечера стекались к нему алчущие духовной пищи, и не знало сердце преподобного различия между ними. Всех он принимал с одинаковой любовью, всех встречал земным поклоном и целованием, всех приветствовал словами «Христос воскрес».

Принимая богомольцев, но не покидая затвора, преподобный Серафим провел более десяти лет. За это время он подвигами и служением ближним серьезно подорвал свое здоровье, и мучился от головных болей и болей в ногах. Врачи, осматривавшие о. Серафима, советовали ему выходить на свежий воздух и совершать небольшие прогулки.

Преподобный и сам готов был оставить затвор, но просил Господа явить ему волю Свою. 25 ноября 1825 года вновь явилась о. Серафиму Богоматерь в сопровождении Климента Римского и Петра Александрийского, – их же был день, – и повелела ему оставить затвор и идти сначала в пустыньку. В тот же день, после утреннего правила, старец отправился к настоятелю обители и, получив от него благословение, в первый раз за время своего затворничества вышел в лес и направился к своей дальней пустыньке, как повелела ему Богоматерь.

Но, не дойдя до пустыньки, он увидел на пригорке шедшую к нему Богородицу, а позади нее двух апостолов – Петра и Иоанна Богослова. Они остановились недалеко от того места, где находился так называемый Богословский родник, освященный в честь Иоанна Богослова. Пречистая ударила жезлом в землю, из которой пробился новый источник. По воле Царицы Небесной вода в источнике имела силу исцеления от болезней.

После этого явления преподобный окончательно оставил свой затвор. Начался последний – самый плодотворный период жизни преподобного Серафима – старчество.

СТАРЧЕСТВО ПРЕПОДОБНОГО

Со времени окончания затвора посетители о. Серафима все увеличивались более и более: иногда количество их доходило до тысячи и

двух тысяч человек в день. Весь монастырский двор наполнен был народом, жаждавшим хоть увидеть святого старца или получить от него благословение, а уж побеседовать с ним считалось особым счастьем. Принимая приходящих, преподобный Серафим по-прежнему был одет в обыкновенный белый балахон и полу-мантию. На вопросы, зачем он так убого одевается, отвечал: «Иоасаф царевич данную ему пустынником Варлаамом мантию счел выше и дороже царской порфиры».

Даже принимая огромное количество посетителей, преподобный не оставлял своего подвига – часто он уходил в лес, чтобы, как и ранее, подвизаться в пустыне. Кроме того, пустынь была нужна ему и для отдыха от бесчисленных посетителей, и для молитвенного уединения.

Год спустя после явления источника – летом 1826 года – по желанию преподобного – Богословский родник был возобновлен. Накат, закрывавший бассейн, снят; сделан новый сруб с трубою для истока воды. Около бассейна о. Серафим стал теперь заниматься телесными трудами. Собирая в реке Саровке камешки, он выкидывал их на берег и ими унизывал бассейн родника. Устроил здесь для себя грядки, сдобривал их мхом, сажал лук и картофель. Преподобный избрал себе это место, обосновавшись в освободившейся келье о. Дорофея, потому что, по болезни, не мог ходить в прежнюю свою келью за шесть верст от монастыря. Со временем утружденному годами и болезнями старцу было уже тяжело ходить и в келью о. Дорофея.

Видя труды преподобного, саровская братия построила ему на горке около родника небольшую келью, в которой он мог бы укрываться от дождя и стужи, и все это место получило название «ближней пустыньки». Это был небольшой сруб, вышиною и длиною в три аршина, шириною в два, без окон и дверей, так что влезать в него нужно было по земле, из-под стены.

Потом, в 1827 году, здесь же, на горке около родника, ему поставили новую келью с дверями, но тоже без окон. Внутри была печь. Между нею и стеною находился тесный промежуток, где мог помещаться один лишь человек, стоя. В углу кельи и за печью висели иконы с лампадами во тьме.

Со времени построения этой кельи преподобный стал проводить здесь все дни с утра, лишь к вечеру возвращаясь в Саров. Рано утром, в четыре, иногда и в два часа пополудни, старец отправлялся в ближнюю пустыньку. Он шел в своем белом холщовом балахоне, в старой камилавке, с топором в руке. На спине у него котомка, набитая камнями и песком. Поверх песка лежало Евангелие. Когда его спрашивали, для чего он носит такую тяжесть, преподобный отвечал словами святого Ефрема Сирина: «Томлю томящего мя».

Когда он проводил время в ближней пустыньке, народ устремлялся к нему туда. По словам одной из паломниц: «В пустыне, в лесу преподобный принимал, сидя на завалинке своей убогой хижины. Иных он вводил в

свою келью и молился там с ними пред образом Богоматери. Творил он также молитву и в лесу, пред ликом Богоматери, поставленным им на вековой сосне. Вместе с о. Серафимом молились коленопреклоненно и все богомольцы».

Иногда преподобный, ища большего уединения, уходил в свою прежнюю дальнюю пустыньку; там он, сидя у своей старой кельи, кормил огромного медведя. Но и там находили его люди.

Однако возвращение преподобного к пустынножительству не обошлось без искушений. Братия стали смущаться: почему затворник принимает людей и в келье, и в пустыньке, а в храм к ним не ходит даже для причащения Святых Тайн? Об этом написано было Тамбовскому епископу, преосвященному Афанасию; и от него пришло распоряжение, чтобы о. Серафим отныне причащался Святых Тайн в храме. Беспрекословно подчинился этому преподобный Серафим, добавив: «Хоть бы на коленочках пришлось мне ползти для исполнения послушания, но все-таки не оставлю приобщаться Животворящих Тайн Тела и Крови Христовой».

С тех пор преподобный Серафим стал неопустительно во все воскресные и праздничные дни ходить в больничную церковь святых Зосимы и Савватия для причащения. Это обстоятельство только способствовало привлечению все большего и большего количества почитателей преподобного.

Вот как рассказывает об этом одна из паломниц: «Все мы, богатые и бедные, ожидали его, толпясь около церковной паперти. Когда он показался в церковных дверях, глаза всех были устремлены на него... Он медленно сходил со ступеней паперти и, несмотря на прихрамывание и горб на плече, казался и был величаво прекрасен. Он шел молча, точно никого не замечая. Толпы народа, стоя двумя стенами, едва пропускали святого в полной тишине, желая хоть взглянуть на его благодатное лицо. А затем уже начинался прием людей в келье».

Преподобный принимал посетителей каждый день – от ранней литургии до 8 часов, а затем – до полуночи.

Редко кому отказывал в приеме преподобный Серафим. Обычно всех приходящих к нему он принимал со смирением и любовью. Встречая посетителей, он обращался к ним «Радость моя»; часто и в обычные дни он приветствовал их пасхальным приветствием «Христос воскрес». Особенно ласково обращался преподобный с детьми, называя их «сокровищами».

Вот как описывает встречу с преподобным один из его посетителей – генерал Галкин-Враский: «Будучи офицером, я посетил Саровскую пустынь и отправился, по примеру других богомольцев, за благословением к преподобному о. Серафиму. В коридоре его кельи холод был страшный, а я в военной шинельке дрожал от холода. Келейник его сказал, что у о. Серафима в настоящее время находится

монах, и он с ним беседует. А я, стоя в коридоре, молился Пресвятой Богородице. Дверь отворилась, монах вышел. И через несколько минут о. Серафим отворил дверь и сказал: «Какую радость Бог мне дает!» Ввел он меня в свою келью, а так как она была заставлена разными вещами, то он посадил меня на порог своей кельи, а сам сел на пол против меня, держа мою руку, и ласково со мной говорил, даже целовал мою руку, вот какая у него была любовь к ближним. Я, сидя против него, находился в каком-то необыкновенном восторге». После долгих разговоров зашла речь о грудной болезни посетителя. Отец Серафим дал ему выпить деревянного масла. Болезнь прошла навсегда.

Если пришедший не имел нужды в особенных наставлениях, то преподобный Серафим давал общехристианские наставления. В ком видел он искреннее раскаяние в грехах, кто являл в себе горячее усердие к христианскому житию, тех принимал с особенным усердием и радостью. После беседы с ними он, заставив их наклонить голову, возлагал на нее конец епитрахили и правую руку свою, предлагая произносить за собою следующую покаянную молитву: «Согрешил я, Господи, согрешил душою и телом, словом, делом, умом и помышлением, и всеми моими чувствами: зрением, слухом, обонянием, вкусом, осязанием, волею или неволею, ведением или неведением». Сам затем произносил молитву разрешения от грехов. По окончании такого действия он помазы-

вал крестообразно чело пришедшего елеем из лампы, горевшей перед иконой Богоматери.

Богомольцы приносили ему дары: свечи, масло, иногда вино, которым он угощал с ложки приходящих. Свечи ставил перед иконами за принесших. Н. А. Мотовилов однажды задумался: «Какой смысл в этом горении свечей и лампад?» Преподобный, прозрев его недоумение, сказал ему: «Я имею многих особ, усердствующих ко мне и благотворящих мельничным (дивеевским сиротам) моим. Они приносят мне елей и свечи, и просят помолиться за них. Вот когда я читаю правило свое, то и поминаю их сначала единожды. А так как по множеству имен я не смогу повторять на каждом месте правила где следует, тогда и времени мне не достало бы на совершение моего правила; то я и ставлю все эти свечи за них в жертву Богу – за каждого по одной свече, за иных – за несколько человек – одну большую свечу, за иных же постоянно тепло лампаду; и где следует на правиле помянуть их, говорю: «Господи, помяни всех тех людей, рабов Твоих, за их же души возжег Тебе аз, убогий, сии свечи и кадила». При этом угодник Божий наблюдал, как горят свечи, говоря: «Если кто имеет веру ко мне, убогому Серафиму, то у меня за сего человека горит свеча пред святой иконой. А если свеча падала, это было для меня знамением, что человек тот впал в смертный грех. Тогда я преклоняю колена за него пред благоутробием Божиим».

Многие из посетителей старца сетовали, что мало молятся, не вычитывая даже положен-

ные утренние и вечерние молитвы. Отец Серафим установил для таких людей такое легко исполнимое правило: «Поднявшись от сна, всякий христианин, став перед святыми иконами, пусть прочитает молитву Господню «Отче наш» трижды, в честь Пресвятой Троицы. Потом – песнь Богородице «Богородице Дево, радуйся», также трижды. В завершение же – Символ веры «Верую во Единого Бога», раз. Совершив это правило, всякий православный пусть занимается своим делом, на какое поставлен или призван. Во время же работы дома или на пути куда-нибудь пусть тихо читает «Господи Иисусе Христе, помилуй мя грешного (или грешную)»; а если окружают его другие, то, занимаясь делом, пусть говорит умом только «Господи, помилуй!» – и так до обеда. Перед самым же обедом пусть опять совершает утреннее правило. После обеда, исполняя свое дело, всякий христианин пусть читает так же тихо «Пресвятая Богородице, спаси мя грешного», и это пусть продолжает до самого сна. Когда случится ему проводить время в уединении, то пусть читает он «Господи Иисусе Христе, Богородицею помилуй мя грешного (или грешную)». Отходя же ко сну, всякий христианин пусть опять прочитает утреннее правило, то есть трижды «Отче наш», трижды «Богородице...», и один раз «Символ веры». Отец Серафим объяснял, что, держась этого малого правила, можно достигнуть меры христианского совершенства, ибо эти три молитвы – основание христианства. Первая, как молитва, данная Самим Господом,

есть образец всех молитв. Вторая принесена с неба Архангелом в приветствие Богоматери, Символ же веры содержит в себе вкратце все спасительные догматы христианской веры.

Кому невозможно выполнять и этого малого правила, преподобный советовал читать его во время занятий, на ходьбе, даже в постели и при этом приводил слова из Послания к Римлянам: «Всякий, кто призовет имя Господне, спасется».

Молва о преподобном дошла и до старообрядцев – известны случаи, когда они обращались за советом к о. Серафиму. Однажды четверо старообрядцев из села Павлова Горбатовского уезда пришли к преподобному, побеседовать с ним о крестном знамении. Едва переступили они порог кельи о. Серафима и не высказали еще, для чего пришли, как он подошел к ним, взял одного из них за правую руку и, сложив пальцы его по чину Православной Церкви, сказал: «Вот христианское сложение креста. Так молитесь, и прочим скажите. Прошу и молю вас: ходите в церковь греко-российскую. Она во всей славе Божией! Как корабль, имеющий многие снасти, паруса и великое кормило, она управляется Святым Духом. Добрые кормчие ее – учителя Церкви, архиереи – суть преемники апостольские. А ваша часовня подобна маленькой лодке, не имеющей кормила и весел. Она привязана вервием к кораблю нашей Церкви, плывет за ней, заливается волнами, и непременно потонула бы, если бы не была привязана к кораблю».

За советом и благословением к преподобному Серафиму обращались не только миряне, но и монахи; как саровские, так и из других обителей. Всех их преподобный призывал держать в устах и в сердце молитву Иисусову. Он говорил: «Без молитвы монах умирает, как рыба без воды»; «Тот монах не имеет печати, который не знает делания Иисусовой молитвы».

А иногда преподобный Серафим сам находил саровских иноков, находящихся в искушении, и утешал их. Один из характерных случаев показывает заботу преподобного о саровской братии: «Один саровский брат, находясь в унынии, близком к отчаянию, просил другого разделить с ним несколько минут скорби. Вышли эти два брата из монастыря после вечерни и пошли вокруг ограды, утешаясь взаимной беседой. Подошли к конному двору, около которого лежала дорожка к Серафимову источнику. Скорбящий брат хотел своротить в сторону, чтобы в таком болезненном состоянии духа не повстречаться с о. Серафимом. Но прежде, чем успели они отойти от дороги, вдруг увидели вблизи себя преподобного, идущего навстречу им. Оба брата упали ему в ноги. Преподобный с необыкновенной ласкою благословил их, потом пропел следующий стих девятой песни канона, поемого во всякой душевной скорби и обстоянии: «Радости исполни мое сердце, Дево, яже радости приемшая исполнение, греховную печаль потребляющи». Потом, топнув ногою, о. Серафим сказал: «Нет нам дороги унывать, потому что Христос все победил». Душевное

состояние его как бы перелилось в души скорбящих братий, и они, оживотворенные его радостью, возвратились в обитель в мирном и благодушном расположении сердца».

Также к преподобному Серафиму приходили за советом и настоятели обителей. Преподобный видел тяжесть возложенного на них креста: «Трудно управлять душами человеческими – учить других так же легко, как с нашего собора бросать на землю камешки, а проходить делом то, чему учишь, все равно, как бы самому носить камешки на верх собора». При этом он советовал им, несмотря на строгость монашеских правил, хранить любовь к братии: «Матерью будь, а не отцом, к братии», – советовал преподобный Серафим строителю Высокогорской пустыни, преподобному Антонию.

Однако, как сказано: *Никакой пророк не принимается в своем отечестве* (Лк. 4: 24). Несмотря на любовь преподобного Серафима к саровской обители, и братия и настоятель часто искушались подвигом его. Так, игумен Нифонт однажды сказал в недоумении и смущении: «Когда о. Серафим жил в пустыни, то закрыл все входы к себе деревьями, чтобы народ не ходил; а теперь стал принимать к себе всех, так что мне до полуночи нет возможности закрыть ворота монастырские».

В другой раз один из братии также выговаривал преподобному: «Тебя много беспокоят обоих полов люди, и ты пускаешь к себе всех без различия». В ответ преподобный Сера-

фим смиренно сослался на пример преподобного Илариона Великого, который не велел затворять дверей ради странников, и добавил: «Положим, что я затворю двери моей кельи. Приходящие к ней, нуждаясь в слове утешения, будут заклинать меня Богом отворить двери и, не получив от меня ответа, с печалию пойдут домой... Какое оправдание я могу тогда принести Богу на Страшном Суде Его?»

Даже один из трудившихся в Сарове крестьян однажды упрекнул преподобного. Дело обстояло следующим образом. Лихачевский крестьянин Ефим Васильев, подходя к пустыньке, увидел, как о. Серафим беседовал с молодой девушкой, лет 16, хорошо одетой, и подумал про себя: «О чем это батюшка так беседует с нею? Какие еще наставления идут к ее возрасту?»

Когда же он подошел ближе, прозорливый старец мирно сказал ему: «Я ко всему мертв, а ты что думаешь?» Соблазненный упал ему в ноги, прося прощения. «Успокойся, – сказал ему преподобный, – и больше не повторяй».

Иногда о. Серафима упрекали даже за помазание елеем из лампады. Таким преподобный говорил: «Мы читаем в Писании, что апостолы мазали маслом, и многие больные от сего исцелялись. Кому же следовать нам, как не апостолам?»

Но, невзирая ни на что, поток посетителей и почитателей преподобного Серафима увеличивался с каждым днем. Говорили, что в 1825 году посетил его и великий князь Михаил Павлович.

Но, как ни много бывало у него посетителей, никто не отходил от него неудовлетворенным: он часто одной фразой, одним словом охватывал жизнь человека, наставлял его на нужный путь. Святой образ его действовал так сильно, что иногда перед ним плакали гордые, самонадеянные люди, пришедшие к нему лишь из любопытства.

ЧУДОТВОРЕНИЯ ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА

Период старчества преподобного Серафима неразрывно связан с рядом чудотворений, происшедших по его молитве. Первое из них произошло еще до оставления преподобным затвора, в 1823 году. Это было исцеление Михаила Васильевича Мантурова.

Михаил Васильевич Мантуров был помещиком села Нуча Ардатовского уезда Нижегородской губернии. Много лет он, будучи военным, служил в Лифляндии, женился там на местной уроженке Анне Михайловне Эрнц, но затем так сильно заболел, что принужден был оставить службу и переехать на жительство в свое имение, село Нучу.

Врачи признали болезнь неизлечимой: нельзя было остановить раздробление костей, от которого страдали ноги, причем частички кости начали через нарыв выходить наружу. Он, в виде последней надежды, решил ехать к о. Серафиму. С большим трудом он был приведен крепостными людьми своими в сени кельи старца-затворника. Когда Михаил Васильевич,

по обычаю, сотворил молитву, о. Серафим вышел и милостиво спросил его: «Что пожаловал, посмотреть на убогого Серафима?» Мантуров упал ему в ноги и стал со слезами просить его об исцелении.

«Веруешь ли ты в Бога?» – три раза спросил его преподобный и, получив убедительный ответ, сказал: «Радость моя! Если ты так веруешь, то верь же и в то, что верующему все возможно от Бога, а потому веруй, что и тебя исцелит Господь, а я, убогий Серафим, помолюсь».

Посадив Мантурова в сених у гроба, о. Серафим удалился для молитвы к себе в келью, и через некоторое время вернулся, неся освященное масло. Он приказал больному обнажить ноги и, приготовившись натереть их маслом, произнес: «По данной мне от Господа благодати я первого тебя врачую!» Помазав больные ноги и надев на них чулки из посконного холста, старец вынес из кельи большое количество сухарей, всыпал их в фалды сюртука Мантурова, и так велел ему идти в монастырскую гостиницу.

С некоторым сомнением стал исполнять Мантуров приказание о. Серафима. Но внезапно почувствовал в ногах силу. Он не помнил себя от изумления и радости, и бросился в ноги преподобному, но о. Серафим поднял его, строго говоря: «Разве Серафимово дело мертвить и живить, низводить во ад и возводить? Что ты, батюшка! Это дело Единого Господа, Который творит волю боящихся Его и молитву их слушает! Господу Всемогущему, да Пречистой Его

Матери даждь благодарение!» Затем о. Серафим отпустил Мантурова.

Прошло некоторое время. Мантуров чувствовал себя столь хорошо, что стал даже забывать о недавней так мучившей его болезни. Ему захотелось побывать у о. Серафима, принять его благословение, и он отправился в Саров. Дорогой он размышлял о словах о. Серафима, сказанных после его исцеления, что надо ему возблагодарить и прославить Господа.

«Радость моя! А ведь мы обещались поблагодарить Господа, что Он возвратил нам жизнь», – этими словами встретил о. Серафим приехавшего к нему Мантурова. «Я не знаю, батюшка, чем и как, что вы прикажете?» – ответил молодой военный. «Вот, радость моя, все, что ни имеешь отдай Господу и возьми на себя самопроизвольную нищету!» Смутился Мантуров. Он был еще молод, женат – чем же он будет жить, если все отдаст? Зная его мысли, старец сказал: «Не пекись, о чем думаешь. Господь не оставит тебя ни в сей жизни, ни в будущей. Богат не будешь. Хлеб же насущный у тебя будет».

Всего второй раз видел Мантуров преподобного. Но он уже всецело владел благодарным, привязчивым, пылким сердцем Михаила Васильевича. Слово преподобного Серафима было для него уже святыней, и он ответил: «Согласен, батюшка. Что же благословите мне сделать?»

На этот раз о. Серафим не дал Мантурову определенного указания и отпустил его с бла-

гословением. Мантуров, исполняя совет старца, отпустил своих крепостных на волю, продал имение и, сохраняя пока капитал, купил в селе Дивееве на указанном старцем месте 15 десятин земли. Старец завещал ему хранить ее, никому не отдавать и назначить после смерти в Дивеево. Поселившись с женой своей, лютеранкой, на этом участке, Мантуров стал терпеть недостатки. Его жена, в общем хорошая женщина, была вспыльчивого характера, нетерпелива и упрекала его за этот поступок. Но, безгранично доверяя о. Серафиму, Мантуров никогда не роптал и радостно нес свой великий подвиг. Мантуров стал вернейшим учеником преподобного, можно сказать, доверенным его другом. Старец иначе не называл его, как Мишенька.

Также преподобный Серафим неоднократно исцелял дивеевских сестер, обращавшихся к нему за помощью от разных болезней. Сестра Евдокия Назарова рассказывала, что, будучи молодой девицей, она страдала два года параличом рук и ног, и ее привезли к о. Серафиму, который, увидав ее, стал манить к себе. Ее с большим трудом подвели к батюшке, но он дал ей в руки грабли и велел грести сено. Тут почувствовала она, что с нее что-то спало, и она начала грести, как здоровая. Одновременно работали у батюшки Прасковья Ивановна и Ирина Васильевна. Последние стали выговаривать ей, зачем она, такая больная, пришла с ними трудиться, но батюшка, уразумев духом мысли их, сказал им: «Примите ее к себе

в Дивеево, она будет вам прясть и ткать». Так трудилась она до вечерни. Батюшка накормил ее обедом, и затем она дошла до дома совершенно здоровою.

Старица Варвара Ильинична также свидетельствовала об излечении ее о. Серафимом: «Он, кормилец мой, два раза исцелял меня, – говорила она. – В первый-то, я словно порченная была, а потом у меня очень болели зубы, весь рот был в нарывах. Я пришла к нему, он меня поставил поодаль от себя, а мне велел рот открыть; сильно дунул на меня, завязал платочком мне все лицо, да тут же велел идти домой, а солнце-то было уже на закате. Я ничего не убоялась за его святою молитвою, ночью же пришла домой, а боль как рукой сняло».

Еще один известный случай – исцеление крестьянки из села Павлова. В мае 1829 года сильно заболела жена Алексея Гурьевича Воротилова, жителя Горбатовского уезда, села Павлова. Воротилов имел большую веру в силу молитв о. Серафима. Тотчас же Воротилов отправился в Саров и, несмотря на то, что приехал туда в полночь, поспешил к келье о. Серафима. Старец, как бы ожидая его, сидел на крылечке кельи и, увидавши, приветствовал его: «Что, радость моя, поспешил в такое время к убогому Серафиму?» Воротилов со слезами рассказал ему о причине поспешного прибытия в Саров и просил помочь болящей жене его. Но о. Серафим, к величайшей скорби Воротилова, объявил, что жена его должна умереть от болезни. Тогда Алексей Гурьевич,

обливаясь потоком слез, припал к ногам подвижника, с верою и смирением умоляя его помолиться о возвращении ей жизни и здоровья. Отец Серафим тотчас погрузился в умную молитву минут на десять, потом открыл очи свои и, поднимая Воротилова на ноги, с радостью сказал: «Ну, радость моя, Господь дарует супружнице твоей живот. Гряди с миром в дом твой». С радостью Воротилов поспешил домой. Здесь он узнал, что жена его почувствовала облегчение именно в те минуты, когда о. Серафим пребывал в молитвенном подвиге. Вскоре же она и совсем выздоровела.

С исцеления началась духовная дружба преподобного Серафима с Николаем Мотовиловым – еще одним, наряду с Михаилом Мантуровым, попечителем Дивеевской обители. Приехавший впервые в Саров, 22-летний Мотовилов был в крайне тяжком состоянии. У него отнялись ноги, спина была покрыта пролежнями, четверо человек его несли, а пятый поддерживал голову – так его принесли к о. Серафиму, на ближнюю пустыньку, возле источника. Побеседовав с ним, о. Серафим сказал: «Если веруете – то вы здоровы уже!» – взял больного за плечи, поставил на землю и приказал идти. Не сразу Мотовилов осознал чудо, совершенное по молитвам о. Серафима, и, боясь упасть, все еще спорил с преподобным. Когда же узнали об исцелении столь тяжело больного человека, все стали славить Бога, повторяющего евангельские чудеса; сам игумен Нифонт с братией вышли встречать исцеленного, окру-

женного толпой богомольцев. В конце ноября того же года Мотовилов удостоился великой беседы со старцем, когда свое откровение о Духе Святом он засвидетельствовал на глазах у Мотовилова не только личным светоносным преображением, но ввел и своего юного собеседника в дивную славу Божию уже здесь, на земле.

Иногда чудесная помощь о. Серафима сопровождалась и чудесными знамениями. Вот что рассказывала об этом одна из почитательниц преподобного, княгиня Ш. Приехал к ней из Петербурга больной племянник ее. Она, не медля долго, повезла его в Саров к о. Серафиму. Молодой человек был объят таким недугом и слабостью, что не ходил сам, и его на кровати внесли в монастырскую ограду. Отец Серафим в это время стоял у дверей своей монастырской кельи, как бы ожидая встретить расслабленного. Тотчас он просил внести больного в свою келью и, обратившись к нему, сказал: «Ты, радость моя, молись, и я буду за тебя молиться; только смотри, лежи, как лежишь, и в другую сторону не оборачивайся». Больной долго лежал, повинаясь словам старца. Но терпение его ослабело, любопытство подмывало его взглянуть, что делает старец. Оглянувшись же, он увидел о. Серафима стоящим на воздухе в молитвенном положении, и от неожиданности и необычайности видения вскрикнул. Отец Серафим, по совершении молитвы, подошедши к нему, сказал: «Вот, ты теперь будешь всем толковать, что Серафим –

святой, молится на воздухе... Господь тебя помилует... А ты смотри, огради себя молчанием и не поведай того никому до дня преставления моего, иначе болезнь твоя опять вернется». Он действительно встал с постели и, хотя опираясь на других, но уже сам, на своих ногах, вышел из кельи. В монастырской гостинице его осаждали вопросами: «Как и что делал и что говорил о. Серафим?» Но, к удивлению всех, он не сказал ни одного слова. Молодой человек, совершенно исцелившись, опять был в Петербурге и снова через несколько времени воротился в имение княгини Ш. Тут он сведал, что старец Серафим опочил от трудов своих, и тогда рассказал о его молении на воздухе.

Другой подобный случай засвидетельствован дивеевскими сестрами. «Идем это мы лугом, трава зеленая да высокая такая... оглянулись, глядим, а батюшка-то и идет на аршин выше земли, даже не касаясь травы. Перепугались мы, заплакали и упали ему в ножки, а он говорит нам: «Радости мои, никому о сем не поведайте, пока я жив, а после моего отшествия от вас, пожалуй, и скажите!»

Множество чудес совершалось и от святой воды из Серафимова источника. Первое исцеление произошло через две недели, 6 декабря. К о. Серафиму в этот день пришли из Дивеева две сестры – Прасковья Степановна и отроковица Мария Семеновна. С ними он и отправился к дальней пустыньке. Дошли до колодца. Преподобный рассказал им о нем. Прасковья Степановна была больна, все кашляла.

– Зачем ты кашляешь? Брось, не надо!

– Не могу, батюшка! – ответила она.

Тогда о. Серафим зачерпнул из источника своею рукавичкою воды и напоил сестру. Болезнь сразу и навсегда исчезла.

Еще один подобный случай произошел с генеральшей Маврой Львовной Сипягиной. Она была больна, чувствовала ужасную тоску, и от болезни не могла в постные дни кушать пищи, положенной уставом Церкви. Когда она пришла к о. Серафиму просить помощи, преподобный приказал ей напиться воды из его источника. Мавра Львовна напилась. Вдруг без всякого принуждения из ее гортани вышло множество желчи, после чего она стала здорова.

Многим, даже в ранах, о. Серафим приказывал окатиться водой из его источника. Все получали от этого исцеление и в различных болезнях.

Иногда чудесная помощь преподобного проявлялась в прозорливости. Как рассказывал сосед по келье преподобного, о. Павел: «Однажды прибежал в Саровскую пустынь молодой крестьянин и спрашивал у каждого попадавшегося ему навстречу инок: «Батюшка, ты, что ли, о. Серафим?» Когда ему указали о. Серафима, он упал к нему в ноги, говоря: «Батюшка! У меня украли лошадь, и я теперь без нее совсем нищий; не знаю, чем кормить буду семью. А, говорят, ты угадываешь!» о. Серафим, приложив его голову к своей голове, сказал: «Огради себя молчанием, иди в село (старец назвал село). Как станешь подходить

к нему, свороти с дороги вправо и пройди задами четыре дома, там ты увидишь калиточку. Войди в нее, отвяжи свою лошадь от колоды и выведи молча». Через несколько же времени, встретив опять этого крестьянина, я спросил у него: «Ну, что? Отыскал ли ты своих лошадей?» – «Как же, батюшка, отыскал», – отвечает крестьянин».

Вот еще один пример прозорливости преподобного, соединившего разошедшихся супругов. Супруги Тепловы разъехались вследствие семейных неприятностей. Муж жил в Пензе, а жена в Таганроге. Муж приехал в Саров. Только что старец взглянул на него, как стал говорить: «Зачем ты не живешь с женой? Ступай к ней, ступай!» Слова старца образумили его: он съездил за женой, был с ней в Киеве на богомолье, потом они поселились в деревне.

В другой раз преподобный Серафим помог отчаявшейся матери, у которой пропал сын. В страшной горести отправилась она к о. Серафиму. Старец сказал ей, чтоб она подождала в Сарове своего сына три дня. На четвертый день истомившаяся женщина опять пошла к старцу, чтоб проститься с ним. А у него в это время находился ее сын, и, взяв его за руку, о. Серафим подвел его к матери.

Прозорливость о. Серафима помогала и современным ему подвижникам. Известно, например, его полное изумительной прозорливости отношение к Георгию, затворнику Задонскому. Один посетитель затворника Георгия, увидев у него на стене незнакомый

ему портрет, спросил, чей это портрет. Тогда Георгий рассказал ему замечательное проявление над ним прозорливости о. Серафима, который тогда уже скончался и которого изображал портрет. Затворника долгое время смущал помысл, не перейти ли ему из Задонского монастыря в другой монастырь. Два года он боролся с этим помыслом, никому его не открывая. Однажды келейник его докладывает ему, что пришел странник с поручением от старца саровского Серафима, которое он желает передать лично. Когда странник был допущен к затворнику, он сказал: «Отец Серафим приказал тебе сказать: стыдно-де, столько лет сидевши в затворе, побеждаться такими вражескими помыслами, чтобы оставить сие место. Никуда не ходи. Пресвятая Богородица велит тебе здесь оставаться». Сказав эти слова, престарелый странник поклонился и вышел. Некоторое время, в глубочайшем изумлении от того, что о. Серафим издавна послал ему ответ на тайный помысел, неподвижно стоял затворник. Опомнившись, послал келейника вдогонку за ним, чтоб подробно расспросить его. Но ни в монастыре, ни за монастырем странника не могли уже найти.

Сам преподобный Серафим так оценивал дар чудотворений и прозорливости, данный ему Богом: «Я, грешный Серафим, так и думаю, что я грешный раб Божий, что мне повелевает Господь, то я и передаю требующему полезного. Первое помышление, являющееся в душе моей, я считаю указанием Божиим; и го-

ворю, не зная, что у моего собеседника на душе, а только верую, что так мне указывает воля Божия для его пользы. А бывают случаи, когда мне выскажут какое-либо обстоятельство, и я, не поверив его воле Божией, подчиню своему разуму, думая, что это возможно, не прибегая к Богу, решить своим умом: в таких случаях всегда делаются ошибки».

ЗАБОТА О ДИВЕЕВСКИХ СИРОТАХ

Все время своего старчества преподобный Серафим заботился о насельниках Дивеевской общины – дивеевских сиротах. Такова была воля Пречистой Богородицы.

По выходе из затвора преподобный, помня о своем обещании, узнал о жизни Дивеевской общины от приходящих в Саров дивеевских сестер. Принимая сестер общины матери Александры, о. Серафим убедился, что полный Саровский устав, по которому жила община, был непосилен для большинства монахинь, и решил его облегчить. Но начальница Ксения Михайловна Кочеулова не согласилась менять устав, данный о. Пахомием более тридцати лет тому назад. Тогда преподобный Серафим решил отказаться от духовного руководства общиной, успокоенный, что заповеданное ему великой старицею матерью Александрою более не лежит на его совести. Временно о. Серафим не входил в дела общины, и только посылал сестер на жительство в Дивеево, говоря: «Гряди, чадо, в общинку, здесь, поблизости, матушки-то, пол-

ковницы Агафии Семеновны Мельгуновой; к великой рабе Божией и столпу, матушке Ксении Михайловне – она всему тебя научит!»

Но Пречистая Богородица явилась ему с апостолами Петром и Иоанном, и сказала: «Зачем ты хочешь оставить заповедь рабы Моей Агафии – монахини Александры? Ксению с сестрами ее оставь, а заповедь сей рабы Моей не только не оставляй, но и потщись вполне исполнить ее, ибо по воле Моей она дала тебе оную. А Я укажу тебе другое место, тоже в селе Дивееве, и на нем устрой эту обетованную Мною обитель Мою. А в память обетования, ей данного Мною, возьми с места кончины ее из общины Ксении восемь сестер».

Мать Божия указала о. Серафиму место для новой общины, которая должна быть чисто девичьей. «Как я сам девственник, – говорил преподобный, – то Царица Небесная благословила, чтобы в обители моей были только одни девушки». К тому же, по мнению о. Серафима: «В общежительной обители легче справиться с семью девами, чем с одною вдовой!»

Но земля, намеченная для постройки мельницы, принадлежала некоему Баташеву, владельцу местного завода. Преподобный Серафим несколько раз хотел купить эту землю, но без успеха. Наконец родственница Баташева, генеральша Постникова, пожертвовала данную землю под мельницу. Преподобный видел в этом особое благоволение Пресвятой Богородицы к созидаемой обители: «Видишь ли, матушка, как Сама Царица Небесная схлопота-

ла нам землицы, вот мы тут мельницу-то и поставим!» – говорил он одной из сестер.

Преподобный Серафим, трудясь в дальней пустыньке, лично заготавливал бревна для строительства мельницы-питательницы сестер новой общины. Однако его труды вызвали неодобрение саровской братии. Игумен Нифонт потребовал, чтобы за все дерево, вывезенное из Саровского леса, было ему заплачено, что о. Серафим и сделал.

Впоследствии сестра Капитолина свидетельствовала обо всех трудностях, которые постигали преподобного: «Много терпел за нас батюшка, много родименький принял за нас, много перенес терпения и гонения!» Приезжали из Сарова монахи-следователи и обыскивали Дивеево, говоря: «Ваш Серафим все таскает, кряжи увез!» И приговаривали сестрам: «Такие и сякие, все попрятали!» – но не находили ничего, да у сестер тогда земли-то своей не было. После этого о. Серафим говорил: «Вот, радость моя! Суды заводят, кряжи увез я! Судить хотят убогого Серафима, зачем слушает Мать-то Божию, что велит Она убогому... Зачем девушек Дивеевских не оставляет! Прогневались, матушка, прогневались на убогого Серафима. Скоро на Царицу Небесную подадут в суд!»

9 декабря 1826 года, в назначенный день зачатия Анны, начали строить мельницу на тогда еще чужой земле: оформления и отмежевания пожертвования генеральши Постниковой надо было дожидаться. Эта волокита длилась еще три года.

7 июля 1827 года, накануне Казанской Божией Матери, мельница была готова. Эта первая монастырская постройка должна была обеспечить некую автономию новой общины: сестры сами сеяли, сами мололи, сами хлеб пекли и, хоть и весьма скудно, но в первые времена прожить могли и без чужой помощи.

На мельнице поселились семь сестер, отобранные преподобным из первоначальной общины: Прасковья Степановна Шаблыгина, впоследствии монахиня Пелагия; Евдокия Ефремовна – монахиня Евпраксия; Ксения Ильинична Потехина – монахиня Клавдия; Ксения Павловна; Прасковья Ивановна – монахиня Серафима; Дарья Зиновьевна и Анна Алексеевна. Осенью сестры построили себе келью, и все семеро жили в ней три года.

Духовником сестер о. Серафим назначил о. Василия Садовского. Это был человек несомненной веры и чистой жизни. С самого начала знакомства с о. Серафимом он совершенно предался в волю его. Вот как сам он потом записывает первое свидание с преподобным, пригласившим его к себе, дабы поговорить о том, кого бы назначить начальницей в новую общину: «Батюшка сидел у своего источника грустным... «Кого бы нам?» – «Кого уж вы благословите» – «Нет, ты как думаешь?» – «Как вы благословите, батюшка» – «Вот то-то я и думаю: Елену-то Васильевну, батюшка, она ведь словесная. Вот потому я и призвал тебя», – сказал старец».

После этого преподобный Серафим призвал к себе намеченную в начальницы послуш-

ницу Елену Васильевну Мантурову, которой в то время было около двадцати лет. Елена Мантурова, войдя в келью о. Серафима и услышав его указание, воскликнула: «Нет, не могу, не могу я этого, батюшка!.. Всегда и во всем слушалась я вас, но в этом не могу! Лучше прикажите мне умереть, вот здесь, сейчас, у ног ваших, но начальницею – не желаю, и не могу быть, батюшка!» Ответственность за чужие души устрасила ее в столь юном возрасте, но о. Серафим велел сестрам во всем «благословляться» у нее, хотя она до конца своей краткой жизни оставалась жить в своей келье при общине Кочевой.

Со временем в новой общине выстроили житницу и новые кельи. Но лишь в 1829 году, зимой, все формальности с землей были улажены. Тогда о. Серафим благословил сестер обойти подаренную землю по линии колышков, поставленных землемером. А по пути бросать в снег камешки – весной эти камешки обозначат дарственный участок. Сестры все сделали беспрекословно. За это и в знак радости о. Серафим послал сестрам кадку меда.

Весною преподобный благословил опахать подаренную землю три раза по одной же борозде, по линии камешков. А когда земля просохла, то по благословению о. Серафима, по той же линии вырыли знаменитую канавку в три аршина глубиной, и на вал посадили крыжовник.

Постепенно число сестер в новой общине увеличивалось. В связи с этим преподобный

Серафим поручил Михаилу Васильевичу Мантурову – родному брату Елены Васильевны, построить храм. Все свои средства вложил в строительство этого храма Мантуров, принявший по благословению преподобного подвиг самопроизвольной нищеты. Храм получился двухпрестольный: верхний престол – в честь Рождества Христова; нижний – в честь Рождества Богородицы. Отцу Василию Садовскому и сестре Елене Мантуровой о. Серафим велел ехать, несмотря на эпидемию холеры, в Нижний Новгород и получить епископское разрешение на освящение храма, что они и сделали, вопреки всем трудностям и препятствиям. Мудрый и ученый архимандрит, которого просили вторично приехать в Дивеево для освящения второй церкви в таком скором времени, воскликнул: «О, Серафим, Серафим! Сколь дивен ты в делах твоих, старец Божий!» Церковь была освящена 8 сентября 1830 года.

Преподобный дал сестрам новой общины новый устав, так как он считал устав Саровской обители слишком суровым для своих послушниц. Согласно этому уставу они должны были несколько раз в день читать так называемое «Серафимово правило», а в промежутках творить молитву Иисусову. Также и в отношении пищи сестрам делалось послабление.

Здесь нужно отметить, что, несмотря на все послабления, жизнь в Мельничной общине не была легким времяпрепровождением. Практически все сестры вынуждены были делать сами: сами пахали, сами кололи дрова и

возили их из Сарова в Дивеево, сами мололи, сами строили кельи; неисчислимое количество раз ходили в Саров, к о. Серафиму, причем возвращались, нагруженные припасами для общины. Также во время строительства храма сестры самостоятельно носили кирпичи для строительства. При этом одна из них, Мария Мелюкова (в схиме Марфа), так надорвалась, что умерла.

Не успели кончить вторую церковь Дивеевской общины, как о. Серафим стал покупать землю для будущего собора, построенного лишь в 1861 году. Купив землю у некоего Жданова, о. Серафим завещал Мантурову хранить бережно купчую, и ни в коем случае не расставаться с приобретенной землей.

Труды преподобного по созданию Дивеевской обители по-прежнему вызывали нарекание саровской братии. Некоторые монахи обращались к настоятелю, прося его увещевать о. Серафима. Впоследствии очевидцы вспоминали, что однажды игумен Нифонт, встретив преподобного по дороге из пустыни в монастырскую келью, сказал ему: «Тобою соблазняются». Упав ему в ноги, преподобный ответил: «Ты пастырь, не позволяй же всем напрасно говорить, беспокоить себя и путников, идущих к вечности. Ибо слово твое сильно; и посох, как бич, для всех страшен».

Сам он объяснял свое отношение к дивеевским сиротам обещанием, которое он дал лежащей на смертном одре Агафье Семеновне Мельгуновой (в монашестве Александре).

Преподобный говорил: «Как нам оставить тех, о коих просила меня, убогого Серафима, матушка Агафья Семеновна!»

Но не одна только Дивеевская обитель обязана своим устройством молитвенному содействию преподобного Серафима: от его горящего светильника зажигались всюду огни, и во многих местах зарождалась жизнь молитвенного подвига и иноческого труда. Монастырь Дальне-Давыдовский, о возникновении которого преподобный Серафим сделал предсказание еще в молодые годы, обители Ардатовская и Зеленогорская вырастали по благословению преподобного и под его духовным воздействием. Большая часть из этих монастырей являлись новыми ветвями Дивеевской обители, насельникам которой преподобный Серафим дал некогда радостное обетование: «Духом я всегда с вами».

ЯВЛЕНИЕ БОГОМАТЕРИ

Ранним утром 25 марта 1831 года (чуть больше чем за полгода до кончины преподобного), в праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, преподобный Серафим удостоился посещения Царицы Небесной. Это двенадцатое и последнее в его жизни посещение Богоматери явилось как бы предзнаменованием его блаженной кончины и ожидающей его нетленной славы.

Единственной свидетельницей этого чудесного события была дивеевская старица

Евпраксия, тогда еще послушница Евдокия Ефремовна. Вот как она рассказывала об этом событии: «В последний год жизни батюшки Серафима я прихожу к нему вечером, по его приказанию, накануне праздника Благовещения Божией Матери. Батюшка встретил и говорит: «Ах, радость моя, я тебя давно ожидал! Какая нам с тобою милость и благодать от Божией Матери готовится в настоящий праздник! Велик этот день будет для нас!» «Достойна ли я, батюшка, получать благодать по грехам моим?» – отвечаю я. Но батюшка приказал: «Повторяй, матушка, несколько раз сряду: «Радуйся, Невесто Неневестная! Аллилуйя!» Потом начал говорить: «И слышать-то никогда не случалось, какой праздник нас с тобою ожидает!» Я начала было плакать... Говорю, что я недостойна; а батюшка не приказал, стал утешать меня, говоря: «Хотя и недостойна ты, но я о тебе упросил Господа и Божию Матерь, чтоб видеть тебе эту радость! Давай молиться!» И, сняв с себя мантию, надел ее на меня и начал читать акафисты: Господу Иисусу, Божией Матери, святителю Николаю, Иоанну Крестителю; каноны: Ангелу Хранителю, всем святым. Прочитав все это, говорит мне: «Не убойся, не утрашись, благодать Божия к нам является! Держись за меня крепко!»

И вдруг сделался шум, подобно ветру, явился блистающий свет, слышалось пение. Я не могла все это видеть и слышать без трепета. Батюшка упал на колени и, воздев руки к небу, воззвал: «О, Препоблагословенная, Пречистая

Дево, Владычице Богородица!» И вижу, как впереди идут два Ангела, держа – один в правой, а другой в левой руке – по ветке, усаженной только что расцветшими цветами. Волосы их, похожие на золотисто-желтый лен, лежали распущенными на плечах. А за ними Сама Владычица наша. За Богородицей шли двенадцать дев, потом еще святой Иоанн Предтеча и Иоанн Богослов. Одежда Иоанна Предтечи и апостола Иоанна Богослова была белая, блестящая от чистоты. Царица Небесная имела на себе мантию, подобно той, как пишется на образе Скорбящей Божией Матери, блестящую, но какого цвета – сказать не могу, несказанной красоты, застегнутою под шею большою круглою пряжкой (застежкой); убранною крестами, разнообразно разукрашенными, но чем – не знаю, а помню только, что она сияла необыкновенным светом. Платье, сверх коего была мантия, зеленое, перепоясанное высоким поясом. Сверх мантии была как бы епитрахиль, а на руках поручи, которые, равно как и епитрахиль, были убраны крестами. Владычица казалась ростом выше всех дев; на голове Ее была возвышенная корона, украшенная разнообразными крестами; прекрасная, чудная, сиявшая таким светом, что нельзя было смотреть глазами, равно как и на пряжку (застежку), и на самое лицо Царицы Небесной. Волосы Ее были распущены, лежали на плечах, и были длиннее и прекраснее Ангельских. Девы шли за нею попарно, в венцах, в одеждах разного цвета и с распущенными волосами;

они стали кругом всех нас. Царица Небесная была в середине. Келья батюшки сделалась просторная, и весь верх исполнился огней, как бы горящих свеч. Свет был особый, непохожий на дневной свет и светлее солнечного. Я упала от страха замертво на землю и не знаю, долго ли я была в таком состоянии, и что изволила говорить Царица Небесная с батюшкой Серафимом. Я ничего не слышала также, о чем батюшка просил Владычицу.

Перед концом видения услышала я, лежа на полу, что Матерь Божия изволила спрашивать батюшку Серафима: «Кто это у тебя лежит на земле?» Батюшка ответил: «Это та самая старица, о которой я просил Тебя, Владычица, быть ей при явлении Твоем!» Взяв меня за правую руку, Царица Небесная изволила сказать: «Встань, девица, и не убойся Нас. Такие же девы, как ты, пришли сюда со Мною». Я не почувствовала, как встала. Царица Небесная изволила повторить: «Не убойся, Мы пришли посетить вас». Батюшка Серафим стоял уже не на коленях, а на ногах перед Пресвятою Богородицею, и Она говорила столь милостиво, как бы с родным человеком. Объятая великою радостью, спросила я батюшку Серафима: «Где мы?» Я думала, что я уже не живая; потом, когда спросила его: «Кто это?» – то Пречистая Богородица приказала мне подойти ко всем самой, и спросить их, как их имена и какая жизнь была их на земле. Я и пошла по ряду спрашивать. Во-первых, подхожу к Ангелам, спрашиваю: «Кто вы?» Они отвечают: «Мы Ангелы

Божии. Потом подошла к Иоанну Крестителю, он также сказал мне имя свое и жизнь вкратце; точно так же – святой Иоанн Богослов, подошла к девам, и их спросила, каждую о имени; они рассказали мне свою жизнь. Святые девы по именам были: великомученицы Варвара и Екатерина, святая первомученица Фекла, святая великомученица Марина, святая великомученица и царица Ирина, преподобная Евпраксия, святые великомученицы Пелагея и Дорофея, преподобная Макрина, мученица Иустина, святая великомученица Иулиания и мученица Анисия.

Девы все говорили: «Не так Бог даровал нам эту славу, а за страдания и за поношения; и ты пострадаешь!» Пресвятая Богородица много говорила батюшке Серафиму, но всего не могла я расслышать, а вот что слышала хорошо: «Не оставь дев Моих дивеевских!» Отец Серафим отвечал: «О, Владычица! Я собираю их, но сам собою не могу их управлять!» На это Царица Небесная ответила: «Я тебе, любимиче Мой, во всем помогу! Возложи на них послушание; если исправят, то будут с тобою и близ Меня, и если потеряют мудрость, то лишатся участи сих ближних дев Моих; ни места, ни венца такого не будет. Кто обидит их, тот поражен будет от Меня; кто послужит им ради Господа, тот помилован будет пред Богом!» Потом, обратясь ко мне, сказала: «Вот, посмотри на сих дев Моих и на венцы их: иные из них оставили земное царство и богатство, возжелав Царства Вечного и Небесного, возлюбивши

нищету самоизвольную, возлюбивши Единого Господа. И за это, видишь, какой славы и почести сподобились! Как было прежде, так и ныне. Только прежние мученицы страдали явно, а нынешние – тайно, сердечными скорбями, и мзда им будет такая же». Видение кончилось тем, что Пресвятая Богородица сказала о. Серафиму: «Скоро, любимиче Мой, будешь с Нами!» – и благословила его. Простились с ним и все святые; девы целовались с ним рука в руку. Мне сказано было: «Это видение тебе дано ради молитв о. Серафима, Марка, Назария и Пахомия». Батюшка, обратясь после этого ко мне, сказал: «Вот, матушка, какой благодати сподобил Господь нас, убогих! Мне таким образом уже двенадцатый раз было явление от Бога, и тебя Господь сподобил. Вот, какой радости достигли! Есть нам, почему веру и надежду иметь ко Господу! Побеждай врага-диавола и противу его будь во всем мудра; Господь тебе во всем поможет!»

Когда мы остались одни с батюшкой, я говорю ему: «Ах, батюшка, я думала, что умру от страха, и не успела попросить Царицу Небесную об отпущении грехов моих». Но батюшка отвечал мне: «Я, убогий, упросил о вас Божию Матерь и не только о вас, но о всех, любящих меня, и о тех, кто служил мне и мое слово исполнял; кто трудился для меня, кто обитель мою любит, а кольми паче вас не оставлю и не забуду. Я, отец ваш, попечусь о вас и в сем веке, и в будущем; и кто в моей пустыне жить будет, всех не оставлю, и роды ваши не остав-

лены будут. Вот, какой радости Господь сподобил нас, зачем нам унывать!» Тогда я стала просить батюшку, чтобы он научил меня, как жить и молиться. Он ответил: «Вот как молитесь: Господи, сподоби меня умереть христианскою кончиною, не остави меня, Господи, на страшном суде Твоем, не лиши Царствия Небесного! Царица Небесная, не остави меня!» После всего я поклонилась в ножки батюшке, а он, благословивши меня, сказал: «Гряди, чадо, с миром в Серафимову пустынь!»

ИЗНЕМОЖЕНИЕ И КОНЧИНА ПРЕПОДОБНОГО

За год до смерти о. Серафим почувствовал крайнее изнеможение сил душевных и телесных. Ему было теперь около 72-х лет. Вследствие ослабления преподобный все реже стал выходить из монастыря в пустыньку; меньше принимал людей, чаще затворялся. А это давало ему возможность усерднее готовиться к переходу в иную жизнь; его часто стали видеть в сенях кельи: здесь святой старец подолгу просиживал на уготованном им дубовом гробе, в глубоком молчании размышляя о конце своем и будущей загробной жизни. Эти размышления нередко заканчивались слезами. Слабел преподобный Серафим телесно, отдавая дань естеству. Но это не влияло на светлый дух его.

Все чаще преподобный Серафим стал говорить о своей смерти. Он говорил это и се-

страм дивеевской общины, и почитателям и духовным чадам. Отец Серафим, прощаясь со многими, с решительностью говорил: «Мы не увидимся более с вами». А иногда говорил более сильно и определенно: «Когда меня не станет, ходите ко мне на гробик, как к живому, и все расскажите. И услышу вас... Как с живым, со мной говорите. И всегда я для вас жив буду!»

Но преподобного еще ждали искушения. Одним из них была история с беглой крепостной девушкой. Чтобы скрыть себя, она остригла волосы в кружок, надела послушнический подрясник и в таком виде бродяжничала по миру. Однако власти нашли ее и раскрыли обман. Тогда, чтобы укрыться авторитетом о. Серафима, на допросе она показала, что сделала это по благословению саровского старца. Светское начальство предписало игумену Нифонту сделать по этому делу розыск над преподобным. И его спрашивали, выясняли, как виноватого. Вскрылось легко, что беглянка оболгала его. Но все же это причинило о. Серафиму некоторое огорчение. В данном искушении он узрел козни врага.

Особенно огорчило его отношение к делу не только со стороны оклеветавшей его беглянки, но и со стороны своего монастырского начальства и братии, которые в какой-то степени могли допустить возможность подобного поведения святого старца: все же они, хотя и по приказанию светского начальства, вели расследование. И однажды о. Серафим сказал

по этому поводу такие слова: «Все сии обстоятельства означают то, что я скоро не буду жить здесь, что близок конец моей жизни».

Еще одно искушение было связано с визитом архиерея, которому наговорили на преподобного. В августе 1832 года приехал в Саровскую обитель Тамбовский архиерей, епископ Арсений – впоследствии митрополит Киевский. Преподобный был в это время в пустыньке. Но, узнав, что прибыл новый архипастырь, почел долгом прийти в монастырь, чтобы встретить епископа вместе со всеми, а после встречи снова воротиться в пустыньку. Осмотрев монастырь, архиерей пожелал посетить преподобного в его пустыньке. Отец Серафим в это время занимался обкладыванием берега камнями. Как только он увидел приближавшегося архиерея, тотчас же оставил работу, и бросился в ноги к нему, прося благословения. Архиерей попросил показать ему жилище, «пустыньку среди пустыни». – «Хорошо, батюшка», – смиренно и послушно ответил старец. Осмотрев простое убранство кельи, епископ Арсений попросил показать ему сокровенное уединение святого молитвенника: оно было за печью, и архиерею уже сообщили о том раньше. К ней и направился владыка.

– Не ходи, батюшка, – останавливал его о. Серафим, – замараешься.

Но преосвященный уже отворил дверь туда и увидел между стеною и печью угол, такой тесный, что туда мог поместиться только один человек, и тот должен был там или стоять прямо,

или же опуститься на колени; а ни присесть, ни облокотиться нельзя было. На стене в углу стоял образ с зажженной перед ним лампадкой. Перекрестившись, владыка вышел из пустыньки и направился в Дорофееву пустынь. На обратном пути он снова зашел к преподобному, который в это время беседовал с оставшейся свитой владыки и пророчески предсказал о будущей деятельности будущего митрополита. Когда владыка приблизился, о. Серафим подошел к нему, взял за руку и благоговейно обратился к нему с вопросом:

– Вот, батюшка, богомольцы приходят ко мне, убогому Серафиму, и просят меня дать им что-нибудь в благословение; я даю им сухариков черного или белого хлеба, и по ложке красного вина церковного: можно ли мне это делать?

Неизвестно, почему именно об этом спросил преподобный. Вероятно, архиерею наговорили на него, что он чуть ли не «причащает» в пустыньке. А преподобный, предвидев это, и решил успокоить своего владыку будто бы недоуменным вопросом.

– Можно, можно, – сразу ответил епископ, как будто уже подготовил заранее решение, – но только в раздельном виде. А то простолюдины, как слышал я, думают по простоте своей и между другими разглашают, будто ты причащаешь их Святых Тайн. А и того лучше, – прибавил он, – вина вовсе не давать, давать же только сухарики.

– Хорошо, батюшка: я так и буду поступать.

После этого владыка стал прощаться с ним. Получив благословение, преподобный снова поклонился ему в ноги и так остался. Напрасно владыка просил его встать и даже поднимал его с земли – он так и продолжал стоять на коленях. И когда владыка удалялся, он все ему кланялся, и кланялся до тех пор, пока тот не скрылся из виду.

Рядом с кельей о. Серафима жил монах Павел. Он иногда прислуживал преподобному вместо келейника. Порой он говорил о. Серафиму, что в отсутствие его от зажженных свечей может произойти пожар. На это прозорливец отвечал: «Пока я жив, пожара не будет; а когда умру, кончина моя откроется пожаром».

В день Рождества Христова, после литургии, о. Серафим направился к игумену монастыря, о. Нифонту, и стал с ним прямо говорить о своей кончине. При этом просил его положить в приготовленный им свой гроб. Говорил и о братии; просил за некоторых из иноков, особенно за младших. И «простился» с ним в последний раз.

Возвратившись в келью свою, он одному монаху, Иакову, вручил маленький финифтяный образок явления Божией Матери преподобному Сергию. При этом сказал: «Сей образ наденьте на меня, когда я умру, и с ним положите меня в могилу, – сей образ прислан мне честным архимандритом Антонием, наместником Лавры, от мощей преподобного Сергия».

1-го января 1833 года, в день воскресный, о. Серафим пришел в последний раз в боль-

ничную церковь во имя святых Зосимы и Савватия. Но вел себя, на сей раз, не совсем обычно: поставил ко всем иконам свечи и приложился к ним, чего прежде не делал. Потом причастился, по обычаю, Святых Христовых Таин. По окончании же литургии, он простился со всеми здесь молившимися братьями; всех благословил, поцеловал и, утешая, говорил: «Спасайтесь, не унывайте, бодрствуйте: нынешний день нам венцы готовятся». Потом приложился ко Кресту Господню и к иконе Божией Матери, обошел престол. И вышел из храма. Все заметили крайнее изнеможение старца; но духом он был бодр, спокоен и весел.

После литургии у него была сестра дивеевской общины Ирина Васильевна. Старец прислал с нею Параскеве Ивановне 200 рублей ассигнациями денег, поручая купить в ближней деревне хлеба на эти деньги, ибо в то время весь запас вышел, и сестры находились в большой нужде.

В течение последнего дня о. Серафим три раза выходил на то место, которое им самим было указано для погребения: по правую сторону соборного алтаря храма Успения Божией Матери, несколько к юго-востоку, рядом с могилой Марка-молчальника. Вечером, в новый год, сосед преподобного, о. Павел, слышал, как о. Серафим в своей келье пел пасхальные песни: «Воскресение Христово видевшее»; «Светися, светися, новый Иерусалиме»; «О, Пасха велия и священнейшая, Христе!», и другие победные духовные песнопения.

Часов около шести о. Павел, выходя из своей кельи на раннюю литургию, почувствовал близко запах дыма. Постучал с молитвою в двери к о. Серафиму, но ответа не было, а дверь была на крючке. Было еще темно, о. Павел вышел на крыльцо и позвал братию, проходивших в церковь. Один из послушников, Аникита, бросился к келье старца, откуда чуялся запах, и сорвал дверь с запора. В ней было темно. Старца не было видно сначала. На скамье тлели некоторые вещи и книги. Бросились за снегом и потушили огонь. Когда же принесли свечу, то увидели, что старец в своем обыкновенном белом балахоне-подряснике стоял на коленопреклоненной молитве перед образом Пресвятой Богородицы Умиления.

После литургии о. Серафима положили в гроб, по завещанию его, с финифтяным изображением преподобного Сергия, полученным из Троице-Сергиевой Лавры. Весть о кончине преподобного быстро распространилась по окрестным местам, и отовсюду потекли тысячи православных на поклонение угоднику.

Восемь дней стояли мощи святого в храме; и, несмотря на чрезвычайную духоту от множества народа и свечей, за все эти дни прощания не чувствовалось ни малейшего запаха тления. 9 января было отпевание. Когда духовник о. Серафима, о. Иларион, хотел положить в руку его разрешительную молитву, то она сама разжалась. Свидетелями этого чуда были о. игумен, казначей и другие. Видел это и бывший послушник монастыря, впоследствии ризни-

чий Александро-Невской Лавры, архимандрит Митрофан, который и сообщил потом о знамении. После отпевания тело преподобного было предано земле в указанном им месте, возле собора.

Впоследствии, усердием Нижегородского купца Я. Сырева, над могилой его был воздвигнут чугунный памятник в виде гробницы, на котором написано: жил во славу Божию 73 года, 5 месяцев и 12 дней.

ПОСМЕРТНЫЕ ЧУДЕСА

ЧУДЕСА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Исцеление от беснования

Спустя не более полугода после блаженной жизни старца Серафима, одна сестра Дивеевской обители подверглась припадкам беснования. Но вот, в одну ночь, она видит, будто находится в Дивеевской церкви, где был и преподобный Серафим. Старец, взяв больную еще с другой, находившейся здесь сестрой, за руки, как будто бы ввел больную в алтарь, обошел с ней кругом престола, и она вдруг почувствовала себя легко и хорошо. Проснувшись, она сотворила крестное знамение, и вполне пришла в себя; проснулась она совершенно здоровой, и с тех пор не подвергалась прежним припадкам и пользовалась полным здоровьем.

Исцеление дочери ротмистра Теплова

Ротмистр Теплов, питавший особое уважение к преподобному Серафиму, в 1834 году приехал в Саров с трехлетней дочерью, болевшей ногами. Отслужив панихиду на могиле старца, понесли дитя к Серафимову источнику, твердо веруя, что Господь за молитвы старца помилует больную. Напоив ребенка водой из сего источника и омыв ему ноги, взяли во-

ды в монастырь, с намерением отслужить над ней молебен с водоосвящением. Но, при входе в монастырь, девочка вырвалась из рук няньки и побежала вперед, как здоровая, и получила совершенное исцеление.

Исцеление от болезни глаз

Сестра Дивеевской обители сильно заболела глазами. Накануне нового, 1835, года видит она сон, что находится в церкви Тихвинской Божией Матери, и что из царских врат выходит в белой ризе преподобный Серафим, подает воздух и велит отереть им глаза.

Она спросила его:

– Ты ли это, батюшка?

Серафим отвечал:

– Какая ты, радость моя, неверующая! Сама же просила меня, а не веришь; ведь я у вас обедню совершаю.

После сего старец сделался невидим. С того времени болезнь глаз прошла у инокини.

Вода из источника преподобного

Многим преподобный подавал исцеления, советуя пить воду из своего источника и омыться ею. Так, два года спустя после кончины старца, одна сестра Дивеевской обители была больна горячкой и находилась при смерти, причем совершенно потеряла способность владеть рукой. И вот, видит она во сне преподобного, который спрашивал, почему она не придет к нему на источник; и, взяв за больную руку, поднял, приказывая непременно испол-

нить это. Проснувшись, инокиня почувствовала, что рука ее исцелена; когда же сестры отвезли ее в Саров на источник Серафимов и облили водой из него, то она получила полное выздоровление.

Спасение имуществу купчихи Петаковской

Шацкой купчихе Петаковской, знавшей старца при жизни и глубоко чтившей его, однажды явился во сне преподобный Серафим и сказал:

– В ночь воры взломали лавку твоего сына, но я взял метелку и стал мести около лавки, и они ушли.

Действительно, поутру все запоры были найдены вырванными, но лавка – целой и нетронутой.

Исцеление

В 1849 году я заболел. Болезнь моя была убийственная: я не думал, что останусь живым. Никакие средства не могли восстановить меня. Я отчаялся. Только в поздний вечер 1850 года вдруг кто-то тихо говорит мне: «Завтра день кончины о. Серафима, саровского старца; отслужи по нем заупокойную литургию и панихиду, и он тебя исцелит». Это меня сильно утешило. Я хотя лично не знал о. Серафима, но в 1838 году, бывши в Сарове, возымел к нему веру и любовь. Эти чувства еще более утвердились во мне, когда в 1839 году мне снилось, что служу молебен о. Серафиму от всей души и громко воспеваю: «Преподобне отче Серафиме, моли

Бога о нас!» Только, когда нужно было читать Евангелие, я не знал какое читать, преподобного или другое. Вдруг кто-то говорит мне: читай от Матфея 36-е зачало. При этих словах таинственного голоса я пробудился. С той поры и поныне я искренно верую, что о. Серафим – великий угодник Божий. Но обращаюсь к началу (т.е. к рассказу о своей болезни в 1849 году). По тайному внушению, убеждавшему меня к поминовению о. Серафима, я попросил, сам будучи не в силах, отслужить по нем литургию и панихиду, и лишь только это сделал – болезнь моя миновалась: я почувствовал чрезвычайное спокойствие, избавился от насилия неприяженного. И с той поры и поныне благодатью Божией здоров.

Иеросхимонах Сергей Святогорец

Спасение от разбойников

Иных преподобный Серафим спасал от разбойников и воров, чудесно являясь им с угрозами. Так, однажды, муромскими лесами шла богомолка. Услыхав в глухом месте страшные крики и стоны, она вынула находившееся при ней изображение Серафима и перекрестила им себя и то место, откуда раздавались крики. Вскоре неподалеку были найдены два изувеченных человека, которые рассказали, что разбойники хотели их убить, но вдруг разбежались. Пойманные впоследствии разбойники, каясь в разбое в муромском лесу, рассказали, что когда они готовились нанести своим жертвам последний удар, вдруг из лесу выбежал

седой, согбенный, в измятой камилавке монах, с грозящим пальцем, в белом балахоне, с криком: «Вот я вас!» А за ним бежала с кольями толпа народа. Им показали изображение Серафима, отобранное от странницы, и они признали его.

Помощь в устроении сына

В 1851 году, после смерти жены моей, осталось у меня трое малолетних детей, и я должен был заботиться об их образовании, а особенно о сыне, который воспитывался в частном пансионе, но с наступлением 11-летнего возраста его необходимо было устроить в другое учебное заведение. По просьбе моей сын мой был допущен до баллотировки в Николаевский Сиротский Институт в Гатчине. Однако дважды он баллотировался, но не был выбран, и тяжело было для моего отеческого сердца положение сына, остающегося без правильных занятий.

Глубоко чтя отца Серафима, я обратился к нему с молитвой, твердо веруя, что только ходатайством его перед Господом избавлюсь от этой заботы. Скоро наступила и третья баллотировка, и вера в помощь Божию по молитвам отца Серафима оправдалась: сын мой был принят на казенный счет в институт.

Алексей Куркин

Исцеление сына вице-губернатора

В 1856 году единственный сын вице-губернатора Костромской губернии А. А. Борзко,

восьми лет, начал страдать спазмами в желудке, превратившимися в сильную болезнь со страшными, изнурительными припадками, так что родители стали отчаиваться за его жизнь. В это время рясофорная монахиня Костромского женского монастыря С. Д. Давыдова подарила матери больного ребенка описание жизни и подвигов Серафима Саровского, которое и стали читать оба родителя ребенка, дивясь действиям благодати Божией, явившимся в преподобном. В одну ночь ребенок увидел во сне Спасителя, окруженного Ангелами, Который обещал больному выздоровление, если он исполнит то, что прикажет ему старец, который придет к нему. Потом явился ему старец и, называя себя Серафимом, сказал:

– Если хочешь быть здоровым, возьми воды из источника, находящегося в саровском лесу и называемого Серафимовым; и три дня утром и вечером омывай голову, грудь, руки и ноги, и пей.

Утром ребенок рассказал свой сон родителям, которые недоумевали, как достать воды, и скорбели о том. На другое утро ребенок рассказал другой сон: к нему являлась окруженная Ангелами Божия Матерь, и с любовью приказывала исполнить слова старца. В этот самый день вернулась путешествовавшая в Саров г-жа Давыдова, и родители просили помочь им достать воды из источника Серафимова. Та тотчас же принесла им бутылочку этой воды. И когда поступили по наставлению

старца, дитя, постепенно оправляясь, совершенно выздоровело.

Помощь и увещание

Одно служащее лицо, неоднократно терявшее места и подверженное несчастной склонности к пьянству, дошло до крайности. Уже раньше испытал на себе силу молитв к о. Серафиму, этот несчастный человек и теперь стал призывать старца как последнюю надежду свою. И видит он сон: стоит перед ним о. Серафим, на этот раз грозный, и говорит ему: «В последний раз!»

В самое непродолжительное время этот человек получил недурное место, какого не мог ожидать.

Избавление от страха и рождение сына

Г-жа А., будучи беременна, весьма боялась приближения времени родов, так как роды всегда были особенно тяжелы для нее и опасны. В это время зашел к ним в дом странник, у которого было описание жизни старца Серафима. Прочитав эту книгу, госпожа А., после молитвы к Господу Богу, положила свое упование на блаженного старца Серафима и просила его помощи. После этого она почувствовала себя гораздо лучше, всякий страх прошел уже, и что-то радостное было на душе. Наступило время родов. Без всякой помощи от людей, призывая на помощь только Богородицу и старца Серафима, А. родила без прежних страданий сына, которого назвала Серафимом.

*Явление преподобного
дивеевской инокине Евдокии*

В 1858 году дивеевская инокиня Евдокия, в среду на пятой неделе Великого Поста, вместе с другими сестрами, набивала льдом огромный общий ледник и, нечаянно поскользнувшись, упала на дно с высоты трех сажен. Ее подняли мертвой, причем она жаловалась на смертельную боль в боку и в голове, и малейшее прикосновение повергало ее в продолжительный обморок. Приехавший лекарь нашел положение ее очень опасным. Спустя две недели, в течение которых она почти не спала от боли, в полночь на Великий Четверг забылась она тонким сном, в котором увидела, что преподобный Серафим вошел к ней в келию и сказал: «Я пришел навестить своих нищих (так и при жизни называл он вверенных его попечению дивеевских сестер); давно здесь не был». Больная с горькими слезами воскликнула: «Батюшка, как у меня бок-то болит!» Старец же, сложив три перста правой руки, три раза перекрестил расшибленное место, говоря: «Прикладываю тебе пластырь и обвязания», – после чего стал невидим. Евдокия проснулась, но в келье было совершенно пусто и тихо, и она снова заснула. В пять часов утра она проснулась лежащею на больном боку, не чувствуя никакой боли. Припомнив явление к ней старца Серафима, она говорила, что «долго чувствовала, как будто пластырь лежит на ушибленном месте». В тот же день она одна без всякой помощи встала с кровати и поведала всем о чудесном своем исцелении.

Спасение умирающего

Как-то к священнику при церкви Успенского острова, о. Александру К., приезжают из деревни, лежащей в нескольких верстах от острова, с просьбой напутствовать умирающего. Отец Александр поспешил на зов и приобщил больного. Сестра милосердия, видевшая этого крестьянина, считала болезнь его бугорчаткой и признала его безнадежным. И сам он, и все окружающие ждали с минуты на минуту конца.

Приобщив больного, о. Александр вернулся домой.

Через несколько часов к нему прискакали опять, прося его навестить того же умирающего, который испытывал страшные душевные муки и настойчиво требовал священника.

Когда о. Александр приехал, больной сказал ему, что никак не может умереть, что он окружен духами злобы, которые наводят на него отчаяние. «Ты думаешь, – говорили они ему, – что ты приобщился и спасен. Не уйти тебе от нас. Ты в нашей власти. Нет тебе спасения».

Больного ломало так, что страшно было на него смотреть и оставалось лишь удивляться, как еще целы его кости.

Священник объяснил ему значение Таинства Елеосвящения, в котором разрешаются все грехи, сделанные человеком, забвенные им, утаенные и не исповеданные, – чем главным образом могли смущать его «враги», – и соборовал его; затем увещевал его не поддаваться ни страху, ни отчаянию и, благословив его на смерть, уехал. Вечером в третий раз

явились к о. Александру из того же дома с известием, что предсмертная тоска умирающего еще лютей мучит его и что он просит помощи.

Отец Александр имел горячую веру в старца Серафима, которого почитал как великого угодника Божия и чудотворца. У него всегда была в запасе вода из Сарова, из источника о. Серафима, о котором сам о. Серафим сказал: «Я молился, чтобы вода сия была целительной от болезней».

От этой воды произошло множество дивных исцелений – исчезали бесследно неизлечимые болезни, прозревали слепые. Между прочим, вода эта обладает замечательным свойством: она никогда не портится и не гниет, хотя бы целые годы стояла без плотной пробки.

Не зная, чем облегчить последние страдания умирающего, о. Александр вкратце пояснил родным его, кто такой был о. Серафим, как велико его дерзновение перед Богом, как страшен он исконному врагу рода человеческого; и отлил им немного этой воды из источника старца Серафима, чтобы они давали умирающему по капле до самого конца его.

Мысленно простясь с умирающим, о. Александр уже больше не видел его и не спрашивал о нем: так он уверен был, что тот скончался в ту же ночь (хоронить его должен был приходской священник).

Прошло много месяцев. Едет о. Александр как-то по дороге. Навстречу мужик с возом – стал, снял шапку и кланяется. Не верит о. Александр своим глазам: перед ним тот, кого он считал уже умершим.

Остановился и о. Александр, окликнул мужика по имени:

– Ты ли это? Я тебя все за покойника считал.

Тогда крестьянин рассказал ему, что вода о. Серафима дала ему какие-то силы, и он быстро поправился.

Явление преподобного

В 1865 году, в доме некоей г-жи Бар, перед Рождеством, когда там раздавали, по обычаю, пособия нуждающимся, преподобный явился в виде согбенного, седого старца. Раздатчице подающий он объяснил, что пришел не за подаванием, а ему нужно самому видеть хозяйку. Когда одна прислуга шепнула другой, что это, вероятно, бродяга, старец, обещая вскоре зайти, когда будет хозяйка, ушел. На раздатчицу напало раскаяние, и она бросилась за ним на крыльцо. Но он исчез, а от хозяйки все скрыли.

Подозрительной же служанке кто-то сказал во сне:

– Ты напрасно говорила: у вас в городе был не бродяга, а великий старец Божий.

На следующее же утро г-же Бар была принесена по почте посылка с изображением преподобного Серафима кормящим медведя, в каком изображении беседовавшие накануне со святым старцем узнали его.

Избавление от пьянства

Есть у меня сын единственный. Пил он ужасно, и горе мне было страшное, такое го-

ре, что и рассказать не умею. Что ни делала я с ним, ничто не брало, ничем не могла отвадить от вина. Слышала я о батюшке Серафиме; кое-как, насилу достала бумажный образочек его, картинку, повесила у себя и стала ему постоянно и сердечно молиться: «Батюшка, отвadi сына моего пить!» Вот раз сижу я, и вдруг вбегает ко мне сын-то, лица на нем нет, весь трясется, я, надо сказать, перепугалась.

«Что ты, – говорю, – что ты?» – «Маменька, – говорит, – прости мне, Христа ради, никогда пить не буду, капли вина в рот не возьму! Сейчас я хотел напиться, вдруг вижу, старик-то с палкой, что у тебя повешен в рамке, зашевелился, стал больше да больше, и совсем вышел из рамки живой, подошел ко мне, суровый да грозный такой, поднял на меня дубину и говорит: “Перестань мать огорчать и не смей более пить вина!”». Так вот, с тех самых пор Бог хранит: вылечился сын-то и капли в рот вина не берет. Вон он, какой милостивец у вас батюшка!

Страница

Исцеление Артемия Иларионова

Пришли два брата из Воронежской губернии. Они приобщились, и один из них получил исцеление от батюшки Серафима, потому и пришел сюда по обещанию и, с тем вместе, чтобы навестить больную свою сестру Ирину Иларионову и племянницу Машу, в живописном корпусе; они очень рады, что она в таком святом послушании: будет писать иконы. Я по-

желала их видеть и лично расспросить об исцелении. Давно у Артемия было желание побывать в Сарове и в Дивееве. Но, как он сам мне это сказал, все домашние дела, заботы его отвлекали. Наконец, в сентябре 1884 года он сильно заболел к смерти: все родные приходили к нему уже прощаться. Он мысленно в молитвах призывает батюшку Серафима и дает обещание: если выздоровеет, идти непременно в Саров. Вскоре ему делается лучше, он выздоравливает, собирается в путь, но родные и все домашние восстают, говорят: «Как ты уходишь, когда сын у тебя на призыве. Подожди, хоть чем дело кончится, пойдет ли он в солдаты или останется». Так я и остался. Сын мой вынул дальний жребий – значит, он остался. А в январе я опять заболел еще сильнее, не было уже никакой надежды на выздоровление. Я опять повторяю свой обет. Думаю, уже никакие дела меня не остановят; как только поправлюсь, то и пойду в Дивеево. Видно, за молитвы батюшки Серафима, Господь вторично исцелил меня.

Дивеевская схимонахиня Доротея

Явление преподобного Серафима и исцеление

Прасковья Ивановна Киселева, крестьянская девушка деревни Вертьянова, Ардатовского уезда, простудилась и два года болела ногами. Их сводило так, что больная не могла ни ходить, ни лежать; причем ее руки также не поднимались кверху. Девушка все время

проводила на печке, и лишь иногда ее возили на санках к ее бабушке. Прасковья давно имела желание съездить на могилу угодника Божия Серафима, но, так как у ее отца не было лошади, намерение ее приходилось откладывать. Однажды зимой, в конце января отвезли больную девушку к бабушке, у которой Прасковья осталась ночевать. И вот видит больная сон: входит в избу какой-то старичок, благообразной наружности, и, подойдя к печке, на которой спала Прасковья, говорит ей: «Вот ты третий раз собираешься съездить в Саров к убогому Серафиму исцелиться, и все не едешь». Прасковья ответила ему, что не имеет денег на дорогу. Старец сказал ей: «Продай холст, который ты принесла, и на вырученные от продажи деньги поезжай, выкупайся в источнике, и будешь здорова. Кстати, купи две пятикопеечные просфоры, – одну съешь, а другую спрячь до Чистого Понедельника». С этими словами преподобный Серафим скрылся, а девушка проснулась и рассказала свой сон бабушке, которая тут же запрягла лошадь и повезла ее в Саров. По дороге старушка все думала, как она будет высаживать из саней внучку; но, к величайшему ее удивлению, девушка сама вылезла, пошла в церковь, затем дошла и до источника батюшки Серафима, искупалась в нем и получила полное исцеление. Теперь она свободно ходит и поднимает руки. Вернувшись домой, Прасковья опять видела во сне преподобного Серафима, который благословил ее крестом.

Исцеление лютеранина

Прихожу к моему знакомому лютеранину, а он в отчаянии, что сын его болен раздражением мозга; и доктор сказал, что больной безнадежен. Видя неутешимую скорбь отца, я говорю: «Хочешь ли, чтобы сын был здоров? Веришь ли о. Серафиму?» – «Хочу, чтобы он был здоров и верую!» – ответил отец. – «В таком случае, вот образ о. Серафима, и надень его на сына». Он взял, надел, и сын его выздоровел. Вот уже три года он не снимает образа с сына и не отдает мне.

Сергей Алексеевич Никитин

Исцеление послушницы

В обители, где настоятельницей была схигуменья Фамарь (Марджанова), умирала послушница Ульяша (Иулиания). Ее послушанием было носить в монастырскую кухню дрова из сарая. Однажды на нее обрушилась огромная поленица дров. Когда послушницу извлекли из-под груды дров, она была без памяти. Вызвали доктора. Он осмотрел послушницу и нашел, что у нее переломаны руки, ноги и ребра, сдавлена грудная клетка. На ней, как говорится, не осталось живого места.

Она лежала в монастырской больнице неподвижно, не приходя в сознание. Начался отек легких, и врач сказал, что она скоро не сможет дышать и умрет.

Наконец настал день, когда врач сказал схиигуменье Фамари, что Ульяша скончается этой ночью. Матушка позвала послушницу Фиму (Евфимию) и сказала: «Доктор говорит,

что Уляша ночью скончается. Возьми у матери регентши икону преподобного Серафима, освященную на его святых мощах, возложи Уляше на грудь и помолись, чтобы Господь взял ее душу без страданий».

Фима ушла. Настоятельница молилась в своей келье. Вдруг вбегает Фима и говорит:

– Матушка! Матушка! Уляша...

– Что, что Уляша? Скончалась? Не буди сестер. Панихиду по новопреставленной служить будем утром.

– Нет, матушка, Уляша встала!

Когда настоятельница прибежала к больной палате, навстречу ей вышла сама Уляша, вполне живая, с иконой преподобного Серафима в руках.

Как оказалось, через некоторое время после того, как Фима возложила икону на грудь умирающей, Уляша вдруг увидела себя в большом сосновом лесу. Впереди по тропинке, опираясь на палочку, шел, удаляясь от нее, сгорбленный старичок в белой рясе. Она поспешила за ним. Почему-то ей очень нужно было догнать его. Что было сил она пустилась за ним – и поднялась с постели, держа в руках икону! На иконе оказался тот самый старец.

Так преподобный Серафим в один миг исцелил переломанную Уляшу.

Утром пришел доктор, дабы письменно констатировать смерть Уляши. Инокини, сговорившись, ничего ему не сказали. Каково же было его удивление, когда «покойница» сама вышла ему навстречу и низко поклонилась.

Осмотрев ее, врач убедился в том, что действительно произошло чудо.

«Стой хорошо, не падай»

Этот рассказ я слышала от покойной Олимпиады Ивановны. Передавая его, она волновалась, а сын, о котором шла речь, сидел рядом с ней и утвердительно кивал головой, когда она обращалась к нему за подтверждением. Вот что я от нее услышала:

– Ване было семь лет. Шустрый он был, понятливый и большой шалун. Жили мы в Москве, на Земляном валу, а Ванин крестный – наискосок от нас, в пятиэтажном доме.

Как-то вечером я послала Ванюшу к крестному – пригласить на чай. Перебежал Ваня дорогу, поднялся на третий этаж, а так как до звонка на двери достать не мог, то стал на лестничные перила, и только хотел протянуть к звонку руку, как ноги соскользнули и он упал в пролет лестницы.

Старый швейцар, сидевший внизу, видел, как Ваня мешком упал на цементный пол. Старик хорошо знал нашу семью и поспешил к нам с криком:

– Ваш сынок убили!

Мы бросились к Ване, но, когда подбежали к дому, увидели, что он сам медленно идет нам навстречу:

– Ванечка, голубчик, ты жив? – схватила я его на руки. – Где у тебя болит?

– Нигде не болит. Просто я побежал к крестному и хотел позвонить, но упал вниз. Лежу

на полу и не могу встать. Тут ко мне подошел старичок – тот, что у нас в спальне на картинке нарисован. Он меня поднял, поставил на ноги, да так крепко, и сказал: «Ну, хлопчик, стой хорошо, не падай». Я пошел, вот только никак не могу вспомнить, зачем вы меня к крестному посылали.

После этого Ванюша мой сутки спал крепко-крепко, а когда встал, был совершенно здоров.

В спальне же у меня висел большой образ преподобного Серафима Саровского.

Раба Божия N

ЧУДЕСА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ И В РУССКОМ ЗАРУБЕЖЬЕ

«Кто он, этот старичок?»

Переслал мне один знакомый письмо на французском языке, в котором одна эльзаска просила его прислать ей что-нибудь о Русской Православной Церкви: молитвенник, или что-либо подобное. В ответ на письмо что-то послали ей, и этим дело ограничилось.

Позже я был в Эльзасе и зашел познакомиться с ней, но ее не было тогда дома – она была за городом. Я познакомился с ее свекровью, старушкой большого христианского милосердия и сердечной чистоты.

Она рассказала мне следующее. Их семья из старого дворянского рода Эльзаса, протестантского вероисповедания. Надо сказать, в этой области Эльзаса селения смешанного вероис-

поведания: наполовину – католики, а наполовину – протестанты. Храм же у них общий, и в нем они совершают свои богослужения по очереди. В глубине – алтарь римский, со статуями и со всем надлежащим. А когда служат протестанты, задерживают католический алтарь занавесом, выкатывают свой стол на середину и молятся.

Недавно в Эльзасе среди протестантов началось движение в пользу почитания святых. Это произошло после знакомства с книгой Саббатье о католическом святом Франциске Ассизском. Сам протестант, он пленился образом жизни этого праведника, посетив Ассизи. Семья моих знакомых тоже была под впечатлением этой книги. Продолжая оставаться протестантами, они чувствовали, однако, неудовлетворенность. Они стремились к почитанию святых и к Таинствам. Когда пастор обучал их, они просили его не задерживать католический алтарь, чтобы хотя бы видеть статуи святых. Мысль их искала истинной Церкви.

И вот однажды молодая женщина, будучи больной, сидела в саду и читала о жизни Франциска Ассизского. Сад был весь в цветах. Тишина деревенская... Читая книгу, она забылась в тонком сне. «Сама не знаю, как это было», – рассказывала она потом. – Идет ко мне сам Франциск, а с ним сгорбленный, весь сияющий старичок, как патриарх. Он был весь в белом. Я испугалась. А Франциск подходит совсем близко и говорит: «Дочь моя! Ты ищешь Истинную Церковь – она там, где он. Она все поддерживает, но ни от кого не просит поддержки».

Белый же старичок молчал и лишь одобрительно улыбался словам Франциска. Видение кончилось. Она как бы очнулась. А мысль подсказала ей почему-то: «Это связано с Русской Церковью». И мир сошел в ее душу.

После этого видения и было написано письмо, упомянутое вначале. Через два месяца я снова был у них, и на этот раз от нее самой узнал еще и следующее. Они приняли к себе русского работника. Желая узнать, хорошо ли он устроился, хозяйка зашла к нему и увидела на стене в углу иконку, и узнала на ней того старца, которого она видела в легком сне вместе с Франциском. В удивлении и страхе она спросила: «Кто он, этот старичок?» «Преподобный Серафим, наш православный святой», – ответил ей работник. И только тогда она поняла смысл слов святого Франциска, что истина – в Православной Церкви.

Митрополит Вениамин (Федченков)

Чудо о расслабленных

Побывавший тридцатые годы, во время празднования дня памяти преподобного Серафима Саровского в Серафимо-Дивеевской обители пожилой мужчина рассказал о великом чуде, совершенном Господом. В то время уже были закрыты и Саровский, и Дивеевский монастыри. Но в здешних лесах и в округе жили монахи, священники. На праздник батюшки Серафима у его святого источника собиралось множество людей. Приводили множество больных, служился молебен. Однажды во вре-

мя такого молебна, по молитвам к преподобному, были исцелены двое парализованных, которых доставили к источнику в колясках. После того, как отзвучали последние песнопения и величание батюшке, они встали, отбросили коляски и ушли, славя Господа, на своих ногах.

Рассказ офицера

Я родился и вырос в Арзамасе, недалеко от бывшего Саровского монастыря. В 20-х годах этот монастырь, вместе с обширным и очень ценным лесом, был превращен советской властью в исправительно-трудовой лагерь. Не только кельи монахов и монастырские здания, но и храмы были превращены в бараки для заключенных. В храмах были установлены в несколько рядов нары, а сам монастырь окружен колючей проволокой. Повсюду стояли наблюдательные вышки. Гражданам не разрешалось ходить вблизи лагеря или проявлять к нему интерес. И когда прибывали новые эшелоны с заключенными на вокзал, мы только пожимали плечами – для нас они были «враги народа». Однажды мы, несколько пионеров, случайно забрели на большое кладбище заключенных, располагающееся неподалеку от лагеря. Помню, как я был поражен размерами кладбища. На нас напал какой-то страх и ужас, и мы быстро убежали оттуда.

Во время Великой Отечественной войны меня направили из армии в военную школу. Перед отъездом на фронт мне удалось побывать дома. Это было летом 1943 года. Мать

попросила меня сходить с ней в храм. В нашем городе тогда открылись храмы, религия уже не была под запретом. В храме шла торжественная служба, мать даже обратила мое внимание на то, что молятся о даровании победы над врагом и что в храме можно увидеть много солдат. Я пошел с матерью, желая доставить ей эту радость. Возле храма я увидел много нищих, а также смело входивших в него солдат. В храме было так много народа, что мы едва передвигались в нем. В центре я увидел много свечей, горевших перед большой иконой преподобного Серафима Саровского, украшенной цветами. Я не стал долго стоять там, – все происходящее мне было непривычно; к тому же, честно говоря, я боялся встретить здесь моих прежних товарищей-комсомольцев. Ночью я уезжал на фронт. Перед отъездом мать, конечно, всплакнула и вдруг сказала мне: «Я верю, что ты останешься жив. Я буду молиться и он сохранит тебя». «Кто – он?» – спросил я. «Наш святой – батюшка Серафим», – ответила мать. Не желая обидеть ее, я ничего не ответил, но в душе, конечно, только засмеялся над таким предсказанием. Надо сказать, что в это время иконы висели в углу комнаты, среди них был и образ преподобного Серафима Саровского. Мать объяснила, что сейчас многие стали снова вешать иконы в доме, в церквях стали крестить детей, и мальчиков часто называли Серафимами. «В честь батюшки», – добавила она.

На фронте я попал в бесконечные бои. Я был дважды слегка ранен, награжден и получил повышение. Летом 1944 года, во время решительных боев на польской границе, я был серьезно ранен и лежал без сознания несколько дней. Как я потом уже узнал, врачи не надеялись меня спасти. И вот – хотите верьте, хотите – нет – именно в то время, когда мой организм боролся со смертью, мне приснилось, что я снова пионер, и мы с ребятами гуляем в лесу возле Саровского монастыря, – как в тот раз, когда мы однажды забрели на кладбище заключенных. Я почему-то отстал от других и потерял их из виду. Страх охватил меня. И вдруг из леса вышел старичок. Он быстро подошел ко мне, глянул мне прямо в глаза, положил свою руку мне на голову и сказал: «Ты будешь жить! Твоя мать вымолила тебя!» Я не успел прийти в себя, как он уж исчез. Я проснулся... Я был в больничной палате, а не в лесу. У моей койки стояли доктор и сестра, и о чем-то разговаривали. Я услышал слова: «Кризис миновал!»

Я упорно стал вспоминать, где же я видел этого старичка, который мне приснился, и вдруг вспомнил: в арзамасской церкви, на иконе.

Книга

У меня есть жизнеописание преподобного Серафима Саровского. Книгу я эту очень люблю. Я не только сама часто перечитывала ее, но и друзьям и знакомым давала почитать.

Книга стала до того потрепанной, что я решила никому больше ее не давать.

Как-то пришел мой хороший знакомый. Увидел на полке книгу – и так неотступно принялся просить ее, что я не выдержала и отдала.

– Даю с условием, – сказала я, – чтобы вы никому ее больше не давали. Видите, какая потрепанная, и от переплета одни кусочки остались.

– Книгу буду читать сам и никому, ни одному человеку ее не покажу, – заверил меня мой друг, но не сдержал данного слова.

Книгу увидела его соседка и так просила дать почитать о любимом святом, что он отдал ей, строго наказав:

– Ни одному человеку не давайте, а то, если книга пропадет, что хозяйке говорить буду?

Соседка и ее дочь с великой радостью читали книгу и не спешили с ней расстаться.

За дочкой соседки ухаживал молодой инженер и сделал ей, наконец, предложение. Девушке он, видимо, очень нравился, но она отказала:

– Я верующая, а ты даже некрещеный. Ты не пойдешь со мною венчаться, в церковь меня пускать не будешь, а когда родятся дети, не позволишь воспитать их так, как воспитывала меня мама. Не пойду за тебя, слишком взгляды у нас разные.

Получив отказ, молодой человек еще несколько раз принимался ее уговаривать, а потом, улучив время, когда девушка была на рабо-

те, пришел к ее матери и стал просить, чтобы она повлияла на дочь.

Мать девушки отнеслась к гостю хорошо, но уговаривать дочь отказалась. Видя, что он очень расстроен, она пригласила его выпить чаю и пошла на кухню приготовить все для этого нужное.

Пока она хлопотала, молодой человек сидел за столом и перелистывал лежавшее там жизнеописание преподобного. Когда же хозяйка села с ним за стол, он стал просить ее дать прочесть эту книгу. Никакие уговоры не действовали. Тогда, поблагодарив за чай и попрощавшись, он схватил книгу и выскочил за дверь, пообещав на ходу скоро вернуть ее.

Бедная женщина боялась попадаться на глаза моему другу, так как дни шли, а молодой человек не появлялся. Наконец, она созналась в том, что произошло, и оба они с тоской думали о том, как быть.

Прошел месяц, другой. Настала пятая неделя Великого Поста. Неожиданно молодой человек явился в дом любимой девушки.

– Дорогие мои, – радостно воскликнул он, – я теперь ваш, я вчера крестился, а сделал все это преподобный Серафим. Когда я у вас начал смотреть эту книгу, она меня так заинтересовала, что я не мог уже от нее оторваться. Потом мне захотелось узнать еще что-нибудь о вере, о Христе. Я начал читать, поверил и, наконец, крестился. А книга цела, вот она.

И он положил ее на стол. Книга была приведена в полный порядок, и переплетена в до-

рогой и красивый переплет. В таком чудесном виде она и была возвращена мне. Я решила подарить ее жениху и невесте.

Раба Божия N

«Выпей воды из моего источника...»

Около 1950 года я тяжело заболела печенью. Раза два-три в год бывали тяжелейшие приступы из-за прохождения камней. Особенно тяжелым для меня был 1953 год – приступы болей были ежедневными. С трудом я выдерживала восьмичасовой рабочий день на довольно ответственной работе.

О переходе на инвалидность или на пенсию я не могла и думать, так как у меня на руках была больная мать, которая жила за городом. Частые поездки к ней с тяжелыми сумками еще более усиливали боли.

Наконец наступило лето и долгожданный отпуск. Однако перед отпуском пришлось волноваться, и в первые же дни отпуска начался приступ, который длился пять суток. Я оказалась без врачебной помощи и каких-либо обезболивающих средств. Камни вышли, началось общее воспаление печени. Слабость была такая, что я лишь с трудом могла обслуживать свою больную мать.

Вечером, лежа в постели, я любила перечитывать мою любимую книгу «Житие преподобного отца Серафима Саровского». Однажды, читая о многочисленных исцелениях, им совершенных, я мысленно обратилась к нему приблизительно с такими словами: «Ты столь-

ких исцелил, почему же не исцелишь меня, ведь ты видишь, как я страдаю, а я должна работать для других».

В тот же момент внутренним зрением я увидела около себя батюшку Серафима. Он приложил свой большой медный крест к моей больной печени, и так же внутри себя, я услышала его голос: «Теперь выпей святой воды из моего источника, и тогда ты будешь совсем здорова».

Я очнулась от пережитого. Я привыкла анализировать свои духовные переживания, чтобы не впасть в соблазн, поэтому подумала, что все это плод моего воображения под влиянием только что прочитанного. Больше всего меня смущали его последние слова – «...выпей воды из моего источника». Откуда я возьму эту воду, находясь в Москве и зная, что к источнику вход запрещен?!

Но слова дивного старца исполнились на следующий же день: я получила пузырек воды, привезенный в этот день из Сарова. Эту воду достали совершенно «случайно».

Одним словом, чудо со мной случилось, я выпила этой воды; и с тех пор я не испытываю болей и не перестаю благодарить дорогого старца за чудесное исцеление.

Раба Божия N

Почитание преподобного Серафима

Почитание преподобного Серафима в нашей семье было особым и помощь от него проявилась несколько раз.

1. В детстве заболел мой брат какой-то заразной болезнью. Вызванные врачи немедлен-

но опрыскали всю комнату каким-то раствором, а на следующее утро обещали приехать и забрать брата в инфекционную больницу. Мама была в ужасе, что его положат без нее и что без ее ухода он не выживет. Слезно молилась она своему любимому святому, и что же? Утром врачи приехали, взяли у брата какой-то анализ и, ничего не найдя, уехали к великой радости моей матери.

2. Заболела моя сестра: в горле у нее образовался большой нарыв, который закрыл весь просвет, так что она едва могла дышать и очень страдала. Мама, имея у себя кусочек от камня, на котором молился преподобный, положила его с молитвой в воду, дала выпить сестре – нарыв прорвался и она осталась жива.

3. Мой сын в возрасте 1 года 2 месяцев заболел стафилококковой двухсторонней пневмонией; температура поднималась через каждые полчаса, он весь горел, «скорая помощь» увезла малютку в больницу, но меня с ним положить отказались. Я навещала его ежедневно, умоляла врачей положить и меня с ним, потому что его состояние, несмотря на все предпринятые меры, все ухудшалось. Через три дня мне самой предложили немедленно остаться с ним, но надежды уже не было никакой: он лежал без движения, не ел, был синеватого цвета, почти не дышал, не открывал глаз, ни на что не реагировал; все усилия врачей были тщетны. Положили меня с ним на одну кровать и строго предупредили: вы, мол, мамаша, не спите ночью, а поддерживайте его в сидячем положении, ибо, ес-

ли он примет горизонтальное положение, то у него начнется отек легких. Я поняла, что дело совсем плохо, но кто мне поможет, если врачи бессильны? И вот у меня всплывает в памяти мое детство: мне 6 лет, я еще только начала читать, а мама дает мне книжечку о преподобном Серафиме, рассказывает о нем и открывает страницу, где на картинке он кормит из рук медведя, и я умиляюсь виденным. У меня моментально срабатывает мысль: этот добрый старец мне обязательно поможет. И вот, я молюсь ему своими словами: «Отче Серафиме, помоги мне». Сколько таких молитв я произнесла, я не помню; потрясенная горем, усталая, я вскоре заснула, механически и руку из-под спинки сына убрала, так что и он принял лежащее положение. Проснувшись я утром оттого, что в палату вошло несколько врачей, которые, вытянув шеи, смотрели на моего сына вопросительно; а он вдруг открыл глазки, потянулся ко мне, обвил мою шею ручками и жалобно протянул: «Ма-а-ма». Врачи попятились к дверям, не веря своим глазам, потому что думали (как мне потом сказала нянечка), что он не выживет. С этого дня мой сын стал поправляться... Он не только выжил, но и в 25-летнем возрасте попал в Курск, затем закончил московские Семинарию и Академию; а потом и вся семья моя переехала в Курск – на родину преподобного Серафима.

4. В Великую Отечественную войну мы, как семья многодетная, были эвакуированы под г. Тамбов, где сильно бедствовали: нечего было есть, все вещи, взятые с собой, были променя-

ны на продукты. Уезжая из Москвы, мама взяла с собой акафист преподобному Серафиму и ежедневно его читала. Преподобный спас нас от голодной смерти, т.к. мы уже пухли от голода: несмотря на запрет, сельсовет выдал нам документы, чтобы мы могли вернуться в 1943 году в Москву, где нам сразу же дали паек.

5. Мама умерла в 1999 году, в возрасте 99 лет. А за 2 года до того, оставшись дома с моей сестрой, разговаривала с ней и вдруг умолкла. На вопрос сестры: что, мол, вдруг замолчала? – она ответила: «Только что ко мне подошел старец Серафим Саровский, постоял-постоял, посмотрел на меня и ушел». Она показала рукой, где он стоял, несмотря на то, что была уже совершенно слепа. «А что он тебе сказал?» – спросила сестра. «Этого он не велел никому говорить», – был ответ.

Мария Павловна Б.

Утешение

С детства помню рассказ о том, как одна женщина, совершенно раздавленная свалившимися на нее горестями (кажется, потерей на войне мужа и несчастиями с родственниками), решила повеситься.

Для этого она припасла веревку и пошла в подмосковный лесок, местами достаточно тихий и безлюдный. Двигаясь медленно, она почувствовала усталость и присела на пенек. Около нее вдруг оказался старичок в холщовом балахончике. Глядя на нее строго и вместе с тем удивительно внимательно, он спросил: «Что ты

надумала?» Она не ответила: она поняла, что он все знает. «Пойдем». И она пошла. Не думала тогда ни о дороге, ни о нем, ни о том, что жить ей больше нечем... Шла как в забытии. Очнулась около дома. Рядом никого не было. Открыла свою дверь, и впервые за долгое время страшного состояния подавленности заплакала. Ей стало легче. Самое страшное, давившее невыносимой тяжестью, снял старичок. Но кто он? Она давно не была в храме и решила, что кто бы он ни был, его Бог послал. Надо идти в храм. Пришла. В образе преподобного Серафима узнала того, кто отвел ее от пропасти. Стала ходить в храм, исповедоваться, причащаться. Рассказав о своем спасении, добавила: «Все осталось таким же, а жить можно, и слава Богу».

Галина Александровна Пыльнева

СОВРЕМЕННЫЕ ЧУДЕСА

Облегчение предсмертных страданий

Из чудес Серафима Саровского упомяну об облегчении предсмертных страданий моего отца Алексея Федоровича. Мой отец болел раком мочевого пузыря. Трижды оперировался, но болезнь не отступала. Опухоль прорастала в лимфатические узлы, в результате чего сильно распухла левая нога, появились очень сильные боли. Летом 1991 года святые мощи преподобного Серафима находились в Богоявленском соборе в Москве. Для поклонения им в храм отправилась моя сестра, живущая в Москве,

с тремя детьми. Все они горячо просили Саровского чудотворца о помощи отцу и дедушке. И он помог. В те самые минуты, когда они были у мощей, отец почувствовал, что боль в ноге внезапно исчезла. Он смог встать с постели и стал ходить без палочки и без посторонней помощи. Он мог пользоваться пораженной ногой до самой своей кончины.

А.А. Юрков

Исцеление девочки

Десять лет назад, съездив в Дивеево со своей первой группой, я отправилась на Украину к родственникам. Дома встретила с троюродной сестрой. Она безутешно плакала, горевала о том, что у нее заболела дочь. Девочке было десять лет, диагноз ей поставили – эпилепсия. Заболевание выражалось в виде приступов, по типу эпилепсии. Среди ночи девочка просыпалась в возбуждении, у нее начинался тремор, дрожь, и все это сопровождалось слюноотечением с пеной. Приступы длились до одной минуты. Естественно, сестра обращалась к докторам. Но – безуспешно.

Как известно, наши благочестивые предки хорошо знали о том, что исцеление больным часто подается Господом на святых источниках, у мощей угодников Божиих. И, конечно, в Таинствах Церкви – Исповеди, Причастии, Соборовании. Поэтому я сказала сестре, что медицина здесь бессильна, да она и сама уже успела в этом убедиться. Все транквилизаторы, нейролептики и другие лекарства способны

только загнать заболевание вглубь, а настоящего исцеления дать не могут.

У меня было с собой маслице, освященное на мощах преподобного Серафима Саровского, а также книжечка с житием и акафистом ему. Я отдала все это сестре; сказала, чтобы они ежедневно на ночь крестообразно мазали ребенку лобик маслом, читали акафист преподобному, молились ему об исцелении, заказывали в храме водосвятные молебны о здравии девочки и кропили ее святой водой, что они и делали в течение двух месяцев.

Потом моя мама, которая живет рядом с ними, совершенно неожиданно поехала в Дивеево; и там впервые, в 56-летнем возрасте, исповедовалась и причастилась. Это было тем более удивительно, что рядом с ее домом, в трех минутах ходьбы, есть храм, а воцерковление произошло в далеком Дивеево. Оттуда мама привезла водички из чудотворного источника преподобного Серафима. И тут произошло чудо. Когда девочка в очередной раз проснулась ночью, ее окропили этой водой. Припадок был остановлен, и ребенок исцелился. Было это десять лет назад. С тех пор они ежегодно приезжают в Дивеево благодарить преподобного Серафима Саровского за это чудесное исцеление.

Татьяна Владимировна Калнина

Исцеление врача

Осенью 1993 года из Ташкента в Дивеево приехал врач. На руках у него были незажи-

вающие язвы, из-за чего он не расставался с разнообразными лекарствами. После того, как он помолился преподобному Серафиму и искупался в местных чудотворных источниках, язвы на руках зарубцевались. Счастливый, он благодарил батюшку Серафима и рассказывал всем о своем чудесном исцелении.

***Чудесное исцеление
по молитвам преподобного Серафима***

На левой ноге у меня образовался тромб, жизнь висела на волоске. На работе предложили поездку в Дивеево, но я не успела заказать место, а душа рвалась к преподобному Серафиму, удержаться не могла. С компрессом на ноге, одела я ребячьи ботинки и отправилась к автобусу. Мне говорят: «Одно место есть». Слава Тебе, Господи! Приехали. Жили в гостинице, за источником Казанской иконы Божией Матери, на службу ходили пешком. Приложилась я к святым мощам преподобного Серафима. Вернулась домой, разбинтовала ногу и – о чудо! Все прошло! Благодарю тебя, преподобный Серафим! Прости меня за грехи и немощи мои, и будь с нами всегда.

Валентина Васильевна Романова

Ладошка очистилась

В 1996 году я отправила свою дочь с внуком в Дивеево. У внука с детского сада была на ладошке бородавка. Он рос, и бородавка росла; и выросла настолько, что было неприятно на ручку смотреть.

Вернувшись из Дивеева, внук пришел ко мне и говорит: «Бабуля, я купался в источнике батюшки Серафима и молился так, как ты меня учила. Посмотри: у меня на ладони ничего нету, она чистая».

Бородавка пропала, ничего не осталось, кроме маленького пятнышка.

Раба Божия N

Рождение сына

Елена из города Самара очень переживала, что у них с мужем не было детей. В июле 1999 года она с подругой отправилась в Дивеево помолиться преподобному Серафиму о рождении ребенка; подобно тому, как в начале века, в 1903 году, во время пребывания на саровских торжествах, усердно молилась преподобному Серафиму царская чета о даровании наследника. И как через год в царской семье появился долгожданный младенец, так и искренняя вера Елены в благодатную помощь преподобного Серафима не осталась тщетной – в следующем году у нее родился сын.

Вот что она написала: «Подруга моя – удивительный человек, глубоко верующий; может быть, именно ее молитвы дошли до Неба. В Дивеево я причастилась Святых Христовых Таин, искупалась в нескольких источниках, горячо молилась о даровании мне дитя. После приезда домой мы с моими родителями и мужем ездили на святой источник в Ташлу. И через девять месяцев у нас

родился сын Павел. Слава Богу за все. Пусть мой рассказ послужит людям на пользу и во славу Божию».

Елена

Исцеление и помощь преподобного Серафима

Дорогие сестры Дивеевской обители! Разрешите мне сообщить об исцелении, которое я получила после купания в источнике батюшки Серафима. В начале октября 1991 года я была в вашем монастыре. 4-го декабря мы исповедались и причастились, 5-го поехали на источник. Я в течение 25 лет перед поездкой страдала воспалением левой почки. При обострении боли были нестерпимые. Ехала я как раз в период обострения, и по своему маловерию решила не купаться. Но в последний момент побежала, купила рубашку и искупалась. Боли прошли сразу же и до сих пор не возобновлялись. Кроме того, я усердно молилась за мужа. Он почти не верил в Бога и в церковь почти не ходил. Я очень просила за него батюшку Серафима. Когда я приехала домой, к нам пришли друзья, и я стала рассказывать о поездке. А муж смотрит в потолок и как будто не слушает. Я его спрашиваю, почему он меня не слушает, а он говорит, что думает и удивляется, почему не ходит в церковь. С тех пор он постепенно начал поститься, читать духовную литературу и ходить в церковь. Уверена, что все это произошло по молитвам батюшки Серафима.

Раба Божия Людмила

Рассказ из Индонезии

Живу я в Индонезии. Несколько лет назад до моего отъезда сюда я набрал воды в Серафимовом источнике. Часть оставил родным, а часть взял с собой. Несколько раз сам при каких-то случаях пил эту воду, плюс давал знакомым, а тут вот у одной моей знакомой девушки отец при смерти; уже долгое время он не ходил (травма позвоночника), делали рентген и т. д.; врачи сказали, что особо помочь не могут – только дорогая операция. У них денег нет, и мужик долгое время лежал и почти уже умирал – близких не узнавал, под себя ходил.

Тут я и вспомнил, что у меня немного воды-то осталось. Они мусульмане, но для меня нет разницы – ведь люди. Я им ее дал. Это было три дня назад.

А только полчаса назад его дочь позвонила и сообщила, что он уже встает с помощью детей и ходит слегка.

Раб Божий N

Исцеление дочери

24 января 2001 года мою дочь Валентину увезла «скорая помощь» в тяжелейшем состоянии. Ночью ей была сделана сложная операция. Больше месяца врачи боролись за ее жизнь. Надежды на выздоровление не было, организм был подведен под искусственный аппарат. Встретив рабу Божию Галину, я рассказала ей о своем тяжком горе. Она дала мне платок, освященный на мощах преподобного Серафима, и посоветовала повязать его на голову больной до-

чери. В этот же день с верой и облегчением в душе пошла я в больницу и повязала платок дочери. На второй день ее отправили в краевую больницу, и я убедительно попросила сопровождающего врача платок не снимать. Врач оказалась верующая, просьбу мою охотно приняла, и тоже сказала: «Шансов мало на ее выздоровление, но будем надеяться на Господа, все в Его руках». Все вместе помолились, и я полностью была уверена, что дочь моя будет жить. Через неделю она начала подавать признаки жизни, а через полтора месяца ее выписали из больницы, хотя еще слабую и беспомощную. И это только благодаря милосердию Господа, благодаря помощи преподобного Серафима Саровского моя дочь осталась жива.

Кузьменкова

Исцеление ног

У меня сильно болели ноги. В течение десяти лет я не снимала чулки и брюки ни зимой, ни летом. И в Дивеево приехала с перевязанными шерстяными тряпками ногами, а сверху – брюки. Было лето, июль месяц. В праздник апостолов Петра и Павла я причастилась Святых Христовых Таин. Ночи почти не спала, засыпала под утро, измученная болями в ногах.

После купания в источнике батюшки Серафима я проспала 14 часов. Ноги совершенно исцелились. Домой я приехала с развязанными ногами и больше их не завязываю. Благодарю Господа, что именем Своего святого батюшки Серафима Он даровал мне исцеление.

Раба Божия N

О моем чуде исцеления

На ультразвуковом исследовании у меня обнаружили целый букет женских болезней. Пошла к врачу с протоколом УЗИ, и, конечно же, услышала приговор: «Удалять!» – «Иди сдавай анализы и ко мне!» А тут по милости Божией решили с подругами съездить в Дивеево. Собралось нас четверо человек. Взяли благословение, билет на 4 февраля 2003 года и поехали.

В источнике купались дважды – первый раз 06.02.03, в четверг. Жутко болела голова. Мне сестры сказали, что нужно купаться еще. Поехали второй раз, в пятницу, 7 февраля, вечером после службы, приложились к мощам преподобного батюшки Серафима и ко всем его святыням. А поздно вечером я внезапно заболела. 8 февраля литургию отстояла в притворе и причаститься не смогла. Вечером уехали домой. Дома от боли не осталось и следа. 11 февраля сделала повторное обследование – болезни как и не было.

Преподобный отец наш Серафим меня исцелил.

Наталья Изрядкина. Кубинка, М.О.

Вразумление матерщинника

Мой друг Алексей прежде слыл вдохновенным и неисправимым матерщинником. Ругался сочно, витиевато и с удовольствием. Мы не делились больше полугода, и когда встретились, я прямо-таки не узнал своего друга. В его лексиконе напрочь исчезли все неприличные слова.

Дивясь невероятной перемене, произошедшей с Лехой, я, разумеется, спросил его: «Что с тобой случилось?!» В ответ он поведал мне историю, приключившуюся с ним:

«С молодых лет я легкомысленно полагал, что понятие «мат – это плохо» – всего лишь глупая условность, порожденная человеком. Ни родителям, ни знакомым не удавалось меня переубедить. Чудо произошло минувшим летом. Я уже считал себя верующим православным, но продолжал в быту сыпать «погаными» словечками, по-прежнему не желая признавать недопустимость их употребления. И вот однажды мы отправились с невестой в паломническую поездку в Дивеево. Пребывание на святой земле дало свои плоды в первые же дни. Ругательства все реже срывались с моих уст, но я еще «сопротивлялся». И вдруг, после очередного купания в святом источнике и посещения мощей, меня словно током ударила мысль: ругаясь – мы разрушаем свою душу. Было ощущение, что сам святой Серафим подвел меня к простому и естественному объяснению неприемлемости нецензурных слов.

И что удивительно – желание материться как отрезало! На следующий день, идя по улице, я неожиданно подвернул ногу, попав в ямку. Обычно в таких ситуациях я автоматически изрыгал трехэтажную композицию «про близких родственников». А тут – только нечто вроде «ееоо» сказал. Дальше – больше. Немного погодя, проезжавшая машина окатила меня грязью. Я посмотрел ей вслед и уже открыл рот,

чтобы высказаться по этому поводу, как вдруг приятная волна спокойствия затушила, словно вода, разгорающийся костер злости. «А-а, ну ее», – махнул я рукой и спокойно дальше пошел. Невеста была потрясена.

И даже когда мы уезжали, и за 5 минут до отправки поезда выяснилось, что он отправляется с другого вокзала в противоположной части города; я, по жизни довольно вспыльчивый, сдержался и перенес такой «облом» со стоическим спокойствием. На поезд мы опоздали, и пришлось ехать обратно на два часа позже в общем вагоне. С тех пор я не только не матерюсь сам, но и даже огорчаюсь, когда слышу, что при мне кто-то кроет «по-матери». Ощущение такое, что человек прилюдно испражняется. Но, помня себя, тогдашнего матерщинника, я ни на кого не обижаюсь и не осуждаю сквернословов».

Роман Панков

Возвращение зрения

Из-за помутнения хрусталика Галина практически лишилась зрения. В 2004 году, накануне операции, она приехала в Дивеево и умылась в источнике преподобного Серафима. После этого зрение улучшилось настолько, что после обследования операцию решено было отложить.

Некоторое время спустя Галина вновь побывала в Дивеево, умылась в источнике преподобного, исповедовалась и причастилась Святых Христовых Таин в Дивеевской обители. После этого зрение восстановилось полностью.

***Преподобне отче Серафиме,
моли Бога о нас***

В течение полутора лет я страдал ужасными болями в спине (надорвал, поднимая большой вес). Были такие приступы боли, что я в течение четырех дней не мог вставать с постели (что сорвало поездку в Толгский монастырь), и по нужде передвигался по квартире, буквально, на четвереньках.

Я немножко упустил момент самого исцеления от болезни – либо в день отъезда в Дивеево, либо на следующий день после купания в источнике... Но, так или иначе, я безмерно рад – моя спина здорова... До сих пор не могу к этому привыкнуть...

Драгнев Алексей Петрович

Исцеление глаза

После перенесенной тяжелой формы гриппа было осложнение – закрылся глаз. Ничего не помогало. Обращалась в областную Нижегородскую больницу – и там не смогли вылечить. Тогда поехала в Дивеево. Приложились к мощам преподобного Серафима и тут же получила полное исцеление. Позвонила врачу в Нижний Новгород. Он засмеялся: «Не может быть!» – не поверил.

Екатерина Павловна Миенкова

Помощь преподобного

Заболел мой двухлетний внук. Температура, от еды отказывается. Только воду крещенскую пьет, да сухарики от батюшки Серафима, из

Дивеево привезенные, просит. Так прошел день, к вечеру сухарики закончились. А малыш все просит. Утром пошла я на службу и встретила в церкви знакомую женщину. Давно мы не виделись, редко она приезжает из соседнего города. Только я к ней подошла, она достает из сумки пакетик: «Вот тебе подарок из Дивеево!» Я ахнула: «Сухарики батюшки Серафима!» Не замедлил святой старец выполнить просьбу малыша, тут же послал гостинец во исцеление!

Ольга Ушакова, г. Катав-Ивановск

Исцеление от глухоты

Мы живем на Украине, в г. Николаеве. Моя жена Галина была в паломнической поездке. В Дивеево она находилась со 2-го по 4-е сентября.

5-го сентября я оглох на правое ухо полностью, на левое наполовину. Жена приехала 8-го сентября и привезла мне из Дивеевского монастыря шапочку, освященную на мощах преподобного Серафима Саровского. Я поблагодарил и положил подарок на полку с духовной литературой. Лечил уши кто чем скажет, и все напрасно. Тогда я вспомнил про шапочку и надел ее. Спал в ней и днем ходил там, где было можно; и через 2 или 3 дня, уже не помню, все нормализовалось, стало даже лучше, чем до болезни было.

Я благодарил преподобного Серафима Саровского дома и в церкви в молитве. Всегда ставлю к его иконе свечи.

В.И. Ларин

Удочерение

В 2006 году я приезжала в Дивеево, к батюшке. У меня не может быть своих родных детей, после поездки со мной произошло чудо – мне дали разрешение на удочерение. И вот уже 2 года почти, как я мама. Все благодаря батюшке Серафиму и Пресвятой Богородице.

Наталья

Исцеление от рака

Я, раб Божий Иван, исцелился от онкологического заболевания верою. Несколько лет назад врачи поставили мне диагноз: рак желудка. Вместе с супругою своей, рабой Божьей Ольгой, мы поехали на святые земли – в Саровскую пустынь и в Дивеевский монастырь. Несколько недель провели в неустанных молитвах с верою, что Бог не оставит нас. Приехав домой, я внезапно ощутил, что чувствую себя лучше. Рак отступил. Доктора сказали, что видно улучшение; а еще через месяц в наш дом пришла великая радость: Бог излечил меня полностью от страшного недуга.

Раб Божий Иван, г. Самара

**ПРОСЛАВЛЕНИЕ
ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА**

После преставления преподобного Серафима слава о его святой жизни не ослабела, но стала все более распространяться. Этому способствовали и новые чудеса его, вести о которых приходили отовсюду.

Благодарные почитатели служили панихиды по преподобному, и желали его официального прославления. Поначалу это было делом частных лиц. Почитатель преподобного Серафима Н. А. Мотовилов одновременно с хлопотами по утверждению Дивеевской обители стал добиваться канонизации преподобного Серафима. Он ездил в Курск собирать сведения о детстве и юности преподобного, он подавал прошение в Святейший Синод, и неоднократно писал императорам Николаю I и Александру II, прося их способствовать канонизации. Но если хлопоты о Дивеевской общине, благодаря покровительству московского митрополита святителя Филарета были успешны, то время прославления преподобного Серафима еще не пришло.

В Саровской обители к хлопотам мирян поначалу отнеслись настороженно. Обитель не стремилась предавать гласности и рассказы тысяч людей о помощи преподобного.

Все изменилось, когда настоятелем Саровской обители был назначен игумен Рафаил (в миру Николай Иванович Трухин). И за четыре с половиной года своего управления

о. Рафаил успел выстроить часовню над могилой о. Серафима; потом восстановил обе пустыньки преподобного по прежним образцам, перенесенным в Дивеево. При этом оказалось, что под полом дальней пустыньки сохранилась в неприкосновенности кирпичная клеть, в которую о. Серафим удалялся от посетителей на молитву, где хранил овощи и укрывался иногда от летнего зноя.

Отцом же Рафаилом были построены часовни: над целебным источником преподобного; над местом камня, на коем молился тысячу ночей о. Серафим; над пнем дерева, на который он вешал при молитвах этих икону Святой Троицы. Он же особенно усердно старался собирать и записывать сказания о чудесах и исцелениях о. Серафима.

Также о. Рафаил первым из саровских настоятелей стал хлопотать об официальной канонизации преподобного Серафима, собрав материалы о житии и чудесах преподобного и представив их в Тамбовскую Духовную консисторию. Но с переводом о. Рафаила в Иерусалим дело заглохло.

Впоследствии дело продвинулось благодаря вмешательству о. Леонида (Чичагова) (в монашестве Серафима). Вот как об этом вспоминал он сам: «Когда после довольно долгой государственной службы я сделался священником в небольшой церкви за Румянцевским музеем, мне захотелось съездить в Саровскую пустынь, место подвигов преподобного Серафима, тогда еще не прославленного; и, когда наступило

лето, я поехал туда. Саровская пустынь произвела на меня сильное впечатление. Я провел там несколько дней в молитве и посещал все места, где подвизался преподобный Серафим. Оттуда перебрался в Дивеевский монастырь, где мне очень понравилось и многое напоминало о дивеевских сестрах.

Игуменья приняла меня очень приветливо, много со мной беседовала и, между прочим, сказала, что в монастыре живут три лица которые помнят преподобного: две старицы-монахини и монахиня Пелагея (в миру Параскева, Паша). Особенно хорошо помнит его Паша, пользовавшаяся любовью преподобного и бывшая с ним в постоянном общении. Я выразил желание ее навестить, чтобы услышать что-либо о преподобном из ее уст. Меня проводили к домику, где жила Паша. Едва я вошел к ней, как Паша, лежавшая в постели (она была очень старая и больная), воскликнула:

– Вот хорошо, что ты пришел, я тебя давно поджидаю: преподобный Серафим велел тебе передать, чтобы ты доложил государю, что наступило время открытия его мощей и прославления.

Я ответил Паше, что, по своему собственному положению, не могу быть принятым государем и передать ему в уста то, что она мне поручает. Меня сочтут за сумасшедшего, если я начну домогаться быть принятым императором. Я не могу сделать то, о чем она меня просит.

На это Паша сказала:

– Я ничего не знаю, передала только то, что мне повелел преподобный.

В смущении я покинул келью старицы...

Вскоре я уехал из Дивеевского монастыря и, возвращаясь в Москву, невольно обдумывал слова Паша. В Москве они опять пришли мне в голову, и вдруг однажды меня пронзила мысль, что ведь можно записать все, что рассказывали о преподобном Серафиме помнившие его монахини, разыскать других лиц из современников преподобного и расспросить их о нем; ознакомиться с архивами Саровской пустыни и Дивеевского монастыря и заимствовать оттуда все, что относится к жизни преподобного и последующего после его кончины периода. Привести весь этот материал в систему и хронологический порядок; затем этот труд, основанный не только на воспоминаниях, но и на фактических данных и документах, дающих полную картину жизни и подвигов преподобного Серафима и значение его для религиозной жизни народа, напечатать и поднести императору, чем и будет исполнена воля преподобного, переданная мне в категорической форме Пашей.

Такое решение еще подкреплялось тем соображением, что царская семья, как было известно, собираясь за вечерним чаем, читала вслух книги богословского содержания, и я надеялся, что и моя книга будет прочитана...

Когда летопись была окончена, я просматривал корректуру последней. Это было позд-

но вечером. Внезапно увидел налево от себя преподобного Серафима, сидящим в кресле. Я как-то инстинктивно к нему потянулся, припав к груди, и душу мою наполнило неизъяснимое блаженство. Когда я поднял голову, никого не было. Был ли это кратковременный сон или действительно мне явился преподобный не берусь судить, но я понял это так, что преподобный благодарил меня за исполнение переданного мне Пашей его повеления. Остальное известно. Я понес свой труд императору, что, несомненно, повлияло на решение прославления преподобного Серафима.

Вскоре я овдовел и принял монашество с именем Серафима, избрав его своим небесным покровителем».

В Святейшем Синоде кампания по официальному прославлению преподобного вызвала определенную обеспокоенность. Однако после тщательного исследования жития преподобного и его чудес все разногласия были устранены. Тем паче, что идея официального прославления преподобного Серафима была горячо поддержана императором Николаем II.

ДЕЯНИЕ СЯТЕЙШЕГО СИНОДА

29 января 1903 года

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

2 января 1833 года в Саровской пустыни мирно отошел ко Господу блаженный старец иеромонах Серафим. Своей высокой, истинно христианской подвижнической жизнью он еще

у современников своих стяжал общую к себе любовь и веру в действенную силу перед Богом его святых молитв; а после его блаженной кончины память о нем, утверждаемая все новыми и новыми знамениями милости Божией, являемыми по вере в его молитвенное предстательство пред Богом за притекающих к нему, широко распространяется в православном русском народе и с глубоким благоговением им чтится. Вся жизнь его представляет поучительные образцы истинно христианского подвижничества, пламенной веры в Бога и самоотверженной любви к ближним. Еще юношей он оставляет родительский дом в г. Курске и, никому не ведомый, приходит в Саровскую обитель. Здесь он начинает жизнь свою с первых степеней послушания и смиренно проходит их, от всех приобретая любовь к себе и уважение за свою кротость и смирение. Восемь лет проходит предварительный искуc в готовности его вступить на путь иноческой жизни, и 13 августа 1786 года он принимает иноческое пострижение с именем Серафима, а через два месяца поставляется в сан иеродиакона. Ограждаемый смирением, отец Серафим восходил от силы в силу в духовной жизни. Как иеродиакон, он все дни с утра до вечера проводил в монастыре, совершая службы, исполняя монастырские правила и послушания, а вечером удалялся в пустынную келью, проводя там ночное время в молитве и рано утром опять являясь в монастырь для исполнения своих обязанностей. 2 сентября 1793 года он рукополагается в сан

иеромонаха, и с вящей ревностью и усугубленной любовью продолжает подвизаться в духовной жизни. Его более не удовлетворяет – сам по себе для других тяжкий – труд иноческой жизни: молитвы, пост, послушание, нестяжательность. Он покидает монастырское общежитие и удаляется для подвигов в одинокую пустынную келью в глухом сосновом саровском лесу; пятнадцать лет проводит здесь в совершенном уединении, соблюдая строгий пост и непрестанно упражняясь в молитве, чтении слова Божия и телесных трудах. Подражая древним святым столпникам, он, подкрепляемый и утешаемый благодатной помощью, 1000 дней и ночей проводит, стоя на камне с воздетыми к небу руками, повторяя молитву: «Боже, милостив буди мне, грешному». Окончив отшельническую жизнь, он снова приходит в Саровскую обитель и здесь, как бы в гробе, заключается в затвор на 15 лет, причем на первые 5 лет налагает на себя обет молчания. Весь осиянный благодатью Святого Духа через непрестанное молитвенное возношение ума и сердца к Богу, он неоднократно удостоивался видений из горнего мира. Созрев в духовной жизни, он, уже старец, всего себя посвящает деятельному служению ближним. И богатые, и бедные, и знатные, и простые ежедневно тысячами стекались к его келье и, падая ниц перед согбенным старцем, открывали тайны своей совести, поверяли свои скорби и нужды и принимали с искренней любовью и благодарностью каждое его слово. Всех он встречал с любовью и радостью,

называя при этом «батюшка мой, матушка моя, радость моя». Всех благословлял, поучал, назидал, многих исповедовал, больных исцелял; многим давал лобызать висевшее у него на груди медное распятие – его материнское благословение или святую икону, стоявшую у него на столе; иным давал в благословение антидору, или святой воды, или сухариков; другим начерчивал на челе знамение креста елеем из лампы; некоторых обнимал и лобызал с приветствием: «Христос воскрес». Духовная радость пронизывала старца настолько, что его никогда не видели печальным или унывающим, и это радостное настроение духа он старался передавать и другим. Из добродетелей христианских его более всего украшали кротость и незлобие, крайнее смирение и нестяжательность. Совершив свое земное поприще, чистый душой, смиренный и любвеобильный старец тихо и мирно почил во Господе, стоя на коленях перед иконой Божией Матери «Умиление» с поникшей головой и руками, приложенными к персям. После его блаженного во Господе усновения, память о его высоком подвижничестве житии не только не ослабевает, но постоянно все более и более возрастает и утверждается среди православного народа русского во всех его сословиях. Православный народ в глубине сердца чтит блаженного старца истинным угодником Божиим и верует, что и по отшествии своем из сего мира он не оставляет своим предстательством перед Господом всех притекающих к нему. И Господь Бог, дивный и славный

во святых Своих, благоволил явить молитвенным предстательством отца Серафима многие чудесные знамения и исцеления. Вполне разделяя веру народную в святость приснопамятного старца Серафима, Святейший Синод неоднократно признавал необходимым приступить к должным распоряжениям о прославлении праведного старца.

В 1895 году преосвященным Тамбовским епископом было представлено в Святейший Синод произведенное особой комиссией расследование о чудесных знамениях и исцелениях, явленных по молитвам отца Серафима с верой просившим его помощи. Расследование это, начатое комиссией 3 февраля 1892 года, окончено было в августе 1894 года и производилось в 28 епархиях Европейской России и Сибири. Всех случаев благодатной помощи по молитвам старца Серафима было обследовано комиссией 94, причем большая часть их была достаточно удостоверена надлежащими свидетельскими показаниями. Но указанное число случаев благодатной помощи по молитвам старца являлось далеко не соответствующим их действительному числу: в архиве Саровской обители, по свидетельству названной комиссии, сохраняются сотни писем от разных лиц с заявлениями о полученных ими благодеяниях через молитвенное обращение к старцу Серафиму. Так как эти заявления оставались не только не обследованными, но и нигде не записанными, Святейший Синод поручил преосвященному Тамбовскому предписать сведения

о наиболее замечательных случаях благодатной помощи по молитвам старца, не бывших доселе записанными, и на будущее время тщательно вести запись всех могущих быть новых чудесных знамений по молитвам отца Серафима. После сего преосвященным Тамбовским дважды, в начале и в конце 1897 года, представлялись в Святейший Синод собрания копий письменных заявлений разных лиц о чудесных знамениях и исцелениях, совершившихся по молитвам отца Серафима. Не находя еще тогда благовременным приступать к окончательному суждению о прославлении Саровского подвижника, по поводу упомянутых представлений преосвященного Тамбовского, Святейший Синод дважды подтверждал настоятелю Саровской пустыни продолжать вести запись могущих быть новых чудесных знамений по молитвам старца. В минувшем 1902 году, 19 июля, в день рождения старца Серафима, его императорскому величеству благоугодно было вспомнить молитвенные подвиги почившего и всенародное к памяти его усердие, и выразить желание, дабы доведено было до конца начатое уже в Святейшем Синоде дело о прославлении благоговейного старца.

Святейший Синод, рассмотрев во всей подробности и со всевозможным тщанием обстоятельства сего важного дела, нашел, что многочисленные случаи благодатной помощи по молитвам старца Серафима, обследованные надлежащим образом, не представляют никакого сомнения в своей достоверности; и по свойс-

тву их принадлежат к событиям, являющим чудодейственную силу Божию, ходатайством и заступлением о. Серафима изливаемую на тех, которые с верой и молитвой прибегают в своих душевных и телесных недугах к его благодатному предстательству. Вместе с этим Синод, желая, чтобы и всечестные останки приснопамятного старца Серафима были предметом благоговейного чествования от всех притекающих к его молитвенному предстательству, поручил преосвященному митрополиту Московскому произвести их освидетельствование. 11 января сего года митрополит Московский Владимир, епископы Тамбовский Димитрий и Нижегородский Назарий, присоединив к себе Суздальского архимандрита Серафима, прокурора Московской синодальной конторы князя Ширинского-Шиматова и еще четырех духовных лиц, произвели подробное освидетельствование гроба и самих останков отца Серафима, о чем и составлен ими особый акт за собственноручной их подписью. Поэтому Святейший Синод, в полном убеждении в истинности и достоверности чудес, по молитвам старца Серафима совершающихся, воздав хвалу дивному во святых Своих Господу Богу, присно благодетелю твердой в праотеческом православии российской державе, и ныне, во дни благодатного царствования благочестивейшего государя императора Николая Александровича, как древле, благоволившему явить прославлением сего благочестия подвижника новое и великое знамение Своих благодеяний к православно-

му народу русскому, подносил его императорскому величеству всеподданнейший доклад, в котором изложил следующее свое решение: 1) благоговейного старца Серафима, почивающего в Саровской пустыни, признать в лике святых, благодатью Божией прославленных, а всечестные останки его – святыми мощами; и положить их в особо уготованную усердием его императорского величества гробницу для поклонения и чествования от притекающих к нему с молитвой; 2) службу преподобному отцу Серафиму составить особую, а до времени составления таковой после дня прославления памяти его отправлять ему службу общую преподобным; память же его праздновать как в день представления его, 2 января, так и в день открытия святых его мощей; 3) объявить о сем во всенародное известие от Святейшего Синода.

При этом докладе были представлены на монаршее усмотрение подлинный акт освидетельствования всечестных останков отца Серафима и краткое описание случаев чудодейственной помощи его прибегавшим к его заступлению. На всеподданнейшем докладе об этом Святейшего Синода государь император в 26 день января сего года соизволил собственноручно начертать: «Прочел с чувством истинной радости и глубокого умиления».

Выслушав эти всемилостивейшие слова, Святейший Синод по определению от 29 января 1903 года постановил поручить преосвященному Антонию, митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому, совместно с

преосвященными Тамбовским и Нижегородским совершить в 19 день июля текущего года торжественное открытие мощей преподобного Серафима, Саровского чудотворца.

Святейший Синод возвещает о сем благочестивым сынам Православной Церкви, да купно с ним воздадут славу и благодарение Господу, тако изволившему, и да примут сие явление нового заступника и чудотворца как новое небесное благословение на царствование августейшего монарха нашего, подъемлющего неусыпные труды ко благу православного народа русского и своей царской любовью и попечением объемлющего всех своих верноподданных всякого звания и состояния.

Протоиерей Д. Троицкий

ТОРЖЕСТВО 19-го июля 1903 года

29 января 1903 года Святейший Синод Российской Православной Церкви вынес свое решение: «Благоговейного старца Серафима, почивающего в Саровской пустыни, признать в лике святых, благодатью Божией прославленных, а всечестные останки его – святыми мощами». Этим, собственно, актом и начинаются дни подготовительные к торжеству открытия мощей, совершить которое было поручено митрополиту Петербургскому Антонию, с сонмом особо назначенного духовенства.

Митрополит Петербургский Антоний прибыл в Саров к 3 июля, и в этот день гроб с останками преподобного Серафима был перенесен

с места его упокоения в больничную церковь преподобных Зосимы и Савватия, в алтаре которой и предположено было совершить омовение честных мощей о. Серафима. Надо заметить, что это перенесение не ускользнуло от взора скопившихся уже в Сарове богомольцев и произвело на всех глубокое впечатление. Гроб был установлен посредине храма. Митрополит Антоний, по неотступной просьбе усердствующих паломников, благословил допускать на некоторое время народ ко гробу преподобного. Затем гроб был внесен через северные двери в алтарь, и здесь было совершено омовение и переложение мощей в новый кипарисовый гроб. Участие в омовении принимали: архимандрит Серафим (Чичагов), ключарь Тамбовского кафедрального собора священник Т. Поспелов, иеромонах Саровский – благочинный монастыря, под личным руководством митрополита Антония, и в присутствии кн. Ширинского-Шихматова и кн. М. С. Путятина.

Присутствовавшие при открытии крышки гроба свидетельствуют, что честные мощи преподобного были завернуты в момент погребения в монашескую мантию, а на голове его возложен был войлочный куколь. Отец Серафим лежал в гробу на дубовых стружках, отчего все содержимое в гробу, ввиду дубильных свойств, и самые честные мощи, и седые волосы на голове, бороде и усах, и все одеяние преподобного: белье, холщовый подрясник, мантия, епитрахиль и куколь, – все окрасилось в один цвет, напоминающий корку черного ржаного хлеба...

Известно также, что с самого начала омовения честных мощей в алтаре стало распространяться ясно ощутимое всеми присутствующими благоухание, запах цветов гвоздики и свежего липового меда.

Июльский день был ясный, солнечный, жаркий, и церковные окна были открыты настежь. Думалось, что где-нибудь поблизости косят траву, и этот аромат производится скошенными цветами и свежим сеном. А владыка-митрополит, проходя по церкви, обратился к присутствующим даже с такими словами: «Братие, а какое же это у вас мыло, что-то уж очень душистое?» Но оказалось, мыло было то самое, которое привез для целей омовения ключарь тамбовского собора, и то самое, которое в России называлось «грецким» и употреблялось для омовения престолов при освящении храмов. Тогда владыка митрополит осенил себя крестным знамением, и всем присутствующим стало ясно, какое благоухание разливалось по церкви.

После переложения святых мощей преподобного Серафима в новую гробницу, митрополит Антоний на некоторое время отбыл из Сарова. За время его отсутствия заканчивались все строительные и разные другие работы. Для богомольцев были выстроены вне стен обители целые корпуса и лавки для продажи съестных припасов.

Чрезвычайно пеструю и живописную картину представляли все эти богомольцы, пришедшие насладиться духовным торжеством. Здесь

собрались представители всей нашей матушки России. А какое множество людей собралось сюда в надежде на благодатную помощь и исцеление! Пишущий эти строки не раз видел случаи чудесного исцеления по молитвам к о. Серафиму.

Саров в эти дни жил напряженной жизнью. Всюду крестные ходы, ежедневные богослужения, непрерывные панихиды, молебны, люди говели, исповедовались, приобщались. А 17 июля распространилось известие о скором прибытии в Саров Государя. Тысячи богомольцев расположились по пути царского следования плотную стеною. Взоры всех устремлены на величественный Саровский лес, откуда прежде всего должны показаться экипажи с августейшими путниками. Около 5 часов вечера начался трезвон во все колокола, а через полчаса могучее «Ура» многотысячной толпы народа огласило окрестности. Приехал Государь и тотчас же проследовал в собор и в церковь преподобных Зосимы и Савватия, чтобы поклониться честным останкам преподобного, а на следующий день он исповедовался и приобщался Святых Тайн.

Торжество прославления началось 18 июля в 6 часов вечера благовестом в большой колокол, созывающим богомольцев ко всенощному бдению, на котором преподобный Серафим впервые стал ублажаться в лике святых.

Владыка-митрополит со славою проследовал в Успенский собор, за ним вскоре вошли туда Их Императорские Величества и встали

около правого клироса. Богослужение отправлялось уже по вновь составленной службе преподобному Серафиму Саровскому. Начинается лития... Все зажигают свечи, и крестный ход направляется к церкви преподобных Зосимы и Савватия за святыми мощами преподобного Серафима. Гроб устанавливается на носилках и поднимается высоко над головами всех. Момент трогательный и незабываемый. Плавное, благоговейное входит крестный ход в Успенский собор... Всенощная продолжается, и при пении «Хвалите имя Господне» все служащие исходят на середину храма. Подносят Государю и митрополиту на особом блюде ключи от крышки гроба. Слышится три мелодичных звонка, крышка гробницы открыта, все преклоняют колена, и неудержимый порыв молитвенного восторга слышится в могучем пении первого величания преподобному Серафиму...

Это была всенощная духовного восторга, умиления и ощущения особой милости Божией к людям. Богомольцы всю ночь подходили потом к гробу, прикладывались ко святым мощам, при этом было несколько случаев исцелений.

На следующий день, 19 июля, поздняя литургия началась в Успенском соборе в 8 часов утра. На малом входе, при пении: «Приидите, поклонимся», архимандриты подняли гроб со середины храма, обнесли его вокруг св. престола, а затем положили в уготованную раку. Когда же кончилась литургия, из собора последовал крестный ход. Гроб со святыми мощами

несли Государь Император и Их Высочества. Народ так же, как и накануне, живою стеною стоявший по пути крестного хода, был охвачен сильным религиозным воодушевлением. Плач и рыдания раздавались повсюду... Саров в своем молитвенном торжестве наслаждался во всей полноте и принимал Духа Радости, Духа Страха Божия...

В этот же день вся Россия, весь русский народ, молитвенно был в Сарове, волны горячей молитвы верующих людей насытили Саровскую пустынь, саровские леса благодатным утешением и радостью, которые составляли при жизни и после смерти о. Серафима самое существо его подвига.

ВТОРОЕ ОБРЕТЕНИЕ МОЩЕЙ ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА

В ноябре 1920 года в городе Темникове Тамбовской губернии IX уездный съезд Советов принял решение о вскрытии раки с останками преподобного Серафима Саровского. Оратором, требовавшим вскрытия мощей, был известный мордовский поэт, переводчик «Интернационала» на мокшанский язык З. Ф. Дорофеев.

17 декабря 1920 года было произведено вскрытие вывезенных из Сарова святых мощей преподобного Серафима с составлением акта.

В 1922 году мощи были изъяты и перевезены в Москву, в Музей религиозного искусства, размещенный в Донском монастыре. По упразднении музея его фонды были переданы в Центральный антирелигиозный музей ЦАМ, также просуществовавший совсем недолго. После этого след святыни теряется. Была надежда, что святые мощи окажутся в Ленинградском музее истории религии и атеизма, в который перешли основные фонды ЦАМа, и где хранились мощи святого Александра Невского и соловецких подвижников. Однако ни попытки обнаружить упоминания о мощах в документах музея, ни специальные поиски, предпринятые в связи с начавшейся реставрацией Дивеевской обители, не увенчались успехом. Чудо можно усмотреть

реть в том, что, когда, казалось бы, надежды почти не осталось, мощи преподобного были наконец обретены именно в запасниках Музея истории религии.

**РАССКАЗ СОТРУДНИКА МУЗЕЯ,
ЗАВЕДУЮЩЕГО ОТДЕЛОМ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВИЯ
С. ПАВЛОВА**

Музей сейчас готовится к переезду, проводится работа по отбору музейных вещей, которые должны быть переданы Церкви. В процессе этой работы мы проверяли все свои хранилища. Один из сотрудников обратил внимание на прямоугольный предмет, стоявший в углу помещения, где у нас хранились гобелены. На него раньше не обращали внимания, потому что в этом хранилище находятся вещи с утратами, различные детали. Предмет был приблизительно в рост человека и зашит в холст. Поскольку на этот раз экспонаты проверяли тщательно, сотрудник догадался вспороть холст. Под ним мы увидели деревянный постамент, на котором под марлей и ватой (марля была прибита к деревянному основанию, очевидно, для транспортировки) находились мощи.

Мы сняли вату и увидели полный остов человека: сохранилась борода, волосы, частицы мышечной ткани. На черепе находился куколь с круглой прорезью, через которую прикладывались к мощам. На груди лежал медный крест – тот самый крест, которым его благословила мать, – всю жизнь он сопровождал

его. Крест в серебряной оправе; оправка поздняя, видимо, она была сделана ко дню прославления мощей известной ювелирной фирмой Оловянишникова. Руки сложены крестообразно. На руках священнические поручи и атласные светлые рукавицы, на одной золотом вышито: «Святой отче Серафиме», на другой – «Моли Бога о нас».

После этого меня как громом ударило: я почувствовал, что происходит очень важное событие. Мощи мы сразу перенесли в отдельное хранилище, под замок. Обо всем поставили в известность директора, он сообщил в Москву Святейшему Патриарху Алексию. В декабре в музей приехала посланная Святейшим Патриархом комиссия в составе епископов Тамбовского и Мичуринского Евгения, и Истринского Арсения; имевших при себе копии актов об обретении мощей в 1903 году и вскрытии мощей в 1920 году. В нашем присутствии они освидетельствовали мощи. Все совпадало с тем, что было записано в актах, не хватало только епитрахили и части ножной кости.

**РАССКАЗ АРХИЕПИСКОПА ИСТРИНСКОГО
АРСЕНИЯ (ЕПИФАНОВА)**

При передаче святых останков соловецких преподобных директор официально сообщил, что в фондах музея мощей больше нет, кроме частиц в иконах, которые предполагается возвратить в храмы. Но чудо Божие произошло там, где мы его не ждали.

Неожиданно позвонил С. А. Кучинский (директор музея). Мы договорились о встрече, и он приехал ко мне. Станислав Алексеевич сообщил о том, что после решения о возвращении Церкви Казанского собора, в котором размещался музей, началось освобождение запасников. Стали передавать храмам иконы, Евангелия, различные богослужебные предметы. И вот в одном из запасников, среди gobеленов, были найдены завернутые в рогожу останки по-видимому какого-то святого. В описи они не значились. Когда рогожу развернули, увидели мощи с надетыми на руки рукавичками. На одной было вышито: «Преподобне отче Серафиме», на другой – «Моли Бога о нас».

Сказанное директором музея было поразительно, но это еще не давало основания утверждать, что найдены мощи преподобного Серафима Саровского.

О находке я сообщил Патриарху, и С. А. Кучинский повторил ему свой рассказ. Святейший Патриарх благословил прежде всего найти в архивах документы, связанные с мощами преподобного Серафима, сохраняя все в тайне до тех пор, пока не будет уверенности в том, что это мощи действительно преподобного.

На поиски документов ушло некоторое время.

Наконец, из Российского центрального архива были получены копии документов и акты, связанные со вскрытием мощей преподобного Серафима после революции.

По благословению Патриарха Алексия II мы с архиепископом Евгением Тамбовским

и Мичуринским отправились в град святого Петра и прибыли туда накануне дня памяти святителя Спиридона Тримифунтского (12/25 декабря). Помнится, я мысленно молился святителю Спиридону, прося его помощи в том, что нам предстояло сделать.

Наконец мы приехали в Казанский собор. Нас провели в комнату, куда принесли длинное ложе, покрытое толстой синей бумагой, под которой в какой-то материи и вате находились останки святого. Когда сняли бумагу, мы увидели, что святые мощи составлены в скелет, во весь рост. Первым бросилось в глаза то, что на мощах надет медный крест на цепочке, и рукавички с вышитой на них молитвой «Преподобне отче Серафиме, моли Бога о нас».

Не знаю, что испытал в этот момент владыка Евгений, но меня объял благоговейный трепет; было такое состояние, когда не знаешь, что делать дальше. Но прошло минутное оцепенение, я подготовил акты, а владыка Евгений начал осматривать святые мощи, которые мы стали сопоставлять с документами, подробно описывающими останки преподобного Серафима Саровского. Надо сказать, что с самого начала мы были поражены тем, насколько точно все совпадает с актом вскрытия мощей в 1920 году.

Описание начиналось с того, что преподобный лежит на зеленой подушечке. Действительно, на ложе – зеленая муаровая подушечка, на которой покоится голова преподобного. Далее отмечалось, что в одной из челюстей

находится единственный зуб; следовало упоминание о рукавичках; приводилось количество позвонков и указывалось при этом, что некоторые из них разрушены; описывались бедренные кости; уточнялось, что одна ступня как бы пришита или прикреплена подобно сандалии, а вторая отсутствует. То есть при сравнении мощей, найденных в музее, с актом вскрытия святых мощей преподобного Серафима Саровского было очевидно, что все полностью совпадает, и никаких отличий нет. Единственное, что косточки располагались не в том порядке, как описывалось в документе. Но это и не удивительно, так как мощи хранились в рогоже.

Рассмотрев ближе крест, бывший на мощах, мы увидели, что он действительно медный, с несколько поврежденным эмалевым покрытием. Когда сняли куколь, надетый на голову, меня очень поразило светлое, даже белое пятно на лобной части. Оно значительно отличалось от желтовато-коричневатого цвета мощей. В куколе было отверстие, обрамленное, видимо, раньше золотой или серебряной отделкой, теперь оторванной. Оставались лишь нитки, прикреплявшие ее. Видимо, эта часть мощей была открыта и доступна для поклонения верующим, благоговейно чтившим преподобного Серафима.

В куколе, с внутренней стороны сзади, сохранилось много желтовато-седых волосиков преподобного. Целы были и значившиеся в описи глазетовые шитые золотом поручи.

Они и сейчас на мощах. Не хватало лишь епитрахили. Уже позже для облачения мощей сшили новую.

Сложно передать чувство, которое я тогда испытывал: особое благоговение и, вместе с тем, неопишное внутреннее напряжение от сознания, что рядом – необыкновенное, великое сокровище.

Когда освидетельствование закончилось, святые мощи снова закрыли бумагой, перенесли в особую комнату и опечатали ее. Мы сразу поехали в епархиальное управление, откуда позвонили Святейшему Патриарху, сообщили о том, что это, несомненно, мощи преподобного Серафима, и поздравили Святейшего с великой радостью.

Теперь предстояло решить вопрос о торжественном перенесении мощей преподобного Серафима. Необходимо было объявить об их обретении и уточнить дату официальной передачи.

С 25 декабря (дня освидетельствования святых мощей) до 10 января были оформлены все документы, получено разрешение Министерства культуры, в ведении которого находится музей истории религии; была сделана рака и сшито новое облачение для мощей преподобного Серафима. Это определило дату официальной передачи святых мощей – 11 января 1991 года.

Накануне этого дня владыка Евгений, я и клирики Свято-Троицкого собора совершили облачение и положение в раку честных мо-

щей. Сначала новые облачения и рака были освящены, и, помолившись, мы приступили к убранию мощей преподобного. Мой иподиакон читал акафист, а мы отирали косточки святой водой, а затем освященным елеем от Гроба Господня. Причем, когда омывали главу преподобного Серафима, снова привлекло внимание белое пятно, заметно выделявшееся на общем фоне, – след благоговейного поклонения святым мощам.

На следующее утро во град святого Петра прибыл Патриарх. Днем, к четырем часам, владыка Евгений и я приехали в Казанский собор, где шла подготовка к передаче святых мощей. По прибытии в собор Святейшего Патриарха Алексия II и всех архиереев, принимавших участие в торжестве, под тихое пение величания преподобному его святые мощи были перенесены в центральную часть собора. Сразу начался молебен преподобному Серафиму, после которого Святейший Патриарх и директор музея подписали акт передачи мощей Русской Православной Церкви.

С. А. Кучинский преподнес Святейшему Патриарху образ преподобного Серафима Саровского. Уже позднее, рассмотрев икону, мы увидели, что она весьма необычна. Образ написан как бы в виде плащаницы: преподобный Серафим изображен с закрытыми очами и сложенными на груди руками. В доске, на которой написан образ, были углубления, прикрытые слюдяными стеклышками. Потерев их, мы увидели, что в верхней части иконы, над нимбом,

находятся волосы преподобного; в середине, в груди – частица мощей, в нижней части, под ногами – частица то ли обуви, то ли гроба (я не рассмотрел точно); в левой части иконы, где изображена мантия, – кусочек одежды преподобного Серафима.

После завершения акта передачи святые мощи на убранной ковром и украшенной цветами машине были доставлены к Александроневской Лавре, где уже собралось духовенство и множество народа. Пропев тропарь и кондак преподобному Серафиму, все запели «Ублажаем тя, преподобне отче Серафиме...» Патриарх на четыре стороны благословил град святого Петра иконой, подаренной директором музея. Вслед за этим, под звон лаврских колоколов и молитвенное пение народа, при всеобщем духовном ликовании святые мощи преподобного Серафима были внесены в Троицкий собор.

ПЕРЕНЕСЕНИЕ МОЩЕЙ ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА В МОСКВУ

Мощи преподобного Серафима почти месяц находились в Троицком соборе рядом с мощами святого благоверного князя Александра Невского. В своей речи Святейший Патриарх Алексей сказал: «Город приобрел еще одного небесного покровителя – преподобного Серафима Саровского, мощи которого были обретены здесь».

6 февраля, в день памяти блаженной Ксении Петербургской, в девять часов вечера

Святейший Патриарх Алексей в сослужении иерархов и духовенства совершил молебен в Троицком соборе Александро-Невской Лавры перед мощами преподобного Серафима Саровского. Народу в этот раз собралось несколько тысячч.

Начался крестный ход к Московскому вокзалу. Архиереи на руках несли раку с мощами преподобного Серафима. За ракой, опираясь на посох, шествовал и Святейший Патриарх, окруженный иподиаконами. Когда процессия вышла на Невский – движение по нему было перекрыто, – раздалось слаженное молитвенное пение: «Преподобный отче Серафиме, моли Бога о нас!»

На перроне вокзала снова возносились слова молитвы преподобному. Раку установили в специальном вагоне на стол, с четырех сторон которого стояли подсвечники с зажженными свечами. Поезд тронулся, и одновременно Святейший Патриарх Алексей начал молебен с акафистом перед святыми мощами.

Великую святыню, прибывшую в Москву в сопровождении Святейшего Патриарха Алексея и архиепископов Нижегородского и Арзамасского Николая, Корсунского Валентина, Тамбовского и Мичуринского Евгения, епископов Истринского Арсения, Подольского Виктора, торжественно встречали митрополиты Минский и Гродненский Филарет, Патриарший Экзарх всея Белоруссии, Крутицкий и Коломенский Ювеналий, Ростовский и Новочеркасский Владимир, Волоколамский

и Юрьевский Питирим, Ставропольский и Бакинский Гедеон; архиепископы Пензенский и Кузнецкий Серафим, Калужский и Боровский Климент; епископы Самарский и Сызранский Евсевий, Архангельский и Мурманский Пантелеимон, Можайский Григорий, Орловский и Брянский Паисий, Новосибирский и Барнаульский Тихон, Таллиннский Корнилий, епископ Василий (Православная Церковь в Америке); клирики московских храмов, представители монастырей и тысячи москвичей и гостей столицы.

В 8 часов 25 минут начался крестный ход от площади трех вокзалов в Богоявленский патриарший собор. Торжественное шествие по улицам Москвы возглавил Святейший Патриарх. Раку с мощами преподобного Серафима несли попеременно иерархи и пресвитеры. Духовенство и верующие пели тропарь и величание преподобному Серафиму. Во время крестного хода уличное движение было приостановлено.

Перед входом в Богоявленский кафедральный собор тысячи верующих встречали крестный ход и раку преподобного Серафима. Рака была внесена в собор и поставлена перед амвоном. Святейший Патриарх Алексей с сонмом архиереев и духовенства возглавил праздничный молебен. После этого верующие подходили к раке с мощами преподобного Серафима, и каждому из них Святейший Патриарх дарил на молитвенную память цветную открытку с изображением великого угодника Божия.

**ПЕРЕНЕСЕНИЕ МОЩЕЙ
ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА
ИЗ МОСКВЫ В ДИВЕЕВО**

Около полугода мощи преподобного Серафима находились в Богоявленском патриаршем соборе Москвы. 23 июля, перед их изнесением, в Богоявленском соборе Святейший Патриарх Алексий в сослужении более сорока архипастырей совершил Божественную литургию. В 15.30 раку с мощами обнесли вокруг собора, и крестный ход направился в Дивеево.

Между городами крестный ход двигался на колесах: впереди машина с установленной на ней большой иконой преподобного Серафима, за ней – микроавтобус с мощами, возле которых постоянно дежурили несколько монахов, служивших молебны и акафисты. Третьей шла машина Святейшего Патриарха, затем архиереи, духовенство и миряне на автомобилях и в автобусах.

Первая остановка – Богородск (Ногинск). У въезда в город крестный ход с мощами приветствовали митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий, епископ Можайский Григорий, настоятель прихода архимандрит Адриан, а также председатель городского Совета и другие представители светских властей. Тысячи горожан приняли участие в крестном ходе по улицам города до Богоявленского собора.

Святейший Патриарх Алексий в сослужении сонма архипастырей совершил молебен и утреню, а 24 июля – литургию и молебен перед

мощами преподобного. В этом храме, как и в большинстве других, совершалась ранним утром первая божественная литургия иерейским чином, а всю ночь – молебны с акафистами. Всю ночь к мощам подходили прикладываться верующие горожане.

В 8.00 24 июля крестный ход отправился из Ногинска, и спустя час прибыл в Орехово-Зуево, где навстречу ему вышли митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий и его викарий, епископ Можайский Григорий, настоятель прихода, протоиерей Сергей Нечаев, городские власти. Раку с мощами пронесли на руках около километра по центральной улице до храма в честь Рождества Богородицы. В храме Святейший Патриарх совершил литургию и молебен в сослужении архиереев. В 16.00 вновь был отслужен молебен, мощи изнесли из храма, и крестный ход отбыл во Владимир.

В 18.30 в тот же день процессия с мощами прибыла во Владимир. У древней границы города под сводами Золотых ворот ее встретили епископ Владимирский и Суздальский Евлогий, светские власти города. Крестный ход направился к Успенскому собору.

Раку с мощами установили на паперти перед колокольной собора. Святейший Патриарх отслужил молебен под открытым небом.

На ночь мощи внесли в храм, где перед ними духовенство епархии непрестанно совершало молебны с акафистами.

25 июля Святейший Патриарх совершил в Успенском соборе божественную литургию.

26 июля после молебна и изнесения мощей из Успенского Владимирского собора крестный ход направился в Нижний Новгород.

В тот же день в 18.00 крестный ход прибыл в Нижний Новгород, где был встречен митрополитом Нижегородским и Арзамасским Николаем, и руководством города и области. По улицам города процессия проследовала в Спасский кафедральный собор, возвращенный недавно Церкви.

Всенощное бдение вечером 27 июля и на следующее утро литургию в Спасском соборе Святейший Патриарх совершил в сослужении сонма архиереев.

28 июля в 20.00 крестный ход прибыл в Арзамас. Причт Воскресенского собора встретил мощи на соборной площади. Под открытым небом состоялся молебен, а в соборе Святейший Патриарх в сослужении архиереев совершил наречение настоятеля собора архимандрита Иерофея (Соболева) во епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии.

29 июля литургию в Воскресенском соборе и архиерейскую хиротонию Святейший Патриарх Алексей совершил в сослужении тех же архиереев, что и в Нижнем Новгороде. В 16.00 Святейший Патриарх с архипастырями совершил малую вечерю с акафистом.

30 июля в середине дня в Арзамасе состоялся прием по случаю второго обретения и перенесения мощей преподобного Серафима. На нем пожилая жительница Арзамасского района Мария Федоровна Савванина подарила

Святейшему Патриарху икону преподобного Серафима, которую она спасла при закрытии одного храма и 41 год хранила у себя дома. Святейший Патриарх сказал, что подаренная икона найдет свое место в отреставрированном соборе Дивеевского монастыря.

Этой обители – цели своего движения – крестный ход достиг в 19.30 30 июля. На встрече у Святых врат Святейший Патриарх подчеркнул: «Перевернута последняя страница дивеевской летописи, пришло время исполнения пророчеств: мощи преподобного Серафима отныне упокоятся по его слову в соборе во имя Рождества Пречистой Матери Божией Дивеевского монастыря».

В день прибытия в соборе был отслужен молебен. 31 июля группе паломников предстояло посещение Сарова. Только 50 человек сподобились этой радости: как известно, провинциальный Саров еще в сороковые годы официально прекратил свое существование: здесь разместили военное производство и место получило не имя, а безликий номер. До сих пор это Арзамас-16. Здесь производили орудия смерти: сначала снаряды для «катюш», потом водородные бомбы, крылатые ракеты.

Святейший Патриарх и паломники посетили ближнюю пустыньку, пропели величание и тропарь преподобному возле молебельного камня. (Сам камень не существует: он был разбит на кусочки и разобран богомольцами. Но на его место положен точно такой же, в который вскоре будет вмонтирована частица святыни.)

У дальней пустыньки, до которой паломники прошли пешком, Патриарх отслужил молебен с акафистом, и освятил постамент под памятник преподобному Серафиму, который установили в тот же день вечером (скульптор В. М. Клыков). С пением молебна и акафиста возвратился автобус с сорока паломниками из Сарова.

31 июля в 15.00 Святейший Патриарх в сослужении архиереев совершил малую вечерю с акафистом, а затем всенощное бдение в соборе Дивеевского монастыря.

1 августа, в день памяти преподобного Серафима Саровского и всея России чудотворца, всю ночь в Дивеевском соборе совершались литургии. Позднюю совершил Святейший Патриарх под открытым небом в сослужении архиереев. После молебна и крестного хода вокруг собора раку с мощами внесли в собор, где она нашла постоянное упокоение под сенью у северного столпа.

Десять дней продолжался беспрецедентный в новейшей истории России крестный ход, сопровождавшийся ежедневными неоднократными богослужениями.

ВОСПОМИНАНИЯ

ВОСПОМИНАНИЯ СОВРЕМЕННИКОВ О ПРЕПОДОБНОМ СЕРАФИМЕ

*Надежда Аксакова – старица
Шамординской обители
Из детских воспоминаний
о преподобном Серафиме*

Вероятно, очень немного нового прибавят мои воспоминания к тому, что уже известно о житии и подвигах преподобного Серафима; но, мне кажется, личное показание очевидца должно иметь в настоящее время некоторое значение, а потому мне хочется рассказать, насколько я могу припомнить, о том, чему я была свидетельницей при посещении Саровской пустыни в 1831 или 1832 году.

Не могу теперь вспомнить, за дальностью времени, ближайших причин, побудивших отца моего и мать сняться с гнезда своего в Нижнем Новгороде и отправиться в муромские леса, забрав с собою всю громадную семью, от старших подростков до младенца у груди матери, и чуть ли не всю дворню.

Но вот... незадолго до описываемых событий над страной стряслась новая общественная беда: случился первый, грозный натиск неведомой до тех пор азиатской гостыи – холеры... Страх за себя, за себя лично охватил каждого.

Люди смотрели зверем на прохожего, ограждая жилье свое кострами и куревом. Человек опрометью перебежал через улицу, увидев человека вдалеке. Проезжий в страхе заезжал с возом своим в сугроб, только бы не дохнуть ему зараженным, может быть, дыханием встречного.

Но, к счастью, сократились и эти дни. Снялись карантинные заставы, снова стала скатертью дорога по всей шири и глади нашей земли.

Народ снова хлынул по всем местам привольного богомолья. Вот в это-то самое время мне с сестрами и братьями (теперь уже давно покойными) привелось застать отшельника муромских лесов в самый разгар его подвижнических работ...

Общего вида Саровской обители при въезде что-то не могу припомнить. Дело было, вероятно, к вечеру; и мы, дети, вздремнули, прикорнув на колени старших...

В эту ночь нас, детей, не будили к заутрене и попали мы лишь к обедне.

Отца Серафима у служб не было, и народ прямо из церкви повалил к тому корпусу, в котором находился монастырский приют отшельника. К богомольцам примкнула и наша семья. Долго шли мы под сводами нескончаемых, как мне тогда казалось, темных переходов. Монах со свечой шел впереди.

– Здесь, – сказал он и, отвязав ключ от пояса, отпер им замок, висевший у низенькой узкой двери, вделанной вглубь толстой каменной стены.

Нагнувшись к двери, старик проговорил обычное в монастырях приветствие: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас».

Но ответного «Аминь», как приглашения войти, не последовало.

– Попробуйте сами, не откликнется ли кому из вас, – сказал старик вожатый, обращаясь к богомольцам. Обычный возглас у закрытой двери повторил и отец мой и мать, затем и все мы. Но за дверью молчали.

– Может вы, Алексей Нефедович? – спросил монах высокого господина в отставном гусарском мундире, – человека еще молодого по гибкости стана и блеску черных глубоких глаз, старца же по седине в усах и по морщинам, бороздившим высокий лоб, соседа моего дяди по имени, известного своею благотворительностью, которую он простирал до того, что раздал бедным все свое имущество.

Отец Серафим очень любил Алексея Нефедовича. Прокудин быстро прошел к двери, нагнулся к ней и с уверенностью друга дома, с улыбкой уже готового привет на лице, мягко проговорил знакомым нам грудным тенором: «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй нас». И на его симпатичный голос не послышалось ответа.

– Коли вам, Алексей Нефедович, не ответил, стало быть, старца-то и в келье нет. Идти, разве, понаведаться под окном, не выскочил ли он, как послышался грохот нашего поезда на дворе.

Мы вышли за седеньким вожатым из коридора другим, уже более коротким путем.

Обогнув за ним угол корпуса, мы очутились на небольшой площадке, под самым окном отца Серафима. На площадке этой, между двумя древними могилами, действительно оказались следы от двух, обутых в рабочие лапти, ног.

– Убег, – озабоченно проговорил седенький монашек, смущенно поворачивая в руках ненужный теперь ключ от опустевшей кельи.

– Эх-ма, – глубоко вздохнул он, смиренно возвращаясь к делу своего послушания, как вожатого богомольцев по монастырской святыне.

Толпа их, между тем, уже теснилась около стоявшей поодаль древней могилы с чугунным гробиком поверх земли вместо памятника. Кто, крестясь, прикладывался к холодному чугуну, кто сгребал из-под гробницы сыпучий песок, заворачивая его в платок.

Три раза перекрестившись, монах поклонился перед древней могилой до самой земли. До земли же за ним поклонился и весь народ.

– Отец наш Марк, – начал инок, – спасался в этих самых лесах, когда еще только обстраивалась впервой эта обитель наша. Супостаты, лесные грабители, окаянные не раз калечили его в бору, пытая от него место, где зарыты будто бы монастырские сокровища и, наконец, с досады вырвали у него язык. Десятками лет жил затем мученик в бору нашем уже невольным молчальником. И вот за все терпение его при жизни дает теперь Господь гробнице его чудодейственную силу. Как вы знаете, мно-

го уже чудес творилось над этой могилой, – а мы, недостойные его братья, поем здесь панихиды, выжидая, когда Богу угодно будет явить из-под спуда его святые мощи.

Толпа богомольцев почтительно расступилась, прервав речь монаха: шел сам игумен с певчими служить обычную воскресную панихиду над могилой давно усопшего брата.

После панихиды отец игумен благословил нас, богомольцев, отыскивать отца Серафима в бору:

– Далеко ему не уйти, – утешил нас игумен, – ведь он, как и отец наш Марк, сильно калечен на своем веку. Сами увидите: где рука, где нога, а на плечике горб. Медведь ли его ломал... люди ли били... ведь он – что младенец – не скажет. А все вряд ли вам отыскать его в бору. В кусты спрячется, в траву заляжет. Разве сам откликнется на детские голоса. Забирайте детей-то побольше, да чтоб наперед вас шли.

– Непременно бы впереди бегли! – кричал еще игумен вослед уже двинувшейся к лесу толпе.

Весело было сначала бежать нам одним, совсем одним, без присмотра и без надзора, бежать по мягкому, бархатному слою сыпучего песка. Нам, городским детям, то и дело приходилось останавливаться, чтобы вытрясти мелкий белый песок из той или другой прорезной (модной в то время) туфельки. Деревенские же босоножки, подсмеиваясь, кричали нам на ходу: «Чего не разуетесь... легче будет»...

По счастью, где-то вдалеке блеснул, засветился солнечный луч между иглистыми ветвями... Мы ободрились, побежали на мелькнувший вдалеке просвет, и скоро все врассыпную выбежали на зеленую, облитую солнцем поляну.

Смотрим: около корней отдельно стоящей на полянке ели работает, пригнувшись чуть ли не к самой земле, низенький, худенький старец, проворно подрезая серпом высокую лесную траву. Серп же так и сверкает на солнечном припеке.

Заслышав шорох в лесу, старичок быстро поднялся, насторожив ухо, к стороне монастыря; и затем, точно вспугнутый заяц, проворно шарахнулся к чаще леса. Но он не успел добежать, запыхался, робко оглянувшись, юркнул в густую траву недорезанной им куртины и скрылся у нас из виду.

Тут только вспомнился нам родительский наказ при входе в бор, и мы чуть ли не в двадцать голосов дружно крикнули: «Отец Серафим! Отец Серафим!»

Случилось как раз то, на что надеялись монастырские богомольцы: заслышав неподалеку от себя звук детских голосов, отец Серафим не выдержал своей засады и старческая голова его показалась из-за высоких стеблей лесной травы.

Приложив палец к губам, он умильно поглядывал на нас, как бы упрашивая ребят не выдавать его старшим, шаги которых уже слышались в лесу.

В первую минуту он нам не понравился. Смоченные трудовым потом желтоватые во-

лосы пустытника мягкими прядями лежали на высоком лбу; искусанное лесной мошкаркой лицо его пестрело запекшимися в морщинах каплями крови.

А между тем, когда, протопав к нам дорожку через всю траву, он, опустившись на траву, поманил нас к себе, крошка наша Лиза первая бросилась старичку на шею, прильнув нежным лицом к его плечу, покрытому рубищем.

– Сокровища, сокровища, – приговаривал он едва слышным шепотом, прижимая каждого из нас к своей худенькой груди.

Мы обнимали старца, а между тем замешавшийся в толпу детей подросток, пастушок Сема, бежал со всех ног обратно к стороне монастыря, зычно выкрикивая:

– Здесь, сюда. Вот он... Вот отец Серафим!

Нам стало стыдно. Чем-то вроде предательства показалось нам и выкрикивания наши и наши объятия. Еще стыднее стало нам, когда две мощные запыхавшиеся фигуры, не помню мужчин или женщин, подхватили старца под локотки и повели к высыпавшей уже из лесу куче народа. Опомнившись, мы бросились вдогонку за отцом Серафимом...

Опередив своих непрошенных вожатых, он шел теперь один, слегка прихрамывая, к своей хибарке над ручьем. Подойдя к ней, он оборотился лицом к поджидавшим его богомольцам. Их было очень много.

– Нечем мне угостить вас здесь, милые, – проговорил он мягким сконфуженным тоном домохозяина, застигнутого врасплох среди

разгара рабочего дня. – А вот деток, пожалуй, полакомить можно, – вспомнил он, как бы обрадовавшись собственной догадке.

И затем, обратившись нашему брату, сказал:
– Вот у меня там грядки с луком. Видишь. Собери всех деток, нарежь им лучку, накорми их лучком и напой хорошенько водой из ручья.

Мы побежали вприпрыжку исполнять приказание отца Серафима и засели между грядками на корточках. Луку, разумеется, никто не тронул. Все мы, залегши в траве, смотрели из-за нее на старичка, так крепко прижавшего нас к груди своей.

Получив его благословение, все стали поодаль почтительным полукругом и так же, как и мы, смотрели издали на того, кого пришли посмотреть и послушать.

Много было тут лиц, опечаленных недавним горем. Большинство крестьянок повязано было в знак траура белыми платками. Дочь старой няни нашей, недавно умершей от холеры, тихо плакала, закрыв лицо передником.

– Чума тогда, теперь холера, – медленно проговорил пустынник, как будто припоминая про себя что-то давно-давно минувшее.

– Смотрите, – громко сказал он, – вот там ребятишки срежут лук, не останется от него поверх земли ничего... Но он подыметесь, вырастет сильнее и крепче прежнего... Так и наши покойнички – и чумные, и холерные... и все восстанут лучше, краше прежнего. Они воскреснут. Воскреснут. Воскреснут, все до единого...

Стоя перед дверью лесной своей хижинки, в которой нельзя было ни стать, ни лечь, старец тихо крестился, продолжая свою молитву, свое немолчное молитвословие... Люди не мешали ему, как не мешали непрестанной его беседе с Богом ни работа топором, ни сенокос, ни жар, ни холод, ни ночь, ни день.

Молился и народ.

Над смолкнувшей поляной как будто тихий Ангел пролетел.

А между тем богомольцы ослабели, стоя на солнечном припеке. Тело каждого входило в свои права, требовало пищи, отдыха.

Отец Серафим поманил к себе Прокудина рукой:

– Скажи им, – сказал он, – сделай милость, скажи всем, чтоб напились скорей из этого там родника. В нем вода хорошая. А завтра я буду в монастыре. Непременно буду.

Когда же все, утолив жажду, оглянулись, отца Серафима уже не было на пригорке перед хибаркой его. Только вдаль за кустами шуршал серп, срезая сухую лесную траву. В обратный к монастырю путь мы шли уже одни, семьей своей, соображаясь с усталой походкой бабушки, матери моего отца.

С нами был только Алексей Нефедович, да длинный ряд домочадцев тянулся на некотором расстоянии позади. Толпы богомольцев уже вступали в монастырские ворота, когда мы все еще не выходили из широкого прохладного просека, в конце которого виднелись вдалеке главы монастырского собора...

А между тем кроткий облик лесного старца невольно стоял перед глазами. Сестренка моя, Лиза, та самая, которую так обнимал отец Серафим, называя ее сокровищем, сестренка моя крепко держалась за меня обеими руками. При выходе из лесной темноты она сжала мою руку и, взглянув мне вопросительно в лицо, проговорила: «Ведь отец Серафим только кажется старичком. На самом деле он такое же дитя, как ты, да я. Не правда ли, Надя?»

Много с тех пор в продолжение следующих семидесяти лет моей жизни видала я и умных, и добрых, и мудрых глаз, много видала и очей, полных горячей искренней привязанности; но никогда с тех пор не видала я таких детски ясных, старчески прекрасных глаз, как те, которые в это утро так умильно смотрели на нас из высоких стеблей лесной травы.

В них было целое откровение любви...

Улыбку же, покрывшую это морщинистое, изнуренное лицо, могу сравнить разве только с улыбкой спящего новорожденного, когда, по словам нянек, его еще тешат во сне недавние товарищи – Ангелы.

С раннего утра следующего дня отец Серафим, согласно своему обещанию, оказался уже в монастыре.

Нас, паломников, он встретил, как радушный домохозяин встречает приглашенных им гостей, в открытых дверях внутренней своей кельи.

Пребывания в пустыне не видно было на нем и следа: желтовато-седые волосы были

гладко причесаны; в глубоких морщинах не заметно было крови от укушения лесных комаров; белоснежная полотняная рубаша заменяла заношенную сермягу; вся его особа была как бы выражением слов Спасителя: «Когда постишься, помажь главу твою и умой лицо твое, чтобы явиться постящимся не перед людьми, но перед Отцом твоим, Который втайне, и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно».

Лицо отшельника было радостное, келья была заставлена мешками, набитыми сухарями из просфор. Свободным оставалось только место перед иконами для коленопреклонения и молитвы.

Рядом со старым монахом стоял такой же мешок с сухарями, но открытый. Отец Серафим раздавал из него по пригоршне каждому подходящему к нему паломнику, приговаривая: «Кушайте, кушайте, светики мои. Видите, какое у нас тут обилие».

Покончив с этой раздачей и благословив последнего подходящего, старик отступил на полшага назад и, поклонившись глубоко на обе стороны, промолвил:

– Простите мне, отцы и братья, в чем согрешил против вас словом, делом или помышлением. (Отец Серафим шел в этот вечер на исповедь у общего для всех монастырского духовника).

Затем он выпрямился и, осенив всех присутствующих широким иерейским крестом, прибавил торжественно:

– Господь да простит и помилует всех вас.

Так закончилось наше второе свидание с преподобным старцем.

Исповедавшись, как я говорила, накануне, отец Серафим в этот день служил, как иерей, обедню в небольшой церкви. Размер ее позволял только немногим из паломников присутствовать при богослужении. Не попали на службу и мы.

Вспомнив о нас, не попавших в храм, преподобный выслал послушника сказать, что он выйдет к нам с крестом после богослужения.

Все мы, богатые и бедные, ожидали его, толпясь около церковной паперти. Когда он показался в церковных дверях, глаза всех были устремлены на него. На этот раз был он в полном монашеском облачении и в служебной епитрахили. Высокий лоб его и все черты его подвижного лица сияли радостью человека, достойно вкусившего Тела и Крови Христовых; в глазах его, больших и голубых, горел блеск ума и мысли. Он медленно сходил со ступенек паперти и, несмотря на прихрамывание и горб на плече, казался и был величаво прекрасен.

Впереди всей нашей толпы оказался в это время знакомый немецкий студент, только что приехавший к нам из Дерпта.

Его рослая, красивая фигура и любопытство, с которым он смотрел на то, что ему казалось русской странной церемонией, не могли не привлечь внимание отшельника и он ему первому подал крест.

Молодой немец, не понимая, что от него требуется, схватился за крест рукою и притом рукою в черной перчатке.

– Перчатка, – укоризненно заметил старец.

Немец же только окончательно сконфузился. Отец Серафим отступил тогда шага на два назад и заговорил:

– А знаете ли вы, что такое крест? Понимаете ли вы значение креста Господня?..

Ежели бы и доставало у меня памяти, чтобы сохранить за все эти годы слова отшельника, то и тогда не могла бы я занести импровизированную эту проповедь в свои воспоминания. Я в то время не была в состоянии уразуметь ее. В то время мне не могло быть более десяти лет.

Но что могло тогда понимать, видеть и слышать дитя, того не изгладили из памяти моей десятки годов прожитой с тех пор жизни. Не забыть мне этого ясного взора, вдохновенного в эту минуту мудростью свыше, не забыть внезапно преобразившегося лица дровосека муromских лесов.

Живо помню звуки голоса, говорившего «как власть имеющий» малому стаду собравшихся в Сарове богомольцев. Помню сочувственный блеск в черных очах Прокудина, помню старую бабушку свою, смиренно стоявшую перед отшельником, «аки губа напоемая». Помню юношеский восторг, разгоравшийся в глазах меньшего дяди. Его заметил проповедник и, слегка нагнувшись к дяде, сказал:

– Есть у тебя деньги?

Дядя бросился было разыскивать в карманах бумажник. Но отшельник остановил его тихим движением руки:

– Нет, не теперь, – сказал он. – Раздавай всегда, везде.

И с этими словами протянул к нему первому крест.

И покойный дядя мой не «отошел скорбями», как это было с богатым юношей Писания...

Мы торопились выехать в обратный путь. Запоздали мы немного, и нам не пришлось выбраться засветло из окраины сыпучих песков, огибающих все еще страшный по слухам дремучий Саровский бор. Пешие паломники, между которыми, как всегда, было много хилых, слабых от старости, женщин и детей, уже ушли вперед. На монастырском дворе то и дело слышался грохот отъезжавших экипажей более состоятельных богомольцев.

И наши лошади стояли уже у крыльца гостиницы. Сытые кони наши били оземь копытами, поторапливая своим нетерпением прислугу, разносившую по экипажам дорожную нашу кладь.

К Алексею Нефедовичу, ехавшему верхом и заносившему уже ногу в стремя, подошел старый монастырский служака.

– Еще утресь, – сказал он, – отец Серафим, выходя из церкви, изволил шепнуть мне мимоходом свой наказ, чтобы вы, Алексей Нефедович, не отъезжали вечером, не повидавшись с ним еще раз.

– Проститься хочет старый друг, отец мой духовный, – заметил на это Прокудин и, оборотившись к нам, промолвил: – Пойдемте все со мной.

И вот вся наша семья с отставным гусаром во главе снова потянулась по длинным коридорам монастырского корпуса.

Дверь в прихожую отшельника была открыта настежь, как бы приглашая войти.

Мы разместились молча вдоль стены длинной и узкой комнаты, насупротив дверей внутренней кельи.

Последний, замиравший луч заходившего солнца падал на выдолбленный из дубового кряжа гроб, уже десятками лет стоявший тут в углу на двух поперечных скамьях. Прислоненная к стене, стояла наготове и гробовая крышка...

Дверь кельи беззвучно и медленно отворилась. Неслышными шагами подошел старец к гробу. Бледно было его, бескровное теперь, лицо; глаза смотрели куда-то вдаль, как будто сосредоточенно вглядываясь во что-то невидимое, занявшее всю душу, весь внутренний строй человека. В руке его дрожало пламя поверх пучка зажженных восковых свечей. Налепив четыре свечи на окраинах гроба, он поманил к себе Прокудина и затем пристально и грустно глянул ему в глаза. Перекрестив дубовый гроб широким пастырским крестом, он глухо, но торжественно проговорил:

– В Покров.

Слово святого старца было понято как самим Прокудиным, так и окружающими как предсказание его, Прокудина, кончины.

Под потрясающим впечатлением этого предсказания покинули мы Саровскую обитель.

Более не довелось мне в жизни видеть преподобного Серафима. Чуть ли не в следующем (1833) году иноки нашли его в своей келии усопшим на коленях во время молитвы.

Но, конечно, в семье нашей еще долго вспоминали о великом старце и об этом паломничестве...

Слышанное мною прорицание батюшки отца Серафима сбылось в том же году.

Я. М. Невефров
Записки

Саровской пустыни я обязан моим религиозно-нравственным развитием. Первое проявление истинно религиозного чувства оказалось у меня в Сарове, – и вот по какому случаю. В двадцатых годах девятнадцатого столетия – именно в эпоху моего детства и отрочества – еще жив был схимник Серафим.

Серафим жил не в самом монастыре, а в лесу, – и там не только я, но едва ли кто из посетителей Сарова мог его видеть, и хотя в монастыре у него была своя келья, – но он приходил в нее только раз в неделю, для приобщения Святых Тайн. В церкви я его никогда не видел, а приобщался он всегда у себя в келье, после ранней обедни, обыкновенно совершавшейся в больничной церкви монастыря. По окончании ее иеромонах торжественно, с Чашей в руках, в сопровождении всего клира и всех молившихся в церкви, отправлялся в келью Серафима, который встречал Святые Дары, стоя на коленях на пороге своей кельи, – по приобще-

нии и уходе иеромонаха со Святými Дарами раздавал благословения посетителям, из которых многие приносили ему в дар большие просфоры, церковное вино, свечи, масло и подобные предметы, что Серафим принимал с благодарностью, – и просфоры тут же крошил в огромную деревянную чашку и, полив красным вином, угощал сам публику, из коей многие принимали это угощение с благоговением, в том числе и мать моя...

Приехав в субботу ко всенощной, мы узнали, что отец Серафим в монастыре и на другой день, по обыкновению, будет приобщаться после ранней обедни Святых Тайн. Мы отправились в церковь, а после обедни за процессией – к нему в келью, и когда он, приобщившись, начал предлагать публике свое обычное угощение – крошеными просфорами в чашке с вином, которую и подносил сам ко рту присутствовавших, черпая из нее деревянной ложкой, то новоприезжая молодая дама Засецкая была крайне удивлена этим оригинальным угощением, а когда Серафим подошел к ней и поднес к ее рту ложку с приготовленным им кушаньем, она никак не хотела принять и отворачивалась от него. Добрый старец, вероятно, понял ее сопротивление так, что она затрудняется принять в рот весьма почтенных размеров ложку, и пренаивно сказал ей: «А ты пальчиком-то, матушка, пальчиком!», то есть ложку приставь только ко рту, а содержащееся в ней переложив в рот рукой, – но при этом совете молодая осо-

ба засмеялась, а вслед за ней начал и я громко хохотать, так что почтенный старец отошел от нее в недоумении, и она тотчас вышла из кельи; а так как мой хохот не унимался, несмотря на все старания матери, то я выведен был ею также вон и получил сильный нагоняй за мое неприличное поведение... Матушка объявила мне, что она не простит меня до тех пор, пока я не получу прощение от отца Серафима, и меня послали к нему после обеда...

Подойдя к двери кельи, я нашел ее запертой изнутри и, по обыкновению, громко произнес молитву: «Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас!»... – на что мне отвечали: «Аминь», и отперли дверь.

До того времени я видел эту келью не иначе как наполненной народом, теснившимся принять благословение от отца Серафима, а потому заметил только передний ее угол, уставленный образами и лампадами: под образами стол, на котором лежали свечи, а под столом просфоры, бутылки с церковным вином и деревянным маслом – и ничего более; да меня занимала, конечно, не келья и ее обстановка и даже не хозяин ее, а публика теснившаяся около него, – но тут я был один перед старцем, и меня поразило странное зрелище: посередине кельи стоял гроб, и в гробу сидел почтенный старец Серафим, держа в руках книгу. Он чрезвычайно приветливо обратился ко мне со словами:

– Здравствуй, мой друг, здравствуй; что тебе надобно?

Я отвечал ему:

– Матушка прислала меня просить прощения у вас в том, что я давеча смеялся над вами.

– Тебя матушка прислала, ну, благодари от меня твою матушку, мой друг! Благодарю ее от меня, что она вступилась за старика. Я буду молиться за нее; благодари ее!

Слова эти сказаны были самым добродушным тоном, но с ударением на фразу «тебя матушка прислала», – так что я, сознавая внутреннюю свою виновность пред старцем, позволил себе сказать:

– Нет, не матушка прислала, а я сам пришел.

– Ты сам пришел, мой друг, ну, благодарю тебя, благодарю! Да будет над тобою благословение Божие! – при этом он позвал меня к себе и, благословив, сказал

– Раскаяние и грех снимает: ну, а тут не было греха. Христос с тобою, мой друг!

При этом он спросил меня, читаю ли я Евангелие? Я, конечно, отвечал – нет, потому что в то время кто же читал его из мирян: это дело дьякона. Старец пригласил меня взять единственную в келье скамейку и сесть возле него, а сам, раскрыв бывшую у него в руках книгу, которая оказалась Евангелием, начал читать седьмую главу от Матфея, стих: «Не судите, да не судимы будете, в нюже меру мерите, возмерится вам», – и читал далее всю главу. Он читал без всяких объяснений, и даже не сделал ни малейшего намека на мой проступок, но, слушая его, я сам глубоко сознал мою виновность, и это

чтение произвело на меня такое потрясающее впечатление, что слова евангельские врезались в мою память... Окончив чтение, Серафим снова благословил меня и, отпуская, советовал мне почаще читать Евангелие, что я принял к сердцу и начал делать с того времени...

При описанной мной сцене в келье Серафима мать моя не присутствовала: она только издали наблюдала, вошел ли я в келью, и поджидала моего выхода на монастырском дворе. Увидев меня чрезвычайно взволнованным, когда я подошел к ней, она не тотчас поверила моему рассказу и все приписывала мое волнение нагоняю, который я – как ей казалось – должен был получить от старца; но проявившееся с этой поры во мне глубокое к нему уважение и стремление быть у него всегда, когда мы приезжали в Саров, и его всегда необыкновенно ласковое со мной обхождение вполне ее успокоили впоследствии.

Действительно, в первый же раз, когда мы после описанной сцены отправились к нему вслед за священником с Дарами, я протеснился вперед к старцу, и меня занимала уже не толпа – как то было прежде – но именно сам Серафим и его причащение. По обыкновению, он стоял на коленях на пороге своей кельи, и сверх иеромонашеской мантии на нем была епитрахиль. Когда приблизился священник и передал ему Чашу, он, благоговейно приняв ее в руки, начал громко читать причастную молитву: «Верую, Господи, и исповедую, яко Ты еси воистину Христос, Сын Бога живого,

пришедший в мир грешных спасти, от них же первый есмь аз». При этом он преклонил голову до земли, держа Чашу над головой. Затем, поднявшись, продолжал: «Еще верую, что сие есть самое пречистое Тело Твое» и т. д., и все это с таким убеждением и с таким восторженным умилением, что и я невольно преклонил колени, и каждое слово этой молитвы глубоко впечатлелось в душе моей.

Когда после приобщения в числе прочих подошел и я к его благословению, то он так приветливо обратился ко мне со своим обычным угощением – крошеными просфорами в чашке с вином – погладил меня по голове и дал целую просфору, что обратило на меня внимание всей толпы, так как это была необыкновенная с его стороны благосклонность.

С тех пор я всякий раз, когда был в Сарове, старался как можно ближе становиться к Серафиму, чтобы не только слышать, как он произносит причастную молитву, но и любоваться его глубоко-вдохновенною наружностью и следить за каждым его движением, что все производило на меня потрясающее впечатление. Даже до сей поры, подходя к причастию и повторяя за священником слова причастной молитвы, я мысленно вижу перед собой величественный облик Серафима с Чашей в руках.

Преподобный Антоний Радонежский

В бытность строителем Высокогорской пустыни, в январе 1831 года иеромонах Антоний отправился к отцу Серафиму в Саров

в страшном унынии. Его все время преследовали мысли о кончине. Когда входил в храм, ему все время казалось, что входил туда последний раз.

Приехав в Саров вечером и никуда не заходя, иеромонах Антоний направился прямо к келье старца Серафима. Не доходя до нее, встретив одного из саровской братии, он узнал, что отец Серафим еще не вернулся в монастырь из своей пустыни. Было около пяти часов вечера и темнело. Отец Антоний, остановившись в раздумье, не знал, идти ли куда или тут дожидаться. В это время, стоявшая близ братия, увидев издали грядущего старца, известили: «Отец Серафим идет».

Старец шел в обыкновенной своей одежде, с мешком за плечами, опираясь на топор. Иеромонах Антоний тотчас же подошел к нему и поклонился как обычно.

– Что ты? – спросил старец.
 – К вам, батюшка, со скорбною душой.
 – Пойдем, радость моя, в келью, – приветливо сказал старец.

В келье наедине иеромонах Антоний умолял старца Серафима сказать ему откровенно, случится ли с ним то, что внушают ему помыслы: «Сию ли я в келье, выйду ли на монастырь, мне представляется, что в последний раз вижу обитель. Из сего заключаю, что скоро умру, потому указал уже и место могилы для себя. Желая знать о своей смерти единственно для изменения жизни, чтобы, отказавшись от должности, посвятить остальные дни свои без-

молвному вниманию. Извещение о смерти не будет страшно для меня».

Преподобный Серафим слушал рассказ, не изменяя положения и держа за руку иеромонаха Антония. Когда же тот закончил, блаженный старец, взирая на него с любовью сказал: «Не так ты думаешь, радость моя, не так: промысл Божий вверяет тебе обширную Лавру»

Отцу Антонию подумалось, что старец Серафим желает отвлечь его от скорбных мыслей. Поэтому, прерывая его, сказал: «Батюшка! Это не успокаивает меня, не усмиряет моих помыслов; я умоляю вас, скажите мне прямо, мысли мои о смерти не служат ли от Бога указанием на близкую мою кончину. И в таком случае я буду просить молитв о душе моей и приму мирно и с благодарением ваше слово. Мне хочется встретить час смертный с должным приготовлением». Преподобный Серафим с ангельской улыбкой отвечал: «Неверны твои мысли, я говорю тебе, что промысл Божий вверяет тебе Лавру обширную», и, к большому удивлению отца Антония, преподобный Серафим стал просить его милостиво принимать из Сарова братию, если кто придет в Лавру или кого он пошлет.

Строитель же отвечал на это: «Где же Высокогорской пустыни быть Лаврою? Дай Бог, чтобы не сошла ниже, чем теперь стоит». «Да и кто захочет, – продолжал отец Антоний, – батюшка, из Сарова переходить в скудную Высокогорскую пустынь? А если бы кто пожелал, или кого бы вы прислали, то вы знаете все-

гдашнюю мою готовность делать все, что вам угодно, да на деле того не может быть».

Далее старец Серафим сказал: «Не оставь сирот моих, когда дойдет до тебя время». Не выдержал отец Антоний, и в порыве беспрдельной любви и уважения к старцу бросился к нему, обнял его и долго плакал. Не понимая значения сказанных слов, он остановился вниманием своим на слове «сирот»; ему казалось, что старец говорит о скорой своей кончине. Блаженный Серафим продолжал: «Поминай моих родителей Исидора и Агафию». Затем стал советовать во всем покоряться воле Господней, быть прилежней к молитве, строго исполнять свои обязанности, быть милостивым и снисходительным к братии: «Матерью будь, – говорил он, – а не отцом братии, и вообще ко всем будь милостивым и по себе смиренным. Смирение и осторожность есть красота добродетели». Затем отец Серафим несколько раз обнял гостя, благословил висевшим на его груди крестом и сказал: «Теперь гряди во имя Господне. Время уже тебе, тебя ждут».

На обратном пути иеромонах Антоний услышал, что едущий с ним монах начал плакать. «О чем ты плачешь?» – спросил отец Антоний. Инок отвечал, что по приезде в Саров он встретил отца Серафима, возвращающегося из пустыни в монастырскую келью. Батюшка сказал ему: «Ну вот, вам предстоит разлука с вашим строителем».

Прошло несколько месяцев. В Троице-Сергиевой Лавре умирает наместник. И вдруг

отец Антоний получает от митрополита Филарета указ о том, что он назначается наместником Троице-Сергиевой Лавры.

Воспоминания М. Н. В.

Я и муж мой пожелали видеть богоугодного старца Серафима и поехали в Саровскую пустынь; но по приезде туда не застали старца в монастырской его келье; он был в лесу в пустынных трудах. Мы пошли туда, и вскоре сам старец встретился с нами. Он тотчас обратился к мужу моему со словами: «Вот что, батюшка, пророк Давид пишет: Господи, возлюби благолепие дома Твоего, и место селения славы Твоей. Вельми хорошо, батюшка, украшать храмы Господни». Отец Серафим говорил это по дару прозорливости, провидя, как муж мой любил украшать храмы Божии.

После того отец Серафим пригласил нас в свою монастырскую келью, и мы стали просить у него благословения на поездку в Москву к своему помещику, чтобы хлопотать об отпущении на волю или, по крайней мере, о том, чтобы господин уволил мужа моего от должности управляющего. Но отец Серафим, выслушав слова наши, взял моего мужа за руку и, подводя его к иконе Умиления Божией Матери, сказал: «Прошу тебя, ради Божией Матери, не отказывайся от должности. Твое управление – к славе Божией: мужиков не обижаешь. Не слушай, кто тебе будет говорить про тебя или про твою супругу дурно, а в Москву нет тебе дороги; а вот твоя дорога: я благословил одного

управляющего – проситься на волю по смерти господина, который при жизни своей купил себе имение на Низу, и послал его принять оное и устроить. Когда господин тот скончался, госпожа отпустила управляющего на волю, и дала ему доверенность на управление имением такую, что только себя не вручила ему». Отец Серафим говорил эту притчу о моем муже, с которым действительно все то случилось впоследствии, что он предсказал за несколько лет до исполнения.

У моего мужа была следующая странная болезнь. Едва только он немного простудится, как тотчас кровь бросается ему в лицо, делается напряжение жил, нервы, особенно носовые, приходят в необыкновенное раздражение, и он сначала ощущает странное щекотание в носу, а потом начинает чихать беспрестанно. Это изнурительное чихание продолжалось у него иногда целый день, а иногда и два, и совершенно убивало его. Московские и нижегородские врачи советовали ему непременно лечиться от этой опасной болезни и предсказывали, что у мужа моего со временем может образоваться полип. Но так как мужу моему некогда было заняться серьезно своим лечением, то болезнь вскоре очень усилилась. Тогда мы решили ехать в Саров к отцу Серафиму.

По приезде нашем старец, благословивши нас, тотчас же взял с печки бутылку с водой, приказал моему мужу наклонить голову, и начал сам поливать ее водой из бутылки; потом приказал ему умыться этой водой и подал ему

со своей шеи полотенце, чтобы он утерся им. С тех пор болезнь моего мужа совершенно миновала, и он прожил еще семь лет.

Отец Серафим, благословляя нас однажды на возвратный путь из Сарова домой, сказал мне: «Вот, матушка, пришли ко мне мужчина и две женщины, и стали творить молитву; я их не пустил, а когда они стали очень громко стучать в дверь и мне уже нечего было делать, то я лег спать». И потом прибавил: «Понимаешь ли ты это, матушка!» После того, по приходе нашем на гостинный двор, мы нашли там какого-то чиновника нижегородского, который приехал в Саров с женой и начал меня упрашивать сходить с ними к отцу Серафиму, говоря, что они одни не смеют идти и думают, что отец Серафим не пустит их. Муж мой также просил меня, чтобы я сходила с ними. Мы пошли и, по приходе на крыльцо кельи, услышали, что отец Серафим что-то делает в своих сенях. Я, по обыкновению, сотворила молитву. Но отец Серафим не отвечал обычного «Аминь» и не отпирал дверей. Спутники мои начали проситься с усилием, но он молчал. Тогда мужчина начал громко стучать в двери, и вот мы услышали, что отец Серафим лег спать у самых дверей, где мы стояли, и через несколько минут захрапел. Тут только поняла я, о каком мужчине и двух женщинах говорил он мне при прощании, и мы принуждены были отправиться домой в гостиницу, не выдав старца.

В последний год жизни моего мужа я была в Сарове, в пустыни отца Серафима. Я нашла

там его, собиравшего щепки, у вала, на дороге. Заметив меня, он подозвал меня к себе и сказал: «Вот, матушка, святые отцы благословили меня собирать эти щепочки для сирот дивеевских; придет зима, нужно будет топить им печки». Потом взяв меня за руку довел по дороге до своих гряд, где были посажены лук и картофель, и сказал: «А вот, матушка, мое богатство; вот как я живу; богатство же муженька твоего пойдет в другие руки; но ты не унывай о том». Действительно, через несколько месяцев муж мой скончался, а остальное все случилось так, как предсказывал дивный старец...

Однажды я была у отца Серафима с родной своей сестрой, которая была замужем за одним священником, но овдовела. Старец, благословляя сестру мою, сказал ей: «Жизнь твоя, матушка, благословенна до самого твоего успения». На это сестра моя отвечала ему: «Простите меня, батюшка, Христа ради: я все грешу, ссорясь со своим родителем, за то, что он, сдавши свое место брату моему, сам все живет у меня». Отец Серафим возразил ей: «С кем же, матушка, и жить-то тебе, как не с родителем». Сестра отвечала ему: «У меня есть, батюшка, сын, который оканчивает ныне курс, и я на него имею надежду». Но отец Серафим опять возразил ей: «Никакой, матушка, нет надежды, никакой нет». И действительно, сын сестры моей вскоре умер.

Однажды, будучи в Сарове, в день воскресный пошла я после поздней обедни к отцу Серафиму, и он, благословив меня, спросил: «Ты,

матушка, была у обедни?» Я отвечала: «Была, батюшка». Тогда он спросил: «Видела ли ты там, как мы собором отпевали одну женщину? Я только что пришел из церкви. Наш отец игумен сделал ей хороший гроб. Понимаешь ли ты это, матушка?» – и он повторил свой вопрос несколько раз. Я подумала, что, верно, он предсказывает мне близкую мою кончину, и с этими мыслями отправилась домой. Дорогой заехала я в деревню Соболево, которая принадлежит к Покровскому приходу, чтобы навестить свою родную тетку. Но здесь, к великому прискорбию, услышала я, что тетка моя недавно умерла и ее похоронили в тот самый воскресный день, после обедни, в который я была у отца Серафима, и он говорил мне о покойнице. Отец протоиерей сделал ей, по усердию на свой счет, гроб, и похоронил собором. Тогда поняла я чудную прозорливость отца Серафима.

Этот самый протоиерей не имел прежде никакой веры к отцу Серафиму, но когда я рассказала ему о последнем предсказании старца, то он пожелал лично видиться с ним. И вот, едва только, по приезде своем в Саров, вошел он в келью к отцу Серафиму, как старец встретил его иерейским лобзанием и словами: «Да благословит тебя, батюшка, (при этом он называл его по имени), Господь Бог и Покров Божией Матери», и потом называл всех тех угольников, во имя которых в Покровском храме были устроены семь приделов. С того времени протоиерей питал всегда большую веру к отцу Серафиму.

Однажды привезла я к отцу Серафиму восковых свеч, он тотчас же спросил меня: «Ты матушка, поедешь в Дивеево?» Я отвечала ему: «Благословите, батюшка; я везу туда три иконы». Тогда отец Серафим сказал: «Так, кстати, отвези туда и свечки; все равно за вас пойдет молитва». Потом он сказал: «Ты, матушка, знаешь пчел? Когда матка сидит в улье, то и пчелки около нее. Так-то и девочки в Дивееве всегда пребывают с Божьей Матерью». На это я сказала ему: «Ах, батюшка, как счастливы эти девочки, что они всегда пребывают с Божьей Матерью». Тогда батюшка возразил мне: «Что девочкам завидовать; и вдовой быть хорошо; Анна Пророчица была вдова, но разве ей было худо? А ты девушек-то моих люби, почитай; и не дожидайся, чтобы они за тобой ходили, а сама поищи их». Через несколько лет после того я овдовела; и из Дивеева Ирина Прокопьевна прислала ко мне сестру с письмом, в котором звала меня в обитель. Тогда я вспомнила слова отца Серафима: «Не дожидайся, чтобы девушки мои за тобой ходили, а сама поищи их», – и решилась поступить в дивеевскую общину.

*Воспоминания отца Рафаила,
иеродиакона Саровской пустыни*

В 1827 году, по поступлении моем в Саровскую пустынь, я увидел отца Серафима в первый раз, когда шел он из своей кельи в больничную церковь к ранней обедне.

Он опирался в то время на дубовую кривую палочку, и эта палочка мне так понравилась,

что я с тех пор всегда думал о том, как бы достать мне эту палочку на память от такого великого старца.

Почти через два года после того, в 1829 году, 21 января, пришел я к отцу Серафиму принять от него благословение на дорогу, потому что отец игумен посылал меня.

Старец, ничего не говоря, вышел из своей кельи в сени, достал из чулана давно желанную мной палочку и, отдавая мне ее, сказал: «Вот, это тебе навсегда». Получив от него такой драгоценный подарок, я берег его у себя более двадцати лет.

В 1829 году, летом, быв еще послушником, размышлял я однажды об отце Серафиме и дивился, что такой дивный человек живет на свете в нынешнее время и наши глаза его видят.

Пойду я к нему, подумал я, в пустынь и насмотрюсь на него досыта, хотя издали, чтобы во мне осталась навсегда память о том, как я его видел.

После того действительно отправился я в пустынь к отцу Серафиму и, не доходя до источника старца сажень тридцати, увидел его, обращенного ко мне спиной и возделывавшего мотыгой землю.

Вдруг он, еще не видя меня, бросает свою мотыгу, оборачивается ко мне лицом, бежит на встречу, падает мне в ноги и говорит: «Радость моя! Удостоился я, многогрешный, лобызать стопы Царицы Небесной».

Я поднял его и со слезами сказал: «Батюшка, скажите мне сколько-нибудь, как это было?»

Но он не дал ответа на мой вопрос и начал говорить совсем о другом.

*Рассказ старицы
Дивеевской обители Матроны*

Поступив в дивеевскую общину, я проходила по благословению отца Серафима послушание в том, что приготавлила сестрам пищу.

Однажды, по слабости здоровья и вражескому искушению, я пришла в великое смущение и уныние, и решила совершенно уйти из обители тихим образом, без благословения: до такой степени трудным и несносным показалось мне это послушание. Без сомнения, отец Серафим провидел мое искушение, потому что вдруг прислал мне сказать, чтобы я пришла к нему.

Исполняя его приказание, я отправилась к нему на третий день Петрова дня по окончании трапезы и всю дорогу проплакала.

Придя к саровской его келье, я сотворила, по обычаю, молитву, и старец, сказав «Аминь», встретил меня как отец чадолюбивый и, взяв за обе руки, ввел в свою келью. Потом сказал: «Вот, радость моя, я тебя ожидал целый день».

Я отвечала ему со слезами: «Батюшка, тебе известно, какое мое послушание; раньше нельзя было; только что я покормила сестер, как в ту же минуту отправилась к тебе и всю дорогу проплакала».

Тогда отец Серафим утер мои слезы своим платком, говоря: «Матушка, слезы твои не даром капают на пол», – и потом, подведя к

образу Царицы Небесной Умиления, сказал: «Приложись, матушка. Царица Небесная утешит тебя».

Я приложилась к образу и почувствовала такую радость на душе, что совершенно оживотворилась. После того отец Серафим сказал: «Ну, матушка, теперь ты поди на гостиную, а завтра приди в дальнюю пустыньку». Но я возразила ему: «Батюшка, я боюсь идти одна в дальнюю-то пустыньку».

Отец же Серафим на это сказал: «Ты, матушка, иди до пустыньки, а сама все на голос читай: Господи, помилуй, – сам пропел при этом несколько раз: «Господи, помилуй», – а к утрени-то не ходи, но как встанешь, то положи 50 поклонов и поди».

Я так и сделала, как благословил отец Серафим: встала, положила 50 поклонов и пошла, и во всю дорогу на голос говорила: «Господи, помилуй». От этого я не только не ощущала никакого страха, но еще чувствовала в сердце величайшую радость, по молитвам отца Серафима.

Подходя к дальней пустыньке, вдруг увидела, что о. Серафим сидит близ своей кельи на колоде и подле него стоит ужасной величины медведь. Я так и обмерла от страха, и закричала во весь голос: «Батюшка, смерть моя!» – и упала.

Отец Серафим, услышав мой голос, удалил медведя и махнул ему рукою.

Тогда медведь, как разумный, тотчас пошел в ту сторону, куда махнул ему отец Серафим, в густоту леса. Я же, видя все это, трепетала от страха; и даже, когда подошел ко мне отец Се-

рафим со словами: «Не ужасайся и не пугайся», я продолжала по-прежнему кричать: «Ой, смерть моя!»

На это старец отвечал мне: «Нет, матушка, это не смерть, смерть от тебя далеко, а это – радость».

И затем он повел меня к той же самой колоде, на которой сидел прежде, и на которую, помолившись, посадил меня и сам сел.

Не успели мы еще сесть, как вдруг тот же самый медведь вышел из густоты леса и, подойдя к отцу Серафиму, лег у ног его.

Я же, находясь вблизи такого страшного зверя, сначала была в величайшем ужасе и трепете, но потом, видя, что отец Серафим обращается с ним без всякого страха, как с кроткою овечкою, и даже кормит его из своих рук хлебом, который принес с собою, в сумке, я начала мало-помалу оживотворяться верою. Особенно чудным показалось мне тогда лицо великого отца моего: оно было светло, как у Ангела, и радостно.

Наконец, когда я совершенно успокоилась, а старец скормил почти весь хлеб, он подал мне остальной кусок и велел самой покормить медведя.

Но я отвечала: «Боюсь, батюшка, он и руку-то мне отъест!», а сама между тем радовалась, думая про себя: если отъест мне руку, то я не в состоянии буду тогда и стряпать.

Отец Серафим посмотрел на меня, улыбнулся и сказал: «Нет, матушка, верую, что он твоей руки не отъест!»

Тогда я взяла поданный мне хлеб и скормила его весь с таким утешением, что желала бы еще кормить его; ибо зверь был кроток и ко мне, грешной, за молитвы отца Серафима.

Видя меня спокойною, отец Серафим сказал мне: «Помнишь ли, матушка, у преподобного Герасима на Иордане лев служил, а убогому Серафиму медведь служит. Вот и звери нас слушают, а ты, матушка, унываешь, а о чем же нам унывать? Вот если бы я взял с собою ножницы, то и остриг бы его в удостоверение. Богом тебя прошу, матушка, не унывай никогда и ни в чем, но всегда подражай смирению преподобной Исидоры: она в монастыре была в последних у всех, а у Бога – первая, потому что не гнушалась никаким послушанием».

Тогда я в простоте сказала: «Батюшка! Что если этого медведя увидят сестры, они умрут от страха!»

Но он отвечал: «Нет, матушка, сестры его не увидят».

– А если кто-нибудь заколет его? – спросила я, – мне жаль его.

Старец отвечал: «Нет, и не заколют; кроме тебя, никто его не увидит».

Я еще подумала: вот, как я буду рассказывать сестрам об этом страшном чуде?

А отец Серафим на мои мысли отвечал: «Нет, матушка, прежде одиннадцати лет после моей смерти никому не поведай этого, а тогда воля Божия откроет, кому сказать».

*Воспоминания начальницы
Адратовской общины матушки Евдокии*

Однажды пришла к отцу Серафиму одна из сестер нашей обители для получения его благословения и отеческих советов. Старец, исполнив ее желание, дал ей, между прочим, золотую монету и сказал: «Понеси это матери Евдокии; ведь крупа-то будет дорога – двадцать рублей за четверть». Предсказание старца действительно вскоре исполнилось. В нашей стороне наступил голодный год, и все вздорожало необыкновенно; но за молитвы отца Серафима оскудения в нашей обители не было, и мы благодарили милосердного Господа.

Перед другим голодным годом я сама была у отца Серафима; будучи принята им благосклонно, просила его спасительных советов, как богоугодно управлять вверенною мне обителью, и между тем сетовала на нашу бедность.

Старец, выслушав мои просьбы и сетования терпеливо, сказал: «Матушка! Чтобы твои подчиненные были добры и послушны, ты сама наперед смири себя и подавай собою добрый пример незлобия. Видя твою жизнь, и твои подчиненные охотно будут ей подражать. Читай чаще житие Саввы Освященного, и из него сама научишься терпению. Недостатки же ваши ущедрит Сам Бог».

При этих словах он подал мне рубль серебра и сказал: «Это вам на чистый хлеб. А это, – прибавил он, – развертывая и отдавая мне синюю ассигнацию, – на привар (то есть, на кашу)».

Но, заметив мою невнимательность к ассигнации, он взял ее назад и, разгладив, сам начал завертывать ее в мой платок, приговаривая: «Зачем так пренебрегать, надобно быть бережливее; будет нужда, и деньги понадобятся».

Действительно, вскоре после моего посещения отца Серафима, мы услышали о повсеместном голоде и о лишении всякого рода. Наша же обитель, к удивлению всех, несмотря на свою бедность, в течение всего голодного времени, при помощи Божией и по благословению отца Серафима, постоянно питалась чистым хлебом, тогда как другие ели хлеб с лебедой.

Однажды мы нуждались в продовольствии и я, по обязанности начальницы, более всех страдала, будучи озабочена приисканием средств к прокормлению сестер; но все, что я ни придумывала, было напрасно; все благотворители наши на это время как бы забыли о нас и не внимали нашим просьбам.

В этой скорби душевной я объявила всем сестрам, что, к несчастью, содержание обители оскудело, и что муки и хлеба осталось только на два дня, и просила сестер усердно молиться Богу о помиловании нашем. В то же время предложила послать одну из сестер к отцу Серафиму, чтобы просить у него наставления и утешения в нашей скорби. Посланная сестра не нашла отца Серафима в пустыни; но, узнав, что он в лесу, на трудах, поспешно отправилась туда; и, найдя его там, упала ему, с горьким плачем, в ноги, и начала просить у него благословения и молитв за нашу бедствующую обитель.

Но прозорливый старец, не внимая ее прошению, гневно запрещал ей жаловаться на свои бедствия и, прогоняя от себя, приговаривал: «Без нужды кланяетесь, матушка, без нужды кланяетесь».

Не получив, таким образом, никакого утешения, скорбная сестра возвратилась в обитель и со слезами рассказала нам, как принял ее отец Серафим и как запрещал ей жаловаться. Оставалась одна надежда на Бога, и мы провели в этой надежде и скорби остальные два дня.

На третий же день действительно оказалось, что мы без нужды плакали о своей судьбе. Промысел Божий, за молитвы Своего угодника, послал нам нечаянную, и как нельзя более своевременную помощь: мы получили от неизвестного благотворителя весьма достаточное количество муки и возблагодарили милосердного Бога.

В 1832 году была я у отца Серафима также за советами и благословением. Он принял меня с полной любовью, как отец, и между прочим сказал: «Евдокия! Надобно сестер-то учить петь». Я отвечала ему: «Батюшка! У нас поют уже сестры».

На это он возразил: «Поют, да тону-то не знают». И прибавил еще: «Скоро у вас церковь будет».

Я же, грешная, слыша такое предсказание, когда у нас и надежды еще никакой не было на созидание церкви, вдруг подумала: «Верно, нас переведут к церкви Ильи Пророка».

Отец Серафим провидел мою мысль и, как будто, рассуждая сам с собой, спросил: «Далеко ли это от вас?» И сам тотчас же для разуверения моего сказал: «Там глад будет».

Я опять подумала: «Или, может быть, в нашу пользу переведут нас».

Но отец Серафим возразил на мысль мою: «Снегом там западет». Тогда я осмелилась уже прямо спросить его: «Батюшка, где же церковь-то у нас будет?»

Отец Серафим на это отвечал: «Умолчи до времени. Не тобой устроится, а свыше воля Божия низойдет; войдут в ваше положение большие люди и устроят храм, а если ты-то будешь хлопотать, то на тебя восстанут».

Действительно после этого чудного предсказания Господь Бог за святые молитвы отца Серафима послал нам благодетеля в господине Н.

Однажды будучи в нашей общине, он спросил меня, отчего у нас нет церкви. Я отвечала ему в простоте сердца: «Дожидаемся воли Божией, по словам отца Серафима, который сказал мне: «Когда войдут большие люди в ваше положение, то и храм устроят»».

Господин Н. тотчас же сказал: «Я берусь за это».

Мы все упали ему в ноги и просили не оставить нас своей милостью. С тех пор он сделался нашим благотворителем, не только по церкви, которая его попечением доходит уже до конца, но и по всему, за молитвы отца Серафима.

В другой раз, когда была я у отца Серафима, он между прочим спросил меня: «Заезжаешь ли ты, матушка, в мою-то обитель?»

Так он называл всегда Дивеевскую.

Я отвечала ему: «Заезжала, батюшка».

«А канавку-то видела?» – спросил.

«Видела, батюшка», – отвечала я.

«Я им это в защиту велел рыть, – сказал он, – у них земля разных господ (тогда в Дивеевской обители действительно не было ни лоскутка собственной земли). Господа съедутся, – продолжал он, – скажет один: «Это моя земля», – а как посмотрят на канавку, то она-то им и будет в защиту, и скажут: «Бог с ними! Не тронем их, пусть себе живут».

Воспоминание симбирской помещицы

Е. Н. Пазухиной

С самого раннего детства слышала я о прозорливости и святости саровского затворника и пустынника отца Серафима, и потому весьма хотелось мне посмотреть на него и принять от него благословение. Желание мое исполнилось наконец, по милости Божией, в 1830 году.

В Арзамасе, на пути в Саровскую обитель, хозяева квартиры, где я остановилась, сказали мне, что если я не успею в Саров к ранней обедне в наступающее воскресенье, то не увижу уже отца Серафима, потому что он после ранней обедни обыкновенно уходит в свою пустыньку и остается там до среды. Так как погода тогда была весьма тяжелая, а мое здо-

ровье было плохо, то, чувствуя себя не силах искать отца Серафима в его лесной пустыньке, я тотчас же, не отдыхая в Арзамасе, пустилась в путь. Это было в субботу после обеда. Я ехала всю ночь и наутро была уже в Сарове.

Первый вопрос мой при входе в гостиницу был: «Не кончилась ли ранняя обедня?» И когда монах объявил мне, что обедня уже кончена, я совершенно упала духом, потеряв надежду увидеть отца Серафима.

Но Господу Богу было угодно утешить меня и не допустить до уныния. Вместе со множеством других посетителей Сарова я отправилась к келье старца, и мы нашли, что дверь кельи заперта изнутри. Это было знаком, что старец остался дома, и мы решились испросить у него благословение на то, чтобы увидеть его и утешиться его душеспасительным словом. Но никто из нас не смел первым сотворить молитву. Пробовали некоторые, но дверь не отворялась. Наконец я обратилась к стоявшей возле меня, у самых дверей, даме с маленькой дочкой, чтобы она заставила малютку сотворить молитву, говоря, что она всех нас достойнее. И только малютка сотворила молитву, как в ту же минуту дверь отворилась. На каков же был наш общий испуг, когда отец Серафим, отворив дверь, начал опять закрывать ее. Я стояла ближе всех к дверям и пришла в совершенное отчаяние, подумавши: Господи! Верно, я всех недостойнее, что он, увидев меня, решился снова затвориться. Но едва я подумала это, как отец Серафим, стоя в полуоткрытой двери, об-

ратился ко мне и сказал: «Успокойтесь, матушка, успокойтесь, потерпите немного», – вслед за тем, вторично отворив дверь, обратился ко мне снова и спросил: «Пожалуйте, матушка, скажите мне какая вам нужда? Что вам угодно?» Я заплакала от радости и сказала ему, что у меня одно желание – принять его благословение и испросить его святых молитв. Тогда он тотчас благословил меня и сказал: «Господь да благословит вас, благодать Его с вами». И в то же время он пожаловал мне три частицы просфоры. После этого начал он благословлять и прочих, подходивших к нему, и каждому по благословении говорил: «Грядите с миром». Мне же не сказал этого, – и потому я осталась на своем месте. Видя меня одну, оставшуюся по уходе всех, он сказал мне милостиво: «После вечерни, матушка, пожалуйте ко мне», – и затем затворился снова.

По возвращении в гостиницу, я приказала своей женщине изрезать помельче частицы просфоры, данные мне отцом Серафимом. Я хотела, по приезде домой, оделить ими всех, усердствующих к старцу. Потом с величайшем нетерпением стала дожидаться конца вечерни, чтобы отправиться к отцу Серафиму и снести ему привезенный мной гостинец: немного домашнего полотна, масла и восковых свеч. Но так как оказалось, что человек, которому поручила я купить свеч и масла, забыл исполнить мое поручение, то я решила снести ему полотно и деньги, приготовленные на покупку масла и свеч. Меня уверяли, что отец Серафим

ни у кого ничего не берет; но я подумала, что если он откажется взять эти вещи, то я отдам полотно в монастырь, а на деньги на другой день куплю масла и свечи.

После вечерни я нашла старца в сенях его кельи, на коленях лежащего у гроба. Увидев меня, он поспешно встал и, благословляя, сказал: «Пожалуйте, матушка, пожалуйте ко мне». При этих ласковых словах, колеблясь между страхом и надеждой, я осмелилась подать ему полотно, говоря: «Святой отец! Удостоите принять, от истинного моего усердия, это полотно». И какова была моя радость, когда он, взяв из рук моих полотно, сказал: «Благодарю вас, матушка, покорно; в храм Божий все годится». Тогда я осмелилась подать и деньги, сказав, что не успела купить масла и свеч. Он принял и деньги с благодарностью. Когда я рассказала потом об этой радости моей отцу Дамаскину, саровскому иноку, он не мог надивиться такой особенной милости ко мне отца Серафима.

Беседа моя со старцем внушила мне, между прочим, мысль исповедаться у него назавтра, и я сообщила об этом желании отцу Дамаскину. Но он сказал, что это желание решительно неудобноисполнимо. Несмотря на то, я всю ночь продумала и просила Бога о том, чтобы он удостоил меня, грешную, исповедаться у святого старца Серафима.

Утром опять отправилась я к нему, и, когда мой слуга отворил дверь в сени его кельи, я увидела старца опять подле своего гроба. Он

ввел меня в келью, приказал перекреститься, и трижды давал мне пить святой воды, сам поднося ее к моим губам; потом спросил мой плапок. Я подала ему конец шали, которая была на мне, и он насыпал туда пригоршню сухарей, говоря: «Вот, матушка, не хлопчите; это на раздачу, раздавайте усердствующим». Я тотчас вспомнила о вчерашнем своем поступке с тремя частицами просфоры, данными мне старцем, и изумилась его чудной прозорливости. После того с благоговением и страхом, чтобы не оскорбить праведного старца, осмелилась я объявить ему о своем желании исповедаться у него, говоря: «Святой отец! Позвольте мне сказать вам одно слово». Он отвечал: «Извольте, матушка», – и вдруг, к невыразимому удивлению и ужасу моему, а вместе с тем и радости, взял меня за обе руки и начал читать молитву: «Боже, ослаби, остави, прости ми согрешения моя, елика ти согреших», и т.д. Я повторила за ним эту молитву, громко рыдая, потом упала на колени; и он стал также на колени подле меня, и во все время чтения этой молитвы он держал мои руки. После отпуска, какой обыкновенно делается после исповеди, дал мне приложиться к своему медному кресту и, взяв мою правую руку, сказал: «Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любви Бога и Отца, и причастие Святого Духа, буди с вами во всю жизнь вашу, в кончине и по успении вашем». Я была вне себя от радости и целовала его руки.

После того, благословив меня в обратный путь, он сказал: «Господь вам поможет». И дей-

ствительно, святыми его молитвами Господь дал мне благополучно доехать домой, тогда как кругом меня, повсеместно, свирепствовала тогда сильнейшая холера.

Еще должна я сказать об одном событии, как Господь Бог услышал молитву праведного старца Серафима. У моей женщины было много детей, но все они умирали на первом году своего возраста. Бедная мать просила меня убедительно взять ее с последней новорожденной дочерью вместе с собой в Саровскую пустынь. Я обещала исполнить ее просьбу, и в первую свою поездку в Саров взяла их с собой. Когда мать принесла девочку к отцу Серафиму и стала просить его молиться о ней, говоря, что все дети ее умирают, не дожив до года, он положил свою руку на голову дитяти и сказал: «Утешайтесь ею». Действительно, за молитвы праведника девочка эта осталась жива, а после нее рождавшиеся у этой женщины дети опять умирали.

НАСТАВЛЕНИЯ ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА ПИСЬМЕННЫЕ И УСТНЫЕ

О Боге

Бог есть огонь, согревающий и разжигающий сердца и утробы. Итак, если мы ощути́м в сердцах своих хлад, который от диавола, ибо диавол хладен, то призовем Господа, и Он, пришед, согреет наше сердце совершенною любовью не только к Нему, но и к ближнему. И от лица теплоты изгонится хлад доброненавистника.

Отцы написали, когда их спрашивали: «Ищи Господа, но не испытай, где живет».

Где Бог, там нет зла. Все происходящее от Бога мирно и полезно, и приводит человека к смирению и самоосуждению.

Бог являет нам Свое человеколюбие не только тогда, когда мы делаем доброе, но и когда оскорбляем и прогневаем Его. Как долго-терпеливо сносит Он наши беззакония, и когда наказывает, как благоутробно наказывает!

«Не называй Бога правосудным, – говорит преподобный Исаак, – ибо в делах твоих не видно Его правосудия. Если Давид и называл Его правосудным и правым, но Сын Его показал нам, что Он более благ и милостив. Где Его правосудие? Мы были грешники и Христос умер за нас» (Исаак Сирин, слово 90).

Поколикү совершенствуется человек перед Богом, потоликү вслед Его ходит; в истинном же веке Бог являет ему лицо Свое. Ибо праведные, по той мере, как входят в созерцание Его, зрят образ как в зеркале, а там зрят явление истины.

Если не знаешь Бога, то невозможно, чтобы возбудилась в тебе и любовь к Нему; и не можешь любить Бога, если не увидишь Его. Видение же Бога бывает от познания Его: ибо созерцание Его не предшествует познанию Его.

О делах Божиих не должно рассуждать по насыщении чрева: ибо в наполненном чреве нет видения тайн Божиих. [1, с. 420–421]

О таинстве Святой Троицы

Чтобы возреть к Святейшей Троице, надобно просить о сем учивших о Троице Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого, которых ходатайство может привлечь на человека благословение Святейшей Троицы; а самому прямо взирать надобно остерегаться. [1, с. 421.]

О причинах пришествия в мир Иисуса Христа

Причины пришествия в мир Иисуса Христа, Сына Божия, суть:

1. Любовь Божия к роду человеческому: *тако бо возлюбил Бог мир, яко и Сына Своего единородного дал есть* (Ин. 3: 16).

2. Восстановление в падшем человеке образа и подобия Божия, как о сем воспевают Святая Церковь (1-й канон на Рождество Господне, песнь 1-я): *Истлевша преступлением по Божию образу бывшего, всего тления суща, лучшая отпадна Божественныя жизни, паки обновляет мудрый Содетель.*

3. Спасение душ человеческих: *не посла бо Бог Сына Своего в мир, да судит миру, но да спасется Им мир* (Ин. 3: 17).

Итак, мы, следуя цели Икупителя нашего Господа Иисуса Христа, должны жизнь свою препровождать согласно Его Божественному учению, дабы чрез сие получить спасение душам нашим. [1, с. 421–422.]

О ВЕРЕ

Прежде всего должно веровать в Бога, *яко есть, и взыскующим Его мздовоздатель бывает* (Евр. 11: 6).

Вера, по учению преподобного Антиоха, есть начало нашего соединения с Богом: истинно верующий есть камень храма Божия, уготованный для здания Бога Отца, вознесенный на высоту силою Иисуса Христа, т. е. крестом, с помощью вервия, т. е. благодати Духа Святаго.

Вера без дел мертва есть (Иак. 2: 26); а дела веры суть: любовь, мир, долготерпение, милость, смирение, упокоение от всех дел, как Бог почил от Своих дел, несение креста и жизнь по духу. Только такая вера вменяется в правду. Истинная

вера не может быть без дел: кто истинно верует, тот непременно имеет и дела. [1, с. 422.]

О НАДЕЖДЕ

Все, имеющие твердую надежду на Бога, возводятся к Нему и просвещаются сиянием вечного света.

Если человек не имеет вовсе никакого попечения о себе ради любви к Богу и дел добродетели, зная, что Бог печется о нем, таковая надежда есть истинная и мудрая. А если человек сам печется о своих делах и обращается с молитвою к Богу лишь тогда, когда уже постигают его неизбежные беды, и в собственных силах не видит он средств к отвращению их, и начинает надеяться на помощь Божию, такая надежда суетна и ложна. Истинная надежда ищет единого Царствия Божия и уверена, что все земное, потребное для жизни временной, несомненно дано будет.

Сердце не может иметь мира, доколе не стяжет сей надежды. Она умиротворит его и вольт в него радость. О сей-то надежде сказали достопокланяемые и святейшие уста: *приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и аз упокою вы* (Мф. 11: 28), т. е. надейся на Меня и утешишься от труда и страха.

В Евангелии от Луки сказано о Симеоне: *и бе ему обещанно Духом Святым не видети смерти, прежде даже не видит Христа Господня* (Лк. 2: 26). И он не умертвил надежды своей, но

ждал вожделенного Спасителя мира и, с радостью приняв Его на руки свои, сказал: ныне отпускаешь меня, Владыко, идти в вожделенное для меня царствие Твое, ибо я получил надежду мою – Христа Господня. [1, с. 422–423.]

О любви к Богу

Стяжавший совершенную любовь к Богу существует в жизни сей так, как бы не существовал. Ибо считает себя чужим для видимого, с терпением ожидая невидимого. Он весь изменился в любовь к Богу и забыл всякую другую любовь.

Кто любит себя, тот любить Бога не может. А кто не любит себя ради любви к Богу, тот любит Бога.

Истинно любящий Бога считает себя странником и пришельцем на земли сей; ибо душою и умом в своем стремлении к Богу созерцает Его одного.

Душа, исполненная любви Божией, во время исхода своего из тела, не убоится князя воздушного, но со ангелами возлетит, как бы из чужой страны на родину. [1, с. 423–424.]

О СТРАХЕ БОЖИЕМ

Человек, принявший на себя проходить путь внутреннего внимания, прежде всего должен иметь страх Божий, который есть начало премудрости.

В уме его всегда должны быть напечатлены сии пророческие слова: *работайте Господеву со страхом, и радуйтесь Ему с трепетом* (Пс. 2: 11).

Он должен проходить путь сей с крайней осторожностью и благоговением ко всему священному, а не небрежно. В противном случае опасаться должно, чтоб не отнеслось к нему сие Божие определение: *проклят человек, творяй дело Господне с небрежением* (Иер. 48: 10).

Благоговеющая осторожность здесь нужна для того, что сие море (т. е. сердце со своими помыслами и желаниями, которые должно очищать посредством внимания), велико и пространно: *тамо гади, ихже несть числа*, т. е. многие помыслы суетные, неправые и нечистые, порождения злых духов.

Бойся Бога, говорит премудрый, *и заповеди Его храни* (Еккл. 12: 13). А соблюдая заповеди, ты будешь силен во всяком деле, и дело твое будет всегда хорошо. Ибо, боясь Бога, ты из любви к Нему все делать будешь хорошо. А диавола не бойся; кто боится Бога, тот одолеет диавола: для того диавол бессилен.

Два вида страха: если не хочешь делать зла, то бойся Господа и не делай; а если хочешь делать добро, то бойся Господа и делай.

Но никто не может стяжать страха Божия, доколе не освободится от всех забот житейских. Когда ум будет беспопечителен, тогда движет его страх Божий и влечет к любви благодати Божией. [2, с. 116.]

О ХРАНЕНИИ ПОЗНАННЫХ ИСТИН

Не должно без нужды другому открывать сердца своего; из тысячи можно найти только одного, который бы сохранил твою тайну.

Когда мы сами не сохраняем ее в себе, то как можем надеяться, что может она быть сохранена другим.

С человеком душевным надо говорить о человеческих вещах; с человеком же, ищущим разум духовный, надобно говорить о небесных.

Исполненные духовной мудростью люди рассуждают о духе какого-либо человека по Священному Писанию, смотря – сообразны ли слова его с волей Божиею: и потому делают о нем заключение.

Когда случится быть среди людей в мире, о духовных вещах говорить не должно; особенно, когда в них не примечается и желания к слушанию.

Надобно в сем случае следовать учению св. Дионисия Ареопагита (в книге о Небесной Иерархии, глава 2): соделавшийся сам божественно божественных вещей познанием, и в тайне ума святая сокрыв от непосвященного народа, яко единообразная, храни: не бо праведно есть, яко же Писание глаголет, повергнуть во свиния умных Маргаритов чисто, световидное и драгоценное благоукрашение. Надобно содержать в памяти слово Господне: *не пометайте бисер ваших пред свиньями, да не поперут их ногами своими и вращишя расторгнут вы* (Мф. 7: 6).

А потому всеми мерами должно стараться скрывать в себе сокровище дарований.

В противном случае потеряешь, и не найдешь. Ибо, по опытному учению св. Исаака Сирина, лучше есть помощь, яже от охранения, паче помощи, яже от дел (Слово 89).

Когда же надобность потребует, или дело дойдет; то откровенно во славу Божию действовать должно по глаголу: *Аз прославляющия Мя прославлю* (1 Цар. 2: 30): потому что путь уже открылся. [1, с. 425–426.]

О МНОГОСЛОВИИ

Одного многословия с теми, кто противных с нами нравов, довольно расстроить внутренность внимательного человека.

Но всего жалостнее то, что от сего может погаснуть тот огонь, который Господь наш Иисус Христос пришел воцарить на землю сердца: ибо ничто же тако устужает огонь, от Святого Духа вдыхаемый в сердце инока к освящению души, якоже соображение и многословие и собеседование, кроме онаго, еже со чады тайн Божиих, еже к возвращению разума его и приближению (Исаак Сирин, слово 8).

Особенно же должно хранить себя от обращения с женским полом: ибо, как восковая свеча, хотя и не зажженная, но поставленная между зажженными, растаивает, так и сердце инока от собеседования с женским полом неприметно расслабевает, о чем и св. Исидор Пелусиот изъясняет так: аще (глаголющу Пи-

санию) кие беседы злые тлят обычаи благи: то беседа с женами еще и добра будет, обаче сильна есть растлiti внутреннего человека тайно помыслы скверными, и чисту сущу телу, пребудет душа осквернена: что бо твердо есть камене, что же воды мягче, обаче всегдашнее прилежание и естество побеждает; еще убо естество, едва подвижимое, подвизается, и от тоя вещи, юже имать ни во чтоже, страждет и умаляется, то како воля человеческая, яже есть удобь колеблема, от обыкновения долгого не будет побеждена и превращена (Исидор Пелусиот, письмо 284, и Четьи Минеи, в житии его, февраль 4).

А потому для сохранения внутреннего человека надобно стараться удерживать язык от многословия: *муж бо мудр безмолвие водит* (Притч. 11: 12), *и уже хранит свои уста, соблюдает свою душу* (Притч. 13: 3) и помнит слова Иова: *положих завет очима моима, да не помышлю на девицу* (31: 1) и слова Господа нашего Иисуса Христа: *всяк, уже воззрит на жену ко еже возжелети ея, уже любодействова с нею в сердцы своем* (Мф. 5: 28).

Не выслушав прежде от кого-либо о каком-либо предмете, отвечать не должно: *Иже отвещает слово прежде слышания, безумие ему есть и поношение* (Притч. 18: 13). [1, с. 426–427.]

О МОЛИТВЕ

Истинно решившие служить Господу Богу должны упражняться в памяти Божией и не-

престанной молитве к Иисусу Христу, говоря умом: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного; в часы же послеобеденные можно говорить сию молитву так: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, молитвами Богородицы, помилуй мя грешного; или же прибегать собственно к Пресвятой Богородице, молясь: Пресвятая Богородица, спаси нас, или говорить приветствие ангельское: Богородице Дево, радуйся. Таковым упражнением, при охранении себя от рассеяния и при соблюдении мира совести, можно приблизиться к Богу и соединиться с Ним. Ибо, по словам св. Исаака Сирина, кроме непрестанной молитвы, мы приблизиться к Богу не можем (Слово 69).

Образ молитвы весьма хорошо расположил св. Симеон новый Богослов (Добротолюбие, часть 1, л. 61, слово о трех образах молитвы).

Достоинство же оной очень хорошо изобразил св. Златоуст: «Велие, говорит он, есть оружие молитва, сокровище неоскудно, богатство никогда не иждиваемо, пристанище безволненно, тишины вина и тьмам благих корень, источник и мати есть» (Маргарит, слово 5, о непостижимом).

В церкви на молитве стоять полезно с закрытыми очами во внутреннем внимании; открывать же очи разве тогда, когда уныешь, или сон будет отягощать тебя и склонять к дреманию; тогда очи обращать должно на образ и на горящую пред ним свещу.

Если в молитве случится плениться умом в расхищение мыслей, тогда должно смириться

пред Господом Богом и просить прощения, говоря: «Согреших, Господи, словом, делом, помышлением и всеми моими чувствами».

Посему всегда должно стараться, чтоб не предавать себя рассеянию мыслей, ибо чрез сие уклоняется душа от памяти Божией и любви Его по действию диавола, как святой Макарий говорит: все супостата нашего тщание сие есть да мысль нашу от памятования о Боге и страха и любви отвратит (Слово 2, гл. 15).

Когда же ум и сердце будут соединены в молитве и помыслы души не рассеяны, тогда сердце согревается теплотою духовною, в которой воссиявает свет Христов, исполняя мира и радости всего внутреннего человека.

О всем мы должны благодарить Господа и предавать себя Его воле; должны также представлять Ему все свои мысли, слова и деяния, и стараться, чтобы все служило только к Его благоугождению. [1, с. 427–429.]

* * *

Одна молитва внешняя недостаточна. Бог внемлет уму, а потому те монахи, кои не соединяют внешнюю молитву с внутренней, не монахи, а черные головешки! Помни, что истинная монашеская мантия есть радушное перенесение клеветы и напраслины: нет скорбей, нет и спасения. [9, с. 225.]

* * *

Учись же умной молитве сердечной, как учат святые отцы в Добротолубии, ибо

Иисусова молитва есть светильник стезям нашим и путеводная звезда к небу. [9, с. 209.]

* * *

Великое средство ко спасению – вера, особливо непрестанная сердечная молитва; пример нам св. Моисей пророк. Он, ходя в полках, безмолвно молился сердцем, и Господь сказал Моисею: «Моисее, Моисее, что вопиеши ко Мне?» Когда же Моисей воздвигал руки свои на молитву, тогда побеждал Амалика. Вот что есть молитва! Это непобедимая победа! Св. пророк Даниил говорит: «Лучше мне умереть, нежели оставить молитву на мгновение ока; молитвою пророк Даниил заградил уста львов, а три отрока угасили печь огненную». [2, с. 351.]

* * *

В молитвах внимай себе, то есть ум собери и соедини с душою. Сначала день, два и больше твори молитву сию одним умом, отдельно, внимая каждому особо слову. Потом, когда Господь согреет сердце твое теплотою благодати Своей и соединит в тебе оную в един дух, тогда потечет в тебе молитва она беспрестанно, и всегда будет с тобою, наслаждая и питая тебя. [8, с. 31.]

* * *

Всякая добродетель, Христа ради делаемая, дает блага Духа Святого, но молитва более все-

го приносит Духа Божия и ее удобнее всего всякому исправлять. [8, с. 29.]

О СЛЕЗАХ

Все святые и отрeksiеся мира иноки во всю жизнь свою плакали в чаянии вечного утешения, по уверению Спасителя мира: *блажени плачуици, яко тии утешатся* (Мф. 5: 4).

Так и мы должны плакать об оставлении грехов наших. К сему да убедят нас слова порфироносного: *Ходяици хождаху и плакахуся, метаяще семена своя: грядуще же приидут радостию, вземлюще рукояти своя* (Пс. 125: 6), и слова св. Исаака Сирина: «Смочи ланиты твои плачем очию своею, да почиет на тебе Святый Дух и омыет тя от скверны злобы твоея. Умилостиви Господа твоего слезами, да приидет к тебе» (Слово 68, об отречении от мира).

Когда мы плачем в молитве и тут же вмешивается смех, то сие есть от диавольской хитрости. Трудно постичь врага нашего тайные и тонкие действия.

У кого текут слезы умиления, такового сердце озаряют лучи Солнца правды – Христа Бога. [1, с. 429.]

О ПЕЧАЛИ

Когда злой дух печали овладеет душою, тогда, наполнив ее горестью и неприятностью, не дает ей совершать молитву с должным усер-

дием, мешает заниматься чтением Писаний с надлежащим вниманием, лишает ее кротости и благодушия в обращении с братьями и рождает отвращение от всякого собеседования. Ибо душа, исполненная печали, делаясь как бы безумною и иступленною, не может ни спокойно принимать благого совета, ни кротко отвечать на предлагаемые вопросы. Она убегает людей, как виновников ее смущения, и не понимает, что причина болезни внутри ее. Печаль есть червь сердца, грызущий рождающую его мать.

Печальный монах не движет ума к созерцанию и никогда не может совершать чистой молитвы.

Кто победил страсти, тот победил и печаль. А побежденный страстями не избежит оков печали. Как больной виден по цвету лица, так обладаемый страстью обличается от печали.

Кто любит мир, тому невозможно не печалиться. А презревший мир всегда весел.

Как огонь очищает золото, так печаль по Бозе очищает греховное сердце (Антиох, слово 25). [1, с. 429–430.]

О СКУКЕ И УНЫНИИ

С духом печали неразлучно действует и скука. Она, по замечанию отцов, нападает на монаха около полудня и производит в нем такое страшное беспокойство, что несносны ему становятся и место жительства, и живущие с ним братья, а при чтении возбуждается какое-то

отвращение, и частая зевота, и сильная алчба. По насыщении чрева демон скуки внушает монаху помыслы выйти из кельи и с кем-нибудь поговорить, представляя, что не иначе можно избавиться от скуки, как непрестанно беседуя с другими. И монах, одолеваемый скукою, подобен пустынному хворосту, который то немного остановится, то опять несется по ветру. Он – как безводное облако, гонимое ветром.

Сей демон, если не может извлечь монаха из кельи, то начинает развлекать ум его во время молитвы и чтения. Это, говорит ему помысл, лежит не так, а это не тут, надобно привести в порядок, и это все делает для того, чтобы ум сделать праздным и бесплодным.

Болезнь сия врачуется молитвою, воздержанием от празднословия, посильным рукоделием, чтением Слова Божия и терпением, потому что и рождается она от малодушия и праздности и празднословия (Антиох, слово 26; Исаак Сирин).

Трудно избежать ее начинающему жизнь монашескую, ибо она первая нападает на него. Потому прежде всего и должно остерегаться ее посредством строгого и беспрекословного исполнения всех возлагаемых на послушника обязанностей. Когда занятия твои придут в настоящий порядок, тогда скука не найдет места в сердце твоём. Скучают только те, у кого дела не в порядке. Итак, послушание есть лучшее врачевство против сей опасной болезни.

Когда одолевает тебя скука, то говори себе, по наставлению прп. Исаака Сирина: ты опять

желаешь нечистоты и постыдной жизни. И если помысл скажет тебе: великий грех убивать себя, ты скажи ему: убиваю себя, потому что не могу жить нечисто. Умру здесь, чтобы не увидеть истинной смерти души моей в отношении к Богу. Лучше мне умереть здесь за чистоту, нежели жить в мире жизнью злою. Я предпочел смерть сию грехам моим. Убью себя, потому что я согрешил Господу, и не буду более прогневлять Его. Что мне жить в удалении от Бога? Озлобления сии стреплю, чтобы не лишиться небесной надежды. Что Богу в моей жизни, если я буду жить худо и прогневлять Его (Слово 22)?

Иное – скука, и иное – томление духа, называемое унынием. Бывает иногда человек в таком состоянии духа, что, кажется ему, легче ему было бы уничтожиться или быть без всякого чувства и сознания, нежели долее оставаться в этом безотчетно мучительном состоянии. Надобно спешить выйти из него. Блюдись от духа уныния, ибо от него рождается всякое зло (Варсонофий, ответы 73, 500).

Есть уныние естественное, учит св. Варсонофий, от бессилия, и есть уныние от беса. Хочешь ли знать это? Испытай так: бесовское приходит прежде того времени, в которое должно дать себе отдохновение. Ибо когда кто предположит себе сделать что-нибудь, оно прежде, нежели исполнена будет треть или четверть дела, нудит его оставить дело и встать. Тогда не надобно слушать его, но надобно сотворить молитву и сидеть за делом с

терпением. И враг, видя, что он поэтому творит молитву, удаляется, потому что не хочет давать повода к молитве (Варсонофий, ответы 562–565).

Когда Богу угодно, говорит св. Исаак Сирин, Он, повергнув человека в большие скорби, попускает ему впасть в руки малодушия. Оно рождает в нем крепкую силу уныния, в котором он испытывает душевную тесноту, и это есть предвкушение геенны; вследствие же сего находит дух исступления, от которого происходят тысячи искушений: смущение, ярость, хула, жалоба на свою участь, развращенные помыслы, переселение из места в место и тому подобное. Если спросишь, какая ему причина, то скажу: твое нерадение, потому что ты не позаботился поискать уврачевания их. Ибо врачевание для всего этого одно, при помощи которого человек скоро находит утешение в душе своей. И что же это за врачевство? Смирennemудрие сердца. Ничем, кроме него, человек не может разрушить оплот сих пороков, а, напротив того, находит, что сии преодолевают над ним (Исаак Сирин, слово 79). Уныние у св. отцов иногда называется праздностью, леностью и разлениением. [1, с. 430–433.]

ОБ ОТЧАЯНИИ

Отчаяние, по учению св. Иоанна Лествичника, рождается или от сознания множества грехов, отчаяния совести и несносной печали,

когда душа, множеством язв покрытая, от невыносимой их боли погружается во глубину отчаяния, или от гордости и надмения, когда кто-то почитает себя не заслуживающим того греха, в который впал. Первого рода отчаяние влечет человека во все пороки без разбора, а при отчаянии второго рода человек держится еще своего подвига, что, по словам св. Иоанна Лествичника, не совместно разуму. Первое врачуетсЯ воздержанием и благою надеждою, а второе – смирением и неосуждением ближнего (Лествица, степень 26).

Как Господь печется о нашем спасении, так человекоубийца диавол старается привести человека в отчаяние.

Душа высокая и твердая не отчаивается при несчастьях каких бы то ни было. Иуда-предатель был малодушен и неискусен в брани, и потому враг, видя его отчаяние, напал на него и принудил его удавиться; но Петр – твердый камень, когда впал в великий грех, как искусный в брани, не отчаялся и не потерял духа, но пролил горькие слезы от горячего сердца, и враг, увидя их, как огнем палимый в глаза, далеко убежал от него с болезненным воплем.

Итак, братья, учит прп. Антиох, когда отчаяние будет нападать на нас, не покоримся ему, но, укрепляясь и ограждаясь светом веры, с великим мужеством скажем лукавому духу: «Что нам и тебе, отчужденный от Бога, беглец с небес и раб лукавый? Ты не смеешь сделать нам ничего. Христос, Сын Божий,

власть имеет и над нами и над всем. Ему согрешили мы. Ему и оправдаемся. А ты, пагубный, удались от нас. Укрепляемые Честным Его Крестом, мы попираем твою змииную главу (Антиох, слово 27). И с умилением будем молиться ко Господу: *Владыка Господи небесе и земли, Царю веков! Благоволи отверсти мне дверь покаяния, ибо я в болезни сердца молю Тебя, истинного Бога, Отца Господа нашего Иисуса Христа, света миру, призри многим Твоим благоутробием и приими моление мое; не отврати его, прости мне, впавшему во многие прегрешения. Приклони ухо Твое к молению моему, и прости мне все злое, которое соделал я, побежденный моим произволением. Ибо ищу покоя, и не обретаю, потому что совесть моя не прощает меня. Жду мира, и нет мира, по причине глубокого множества беззаконий моих. Услыши, Господи, сердце вопиющее к Тебе, не посмотри на мои злые дела, но презри на болезнь души моей и поспеши утешать меня, жестоко уязвленного. Дай мне время покаяния, ради благодати человеколюбия Твоего, и избавь меня от бесчестных дел, и не возмешь мне по правде Твоей и не воздай мне достойное по делам моим, чтобы мне не погибнуть совершенно. Услыши, Господи, меня, в отчаянии находящегося. Ибо я, лишенный всякой готовности и всякой мысли к исправлению себя, припадаю к щедротам Твоим: помилуй меня, поверженного на землю и осужденного за грехи мои. Воззови меня, Владыко, плененного и содержимого моими злыми деяниями и как бы цепями связанного. Ибо Ты Един ведаешь разрешать узников, врачевать раны, никому неизвестные, которые знаешь*

только Ты, ведущий сокровенное. И потому во всех моих злых болезнях призываю только Тебя – врача всех страждущих, дверь рыдающих вне, путь заблудившихся, свет омраченных, искупителя заключенных, всегда сокращающего десницу Свою и удерживающего гнев Свой, уготованный на грешников, ради великого человеколюбия, дающего время покаянию. Воссияй мне свет лица Твоего, Владыко, тяжело падшему, скорый в милости и медленный в наказании. И Твоим благоутробием простри мне руку и восставь меня из рова беззаконий моих. Ибо Ты Един Бог наш, не веселящийся о гибели грешников и не отвращающий лица Своего от молящихся Тебе со слезами. Услыши, Господи, глас раба Твоего, вопиющего к Тебе, и яви свет Твой на мне, лишенном света; и даруй мне благодать, чтобы я, не имеющий никакой надежды, всегда надеялся на помощь и силу Твою. Обрати, Господи, плач мой в радость мне, расторгни вретисце и препояшь меня веселием (Пс. 29: 12). И благоволи, да успокоюсь от вечерних дел моих, и да получу успокоение утреннее, как избранные Твои, Господи, от которых отбежала болезнь, печаль и воздыхание; и да отверзется мне дверь царствия Твоего, дабы вошедши с наслаждающимися светом лица Твоего, Господи, получить мне жизнь вечную во Христе Иисусе Господе нашем. Аминь. [2, с. 143–145.]

О БОЛЕЗНЯХ

Тело есть раб души, душа – царица, а потому сие есть милосердие Господне, когда тело изнуряется болезнями, ибо от сего ослабевают

страсти и человек приходит в себя; и самая болезнь телесная рождается иногда от страстей.

Отними грех – и болезни оставят; ибо они бывают в нас от греха, как сие утверждает св. Василий Великий (Слово о том, что Бог не есть причина зол). Откуда недуги? Откуда повреждения телесные? Господь создал тело, а не недуг, душу, а не грех. Что же паче всего полезно и нужно? Соединение с Богом и общение с Ним посредством любви. Теряя любовь сию, мы отпадаем от Него, а отпадая, подвергаемся различным и многообразным недугам.

От беспокойного и не в меру принужденного мысленного занятия бывает головная боль. [1, с. 434.]

О ТЕРПЕНИИ И СМирЕНИИ

Надобно всегда терпеть что-нибудь Бога ради, с благодарностью.

Наша жизнь – одна минута в сравнении с вечностью; и потому *не достойны*, по апостолу, *страсти нынешняго времени к хотящей славе явиться в нас* (Рим. 8: 18).

В молчании переноси, когда оскорбляет тебя враг, и Господу предавай сердце свое.

Когда твою честь кто унижает или отнимает, то всеми мерами старайся, чтобы простить ему, по слову Евангелия: *от взимающаго твоя не истязуй* (Лк. 6: 30).

Когда нас люди поносят, мы должны считать себя недостойными похвалы. Ежели бы были достойны, то бы все кланялись нам.

Мы всегда и пред всеми должны унижать себя, следуя учению св. Исаака Сирина: уничижи себе и узришь славу Божию в себе (Слово 57).

Посему возлюбим смирение и узрим славу Божию; идеже бо истекает смирение, тамо слава Божия исходит.

Не сущу свету, вся мрачна, так и без смирения ничего нет в человеке, как только одна тьма. [1, с. 434–435.]

О МИЛОСТЫНЕ

Должно быть милостиву к убогим и странным, – о сем много пеклись великие светильники и отцы Церкви.

Мы должны всеми мерами стараться исполнять слово Божие: *Будите убо милосерди, якоже и Отец ваш милосерд есть* (Лк. 6: 36), и паки: *милости хошу, а не жертвы* (Мф. 9: 13).

Сим спасительным словам разумные внимают, а невежды не внимают; и потому сказано: *сеяй скудостию, скудостию и пожнет; а сеяй о благословении, о благословении и пожнет* (2 Кор. 9: 6).

Пример Петра хлебодара (Четьи Mineи, сентябрь 22), который бросил хлебом в нищего, может нас побудить к тому, чтобы мы были милостивы к ближним.

Творить милостыню мы должны с душевным расположением, по учению св. Исаака Сирина (Слово 89, л. 168 об.): «Аще даси что требующему, да предварит деяние твое веселие лица твоего и словесы благими утешай скорбь его». [1, с. 435–436.]

О ДОЛЖНОСТЯХ И ЛЮБВИ К БЛИЖНИМ

С ближними надобно обходиться ласково, не делая даже и видом оскорбления.

Когда мы отвращаемся от человека или оскорбляем его, тогда на сердце прикладывается как бы камень.

Дух смущенного или унывающего человека надобно стараться ободрить любовным словом.

Брату грешащу, покрой его, как советует св. Исаак Сирий (Слово 89, л. 169); прости ризу твою над согрешающим и покрой его.

Мы все милости Божией требуем, как Церковь поет: *еще не Господь бы был в нас, кто доволен цел сохранен быти от врага, купно же и человекоубийцы.*

Мы в отношении к ближним должны быть как словом, так и мыслью чисты и ко всем равны, иначе жизнь нашу сделаем бесполезною.

Мы любить ближнего должны не менее, как самих себя, по заповеди Господней: *возлюбиши ближняго твоего, яко сам себе* (Лк. 10: 27). Но не так, чтоб любовь к ближним, выходя из границ умеренности, отвлекала нас от исполнения первой и главной заповеди, т. е. любви Божией, как о сем поучает Господь наш Иисус Христос во Евангелии: *иже любит отца или мать паче Мене, несть Мене достоин; и иже любит сына или дочь паче Мене, несть Мене достоин* (Мф. 10: 37).

О сем предмете весьма хорошо рассуждает св. Димитрий Ростовский (Часть 2, поучение 2, л. 165): «Там видна неправдивая к Богу в христи-

анском человеке любовь, где тварь со Творцом сравнивается или более тварь, нежели Творец, почитается, а там видна правдивая любовь, где один Создатель паче всего создания любит и предпочитается». [1, с. 436–437.]

**О ДОЛЖНОСТИ ПОДЧИНЕННЫХ
К НАЧАЛЬНИКАМ**

Не должно входить в дела начальнические и судить оные; сим оскорбляется величество Божие, от коего власти поставляются: *ибо несть власть еще не от Бога, сущие же власти от Бога учинены суть* (Рим. 13: 2).

Не должно противиться власти во благое, чтоб не согрешить пред Богом, и не подвергнуться Его справедливому наказанию: *противляйся власти, Божию повелению противляется; противляющийся же, себе грех приемлет.*

Должно быть у начальника в повиновении: ибо послушливый чрез сие много к созиданию души преуспевает, кроме того, что он приобретает чрез сие понятие в вещах и приходит в умиление. [1, с. 437.]

**О НЕОСУЖДЕНИИ БЛИЖНЕГО
И О ПРОЩЕНИИ ОБИД**

Не должно судить никого, хотя бы собственными очами видел кого согрешающим или коснеющим в преступлении заповедей Божиих, по слову Божию: *не судите, да не судимы будете* (Мф. 7: 1), и паки: *ты кто сей судяй*

чуждому рабу? Своему Господеву стоит или падает; станет же, силен бо есть Бог поставить его (Рим. 14: 4).

Гораздо лучше всегда приводить себе на память сии апостольские слова: *мняйся стояти, да блюдется, да не падет* (1 Кор. 10: 12).

Ибо неизвестно, сколько времени мы можем пребывать в добродетели, как говорит пророк, опытом сие дознавший: *рех во обилии моем: не подвижуся во век. Отвратил же еси лице Твое, и бых смущен* (Пс. 29: 7–8).

За обиду, какова бы она ни была, не должно отмщать, но, напротив, прощать обидчика от сердца, хотя бы оно и противилось сему; и склонять его убеждением слова Божия: *аще ли не отпускаете человеком согрешения их, ни Отец ваш небесный отпустит вам согрешений ваших* (Мф. 6: 15); *молитесь за творящих вам напасть* (Мф. 5: 44).

Не должно питать в сердце злобы или ненависти к ближнему – враждующему, но должно любить его, и, сколько можно, творить ему добро, следуя учению Господа нашего Иисуса Христа: *любите враги ваша, добро творите ненавидящим вас* (Мф. 5: 44).

Итак, если мы будем, сколько есть сил, стараться все сие исполнять, то можем надеяться, что в сердцах наших воссияет свет Божественный, озаряющий нам путь к горнему Иерусалиму.

Поревнуем возлюбленным Божиим; поревнуем кротости Давида, о котором преблагий и любоблагий Господь сказал: *нашел Я мужа*

по сердцу Моему, который исполнит вся хотения Мои. Так Он говорит о Давиде, незлопамятном и добром к врагам своим. И мы не будем делать ничего в отмщение брату нашему, дабы как говорит преподобный Антиох, не было остановки во время молитвы. Закон велит заботиться об осле врага (Исх. 23: 5). Об Иове свидетельствовал Бог, как о человеке незлобивом (Иов. 2: 3); Иосиф не мстил братьям, которые умыслили на него зло; Авель в простоте и без подозрения пошел с братом своим Каином. По свидетельству слова Божия, святые все жили в незлобии. Иеремия, беседуя с Богом (Иер. 18: 20), говорит о гнавшем его Израиле: *егда воздаются злая за благая? Помяни стоявша мя пред Тобою, еже глаголати за них благая* (Антиох, слово 52).

Бог заповедал нам вражду только против змия, т. е. против того, кто изначально обольстил человека и изгнал из рая – против человекоубийцы – дьявола. Повелено нам враждовать и против мадианитян, т. е. против нечистых духов блуда и студодеяния, которые сеют в сердце нечистые и скверные помыслы.

Предел добродетели и мудрости есть бесхитростное действие с разумом.

Отчего мы осуждаем братьев своих? Оттого, что не стараемся познать самих себя. Кто занят познанием самого себя, тому некогда замечать за другими. Осуждай себя и перестанешь осуждать других.

Осуждай дурное дело, а самого делающего не осуждай.

Самих себя должно нам считать грешнейшими всех, и всякое дурное дело прощать ближнему, а ненавидеть только дьявола, который прельстил его. Случается же, что нам кажется, другой делает худо, а в самом деле, по благому намерению делающего, это хорошо. Притом, дверь покаяния всем отверста и неизвестно, кто прежде войдет в нее – ты ли, осуждающий, или осуждаемый тобою.

Если осуждаешь ближнего, учит прп. Антиох, то вместе с ним и ты осуждаешься в том же, в чем его осуждаешь. Судить или осуждать не нам надлежит, но Единому Богу и Великому Судье, ведущему сердца наши и сокровенные страсти естества (Антиох, слово 49).

Итак, возлюбленные, не будем наблюдать за чужими грехами и осуждать других, чтобы не услышать: *сынове человечести, зубы их оружия и стрелы, и язык их мечь остр* (Пс. 56: 5).

Ибо когда Господь оставит человека самому себе, тогда дьявол готов стереть его, яко мельничный жернов зерно пшеничное. [2, с. 139–141.]

О ПОПЕЧЕНИИ О ДУШЕ

Человек по телу подобен зажженной свече. Она должна сгореть; так и он должен умереть. Но душа бессмертна, потому и попечение наше должно быть более о душе, нежели о теле: *кая бо польза человеку, аще приобрящет мир весь, и отщепит душу свою* (Мк. 8: 36).

Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Кирилл Александрийский, Амвросий Медиоланский и прочие от юности до конца жизни были девственники; вся их жизнь была обращена на попечение о душе, а не о теле. Так и нам все старания должно иметь о душе; тело же подкреплять для того только, чтобы оно способствовало к подкреплению духа.

Если самовольно изнурим свое тело до того, что изнурился и дух, то таковое удручение будет безрассудное, хотя бы сие делалось для снискания добродетели.

Если же Господу Богу угодно будет, чтоб человек испытал на себе болезни, то Он же подаст ему и силу терпения.

Итак, пусть будут болезни не от нас самих, но от Бога. [1, с. 439.]

ЧЕМ ДОЛЖНО СНАБДЕВАТЬ ДУШУ

Душу снабдевать надобно словом Божиим: ибо слово Божие, как говорит Григорий Богослов, есть хлеб ангельский, имже питаются души, Бога алчущие. Всего же более должно упражняться в чтении Нового Завета и Псалтири, что должно делать стоящему. От сего бывает просвещение в разуме, который изменяется изменением Божественным.

Надобно так себя приобучить, чтобы ум как бы плавал в законе Господнем, которым руководствуясь, должно управлять жизнь свою.

Очень полезно заниматься чтением слова Божия в уединении и прочесть всю Библию разумно. За одно таковое упражнение, кроме других добрых дел, Господь не оставит человека Своею милостью, но исполнит его дара разумения.

Когда же человек снабдит душу свою словом Божиим, тогда исполняется разумением того, что есть добро и что есть зло.

Чтение слова Божия должно быть производимо в уединении для того, чтобы весь ум чтущего углублен был в истины Священного Писания и принимал от сего в себя теплоту, которая в уединении производит слезы; от сих человек согревается весь и исполняется духовных дарований, услаждающих ум и сердце паче всякого слова.

Следует также снабждать душу и познаниями о Церкви, как она от начала и доселе сохраняется, что терпела она в то или другое время; знать же сие не для того, чтоб желать управлять людьми, но на случай могущих встретиться противностей.

Более же всего оное делать должно собственнo для себя, чтоб приобрести мир душевный, по учению псаломника: *мир мног любящим закон Твой* (Пс. 118: 165). [1, с. 440–441.]

О МИРЕ ДУШЕВНОМ

Ничто лучше есть во Христе мира, в нем же разрушается всякая брань воздушных и земных духов: *яко несть наша брань к крови и*

плоти, но к началом и ко властем и к миродержителем тьмы века сего, к духовом злобы поднебесным (Еф. 6: 12).

Признак разумной души, когда человек погружает ум внутрь себя и имеет делание в сердце своем.

Тогда благодать Божия приосеняет его, и он бывает в мирном устроении, а посредством сего и в премирном: в мирном, т. е. с совестью благою, в премирном же, ибо ум созерцает в себе благодать Святого Духа, по слову Божию: *в мире место Его* (Пс. 75: 3).

Можно ли, видя солнце чувственными очами, не радоваться? Но сколько радостнее бывает, когда ум видит внутренним оком Солнце правды – Христа. Тогда воистину радуется радостью ангельскою; о сем и апостол сказал: *наше бо житие на небесех есть* (Флп. 3: 20).

Когда кто в мирном устроении ходит, тот как бы лжицею черпает духовные дары.

Святые отцы, имея мирное устроение, и будучи осеняемы благодатью Божией, жили долго.

Когда человек придет в мирное устроение, тогда он может от себя и на других изливать свет просвещения разума; прежде же сего человеку надобно повторять сии слова пророчицы: *да не изыдет велеречие из уст ваших* (1 Цар. 2: 3), и слова Господни: *лицемере! изми первое бревно из очесе твоего, и тогда узриши изъяти сучец из очесе брата твоего* (Мф. 7: 5).

Сей мир, как некое бесценное сокровище, оставил Господь наш Иисус Христос

ученикам Своим пред смертью Своею, глаголя: *мир оставляю вам, мир Мой даю вам* (Ин. 14: 27). О нем также говорит и апостол: *и мир Божий, превосходяй всяк ум, да соблюдет сердца ваша и разумения ваша о Христе Иисусе* (Флп. 4: 7).

Итак, мы должны все свои мысли, желания и действия сосредотачивать к тому, чтоб получить мир Божий и с Церковью всегда вопиять: *Господи Боже наш, мир даждь нам* (Ис. 26: 12). [1, с. 441–442.]

О СОХРАНЕНИИ МИРА ДУШЕВНОГО

Всеми мерами надобно стараться, чтоб сохранить мир душевный и не возмущаться оскорблениями от других; для сего нужно всячески стараться удерживать гнев и посредством внимания ум и сердце соблюдать от непристойных движений.

И потому оскорбления от других переносить должно равнодушно, и приобучаться к такому расположению духа, как их оскорбления не до нас, а до других касались.

Такое упражнение может доставить человеческому сердцу тишину и соделать оное обителью для Самого Бога.

Образ такого безгневия мы видим на Григории Чудотворце, с которого в публичном месте жена некая блудница просила мзды, якобы за содеянный с нею грех; а он, на нее нима-ло не разгневавшись, кротко сказал некоему своему другу: «Даждь скоро ей цену, колико

требует». Жена, только что прияла несправедливую мзду, подверглась нападению беса; святой же отогнал от нее беса молитвою (Четьи Минеи, в житии его, ноябрь 17).

Ежели же невозможно, чтобы не возмутиться, то, по крайней мере, надобно стараться удерживать язык, по псаломнику: *смятохся и не глаголах* (Пс. 76: 5).

В сем случае сможем в образец себе взять св. Спиридона Тримифунтского и преподобного Ефрема Сирина. Первый (Четьи Минеи, в житии его, декабрь 12) так перенес оскорбление: когда, по требованию царя греческого, входил он во дворец, то некто из слуг, в палате царской бывших, сочтя его за нищего, смеялся над ним, не пускал его в палату, а потом ударил и в ланиту; св. Спиридон, будучи незлобив, по слову Господню, обратился к нему и другую (Мф. 5: 39). Преподобный Ефрем (Четьи Минеи, в житии его, январь 28), постясь в пустыне, лишен был учеником пищи таким образом: ученик, неся ему пищу, сокрушил на пути, нехотя, сосуд. Преподобный, увидев печального ученика, сказал к нему: «Не скорби, брате, аще бо не восхоте приити к нам пища, то мы пойдем к ней». И пошел, сел при сокрушенном сосуде и, собирая снедь, вкушал ее: так был он безгневен.

А как побеждать гнев, сие можно видеть из жития великого Паисия (Четьи Минеи, в житии его, июня 19), который явившегося ему Господа Иисуса Христа просил, дабы Он освободил его от гнева; и рече ему Христос:

«Аще гнев и ярость купно победити хочещи, ничесоже возжелай, ни возненавиди кого, ни уничижи».

Дабы сохранить мир душевный, должно отдалять от себя уныние и стараться иметь дух радостный, а не печальный, по слову Сираха: *много бо печаль уби и несть пользы в ней* (Сир. 30: 25).

Когда человек имеет большой недостаток в потребных для тела вещах, то трудно победить уныние. Но сие, конечно, к слабым душам относиться должно.

Для сохранения мира душевного также всячески должно избегать осуждения других. Неосуждением и молчанием сохраняется мир душевный: когда в таком устроении бывает человек, то получает Божественные откровения.

К сохранению душевного мира надобно чаще входить в себя и спрашивать: «Где я?»

При сем должно наблюдать, чтобы телесные чувства, особенно зрение, служили внутреннему человеку и не развлекали душу чувственными предметами: ибо благодатные дарования получают токмо те, кои имеют внутреннее делание и бдят о душах своих. [1, с. 442–444.]

О ХРАНЕНИИ СЕРДЦА

Мы неусыпно должны хранить сердце свое от непристойных помыслов и впечатлений, по слову приточника: *Всяким хранением блюди твоё сердце: от сих бо исходища живота* (Притч. 4: 23).

От бдительного хранения сердца рождается в нем чистота, для которой доступно видение Господа, по уверению Истины вечной: *Блаженни чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (Мф. 5: 8).

Что втекло в сердце лучшего, того мы без надобности выливать не должны; ибо тогда только собранное может быть в безопасности от видимых и невидимых врагов, когда оно, как сокровище, хранится во внутренности сердца.

Сердце тогда только кипит, будучи возжигемо огнем Божественным, когда в нем есть вода живая; когда же сия выльется, то оно хладет и человек замерзает. [1, с. 444–445.]

О РАСПОЗНАВАНИИ ДЕЙСТВИЙ СЕРДЕЧНЫХ

Когда человек примет что-либо божественное, то в сердце радуется; а когда диавольское, то смущается.

Сердце христианское, приняв что-либо божественное, не требует еще другого со стороны убеждения в том, точно ли сие от Господа; но самым тем действием убеждается, что оно небесное: ибо ощущает в себе плоды духовные: любви, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, веру, кротость, воздержание (Гал. 5: 22).

Напротив же, хотя бы диавол преобразился и во ангела света (2 Кор. 11: 14), или представлял мысли благовидные, однако сердце все чувствует какую-то неясность и волнение

в мыслях. Что объясняя, св. Макарий Египетский говорит: «Хотя бы (сатана) и светлые видения представлял, благого обаче действия подати отнюдь не возможет: чрез что и известный знак его дел бывает» (Макарий, слово 4, гл. 13).

Итак, из сих разнообразных действий сердечных может человек познать – что есть божественное, и что дьявольское, как о сем пишет св. Григорий Синаит: «От действия убо возможеши познати воссиявый свет в душе твоей, Божий ли есть или сатанин» (Добротолюбие, часть 1, л. 96, о безмолвии). [1, с. 445–446.]

О СВЕТЕ ХРИСТОВОМ

Дабы приять и узреть в сердце свет Христов, надобно, сколько можно, отвлечь себя от видимых предметов. Предочистив душу покаянием и добрыми делами, и с верою в Распятого закрыв телесные очи, должно погружить ум внутрь сердца и вопиать призыванием имени Господа нашего Иисуса Христа; и тогда по мере усердия и горячности духа к Возлюбленному, находит человек в призываемом имени улаждение, которое возбуждает желание искать высшего просвещения.

Когда через таковое упражнение укоснит ум в сердце, тогда воссиявает свет Христов, освещающая храмину души своим Божественным сиянием, как говорит пророк Малахия: *И возсияет вам боящимся имене Моего Солнце правды* (Мал. 4: 2).

Сей свет есть купно и жизнь по Евангельскому слову: *в Том живот бе, и живот бе свет человеком* (Ин. 1: 4).

Когда человек созерцает внутренне свет вечный, тогда ум его бывает чист и не имеет в себе никаких чувственных представлений, но, весь будучи углублен в созерцание несозданной доброты, забывает все чувственное, не хочет зреть и себя; но желает скрыться в сердце земли, только бы не лишиться сего истинного блага – Бога. [1, с. 446–447.]

О ПОМЫСЛАХ И ПЛОТСКИХ ДВИЖЕНИЯХ

Мы должны быть чисты от помыслов нечистых, особенно когда приносим молитву Богу, ибо несть единения между смрадом и благоволением.

Для сего должно отражать первое нападение греховных помыслов и рассеивать их от земли сердца нашего. Пока дети вавилонские, т. е. движения и помыслы злые, еще младенцы, должно разбивать и сокрушать их о камень, который есть Христос; особенно же нужно сокрушать следующие три страсти: чревоугодие, сребролюбие и тщеславие, которыми ухищрялся дьявол искушать даже Самого Господа нашего в конце подвигов Его в пустыне.

Диавол, как лев, скрываясь в ограде своей (Пс. 9: 30), тайно расставляет нам сети нечистых и нечестивых помыслов. Итак, немедлен-

но, как только увидим, надобно расторгать их посредством благочестивого размышления и молитвы.

Требуется подвиг и великая бдительность, чтобы во время псалмопения ум наш согласовался с сердцем и устами, дабы в молитве нашей к фимиаму не примешивалось зловоние. Ибо Господь гнушается сердцем с нечистыми помыслами. Закон говорит: *не офи юнцем и ослятем* (Втор. 22: 10), т. е. с помыслом чистым и нечистым не приноси молитвы.

Будем подражать Давиду, который говорит: *во утри избивах вся грешныя земли, еже потребити от града Господня вся делающия беззаконие* (Пс. 100: 8). Законом запрещено было нечистому входить в дом Господа. Дом сей – мы, и Иерусалим внутри нас. Грешные земли – суть кроющиеся в сердце нашем змеевидные помыслы. Будем непрестанно взывать ко Господу: *устрой душу мою от злодейства их* (Пс. 34: 17); *распачи языки, хотящие бранем* (Пс. 67: 31), дабы и нам услышать: *в скорби призвал Мя еси, и избавих тя* (Пс. 80: 8).

Будем непрестанно, день и ночь, со слезами повергать себя пред лицом благости Божией, да очистит Он сердца наши от всякого злого помышления, чтобы мы достойно могли проходить путь звания нашего и чистыми руками приносить Ему дары служения нашего.

Ежели мы не согласны со влагаемыми от диавола злыми помышлениями, то мы добро творим.

Нечистый дух только на страстных имеет сильное влияние, а к очистившимся от страстей приражается только со стороны, или внешне.

Человеку в младых летах не можно не возмущаться от плотских помыслов. Но должно молиться Господу Богу, да потухнет искра порочных страстей при самом начале. Тогда не усилится в человеке пламень. [2, с. 135–136.]

О ВНИМАНИИ К САМОМУ СЕБЕ

Путь внимания проходящий не должен только одному сердцу своему верить, но должен сердечные свои действия и жизнь свою поверять с законом Божиим и с деятельною жизнью подвижников благочестия, которые таковой подвиг проходили. Сим средством удобнее можно и от лукавого избавиться и истину яснее узреть.

Ум внимательного человека есть как бы поставленный страж или неусыпный охранитель внутреннего Иерусалима. Стоя на высоте духовного созерцания, он смотрит оком чистоты на обходящие и приражающиеся к душе его противные силы, по псаломнику: *и на враги моя возгре око мое* (Пс. 53: 9). От ока его не скрыт диавол, *яко лев рыкая, иский кого поглотити* (1 Пет. 5: 8), и те, которые напрягают лук *свой состреляти во мраще правыя сердцем* (Пс. 10: 2).

А потому таковой человек, следуя учению божественного Павла, принимает *вся оружия*

Божия, да возможет противитися в день лют (Еф. 6: 13) и сими оружиями, содействующей благодати Божией, отражает видимые приращения и побеждает невидимых ратников.

Проходящий путь сей не должен внимать посторонним слухам, от которых голова может быть наполнена праздными и суетными помыслами и воспоминаниями, но должен быть внимателен к себе.

Особенно на сем пути наблюдать должно, чтоб не обращаться на чужие дела, не мыслить и не говорить о них, по псаломнику: *не возлагают уста моя дел человеческих* (Пс. 16: 4), а молить Господа: *от тайных моих очисти мя и от чуждых пощади раба Твоего* (Пс. 18: 13–14).

Человек должен обращать внимание на начало и конец жизни своей, к середине же, где случается счастье или несчастье, должен быть равнодушен.

Чтоб сохранить внимание, надобно уединяться в себя, по глаголу Господню: *никогоже на пути целуйте* (Лк. 10: 4), т. е. без нужды не говорить, разве бежит кто за тобою, чтоб услышать от тебя полезное.

Встречающихся старцев или братию поклонами почитать, имея очи всегда заключены. [1, с. 447–448.]

ПРОТИВ ИЗЛИШНЕЙ ПОПЕЧИТЕЛЬНОСТИ

Излишнее попечение о вещах житейских свойственно человеку неверующему и малодушному. И горе нам, если мы, заботясь сами

о себе, не утверждаемся надеждою нашею в Боге, пекущемся о нас! Если видимых благ, которыми в настоящем веке пользуемся, не относим к Нему, то как можем ожидать от Него тех благ, которые обещаны в будущем? Не будем такими маловерными, а лучше будем *искать прежде Царствия Божия, и сия вся приложатся* нам, по слову Спасителя (Мф. 6: 33).

Лучше для нас презирать то, что не наше, т. е. временное, и преходящее и желать нашего, т. е. нетления и бессмертия. Ибо, когда будем нетленны и бессмертны, тогда удостоимся видимого богосозерцания, подобно апостолам при Божественнейшем Преображении, и приобщимся превыше умного единения с Богом, подобно небесным умам. Ибо будем подобны Ангелам, и сынами Божиими, *воскресения сынове суще* (Лк. 20: 36). [1, с. 448–449.]

ОБ ОТРЕЧЕНИИ ОТ МИРА

Страх Божий приобретается тогда, когда человек, отрекшись от мира и от всего, что в мире, сосредоточит все свои мысли и чувства в одном представлении о законе Божьем и весь погрузится в созерцание Бога и в чувство обещанного святым блаженства.

Нельзя отречься от мира и прийти в состояние духовного созерцания, оставаясь в мире. Ибо доколе страсти не утишатся, нельзя стяжать мира душевного. Но страсти не утишатся, доколе нас окружают предметы, возбуждающие страсти. Чтобы прийти

в совершенное бесстрастие и достигнуть совершенного безмолвия души, нужно много подвизаться в духовном размышлении и молитве. Но как возможно всецело и спокойно погружаться в созерцание Бога и поучаться в законе Его и всею душою возноситься к Нему в пламенной молитве, оставаясь среди немолчного шума страстей, воюющих в мире? Мир во зле лежит.

Не освободясь от мира, душа не может любить Бога искренно, ибо житейское, по словам прп. Антиоха, для нее есть как бы покрывало.

Если мы, говорит тот же учитель, живем в чужом граде, и наш град далеко от града сего, и если мы знаем град наш, то для чего мы медлим в чужом граде и в нем уготовляем себе поля и жилища? И како воспоем песнь Господню на земли чуждей? Мир сей есть область иного, т. е. князя века сего (Слово 15). [1, с. 449–450.]

О подвигах

Не должно предпринимать подвигов сверх меры, а стараться, чтобы друг – плоть наша – был верен и способен к творению добродетелей.

Надобно идти средним путем, *не уклоняясь ни на десно, ни на шуе* (Притч. 4: 27); духу давать духовное, а телу – телесное, потребное для поддержания временной жизни. Не должно также и общественной жизни отказывать в том, чего она законно требует от нас, по словам

Писания: *воздадите кесарева кесареви и Божия Богу* (Мф. 22: 21).

Должно снисходить и душе своей в ее немощах и несовершенствах и терпеть свои недостатки, как терпим недостатки ближних, но не облениться и непрестанно побуждать себя к лучшему.

Употребил ли ты пищи много или сделал другое что сродное слабости человеческой, не возмущайся, не прибавляй вреда ко вреду; но, мужественно подвигнув себя к исправлению, старайся сохранить мир душевный, по слову апостола: *блажен не осуждаяй себе, о немже искушается* (Рим. 14: 22). Тот же смысл заключают в себе и слова Спасителя: *еще не обратитесь, и будете яко дети, не внидете в Царство Небесное* (Мф. 18: 3).

Тело, изможденное трудом или болезнями, должно подкреплять умеренным сном, пищею и питием, не наблюдая даже и времени. Иисус Христос, по воскресении дочери Иаировой от смерти, тут же *повелел дати ей ясти* (Лк. 8: 55).

Всякий успех в чем-либо мы должны относить ко Господу и говорить с пророком: *не нам, Господи, не нам, но имени Твоему даждь славу* (Пс. 113: 9).

Лет до тридцати пяти, т. е. до преполовления земной жизни, велик подвиг человеку в сохранении себя, и многие в сии лета не устаивают в добродетели, но совращаются с правого пути к собственным пожеланиям, как о сем св. Василий Великий свидетельствует (Беседа на начало книги Притчей): «Многие много собрали

в юности, но посреде жития бывши, восставшим на них искушениям от духов лукавствия, не стерпели волнения и всего того лишились».

Чтоб не испытать такого превращения, надобно поставить себя как бы на мерилах испытания и внимательного за собою наблюдения, по учению св. Исаака Сирина: «Якоже на мерилах приличествует извести коемуждо жительство свое» (Слово 40). [2, с. 124–126.]

О ПОКАЯНИИ

Желающему спастись всегда должно иметь сердце к покаянию расположенное и сокрушенное, по псаломнику: *жертва Богу дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50: 19).

В каковом сокрушении духа человек удобно может безбедно проходить сквозь хитрые козни гордого дьявола, коего все тщание состоит в том, чтобы возмутить дух человеческий и в возмущении посеять свои плевелы, по словеси евангельскому: *Господи, не доброе ли семя сеял еси на селе Твоем? Откуда убо имать плевелы? Он же рече им: враг человек сие сотвори* (Мф. 13: 27–28).

Когда же человек старается в себе иметь сердце смиренное и мысль невозмущенную, но мирную, тогда все козни вражьи бывают бездейственны, ибо где мир помыслов, там почиает Сам Господь Бог – *в мире*, – сказано, – *место Его* (Пс. 75: 3).

Начало покаяния происходит от страха Божия и внимания, как говорит св. мученик

Вонифатий (Четьи Минеи, в житии его, декабрь 19): страх Божий отец есть внимания, а внимание – мать внутреннего покоя. Страх Господень пробуждает спящую совесть, которая делает то, что душа, как в некоей воде чистой и невозмущенной, видит свою некрасоту, и так рождаются корни покаяния.

Мы во всю жизнь свою грехопадениями своими оскорбляем величество Божие, а потому и должны всегда со смирением просить у Господа оставления долгов наших.

Можно ли благодатствованному человеку по падении восстать через покаяние?

Можно, по псаломнику: *превратихся пасты, и Господь приять мя* (Пс. 117: 13), ибо когда Нафан-пророк обличил Давида во грехе его, то он, покаявшись, тут же получил прощение (2 Цар. 12: 13).

К сему примером служит и один пустынный, который, пошедши за водою, при источнике пал в грех. Но возвратившись в келью, сознав свое согрешение, паки начал проводить жизнь подвижническую, как прежде. Враг смущал его, представляя ему тяжесть греха, отрицая возможность прощения и стараясь отвлечь его от подвижнической жизни. Но воин Христов устоял на своем пути. О сем случае Бог открыл некоему блаженному отцу и велел брата падшего в грех ублажить за таковую победу над дьяволом.

Когда мы искренно каемся в грехах наших и обращаемся ко Господу нашему Иисусу Христу всем сердцем нашим, Он радуется нам, учре-

ждает праздник и созывает на него любезные Ему силы, показывая им драхму, которую Он обрел паки, т. е. царский образ Свой и подобие. Возложив на рамена заблудшую овцу, Он приводит ее к Отцу Своему. В жилищах всех веселящихся Бог водворяет и душу покаявшегося вместе с теми, которые не отбегали от Него.

Итак, не вознерадим обращаться к благоутробному Владыке нашему скоро, и не предадимся беспечности и отчаянию ради тяжких и бесчисленных грехов наших. Отчаяние есть совершеннейшая радость дьяволу. Оно есть грех к смерти, как гласит Писание (1 Ин. 5: 16; Антиох, слово 77). «Аще не предашься унынию и нерадению, говорит Варсонофий, то имаша почудитися и прославити Бога, как Он применяет тя от еже небытия во еже бытии» (т. е. из грешника в праведника, ответ 114).

Покаяние во грехе, между прочим, состоит в том, чтобы не делать его опять.

Как всякой болезни есть врачевание, так и всякому греху есть покаяние.

Итак, несомненно, приступай к покаянию, и оно будет ходатайствовать за тебя пред Богом. Непрестанно твори сию молитву прп. Антиоха: *Дерзая, Владыко, на бездну благоутробия Твоего, приношу Тебе от скверных уст и нечистых устен молитву сию: помяни, яко призвася на мне имя святое Твое, и искупил мя еси ценою крове Твоея, яко запечатлел мя еси обручением Святаго Духа Твоего, и возвел мя еси от глубины беззаконий моих; да не похитит мя враг. Иисусе Христе, заступи мя и буди ми помощник крепкий во брани, яко*

раб есмь похоти и воюем от нея. Но Ты, Господи, не остави мя на земли повержена во осуждении дел моих: свободи мя, Владыко, лукавого рабства миродержителя и усвой мя в заповедях Твоих. Путь живота моего, Христе мой, и свет очей моих – лице Твое. Боже, Владыко и Господи, возношения очей моих не даждь ми, и похоть злую отстави от мене; заступи мя рукою Твоею святою. Пожелания и похотствования да не обзымут мя, и душе бесстыдней не предаждь мене. Просвети во мне свет лица Твоего, Господи, да не обзмет мене тьма, и ходящие в ней да не похитят мя. Не предаждь, Господи, зверем невидимым душу исповедующуюся Тебе. Не попусти, Господи, уязвитися рабу Твоему от псов чуждих. Приятелище Святого Духа Твоего быти мя сподоби, и дом Христа Твоего, Отче Святыи, созижди мя. Предводителю заблудших, путеводительствуй мя, да не уклонюся в шуяя. Лице Твое, Господи, видети возжелех. Боже, светом лица Твоего путеводи мя. Источник слез даруй ми, рабу Твоему, и росу Святаго Духа даждь созданию Твоему, да не иссохну яко смоковница, юже Ты проклял еси: и да будут слезы питием моим, и молитва моя пищею. Обрати, Господи, плачь мой в радость мне, и прими мя в вечныя Твоя скинии. Да постигнет мя милость Твоя, Господи, и щедроты Твоя да обзымут мя, и отпусти вся грехи моя. Ты бо еси Бог истинный, отпускай беззакония. И не попусти, Господи, посрамиться делу рук Твоих по множеству беззаконий моих, но воззови мя, Владыко, единокровным Твоим Сыном, Спасителем нашим. И воздвигни мя лежащего, яко Левия мытаря, и оживотвори мя грехами умерщвленного, яко сына вдовицы.

Ты бо един еси воскресение мертвых, и Тебе слава подобает во веки. Аминь. (Антиох, слово 77). [2, с. 127–130.]

О ПОСТЕ

Пост состоит не в том только, чтобы есть редко, но в том, чтобы есть мало; и не в том, чтобы есть однажды, но в том, чтобы не есть много. Неразумен тот постник, который дожидается определенного часа, а в час трапезы весь предается ненасытному вкушению и телом и умом.

В рассуждении о пище должно наблюдать и то, чтобы не разбирать между снедами вкусными и невкусными. Это дело, свойственное животным, в разумном человеке недостойно похвал. Отказываемся же мы от приятной пищи для того, чтобы усмирить воюющие члены плоти и дать свободу действиям духа.

Истинный пост состоит не в одном изнурении плоти, но и в том, чтобы ту часть хлеба, которую ты сам хотел бы съесть, отдать алчущему. *Блаженни алчущие, яко тии насытятся* (Мф. 5: 6).

Подвигоположник и Спаситель наш Господь Иисус Христос пред выступлением на подвиг искупления рода человеческого укрепил Себя продолжительным постом. И все подвижники, начиная работать Господу, вооружали себя постом, и не иначе вступали на путь крестный, как в подвиге поста. Самые успехи в подвижничестве измеряли они успехами в посте.

К строгому посту святые люди приступали

не вдруг, делаясь постепенно и мало-помалу способными довольствоваться самою скудною пищею. Преподобный Дорофей, приучая ученика своего Досифея к посту, постепенно отнимал от стола его по малой части, так что от четырех фунтов меры его ежедневной пищи низвел наконец до восьми лотов хлеба.

При всем том святые постники, к удивлению других, не знали расслабления, но всегда были бодры, сильны и готовы к делу. Болезни между ними были редки, и жизнь их текла чрезвычайно продолжительно.

В той мере, как плоть постящегося становится тонкою и легкою, духовная жизнь приходит в совершенство и открывает себя чудными явлениями. Тогда дух совершает свои действия как бы в бестелесном теле. Внешние чувства точно закрываются, и ум, отрешась от земли, возносится к небу и всецело погружается в созерцание мира духовного.

Однако ж, не всякий сможет наложить на себя строгое правило воздержания во всем или лишить себя всего, что может служить к облегчению немощей. *Могий же вместити да вместит* (Мф. 19: 12).

Пищи употреблять должно каждый день столько, чтоб тело, укрепясь, было другом и помощником душе в совершении добродетели, а иначе может быть и то, что, при изнеможении тела, и душа ослабеет. По пятницам и средам, особенно же в четыре поста, пищу, по примеру отцов, употребляй один раз в день, и Ангел Господень прилепится к тебе. [2, с. 130–131.]

* * *

Мы, на земле живущие, много заблудили от пути спасительного; прогневаем Господа и нехранением святых постов; ныне христиане разрешают на мясо и во святую четырехдесятницу и во всякий пост; среды и пятницы не сохраняют; а Церковь имеет правило: не хранящие святых постов и всего лета среды и пятницы много грешат. Но не до конца прогневается Господь, паки помилует. У нас вера Православная, Церковь, не имеющая никакого порока. [2, с. 354.]

* * *

Хлеба и воды довольно для человека. Так было и до потопа. [9, с. 68.]

О БОДРСТВОВАНИИ ПРОТИВ ИСКУШЕНИЙ

Надобно быть по приличию и потребности иногда младенцем, а иногда львом, особенно сим последним тогда, когда противу нас восстают страсти или лукавые духи; потому что *наша брань не к крови и плоти, но к началу и ко властям и к миродержителям тьмы века сего, духовом злобы поднебесным* (Еф. 6: 12).

Мы всегда должны быть внимательны к нападениям дьявола; ибо можем ли надеяться, чтобы он оставил нас без искушения, когда не оставил и Самого Подвигоположника нашего и Начальника веры и Совершителя

Господа Иисуса Христа? Сам Господь апостолу Петру сказал: *Симоне, Симоне, се сатана просит вас, дабы сеял, яко пшеницу* (Лк. 22: 31).

Итак, мы должны всегда во смирении призывать Господа и молить, да не попустит на нас быти искушению выше силы нашей; но да избавит нас от лукавого.

Ибо когда Господь оставит человека самому себе, тогда дьявол готов стереть его, яко мельничный жернов пшеничное зерно. [1, с. 454.]

ОБ УЕДИНЕНИИ И МОЛЧАНИИ

Паче всего должно украшать себя молчанием, ибо Амвросий Медиоланский говорит: молчанием многих видел я спасающихся, многоглаголанием же ни одного. И паки некто из отцов говорит: «Молчание есть таинство будущего века, слова же орудие сущего мира сего» (Добротолюбие, свв. Каллист и Игнатий, часть 2, л. 54).

Ты только сиди в келье своей во внимании и молчании и всеми мерами старайся приблизить себя ко Господу, и Господь готов сделать тебя из человека Ангелом: *и на кого, говорит, воззрю; токмо на кроткого и молчаливого и трепещущаго словес Моих* (Ис. 66: 2).

Когда мы в молчании пребываем, тогда враг дьявол ничего не успевает относительно к потаенному сердца человеку: сие же должно разуметь о молчании в разуме.

Проходящий таковой подвиг должен все упование свое возложить на Господа Бога, по учению апостола: *всю печаль вашу возверзше на нъ, яко Той печется о вас* (1 Пет. 5: 7).

Оный должен быть постоянен в сем подвиге, последуя в сем случае примеру св. Иоанна молчальника и пустытника (Четьи Минеи, в житии его, декабрь 3), который в прохождении пути сего утверждался сими Божественными словами: *не имам тебе оставити, ниже имам от тебе отступить* (Евр. 13: 5).

Ежели не всегда можно пребывать в уединении и молчании, живя в монастыре и занимаясь возложенными от настоятеля послушаниями, то хотя бы некоторое время, остающееся от послушания, должно посвящать на уединение и молчание, и за сие малое не оставит Господь Бог ниспослать на тебя богатую Свою милость.

От уединения и молчания рождаются умиление и кротость; действие сей последней в сердце человеческом можно уподобить тихой воде Силоамской, которая течет без шума и звука, как говорит о ней пророк Исаия: *воды Силоамли текуция тисе* (8: 6).

Пребывание в келье в молчании, упражнении, молитве и поучении день и ночь закону Божию делает человека благочестивым: ибо, по словам св. отцов, келья инока есть пещь Вавилонская, в ней же трие отроцы Сына Божия обретоша (Добротолюбие, часть 3; Петр Дамаскин, кн. 1). [1, с. 455–456.]

О БЕЗМОЛВИИ

Преподобный Варсонофий учит: «Доколе на море – корабль терпит беды и приражения ветров; а когда достигнет пристанища тихого и мирного, уже не боится бед и скорбей и приражения ветров, но остается в тиши. Так и ты, монах, доколе остаешься с людьми, ожидай скорбей и бед и приражения мысленных ветров; а когда вступишь в безмолвие, бояться тебе нечего» (Варсонофий, ответы 8, 9).

Совершенное безмолвие есть крест, на котором должен человек распять себя со всеми страстями и похотями. Но подумай, Владыка наш Христос сколько наперед претерпел поношений и оскорблений, и потом уже восшел на крест. Так и нам нельзя прийти в совершенное безмолвие и надеяться святого совершенства, если не постраждем со Христом. Ибо говорит апостол: *аще с Ним страждем, с Ним и прославимся*. Другого пути нет. (Варсонофий, ответ 342).

Пришедший в безмолвие должен непрестанно помнить, зачем пришел, чтобы не уклонилось сердце его к чему-либо другому. [2, с. 117–118.]

О ЖИЗНИ ДЕЯТЕЛЬНОЙ И УМОЗРИТЕЛЬНОЙ

Человек состоит из тела и души, а потому и путь жизни его должен состоять из действий телесных и душевных – из деяния и умосозерцания.

Путь деятельной жизни составляют пост, воздержание, бдение, коленопреклонение, мо-

литва и прочие телесные подвиги, составляющие тесный путь и прискорбный, который, по слову Божию, вводит в живот вечный (Мф. 7: 14).

Путь умосозерцательной жизни состоит в возношении ума ко Господу Богу, в сердечном внимании, умной молитве и созерцании чрез таковые упражнения вещей духовных.

Всякому, желающему проходить жизнь духовную, должно начинать от деятельной жизни, а потом уже приходить и в умосозерцательную, ибо без деятельной жизни в умосозерцательную прийти невозможно.

Деятельная жизнь служит к очищению нас от греховных страстей и возводит нас на степень деятельного совершенства; а тем самым пролагает нам путь к умосозерцательной жизни. Ибо одни токмо очистившиеся от страстей и совершенные к оной жизни приступать могут, как сие видеть можно из слов Священного Писания: *блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (Мф. 5: 8), и из слов св. Григория Богослова (в Слове на св. Пасху); к созерцанию безопасно могут приступать только совершеннейшие по своей опытности.

К умозрительной жизни приступать должно со страхом и трепетом, с сокрушением сердца и смирением, со многим испытанием святых Писаний и, если можно найти, под руководством какого-либо искусного старца, а не с дерзостью и самочинием: дерзый бо и презорливый, по словам Григория Синаита (О прелестии и иных многих предложениях. Добротолюбие,

часть 1, л. 95), паче достоинства своего, взыскав с кипением, понуждается до того прежде времени доспети. И паки: еще мечтается кто мнением высокая достигнута, желание сатанино, а не истину стяжав, сего диавол своими мрежами удобь уловляет, яко своего слугу.

Если же не можно найти наставника, могущего руководствовать к умосозерцательной жизни, то в таком случае должно руководствоваться Священным Писанием, ибо Сам Господь повелевает нам учиться от Священного Писания, глаголя: *испытайте Писания, яко вы мните имети в них живот вечный* (Ин. 5: 39).

Также должно тщиться прочитывать отеческие писания и стараться, сколько можно, по силе исполнять то, чему научают оные, и таким образом, мало-помалу, от деятельной жизни восходить к совершенству умосозерцательной.

Ибо, по словам св. Григория Богослова (Слово на святую Пасху), самое лучшее дело, когда мы каждый сам собою достигаем совершенства и приносим призывающему нас Богу жертву живую, святую и всегда во всем освящаемую.

Не должно оставлять деятельную жизнь и тогда, когда бы в ней человек имел преспеяние и пришел бы уже в умосозерцательную, ибо она содействует умосозерцательной жизни и ее возвышает.

Проходя путь внутренней и умосозерцательной жизни, не должно ослабевать и оставлять оного потому, что люди, прилепившиеся ко внешности и чувственности, поражают нас

противностью своих мнений в самое чувство сердечное и всячески стараются отвлечь нас от прохождения внутреннего пути, поставляя нам на оном различные препятствия, ибо, по мнению учителей церковных (Феодорит. Толкование на Песнь песней), умосозерцание вещей духовных предпочитается познанию вещей чувственных.

А потому никакими противностями в прохождении сего пути колебаться не должно, утверждаясь в сем случае на слове Божиим: *страха же их не убоимся, ниже смутимся: яко с нами Бог. Господа Бога нашего освятим в сердечной памяти Его Божественного имени и исполнения воли Его, и Той будет нам в страх* (Ис. 8: 12–13). [1, с. 457–458.]

О ТАИНСТВЕ ПРИЧАЩЕНИЯ

Если бы мы океан наполнили нашими слезами, то и тогда не могли бы удовлетворить Господа за то, что Он изливает на нас туне, питая нас Пречистою Своею Плотию и Кровию, которые нас омывают, очищают, оживотворяют и воскрешают. Итак, приступи без сомнения и не смущайся; только веруй, что это есть истинные Тело и Кровь Господа нашего Иисуса Христа, которые даются во исцеление всех наших грехов. [9, с. 51–52]

* * *

Не следует пропускать случая как можно чаще пользоваться благодатью, даруемой при-

общением Святых Христовых Тайн. Стараясь, по возможности, сосредоточиться в смиренном сознании всецелой греховности своей, с упованием и твердою верою в неизреченное Божие милосердие, следует приступить к искупляющему все и всех святому Таинству, умиленно говоря: «Согрешил, Господи, душою, сердцем, словом, помышлением и всеми моими чувствами». [9, с. 49.]

* * *

Кто приобщается, спасен будет; а кто не приобщается – не мню: где Господин, там и слуга будет. [9, с. 50.]

* * *

Бывает иногда так: здесь, на земле, и приобщаются, а у Господа остаются неприобщенными! [8, с. 33]

* * *

Благоговейно причащающийся Святых Тайн, и не однажды в год, будет спасен, благополучен, и на самой земле долговечен. Верую, что по великой благодати Божией ознаменуется благодать и на роде причащающегося. Пред Господом один творящий волю Его паче тьмы беззаконных. [9, с. 50–51.]

* * *

Приобщаться Святых Христовых Тайн во все четыре поста и двенадцатые праздники даже велю, и в большие праздничные

дни; чем чаще, тем и лучше... Благодать, даруемая нам приобщением, так велика, что как бы недостоин и как бы ни грешен был человек, но лишь бы в смиренном токмо сознании всегреховности своей приступить ко Господу, искупляющему всех нас, хотя бы от головы до ног покрытых язвами грехов, и будет очищаться благодатью Христовою, все более и более светлеть, совсем просветлеет и спасется! [9, с. 49]

* * *

Другой же хочет приобщиться; но почему-нибудь не исполняется его желание, совершенно от него независимо; такой невидимым образом сподобляется причастия через Ангела Божия. [9, с. 53.]

О СВЯЩЕННОМ ПИСАНИИ

Вот я, убогий Серафим, прохожу Евангелие ежедневно. В понедельник читаю от Матфея от начала до конца, во вторник – от Марка, в среду – от Луки, в четверг – от Иоанна, в последние же дни разделяю Деяния и Послания апостольские, и ни одного дня не пропускаю, чтобы не прочитать Евангелия и Апостола дневного и святому. Через это не только душа моя, но и само тело услаждается и оживотворяется оттого, что я беседую с Господом, содержу в памяти моей жизнь и страдания Его, день и ночь славословлю, хвалю и благодарю Испытателя моего

за все Его милости, изливаемые роду человеческому и мне, недостойному. [9, с. 103.]

* * *

Священное Писание должно читать для того, чтобы дать духу своему свободу возноситься в небесные обители и питаться от сладчайшей беседы с Господом. [9, с. 67.]

О СПАСЕНИИ

Ах, если бы ты знал, какая радость, какая сладость ожидает душу праведного на небеси, то ты решился бы во временной жизни переносить всякие скорби, гонения и клевету с благодарением... Там нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания, там радость и сладость неизглаголаные, там праведники просветятся как солнце. Но если такой небесной славы и радости не мог изъяснить и сам апостол Павел, то какой же другой язык человеческий может изъяснить красоту горнего селения, в котором водворяются праведных души? [9, с. 107.]

* * *

Если бы решимость имели, то и жили бы так, как отцы, древле просиявшие подвигами и благочестием; потому что благодать и помощь Божия к верным и всем сердцем ищущим Господа ныне та же, какая была и прежде: ибо, по слову Божию, *Иисус Христос вчера и днесь, той же и во веки* (Евр. 13: 8). [2, с. 451.]

* * *

Без скорбей нет спасения. Зато претерпевших ожидает Царство Небесное. А пред ним вся слава мира – ничто. [9, с. 105.]

* * *

Ты же, радость моя, ради такого будущего блаженства, с братьями, стяжите целомудрие, храните девство, ибо девственник, хранящий свое девство ради любви Христовой, имеет часть со Ангелы, и душа его есть невеста Христова, Христос же ей – Жених, вводящий ее в чертог Свой небесный. А душа, в грехах пребывающая, есть как бы вдова нерадивая, *а сластолюбивая заживо умерла* (1 Тим. 5: 6) [9, с. 107.]

* * *

Прошу и молю вас: ходите в церковь греко-российскую. Она во всей силе и славе Божией! Как корабль, имеющий многие снасти, паруса и великое кормило, она управляется Святым Духом. Добрые кормчие ее – учителя церкви, архипастыри суть преемники апостольские. [9, с. 210.]

* * *

Радость моя, молю тебя, стяжи мирный дух! [2, с. 360.]

* * *

У Бога взыскует правая вера в Него и Сына Его Единородного. За это подается обиль-

но свыше благодать Духа Святого. Господь ищет сердца, преисполненного любви к Богу и ближнему – вот престол, на котором Он любит восседать, и на котором Он является в полноте Своей пренебесной славы. *Сыне, даждь Ми сердце твое*, – говорит Он (Притч. 23: 26), а все прочее Я Сам приложу тебе, ибо в сердце человеческом может вмещаться Царствие Божие (Мф. 6: 33). Господь равно слушает и монаха, и мирянина, простого христианина, лишь бы оба были православные, и оба любили Бога из глубины душ своих, и оба имели веру в Него, хотя бы яко «зерно горюшно», – и оба двинут горы (Мк. 11: 23). [9, с. 235–236.]

* * *

Тесным путем надлежит нам, по слову Спасителя, войти в Царствие Божие (Мф. 7: 13–14). [9, с. 296.]

* * *

Господь печется о нашем спасении. Но человекоубийца диавол старается привести человека в отчаяние. Душа высокая и твердая не отчаивается при несчастиях, каковы бы они ни были. Иуда предатель был малодушным и не искусен в брани; и потому враг, видя его отчаяние, напал на него и обольстил его удавиться; но Петр – твердый камень, когда впал в грех, как искусный в брани, не отчаялся и не потерял духа, но пролил горькие слезы от горячего сердца; и враг,

увидя их, как огнем палимый в глаза, далеко убежал от него с болезненным воплем. [9, с. 300.]

* * *

Призовем имя Господа – и спасемся. Когда у нас имя Божие будет на устах – мы спасены. *Открой ко Господу путь твой и уповай на Него, и Той сотворит, помилует тя, изведет, яко свет, правду твою, и судьбу твою яко полудне* (Пс. 36: 5–6), только повинись Господу и умоляй Его. [2, с. 397.]

О ХРАМЕ

Никогда, Боже упаси, ни ради чего, ни ради кого бы то ни было не разговаривать в алтаре, если бы даже пришлось и потерпеть за это; ибо Сам Господь тут присутствует! И трепеща, во страхе предстоят Ему все Херувимы и Серафимы и вся Сила Божия. Кто же возглаголет пред лицом Его! [9, с. 45.]

* * *

Нет паче (выше) послушания, как послушание в церкви! И если токмо тряпочкою протереть пол в доме Господнем, превыше всякого другого дела поставится у Бога. Нет послушания выше Церкви! И все, что не творится в ней, – и как входите, и отходите, – все должно творить со страхом и трепетом и никогда не престающею молитвою. И кого токмо убоимся в ней! И где же и воз-

радуемся духом, сердцем и всем помышлением нашим, как не в ней, где Сам Владыка Господь наш с нами всегда соприсутствует! [9, с. 45–46.]

О СТРАСТЯХ

Многие из святых отцов носили вериги и власяницу, но они были мужи мудрые и совершенные; и все это они делали из любви Божией, для совершенного умерщвления плоти и страстей и покорения их духу. Но младенцы, у которых царствуют в теле страсти, противятся воле и закону Божию. Что в том, что наденем и вериги и власяницу, а будем спать, пить и есть столько, сколько нам хочется... Мы не можем и самонаималейшего оскорбления от брата перенести великодушно. От начальнического же слова и выговора впадаем в совершенное уныние или отчаяние, так что и в другой монастырь выходим мыслью, и смотрим с завистью на собратий своих, которые в милости и доверенности у начальника, принимаем все его распоряжения за обиду, за невнимание и недоброжелательство к себе. Из этого рассуди сам, как мало или вовсе нет в нас никакого фундамента. [9, с. 101–102.]

* * *

Все твои недостатки и скорби суть следствия твоей страстной жизни. Оставь ее, исправь пути твои. [9, с. 194.]

* * *

Страсти истребляются страданием и скорбью, или произвольными, или посылаемыми Промыслом. [8, с. 15.]

О ДУХОВНОМ РУКОВОДСТВЕ

Помни, ты только свидетель, батюшка, судит же Бог! А чего, чего, каких только страшных грехов, аще и изреши невозможно, прощал нам всещедрый Господь и Спаситель наш! Где же нам, человекам, судить человека! Мы лишь свидетели, свидетели, батюшка; всегда это помни: одни лишь только свидетели, батюшка! [9, с. 50.]

* * *

Трудно управлять душами человеческими! Но среди всех твоих напастей и скорбей в управлении душами братии Ангел Господень непрестанно при тебе будет до скончания жизни твоей. [9, с. 245.]

* * *

Прежде рассуждения добра и зла человек не способен пасти словесных овец, но разве бессловесных, потому что без познания добра и зла мы действий лукавого постигнуть не можем. [9, с. 199.]

* * *

Учить других так же легко, как с нашего собора бросать на землю камешки, а проходить

делом то, чему учишь, все равно как бы самому носить камешки на верх собора. Так вот какая разница между учением других и прохождением самому дела. [9, с. 295.]

ОБ УТЕШЕНИИ

Нет нам дороги унывать – Христос все победил: Адама воскресил, Еву свободил, смерть умертвил. [2, с. 399.]

* * *

Когда в сердце бывает умиление, то и Бог бывает с нами. [9, с. 73.]

* * *

Ты в тесных обстоятельствах, ты печален. Но помолись Богу и не скорби – Он скоро тебя утешит. [9, с. 118.]

* * *

Не так ты говоришь, радость моя. Сердце человеческое открыто одному Господу, и один Бог – сердцеводец, *а человек приступит, и сердце глубоко* (Пс. 63: 7). [9, с. 195.]

ОБ ИСКУШЕНИИ

Искушения диавола подобны паутине: стоит только дунуть на нее, и она истребится: так то и на врага диавола: стоит только оградить себя крестным знамением, и все козни его исчезают совершенно. [8, с. 252.]

* * *

Не надобно покоряться страху, который наводит на юношей диавол; а нужно тогда особенно бодрствовать духом и, откинув малодушие, помнить, что хотя мы и грешные, но все находимся под благодатью нашего Искупителя, без воли Которого не спадет ни один волос с головы нашей. [9, с. 267.]

* * *

Все святые подлежали искушениям; но подобно злату, которое, чем более может лежать в огне, тем становится чище, так и святые от искушений делались искуснее, терпением умиловливали правосудие Творца и приближались ко Христу, во имя и за любовь Которого они терпели. [8, с. 252.]

* * *

Нет хуже греха и ничего нет пагубнее духа уныния. [8, с. 33.]

О ПРАВИЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Исполнение же заповедей Христовых есть бремя легкое, как сказал Сам Спаситель наш. Только нужно всегда иметь их в памяти, а для этого нужно иметь в уме и на устах молитву Иисусову, а пред очами представлять жизнь и страдание Господа нашего Иисуса Христа, Который из любви к роду человеческому пострадал до смерти крестной. В то же время нужно очищать совесть

исповеданием грехов своих и приобщением пречистых Тайн Тела и Крови Христовой. [9, с. 104.]

* * *

Укоряют – не укоряй, гонят – терпи, хулят – хвали, осуждай сам себя, так Бог не осудит, покоряй волю свою воле Божией, никогда не льсти, люби ближнего твоего: ближний твой – плоть твоя. Если по плоти поживешь, то и душу и плоть погубишь, а если по-Божьему – об их спасешь. Это подвиги больше, чем в Киев идти, или и далее. [9, с. 103.]

* * *

Молящаяся, не лише глаголите: весть бо Отец ваш, ихже требуете, прежде прошения вашего. Сице убо молитесь вы: «Отче наш», и прочее. Тут благодать Господня. А что приняла и облобызала Святая Церковь, все для сердца христианина должно быть любезно. Не забывай праздничных дней, будь воздержан, ходи в Церковь, разве немощи когда (не дозволят). Молись за всех. Много этим добра сделаешь, давай свечи, вино и елей в церковь: милостыня много тебе блага сделает. [9, с. 280.]

* * *

Если ярость в ком есть – не слушай. Если девство кто хранит – Дух Божий таких принимает. Однако же сам разум имей. И Евангелие читай. [9, с. 280.]

* * *

Смирение и осторожность жизни есть красота добродетелей. [9, с. 310.]

* * *

Положи упование на Бога и проси Его помощи. Да умей прощать ближним своим – и тебе дастся все, о чем ни попросишь. [8, с. 255.]

* * *

И мы можем проходить духовную жизнь, да сами не хотим! Духовная же жизнь есть приобретение христианином Святого Духа Божиего, и она начинается только с того времени, когда Господь Бог Дух Святой, хотя в мале и кратко, начинает посещать человека. До этого времени христианин (будь то монах, будь мирской человек) проводит жизнь общехристианскую, но не духовную; проводящих же духовную жизнь людей мало. [7, с. 84.]

* * *

Для сохранения мира душевного всячески должно избегать осуждения других. Чтобы избавиться от осуждения, должно внимать себе, ни от кого не принимать посторонних мыслей и быть ко всему мертву. [8, с. 34.]

* * *

Хотя в Евангелии сказано, что нельзя Богу работать и мамоне, и трудно имеющему богатство войти в Царство Небесное, но

Господь открыл мне, что чрез грехопадение Адама человек помрачился всецело и сделался односторонним в духовном рассуждении, ибо в Евангелии также сказано: что невозможно для человека, возможно для Бога. Поэтому силен Бог вразумить человека, как без погибели душевной, находясь в условиях светской жизни, может человек служить духом Богу. *Иго Мое благо и бремя Мое легко есть*, а его часто заграждают такими тягостями (из излишней боязни служения мамоне), что, взявши ключи духовного разумения, выходят, и сами не входят, и другим входить препятствуют. Итак, по своем падении от крайнего греховного ослепления человек сделался односторонним. [7, с. 86.]

* * *

Устрой мир душевный, чтобы никогда не огорчать и ни на кого не огорчаться, тогда Бог даст слезы раскаяния. [2, с. 436.]

* * *

Кто в мирном устроении ходит, тот как бы лжицею черпает духовные дары. [8, с. 34.]

* * *

Мы должны всякую радость земную от себя удалять, следуя учению Господа Иисуса Христа, Который сказал: *о сем не радуйтесь, яко дуси вам повинуются: радуйтесь же, яко имена ваша написана суть на небесех* (Лк. 10: 20). [9, с. 305.]

О ПОСЛУШАНИИ

Послушание, послушание превыше поста и молитвы! Ничего нет выше послушания. [9, с. 231.]

* * *

Повинующийся повинется во всем. А кто в одном отсек волю свою, а в другом не отсек, тот имел волю свою и в том, в чем отсек. [9, с. 250.]

* * *

Что делается по-своему, то не угодно Богу, хотя бы казалось и хорошо. [9, с. 250.]

О БРАКЕ И МОНАШЕСТВЕ

Брачная жизнь благословенна Самим Богом. В ней нужно только с обеих сторон соблюдать супружескую верность, любовь и мир. [9, с. 254.]

* * *

Нет лучше монашеского жития! Нет лучше! [9, с. 221.]

* * *

Монашеская жизнь трудная, не для всех выноσιма. [9, с. 254.]

* * *

Царство Божие – не брашно и питие, но праведность и радость во Духе Святом (Рим. 14: 17).

Только не надобно ничего суетного желать, а все Божие – хорошо, и девство славно... И брак благословен Богом: *и благослови я Бог, глаголя: раститесь и множитесь* (Быт. 1: 22). Только враг смущает все. [9, с. 236.]

* * *

Не все могут вместить это (безбрачие – *Ред.*), и на это принуждения от Господа нет. Но все возможно верующему... Останься в мире, женись; не забывайте с сожительницею общения, страннолюбия; держитесь тех добродетелей, которые будут поминаться на Страшном Суде Божиим, по святому Евангелию: *взаклал, и дасте Ми ясти; возжаждал, и напоисте Мене; наг бех, и одеясте Мя...* Вот в чем ваше спасение! И еще приложите чистоту, храните от общения среды и пятки, и праздничные и воскресные дни. [9, с. 255.]

О БЛАГОДАРНОСТИ

Молитесь, молитесь паче всего за творящего вам благо, но никогда, никогда словами его (благодетеля) не благодарите, потому что без благодарности он полную и всю мзду и награду за добро свое получит; благодарением же вы за благо вам скрадываете его, лишая его большей части, заслуженной добродетелью его, награды. Кто приносит дар, приносит его не вам, а Богу: не вам его и благодарить, а да возблагодарит он сам Господа, что Господь примет его дар. [9, с. 227–228.]

САРОВСКИЙ МОНАСТЫРЬ

В XII – XIII веках здесь находилось большое поселение, укрепленное высокими валами и глубокими рвами. Саровские монахи в своих летописях высказывали предположения, что на месте Сарова когда-то стояла древняя русская крепость, взимавшая с мордвы дань. Молва о богатом крае разнеслась далеко на восток. Иран и Персия проложили торговые пути в Волжскую Булгарию, где вели торговлю с Русью и мордвой.

Эта молва докатилась и до империи Чингисхана. Еще жив был ее основатель – великий Темучин (Чингиз-хан), который послал разведчиков проверить, богат ли край, где живут «краснолицые» люди, и какие туда ведут дороги. Наряду с Волжской Булгарией и русскими княжествами, здешние места надолго вошли в сферу интересов империи Чингизидов, а потом и Золотой Орды.

До наших дней дошло предание о существовании на месте Сарова татарского города Сараклыч – что в переводе с тюркского языка означает «Золотая сабля». Сараклыч был, как говорилось в монастырских летописях, «царственнейшим» городом, который собирал дань с населения покоренной округи. Недолго, всего девяносто лет, служил столицей Сараклыч. В 1389 году последний правитель, князь Бехан, покинул город. Место это пришло в запустение и позднее его прозвали Старым городищем.

Первым монахом-отшельником, избравшим Саровскую гору для подвижнической жизни, был пензенский монах Феодосий, пришедший на Старое городище в 1664 году. Он был неоднократным свидетелем того, как на Старом городище разбойники – «подорожники» делили свою добычу.

Но не только это открылось взору подвижника – на пустынной Саровской горе видел он и многие чудеса: необыкновенный свет над горой, и даже огненные лучи, освещавшие гору сверху; иногда он слышал гул и звон, раздававшиеся из-под земли. Видя многие знамения, Феодосий пришел к выводу, что месту этому предназначена великая будущность. В старости Феодосий вынужден был оставить Саровскую гору и вернуться в Пензу.

Спустя десять лет после Феодосия на Старом городище поселился монах Герасим из Краснослободского монастыря. Он тоже был свидетелем необыкновенных явлений. Слух о таинственных чудесах разносился по окрестным селам и деревням. Местные жители решили, что знамения – указание на сокровища древнего Сараклыча, сокрытые в земле. Не раз крестьяне села Кременки искали клады в Саровской горе, но нашли лишь шесть каменных крестов и один медный, складной, с углублением для святых мощей. Этот медный крест впоследствии стал великой святыней Саровской пустыни и хранился на почетном месте в Саровских пещерах.

Старец Герасим окончил жизнь строителем Краснослободского монастыря. После него на Старом городище жили два монаха из соседнего Санаксарского монастыря. Они хотели основать здесь обитель, но, не выдержав испытаний отшельнической жизни, возвратились в Санаксар.

Некоторое время это место опять пустовало, а окрестные крестьяне были свидетелями непрекращающихся знамений. Наконец пришел на это место инок Арзамасского Введенского монастыря Исаакий, впоследствии в схиме Иоанн, которому Бог судил стать основателем Саровской обители.

В миру инока Исаакия звали Иван Федорович Попов, он был сыном церковнослужителя – причетника. С ранних лет он подвизался в храме, помогая своему отцу на клиросе петь и читать. Также с ранних лет он чувствовал тягу к монашеской жизни, однако, некоторое время он никак не мог решиться уйти в монастырь. Только после нескольких видений он, укрепившись в желании монашеской жизни, уходит в арзамасский Введенский монастырь. 6 февраля 1689 года, на 19-м году от рождения Иван Попов был пострижен с именем Исаакия.

Вскоре молодой инок стал тяготиться городской суетой, в которую волей-неволей была вовлечена Введенская обитель. От пришедшего во Введенский монастырь монаха Филарета инок Исаакий узнал, что в дремучих Темниковских лесах, между Сатисом и Саровом, есть удобное для отшельничества

место. Вместе они отправились на это место и поставили там крест.

А некоторое время спустя, в 1691 году, Исаакий, которому тогда исполнился 21 год, с благословения настоятеля Арзамасской обители и своего духовника, поселился вместе с Филаретом на Старом городище. Только месяц прожили они здесь. Не выдержав трудностей пустынножительства, они переселились в Санаксарскую пустынь. Год спустя, по просьбе санаксарской братии, Исаакий в Москве был рукоположен во иеромонаха.

Но даже суровая жизнь Санаксарской пустыни не могла удовлетворить жажду подвига о. Исаакия – он по-прежнему стремился к пустынножеству. В 1692 году вместе с послушником Андреем он вновь переселился в Темниковские леса, на Старое городище. Вскоре он остался там совсем один – послушник, не выдержав тягот пустынножительства, вернулся в Санаксары.

В одиночестве о. Исаакия постигли тяжкие искушения: и душевные и телесные – тяжело заболел, он уже готовился к смерти. Но тут о нем вспомнила Санаксарская братия, которая в то время осталась без иеромонахов. Они упростили о. Исаакия на время переселиться к ним для служения литургии. Около года прожил о. Исаакий в Санаксарской обители; за это время он полностью поправился, и с новыми силами возвратился в пустыню.

Однажды в его уединение забрел соловецкий монах Николай. Он посоветовал о. Иса-

акию построить церковь на Старом городище. Поначалу этот совет казался неосуществимым. Но затем о. Исаакий получил подтверждение, что на строительство здесь храма есть воля Божия. Тем паче, что в окрестных селениях и лесах процветал раскол.

В 1700 году о. Исаакий начал собеседования с раскольниками. Иногда они приглашали его в свои скиты для прений о вере. В результате многие раскольники вернулись в Православие. Именно они и стали первыми насельниками будущей Саровской обители.

Труды иеромонаха Исаакия стали широко известны – в результате, с благословения священноначалия, братия арзамасской Введенской обители избрала его своим настоятелем. Согласившись принять на себя управление городской обителью, о. Исаакий намеревался через некоторое время возвратиться к пустынножительству. Переселившись в Арзамас, он по-прежнему навещал пустынножителей и наставлял их в вере. Но не всем это пришлось по душе. Иеромонах Варлаам позавидовал влиянию о. Исаакия и написал на него донос, в котором обвинял наставника в расколоучительстве. В результате в 1703 году настоятель Введенской обители был вызван в Москву.

После разбирательства, окончившегося полным оправданием о. Исаакия, он, возвратившись в Арзамас, поставил вместо себя настоятелем Введенской обители своего ученика Афиногена и удалился в Саровскую пустынь.

Посоветовавшись с иноками, жившими в Старом городище, о. Исаакий начинает хлопоты по строительству храма и основанию новой обители. Несколько лет он провел в Санкт-Петербурге, оформляя необходимые для строительства документы. Он был известен и почитаем в царской семье. Благодаря своей настойчивости и связям в столице, в начале 1706 года о. Исаакий сумел получить Высочайшее разрешение Петра I и местоблюстителя Патриаршего престола Стефана (Яворского) на строительство церкви.

В феврале 1706 года начали валить лес, в мае на городище уже высился сруб. 16 июня 1706 года был освящен первый храм Саровской пустыни во имя иконы Божьей Матери Живоносный источник. Эта дата считается днем основания Саровского монастыря.

Вслед за храмом были построены деревянные кельи для монахов и трапезная; одновременно с возведением монастыря шло строительство «подземного города». Начало ему было положено о. Исаакием задолго до открытия пустыни, когда в качестве временного убежища он вырыл себе пещеру в горе. Впоследствии эти пещеры расширялись, в них устраивались кельи для молитвенного уединения.

Деятельность о. Исаакия не ограничивалась только внешним устройством пустыни. Вместе с первой церковью возникает монашеское общежительное братство. Отец Исаакий с единодушного согласия братии приступает к написа-

нию устава Саровской обители. Через месяц после освящения церкви он собрал всю братию, жившую на Саровской горе, и предложил им устав, написанный по строгим древним образцам. По совету с братией, о. Исаакий отослал устав на утверждение местоблюстителю патриаршего престола, преосвященному Стефану (Яворскому), митрополиту Рязанскому и Муромскому. Впоследствии этот устав послужит образцом для многих монастырей России.

Насколько строги были правила Саровского монастыря, настолько же суров был и быт монахов. Все нужное для жизни добывалось собственным трудом, при этом братия не имели никакой собственности. Сами возделывали землю, сеяли хлеб, на жерновах мололи муку. Занимались токарным и столярным делом, шили одежду, плели лапти, служившие обычной обувью. Одежда монахов была простой: летом – балахоны из холста, зимой – тулупы. Вкушать пищу разрешалось лишь в трапезной. Единственным лакомством братии в праздничные дни служил настой из малины и мяты, который пили с медом.

Вскоре после постройки первой церкви поставили еще два храма и кельи для гостей. Территорию монастыря обнесли оградой. К 1711 году был готов пещерный город с подземной церковью. В том же году в Саровскую обитель была прислана грамота местоблюстителя патриаршего престола с утверждением устава обители.

Монастырские дела требовали от настоятеля новоустроенной обители частых поездок в

столицы. В одну из таких поездок он тяжело заболел и принял схиму с именем Иоанн, дав обет отказаться от настоятельства в Саровской обители.

Поправившись, он вернулся в Саровскую пустынь. За время его отсутствия многие дела оказались расстроены, а среди братии были неурядицы. Они просили своего старца навести порядок, но он вынужден был отказаться, сославшись на обеты, данные при пострижении в схиму. Тогда братия обратилась к местоблюстителю митрополиту Стефану, прося его разрешить о. Иоанна от обета. Митрополит с пониманием отнесся к прошению Саровской братии, указав о. Иоанну «быть настоятелем и служить по-прежнему».

К 1729 году у Саровской обители были 22 тысячи десятин земли. Императрица Анна Иоановна своим Указом от 25 октября 1730 года «...все земли, сенные покосы и рыбные ловли» утвердила за Саровской пустынью навечно, «...не в пример другим». Число братии в 1733 году было 36 человек.

Так случилось, что жизнь основателя обители о. Иоанна закончилась не в Саровском монастыре, как он мечтал, а в Санкт-Петербурге, в Тайной канцелярии. В 1733 году, по ложному доносу, саровские инок были заподозрены в государственной измене. В Саров прискакали чиновники Тайной канцелярии с солдатами для ареста о. Иоанна. Сковав цепями, его посадили под караул. Затем, допросив иночества, собрались везти его в Петербург.

Преемник о. Иоанна – о. Досифей – едва упротис караульных позволить братии проститься со своим старцем.

Перекрестясь, первоначальник саровский положил три поклона пред святыми вратами созданной им обители. Затем, обернувшись к оставляемой им братии, трижды поклонился ей в ноги, на что и братия отвечала земным поклоном. Затем он молча осенил ее крестным знаменем.

Около четырех лет протомился Иоанн в узах в Петербурге. Перед кончиной, напутствуемый Святыми Дарами, он просил духовника доставить в Саровскую пустынь письмо с его предсмертным заветом братии – твердо хранить устав, держать мир и любовь между собой и безропотно нести послушания. Иеросхимонах Иоанн, скончавшийся 4 июня 1737 года, похоронен при церкви Преображения Господня, что в Колтовской, в Санкт-Петербурге.

Преемником иеросхимонаха Иоанна, как уже говорилось, был иеромонах Досифей. При нем монастырские келейные постройки приобрели законченный вид. Все монахи имели свои кельи. В монастыре были построены помещения для различных работ: хлебная и поваренная, трапезная, просфорная, столярная, портная. Были две кузницы и конюшня. В виде послушаний монахи исполняли все работы, необходимые для монастырского хозяйства: возделывали землю, косили сено, собирали грибы и ягоды, ловили рыбу. Они плели лапти, делали четки, изготавливали свечи.

Также строитель ревностно следил за тем, чтобы ежедневное богослужение совершалось неспешно, благоговейно, по церковному уставу, чтобы все монашествующие приходили в церковь в мантиях. Это помогало ему поддерживать единомыслие братии в твердом соблюдении иноческих обетов и послушаний.

Преемником о. Досифея стал о. Филарет. При третьем строителе в Саровской обители был построен теплый каменный собор в честь иконы Богородицы «Живоносный Источник». Этот храм был построен на месте первой деревянной обительской церкви.

Следующий настоятель Саровской обители – иеромонах Маркелл – управлял монастырем всего два года.

Пятый строитель – Исаакий – с юных лет жил в Саровской пустыни, здесь же он принял постриг. По примеру своих предшественников, он усердно занимался храмоздательством.

Следующий настоятель обители – строитель Ефрем. Он был родом из тульских купцов. Придя в Саровскую обитель при первоначальнике о. Иоанне, иеромонах Ефрем пострадал вместе с ним. По несправедливому доносу он был обвинен в измене, лишен сана и сослан в Оренбургскую крепость, где и провел 16 лет, служа пономарем при церкви.

Затем в 1755 году по указу Святейшего Синода он был освобожден из заточения и восстановлен в сане, и возвращен в Саровскую пустынь, где несколько лет спустя был избран строителем.

Как опытный подвижник, старец Ефрем был весьма уважаем. В переписке с ним состоял святитель Тихон Задонский. К тому же о. Ефрем отличался необыкновенным милосердием. Особенно проявил он свое человеколюбие во время великого голода 1775 года, когда многим приходилось питаться древесной корой, смешивая с мукой гнилое дерево и дубовые желуди. Тогда старец, печалась о бедствующих, приказал кормить всех приходящих в обитель, каких бывало до тысячи в день. Братия было стала роптать, боясь, что для нее самой не хватит хлеба. Тогда старец, собрав старшую братию и описав им нужду народную, сказал: «Не знаю, как вы, а я расположился, доколе Богу будет угодно за наши грехи продолжать глад, лучше страдать со всем народом, нежели оставить его гибнуть от голода. Какая нам польза пережить подобных нам людей? Из них, может быть, некоторые до сего бедственного времени и сами нас питали своими даяниями».

Выслушав наставление своего настоятеля, все иноки согласились с ним, сказав: «Как вам угодно, так и будет по вашей воле». После этого о. Ефрем по-прежнему кормил голодающих, которые собирались в обитель все в большем количестве. К концу зимы истощились все монастырские припасы, и братия с ужасом ожидала голодной смерти.

Но Господь, упованием на Которого о. Ефрем успокаивал братию, не оставил Саровской обители. Как-то вечером иноки увидели гро-

мадный обоз, подъезжающий к монастырю. Расспросив извозчиков, братия узнала, что прибыл хлеб для Саровской пустыни. Стали спрашивать: кто прислал этот хлеб, но они не могли сказать точно. Говорили, что какой-то человек подрядил их перевезти хлеб в Саровскую пустынь, причем заплатил вперед. А кто этот человек, извозчики не знали.

За свою благотворительную деятельность саровская братия удостоилась одобрения своего епархиального владыки, преосвященного Иеронима, епископа Владимирского.

Неусыпное попечение строителя Ефрема о внутреннем устроении духовной жизни и о внешнем благоустройстве Саровской пустыни снискало ему глубокую признательность саровских иноков. Утешительная радость и мир сияли всегда на благообразном лице старца, пользовавшегося повсюду славой святости. К портрету о. Ефрема сделана в обители следующая надпись: «Не Сирий ты, но русский ты Ефрем. Саровской пустыни броня еси и шлем».

Строитель Ефрем, чувствуя истощение сил, 29 марта 1777 года отказался от настоятельства и провел остаток жизни в молитве и безмолвии. Он скончался 30 мая 1778 года.

Он оставил также по себе благодарную память прекрасными постройками. Кроме трапезы и корпуса келий, он воздвиг великолепный храм в честь Успения Богоматери – обширный, величественный, с высоким, точно в небо уходящим, иконостасом; богато украшенный.

Великолепные здания храмов, золоченые иконостасы, красота церковной службы производили неизгладимое впечатление на многочисленных паломников, приходивших в монастырь со всех концов России. Известность Саровской пустыни росла; саровские монахи принимали тысячи богомольцев, которые шли за исцелением своих душевных и телесных болезней. Ради них пришлось благоустраивать все ведущие к монастырю дороги и строить постоянные дворы для приема паломников. Особой известностью у паломников пользовались монахи-отшельники, жившие по берегам реки Саровки.

Седьмой строитель Саровской пустыни, иеромонах Пахомий (в миру Борис Назарович Леонов), родом из курских купцов. С юности посвятив себя на служение Богу, он в 1762 году был пострижен в монашество в Саровской пустыни. В 1777 году иеромонах Пахомий был избран братией Саровской пустыни строителем.

Усердный молитвенник, о. Пахомий ежедневно присутствовал в храме на богослужении и келейном правиле. Строгий к себе, он и с братии взыскивал за опущение церковного богослужения или келейного правила. Вообще, благочестивая жизнь строителя – молитвенника и подвижника, служила для братии назидательным поучением и живым образцом подвижничества.

При строителе Пахомии Саровская обитель стала «рассадником» великих старцев. Некоторые из них по благословению церковной

власти становились настоятелями других обителей, в которых также утверждали Саровский устав. Это игумен Назарий, восстановитель Валаамской обители; иеромонах Иларию, настоятель Курской-Коренной обители; иеромонах Анастасий, настоятель Югской пустыни; иеромонах Никандр, настоятель Флорищевой пустыни; иеромонах Арсений, настоятель Краснослободского монастыря. Другие саровские старцы – иеросхимонах Дорофей, схимонах Марк-молчальник (ныне прославленный, как местночтимый святой), иеромонахи Питирим и Иоаким, преподобный Серафим Саровский, – безвыходно подвизались в Саровской обители.

При строителе Пахомии в Саровской обители был устроен двухэтажный больничный храм с нижним престолом во имя преподобных Зосимы и Савватия Соловецких, и верхним в честь Преображения Господня.

Восьмой строитель Саровской обители – иеромонах Исаия I (Зубков) – родом из купеческого сословия города Суздаля. Около 22 лет он поступил в Киево-Печерскую Лавру, где провел семь лет, затем, в 1770 году перешел в Саровскую обитель. В 1772 году пострижен в монашество. В 1777 году рукоположен во иеромонаха, а в 1785 поставлен на послушание казначея.

За свою добродетельную и подвижническую жизнь о. Исаия был уважаем знаменитым иерархом XVIII столетия Никифором (Феотоки), архиепископом Астраханским, с которым состоял в переписке.

При строителе Исаии в Саровской обители была построена новая колокольня, заложенная еще при его предшественнике – строителе Пахомии.

Девятый настоятель Саровской обители – игумен Нифонт – родом из мещан города Темникова. В 1787 году, двадцати лет, пришел он в Саровскую пустынь. В 1792 году пострижен с именем Нифонта. В 1793 году рукоположен во иеродиакона, а в 1796 году – во иеромонаха. С 1805 года исполнял послушание казначея. В 1806 году избран строителем Саровской пустыни.

Он отличался способностями к управлению (административными) и опытностью в казначейских делах; наблюдал за точным исполнением богослужебного устава (между прочим, при нем поминальные записи о живых и усопших прочитывались на проскомидии неизменно еще до чтения часов); он оставил по себе память как способный строитель и украстель монастыря; строго хранил посты, был трудолюбив, нестяжатель, приветлив в обращении с посетителями обители, начитан в книгах, свободен в слове.

В 1818 году был награжден саном игумена. При нем в Саровской пустыни были выстроены каменная церковь во имя святого Иоанна Крестителя, новая трапезная, пристроена каменная паперть к собору Живоносного Источника, и обновлены многие хозяйственные постройки.

Десятый настоятель Саровской пустыни – Исаия II (в миру Иона Иванович Путилов), про-

исходил из рода серпуховских купцов. В 1806 году он вместе с братом Тимофеем (впоследствии настоятелем Оптиной пустыни Моисеем) поступил в Саровскую обитель. В ноябре 1812 года он был пострижен в иночество, а уже в 1813 году рукоположен в иеродиакона. Два года спустя он был рукоположен во иеромонаха, а с 1822 по 1842 годы занимал должность казначея.

В 1842 году по смерти игумена Нифонта был избран братией настоятелем Саровской обители, первоначально исполнял должность строителя, а в 1846 году епископом Тамбовским Николаем был возведен в сан игумена.

Игумен Исаия был примером подвижнической жизни для братии. Он не опускал ни одной церковной службы и неизменно ходил на общее келейное правило, поскольку по его мнению: «Монах без правил – не монах». При этом он не удовлетворялся одним только строгим исполнением устава, а поучал братию любви к Богу и ближним; он говорил так: «Без любви Божией и без мира с ближними лицемерия Божия не сподобимся. Надобно иметь между собой нелицемерную любовь, быть в послушании, в терпении со смирением, а одни поклоны нас не спасут».

Во время его управления Саровской пустынью был отремонтирован и отчасти переделан теплый собор в честь иконы Божьей Матери «Живоносный Источник», в котором также был устроен новый иконостас. При нем же были построены северный и южный притворы в больничном храме Соловецких чудотворцев.

Игумен Исаия II отошел ко Господу 16 апреля 1858 года. Его преемником был избран иеромонах Серафим (в миру Спиридон Андреевич Пестов), происходивший из крестьян Пермской губернии. В Саровский монастырь он поступил в 1823 году. В 1835 году он был пострижен в монашество, и в том же году рукоположен во иеродиакона. В 1844 году рукоположен во иеромонаха. С 1848 по 1858 год исполнял должность казначея монастыря.

После избрания в 1858 году настоятелем игумен Серафим заботился о неуклонном исполнении устава, данного Саровской обители ее первоначальником. Его трудами в обители было заведено правильное лесное хозяйство. В ноябре 1872 года игумен Серафим по слабости здоровья ушел на покой.

Двенадцатым настоятелем Саровской пустыни был игумен Иосиф (в миру Иван Петрович Шумилин), из купеческого сословия города Пронска. В Саровскую обитель он поступил в 1842 году; в 1850 году был пострижен в монашество. Четыре года спустя был рукоположен во иеродиакона, а еще через три года в иеромонаха. Проходил послушание ризничего и заведовал синодиком пустыни.

В ноябре 1872 года был избран в настоятели братией Саровской пустыни. В 1874 году возведен в сан игумена. При нем для богомольцев-простолюдинов был выстроен каменный двухэтажный странноприимный дом. Также в его настоятельство в храмах Саровской пустыни был произведен ряд улучшений – отрестав-

рированы храмовые росписи, чтимые иконы украшены дорогими ризами. В конце 1889 году игумен Иосиф скончался.

Тринадцатым настоятелем Саровской пустыни был назначен игумен Рафаил (в миру Николай Иванович Трухин), происходивший из семьи артиллерийского чиновника, уроженец города Ижевска. Окончив военное училище, он в 1867 году удалился на Афон и поступил в русский Пантелеимонов монастырь. В 1870 году он был рукоположен во иеродиакона, а в 1875 – во иеромонаха. Нес послушания ризничего, благочинного и духовника обители.

Возвратился в Россию и был назначен настоятелем Саровской обители. Благоговевая перед памятью преподобного Серафима, игумен Рафаил во время своего управления Саровской пустыней, сделал все, что было в его силах, для приведения в благолепный вид всех вещественных воспоминаний о преподобном и его подвигах. Им были устроены часовни над могилой преподобного Серафима и над его источником, отреставрированы и отстроены вновь пустыньки преподобного. Также его трудами были собраны рассказы о чудесных исцелениях и благодатной помощи по молитвам преподобного.

В 1894 году игумен Рафаил был назначен начальником Русской Миссии в Иерусалиме. Его приемником стал четырнадцатый настоятель Саровской обители – игумен Иерофей. При нем состоялось прославление преподоб-

ного Серафима, и на месте старого келейного корпуса, где некогда подвизался преподобный, был отстроен великолепный храм во имя преподобного Серафима.

В 1906 году Саровская пустынь отметила 200 лет своего существования. Это был большой праздник, на который съехалось много гостей. Саровская пустынь стала общепризнанной святыней России.

В 1914 году началась Первая мировая война. Это сказалось и на жизни монастыря. Саровская обитель посильно помогала фронту, снаряжая послушников в действующую армию, отправляя посылки с теплыми вещами. Всего на фронт ушло около ста человек. Были среди них убитые и раненые.

Во время войны поток богомольцев резко уменьшился, но все равно Саровскую пустынь посещало две-три тысячи человек в день. Она продолжала быть крупным духовным центром.

В 1917 году разразилась революция, что имело свои последствия для монастырской жизни. Из города Темникова в Саров прибывает инструктор с правом учредить здесь коммуну. Монахи, в свою очередь, обратились с просьбой организовать здесь трудовую артель с уставом, напоминающим устав монастыря. Однако земельный отдел города Темникова посчитал, что монахи, по своей гражданской незрелости, неспособны к самоуправлению и проявлению инициативы в ведении большого хозяйства на новых социалистических началах.

В сентябре 1918 года в обитель приехала опергруппа ОГПУ с требованием внести взнос в размере 300 тысяч рублей, а в ноябре на Саровскую пустынь был наложен единовременный чрезвычайный налог в размере одного миллиона рублей. В декабре начались обыски по кельям с изъятием имеющихся ценностей, но «предметы культа» пока еще не трогали.

В ноябре 1920 года, на IX съезде Советов города Темникова, было принято решение о вскрытии мощей преподобного Серафима Саровского. Создали специальную комиссию в количестве 157 человек. 17 ноября 1920 года комиссия собралась в монастыре. Несмотря на протесты верующих и священнослужителей, вскрытие раки с мощами преподобного старца началось. Чтобы избежать прикосновения к мощам рук безбожников, вскрывали мощи два иеромонаха – отец Маркелин, долго хранивший раку с мощами, и отец Руфин (в будущем он станет на короткое время настоятелем монастыря). Отец Маркелин открыл гробницу, и перед глазами оказалась фигура «...в виде очертания человеческого тела». После вскрытия мощи святого старца Серафима закрыли стеклянной рамой и выставили на обозрение.

Хозяйство Саровского монастыря было разорено, святыни осквернены. Один из последних настоятелей монастыря, игумен Руфин, так описал состояние обители: «Осталось 160 человек, в основном престарелые, больные, увечные, слепые и хромые, которые не могут трудом добывать себе пропитание.

Осталась одна надежда – на милосердие православных христиан». Игумен Руфин отправляет монахов на сбор пожертвований, необходимых для пропитания братии.

В апреле 1922 года в Темниковском уезде была образована комиссия по изъятию церковных ценностей. К концу 1925 года Саровский монастырь решили закрыть.

Шла подготовка к ликвидации, а Саровский монастырь праздновал двадцать третью годовщину канонизации преподобного Серафима. В Саров приехало около 11 тысяч паломников из многих городов России.

В августе 1926 года арестовали игумена Руфина, отца Маркелина, отца Леонида, отца Иерофея, отца Макария. Монастырь обезглавили. В марте 1927 года было принято правительственное решение о ликвидации Саровского монастыря. Оставшиеся имущество и строения были переданы в ведение Нижегородского управления НКВД.

На базе бывшего Саровского монастыря в 1927 году была создана детская трудовая коммуна. Она просуществовала три года. В ноябре 1931 года трудовая коммуна в Сарове была закрыта. После детской колонии силами НКВД в поселке организуется исправительная трудовая колония для подростков и взрослых заключенных. Силами заключенных была запущена деревообрабатывающая фабрика, на которой изготавливали кузова для горьковских автомобилей. Как и монастырь, колония жила в автономном режиме.

Позже в поселке был построен специальный цех для производства коньков и санок. В ноябре 1938 года исправительную колонию ликвидировали.

Во время войны завод значительно расширился за счет станков эвакуированных предприятий, здесь были построены поточные линии по производству снарядов. В конце 1942 года на заводе началась подготовка к выпуску новой продукции – комплектов деталей к снарядам М13 для реактивных минометов «Катюша».

В 1946 году Саров избирается Ю. Б. Харитоном и И. В. Курчатовым для создания на его территории секретного объекта, целью которого было создание ядерного оружия. После 1946 года, из соображений секретности, Саров, или, как он тогда назывался, «Населенный пункт КБ-11», надолго исчезает со всех карт. Постоянно меняются его названия: КБ-11, Москва Центр-300, Кремлев, Арзамас-16. Силами ведущих ученых, техников и рабочих, возглавляемых Ю. Б. Харитоном и И. В. Курчатовым, секретный объект начинает активно функционировать.

ВОЗРОЖДЕНИЕ САРОВСКОЙ ОБИТЕЛИ

26 сентября 1989 года Саров посетил архиепископ Нижегородский и Арзамасский Николай. Он отслужил молебен с акафистом преподобному Серафиму в дальней пустыньке.

А в 1990 году в Сарове был организован первый православный приход.

2 августа 1991 года, в рамках празднования второго обретения мощей преподобного Серафима Саровского, город впервые посетил Патриарх Московский и всея Руси Алексей II.

В апреле 1992 года, по благословению митрополита Нижегородского и Арзамасского Николая, в Саров прибыл священник Владимир Алясов. Действующего храма в городе к тому времени не было. Из семи храмов монастыря три главных были взорваны в 1951–1953 годах. Остальные храмы перестроены: в Троицком храме с конца 40-х годов разместился театр, в Церкви Иоанна Крестителя – один из отделов ВНИИЭФ, в храме Всех Святых – магазин.

14 июня 1992 года, в День Святой Троицы, директором НИИЭФ В. А. Белугиным утвержден акт о передаче городскому православному приходу здания бывшей церкви Всех Святых, до недавнего времени хозяйственно-го магазина № 27. Летом и осенью 1992 года в храме велись восстановительные работы. Основные ремонтные работы были закончены к середине октября, и в праздник Покрова Пресвятой Богородицы в храме Всех Святых состоялись первые богослужения: всенощное бдение, молебен.

В феврале 1993 года митрополит Нижегородский и Арзамасский Николай освятил храм Всех Святых.

Летом 1999 года Церкви был возвращен монастырский храм Усекновения главы Иоанна Предтечи и колокольня. В том же году на колокольне были установлены колокола, выполненные по расчетам одной из лабораторий ВНИИЭФ.

В августе 2000 года на дальней пустыньке преподобного Серафима была воздвигнута и освящена часовня-алтарь с навесом для молящихся.

В ноябре 2002 года Церкви был возвращен храм преподобного Серафима, который, после полного восстановления, был освящен Святейшим Патриархом Алексием в дни празднования 100-летия прославления преподобного Серафима Саровского в лике святых (1 августа 2003 года).

17 июля 2006 года Священный Синод Русской Православной Церкви благословил возобновление Свято-Успенской Саровской пустыни. Первым наместником обители был назначен игумен Варнава (Баранов), впоследствии переведенный во Флорищеву пустынь.

30 июля того же года Святейший Патриарх Алексей освятил восстановленный храм Иоанна Предтечи.

В 2007–2009 годах наместником возрожденной обители был иеромонах Андроник (Могилатов). При нем была собрана небольшая братия – около десяти человек.

27 июля 2009 года наместником Саровской обители был назначен архимандрит Кирилл (Покровский).

ХРАМЫ И ДРУГИЕ СООРУЖЕНИЯ САРОВСКОЙ ОБИТЕЛИ

Успенский собор

Здание собора после закрытия монастыря в 1927 году просуществовало до 1951 года. В советское время этот памятник зодчества был взорван. В 1991 году на месте храма членами исторического объединения «Саровская пустынь» был установлен памятный камень, а в 2002 – крест с лампадой. В 2004 году началось восстановление часовни, построенной в конце XIX века над могилой преподобного Серафима.

Церковь Живоносного Источника

В 1953 году здание было разрушено. В наши дни на его месте установлены камень и поклонный крест с лампадой.

Церковь Зосимы и Савватия

После закрытия монастыря церковь была разрушена. В 1950-е годы на ее месте было построено трехэтажное здание.

Церковь Иоанна Предтечи

Эта церковь построена не на горе, как остальные саровские храмы, а под горой. Основанием храма служат своды, под которыми находился источник первоначальника Иоанна с чистой родниковой водой. Родник был сильный, вода в нем как бы кипела. Из источника вытекал ручей, бегущий в Сатис.

Первое здание, стоящее на источнике, было построено в 1752 году. В 1821–1826 годах церковь перестраивается на средства астраханского рыбопромышленника Федорова, получившего в Саровской пустыни исцеление от недугов. Строился храм в стиле зрелого классицизма. Стены были украшены росписями. Ныне храм полностью восстановлен.

Храм преподобного Серафима

Заложили эту постройку по проекту архитектора А. С. Каменского в 1897 году еще до канонизации Серафима Саровского. Первоначально собор строился в честь Пресвятой Троицы. Его возводили над кельей, где старец жил последние годы. Поэтому у храма было и другое название – «храм над кельей Серафима Саровского». Освящен он был в ходе саровских торжеств 1903 года, когда Серафим Саровский был причислен к лику святых. Это первый храм преподобного Серафима в России и в мире.

В храме был установлен простой иконостас. Келия преподобного Серафима, как дорогое сокровище, находилась внутри храма. Ее можно было обойти кругом и зайти внутрь. В ней хранились вещи преподобного. Со временем келью украсили росписью и сделали над ней главу с крестом. Она стала походить на часовню.

К храму Серафима Саровского примыкает здание монастырской трапезной, которую построили в 1828 году. Пологий купол большого

светлого зала трапезной украшен росписью на евангельскую тему о насыщении народа пятью хлебами.

Храм Всех Святых

Кладбищенскую церковь Всех Святых, предназначенную для отпевания монахов и паломников, выстроили в 1832–1834 годах в классическом стиле. Церковь с кладбищем была окружена арочной каменной оградой.

Уникальность церкви в том, что ее купол – единственное место, где сохранилась живопись монастырских времен. Роспись выполнена в классической манере и выдержана в монохромной серо-голубой гамме.

Первоначальные исследования показали, что роспись принадлежит арзамасской школе академика А. В. Ступина. Специалисты не знают аналогов этой росписи по сюжету и композиции ни в России, ни за ее пределами. Здесь изображен один из эпизодов Апокалипсиса – перед сидящим на престоле Вседержителем Агнец открывает книгу за семью печатями.

В советское время здание храма использовалось под ресторан, затем под хозяйственный магазин. В 1992 году храм был возвращен православной общине и вновь освящен.

Саровские пещеры

Это самое древнее сооружение в Сарове. Возникновение пещер с галереями, кельями и подземной церковью относится к самым ранним годам существования Саровского мона-

стыря. С благоговением и некоторым страхом богомольцы спускались в эти жилища первых поселенцев обители. При колеблющемся свете пучка свеч в руке монаха-проводника посетители осматривали подземные кельи отшельников, куда удалялись монахи, желавшие более строгого уединения. Келии напоминают затворы киевских пещер.

Подземная церковь во имя Киевско-Печерских чудотворцев Антония и Феодосия была устроена в 1709 году. Через некоторое время деревянный иконостас церкви из-за сырости пришел в негодность, и в 1730 году служба в ней прекратилась. В 1780 году для подземной церкви сделали металлический иконостас, и службы возобновились. Для проветривания из подземной церкви была выведена кирпичная труба, а над ней возведена часовня с главой и крестом. В настоящее время в пещерах идут восстановительные работы.

Колокольня

Колокольня Саровской обители совмещена со святыми воротами монастыря. Эта колокольня сохранилась до наших дней и является в полном смысле визитной карточкой города. Ее изображение есть и на гербе Сарова. Строилась колокольня с 1789 по 1799 год и в 1999 году отметила свое 200-летие. Колокольня строилась на пожертвования вкладчиков и по первоначальному проекту должна была быть пятиярусной. Но, видимо, при строительстве не хватило средств, и колокольня была вы-

полнена в четыре яруса. Ее высота – 81 метр. В праздничные дни посетителям монастыря разрешалось подняться на обзорные площадки колокольни. В хорошую погоду с них можно было увидеть колокольню и храмы Серафимо-Дивеевского женского монастыря.

Существует версия, что проект колокольни и всего западного фасада монастыря был сделан известным зодчим Карлом Ивановичем Бланком. Однако подтверждающих ее документов пока не найдено.

Первый ярус колокольни представляет собой высокий арочный проем, оформленный в виде триумфальной арки с пилястрами и фронтоном. Главный вход в монастырь был расписан живописными картинами на евангельские темы. Над главным входом находились помещения монастырской библиотеки. Она имела два фонда: обычный, где хранилось более 7000 томов; и фонд особо ценных раритетов, где хранились примерно 700 рукописей, в том числе летопись Саровского монастыря, написанная основателем пустыни, иеромонахом Иоанном.

Во втором ярусе колокольни размещалась церковь во имя святителя Николая, освященная в 1806 году.

СВЯТО-ТРОИЦКИЙ СЕРАФИМО-ДИВЕЕВСКИЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

В настоящее время мощи преподобного Серафима находятся в Свято-Троицком Серафимо-Дивеевском женском монастыре.

Основание Дивеевской обители было заложено в середине XVIII века. Согласно преданию, монастырь был основан по прямому указанию Богородицы.

Урожденная дворянка Нижегородской губернии Агафия Семеновна Белокопытова вышла замуж за полковника Мельгунова, богатого помещика, владевшего имениями в Ярославской, Владимирской и Рязанской губерниях. Но вскоре она овдовела, оставшись с младенцем-девочкою. Она решила оставить мир и посвятить себя иноческой жизни. Для этой цели она направилась в Киев – центр монашеского жития. И там остановилась во Флоровском женском монастыре.

Однажды, после полунощной молитвы, в тонком видении ей явилась Пресвятая Богородица, сказав: «Это – Я, Госпожа и Владычица твоя, Которой ты всегда молишься. Я пришла возвестить тебе волю Мою. Не здесь хочу Я, чтоб ты окончила жизнь свою. Но как Я раба Моего Антония вывела из Афонского Жребия Моего, святой горы Моей, чтоб он здесь, в Киеве, основал новый Жребий Мой,

Лавру Киево-Печерскую, так тебе ныне глаголю: изыди отсюда и иди в землю, которую Я покажу тебе. Иди на север России, и обходи все великорусские места святых обителей Моих. И будет место, где Я укажу тебе окончить богоугодную жизнь твою, и прославлю имя Мое там, ибо в месте жительства твоего Я осную великую обитель Мою. Иди же, раба Моя, в путь, и благодать Божия, и сила Моя, и благодать Моя, и милость Моя, и щедроты Мои – да будут с тобою!»

С благословения старцев Киево-Печерской Лавры, признавших видение истинным, Агафия Семеновна оставила Флоровский монастырь и пошла на север. Обходя многие места и монастыри, она направилась к Сарову. Это было около 1760 года.

За 12 верст от монастыря, в селе Дивеево Нижегородской губернии Ардатовского уезда, она села отдохнуть возле небольшой деревянной церкви, и в дремоте сподобилась вторичного видения Богоматери: «Вот здесь предел, который Божественным Промыслом положен тебе. Я осную здесь такую обитель Мою, равной которой не было, нет и не будет никогда во всем свете: это четвертый жребий Мой во вселенной. И благодать Всесвятого Духа Божия, и обилие всех благ земных с малыми трудами человеческими не оскудеют от этого места Моего возлюбленного!»

В Дивееве в то время от множества рабочих на открытых там заводах жить было неудобно, и по совету старцев она поселилась в двух

верстах от этого села, в деревне Осиновке, во флигеле вдовы Зевакиной. Здесь заболела ее девятилетняя дочь и скончалась. Приняв это как указание Божие посвятить себя всецело назначенному ей делу, Агафия Семеновна сначала отправилась в свои имения и распорядилась ими. Крестьян частью отпустила на волю, частью передала другим по избранию самих крепостных; имущество свое пожертвовала на построение храмов и другие добрые дела. И приблизительно к 1765 году возвратилась в Дивеево.

Здесь ее пригласил к себе жить священник о. Василий Дертев, впоследствии скончавшийся монахом Саровского монастыря с именем Варлаам. Агафия Семеновна на дворе его построила себе небольшую келью, и работала у о. Василия как простая служанка: чистила двор, ухаживала за скотиной, стирала белье. В таких сокровенных трудах она и прожила здесь двадцать лет.

В 1767 году Агафия Семеновна испросила у саровских старцев благословение, а у епархиального начальства разрешение на постройку нового каменного храма во имя Казанской иконы Божией Матери на месте прежней церкви святителя Николая. Постройка кончилась через 5 лет. Затем она съездила в Казань за точной копией с чудотворной иконы Богоматери и святыми мощами.

Постепенно вокруг Агафии Семеновны собралось несколько ревнительниц духовной жизни: девица из с. Вертьянова, круглая

сирота, крестница о. Василия Евдокия Мартинова, вдова Анастасия Кирилловна, Ульяна Григорьевна и Фекла Кондратьевна – все из ближних селений. В 1788 году местная помещица Жданова пожертвовала 1300 кв. сажен своей усадебной земли, на которой Мельгунова построила три кельи с общей оградой, где поселилась с послушницами. Община называлась Казанской, жили сестры по строгому Саровскому уставу.

Вскоре после этого Агафия Семеновна Мельгунова стала слабеть, хотя ей было всего лишь около 55 лет. За неделю или две до кончины она отправила послушниц в Саров с просьбою о постриге. Прибыл о. Исаия, и во время вечерни постриг ее в великий ангельский образ с наречением имени Александры. Хотя есть предание о том, что постриг Агафия Семеновна приняла раньше в Киеве.

В первой половине июня 1789 года, когда игумен Пахомий с казначеем о. Исаией и иеродиаконом Серафимом отправились на похороны благодетеля монастыря Соловцова, им пришлось проезжать через Дивеево. Мать Александра, совсем уже больная, упросила их особоровать ее перед смертью, что и исполнили старцы; при этом она просила о. Пахомия не оставлять своим душевным попечением и необходимую материальную помощью остающихся ее сирот. Отец настоятель обещал, но, ссылаясь на старость свою, указал на молодого иеродиакона Серафима как на преемника своего в деле попечения об уделе Божией Матери.

«Духовность его тебе известна, – говорил он умиравшей, – и он молод, ему и поручи это великое дело».

Преподобная Александра отошла ко Господу 13/26 июня 1789 года. Возвращавшиеся в обитель старцы заехали снова в Дивеево и отпели матушку Александру. В день ее похорон шел такой проливной дождь, что ни на ком не осталось сухой нитки, но преподобный Серафим, по своему целомудрию, не согласился даже обедать в обители и тотчас после погребения ушел пешком в Саров.

После кончины матушки Александры в общине остались три послушницы: Евдокия, Анастасия и Фекла. Они избрали между собою старшей Анастасию. В течение семилетнего заведования общиною она собрала 52 сестры. В числе их поступила вдова из г. Тулы Ксения Михайловна Кочеулова с малолетней дочерью Ириной. По смерти Анастасии она и сделалась начальницею общины. Это была маленькая, сухая на вид женщина, крайне сурового нрава.

Вследствие ее строгости сестры начали расходиться: из 52 послушниц через год осталось лишь 12. Но зато они уже оказались крепким фундаментом для будущей обители. Скоро к ним стали прибавляться новые ревнительницы спасения; и в 1825 году, когда о. Серафим вышел из затвора и мог уже вполне руководить общиною, в ней снова было 50 сестер. К концу же жизни его под управлением Кочеуловой было уже 47 келий и до 113 сестер. Такой строгий характер ее объяснялся не только природны-

ми ее свойствами, но и пользою общины: нужна была строгая дисциплина для монастыря, особенно в начале создания его.

И сам преподобный Серафим с похвалой отзывался о ней. Но и при всем том преподобный не вполне одобрял ее крайности. Например, он просил ее умерить строгость церковного устава, который она держала по Саровскому образцу. Но она решительно отказала в этом о. Серафиму, ссылаясь на правила, заведенные еще при о. Пахомии.

Недоволен был он и строгостью в пище у матери Ксении. Ксения Васильевна (мать Капитолина) рассказывала следующее: «У нас в трапезе была стряпухой строгая-престрогая сестра. Всем была хорошая сестра; да как еще-то было при матушке Ксении Михайловне в старой обители – а матушка-то Ксения Михайловна, не тем будь помянута, была очень скупенька – так строго заведено было, что по правде частенько сестры-то друг у друга хлебец тихонько брали. Вот и узнал это батюшка Серафим, да и потребовал ее к себе. Пришла она, и я в то время была у батюшки. Отец Серафим разгневался на нее, и так страшно, строго и грозно ей выговаривал, что страх и ужас охватил меня». Та ссылалась на приказы начальницы. А о. Серафим ей все свое: «Так что же что начальница! Не она моих сироточек-то кормит, а я их кормлю. Пусть начальница-то и говорит, а ты бы потихоньку давала да не запирала. Тем бы и спаслась! Нет, матушка, нет тебе моего прощения! Сиротам да хлеба не давать?»

Кочеулова управляла Казанскою общиною долго, сорок три года.

Наряду с этою Казанскою общиною всего лишь в 100-150 саженьях образовалась параллельная обитель, соответственно Серафимова, или Мельничная, которая и является детищем преподобного. История ее такова.

Однажды в саровском лесу было преподобному видение Царицы Небесной, давшей ему заповедь об основании в Дивееве особенной девичьей общины: «Когда в 1825 году 25 ноября (ст. ст.), на день святых угодников Божиих Климента, папы Римского, и Петра Александрийского, пробирался по обычаю сквозь чащу леса по берегу реки Саровки к своей дальней пустыньке, увидел он... Божию Матерь... а дальше и позади Нее на пригорке двух апостолов: Петра Верховного и апостола евангелиста Иоанна Богослова. И Божия Матерь, ударив землю жезлом так, что вскипел из земли источник фонтаном светлой воды, сказала ему: «Зачем ты хочешь оставить заповедь рабы Моей Агафии – монахини Александры?.. Потщись вполне исполнить ее, ибо по воле Моей она дала тебе оную. А Я укажу тебе другое место, тоже в селе Дивееве, и на нем устрой эту обетованную Мною обитель Мою». И велела Божия Матерь батюшке создать особую девичью общину, взяв с прежней общины восемь сестер, которых назвала по именам, а место указала на востоке Дивеева, против алтаря церкви Казанского явления Своего.

По мысли преподобного, это должна быть обитель специально для девушек, чтобы они всецело отдавались духовной жизни. Вдовы нередко вспоминают прошлое, а девы всецело предаются любви к Господу. А главное, замужние женщины, привыкшие к самостоятельной жизни, не так легко отдаются послушанию.

Отец Серафим руководил устройством обители из Сарова. Поэтому ему нужен был помощник, который непосредственно заведовал бы всем делом на месте. Таких помощников преподобный обрел в лице брата и сестры Мантуровых, Михаила Васильевича и Елены Васильевны.

Михаил Васильевич Мантуров был исцелен преподобным, и по его благословению принял самопроизвольную нищету, отдав свое состояние на устройство Дивеевской обители. Сестра его Елена Васильевна, после бывшего ей видения, дала обет стать монахиней. Но преподобный Серафим несколько лет отказывал ей в благословении на монашество. Лишь несколько лет спустя он благословил ее отправиться на испытание в Казанскую общину. Она была принята Ксенией Михайловной.

В непрестанной молитве Иисусовой и чтении книг провела она месяц. Вдруг зовет ее преподобный и объявляет ей, что теперь пора обручаться с Женихом. Зарыдала Елена Васильевна: «Не хочу я замуж!» Но о. Серафим объяснил ей, что Жених ее – Господь. И велел ей облачиться в черненую одежду иноческую. Дав ей правила жизни, особенно молча-

ния, он отпустил ее в общину. Именно Елену Васильевну наметил преподобный в начальницы новой – девичьей общины.

Вскоре местная помещица, генеральша Постникова, пожертвовала три десятины земли под Дивеевскую обитель. Преподобный Серафим был весьма обрадован этим даром; он говорил: «Видишь ли, матушка, как Сама Царица Небесная схлопотала нам землицы: вот тут мельницу-то мы и поставим».

Наступило 9 декабря 1826 года. «В зачатие матери Анны и я хочу зачать обитель», – сказал преподобный. Он сначала решил основать мельницу-питательницу для сирот. Для этого еще ранее был заготовлен им материал. И в назначенный день зачатия Анны и состоялась закладка ее. Весною стали строить, а 7 июля, накануне Казанской Божией Матери, она уже замолела. По прямому указанию Божией Матери о. Серафим из Казанской общины отобрал семь сестер.

Это были: Прасковья Степановна Шаблыгина, впоследствии монахиня Пелагия; Евдокия Ефремовна – монахиня Евпраксия; Ксения Ильинична Потехина – монахиня Клавдия; Ксения Павловна; Прасковья Ивановна – монахиня Серафима; Дарья Зиновьевна и Анна Алексеевна. А восьмою считалась начальница, Елена Васильевна Мантурова, хотя она продолжала жить в старой обители. Духовником их о. Серафим назначил о. Василия Садовского. Все сестры помещались в самой мельнице, и лишь в октябре построили себе одну келью,

в которую и перешли все. Но к трапезе ходили целый год в прежнюю обитель.

Скоро стали набираться к ним новые сестры по указанию батюшки: Прасковья Мелюкова, Ксения Васильевна Путкова – монахиня Капитолина, Анисья Семенова, Агафия Ивлева и Екатерина Егоровна. Из прежних вскоре скончалась Ксения Павловна; таким образом, с Еленой Мантуровой насчитывалось 12 сестер – по числу апостолов.

Отец Серафим с самого же начала определил им особый молитвенный устав. Он считал устав Саровского монастыря тяжелым для своей обители, способным навести дух уныния. Поэтому он назначил легкое правило, известное под именем Серафимова. Для трудящихся разрешалось читать его даже на ходу, но зато весь день за послушаниями сестры должны были стараться творить молитву Иисусову с добавлением после обеда «за молитвы Богородицы». Он не стал обязывать послушниц чтением долгих акафистов, чтобы этим не наложить лишней тяжести на немощных. При этом о. Серафим заповедал причащаться во все четыре поста и двенадцатые праздники, не смущаясь своим недостойнством. В отношении пищи он повелел вкушать, не стесняясь; даже позволял брать кусочек хлеба и под подушку, чтобы только не унывать.

Время шло. В новую общину все прибывали новые сестры. Теперь уже явилась потребность в собственном храме. Но прошло три года, пока начала осуществляться эта заветная

мысль. В пост 1829 года пришло наконец распоряжение о вводе во владение пожертвованной Постниковой землею. Батюшка приказал передать следующее: чтобы все сестры обошли подаренную землю по линии колышков, поставленных землемером. А по пути бросали бы в снег камешки: весною камешки эти обозначат дарственный участок. Сестры все сделали беспрекословно.

Весною же приказал опахать ее три раза по одной же борозде, по линии камешков. А когда земля просохла, то по благословению о. Серафима по той же линии вырыли знаменитую канавку в три аршина глубиной, и на вал посадили крыжовник.

Одновременно с рытьем канавки шла и постройка храма во имя Рождества Христова. Этим делом заведовал М. В. Мантуров: он продал все свое имущество и на эти деньги выстроил храм.

Дальнейший план постройки в обители о. Серафим начертал собственной рукою. Он хранился в келье игуменьи. При этом он предсказывал, что его обитель разрастется в великий монастырь: «Еще не было и нет примеров, чтобы были женские лавры, а у меня, убогого Серафима, будет в Дивееве лавра».

К 1829 году был готов храм Рождества, а на Преображение и освящен. После этого батюшка благословил под ним устроить нижнюю церковь в честь Рождества Божией Матери. Постройка нижнего храма Рождества Богородицы закончилась ле-

том 1830 года, и в самый день Ее праздника, 8 сентября, он был освящен. После этого о. Серафим начал заботиться о создании будущего великого собора.

Для этого он приобрел при посредстве Елены Васильевны Мантуровой часть земли за 300 рублей у помещика Жданова, недалеко от Казанской церкви. Купчая была оформлена уже после смерти Елены Васильевны и передана брату, Михаилу Васильевичу Мантурову.

Преподобный Серафим чрезмерно обрадовался этому приобретению, сказав одной из дивеевских сестер: «Какая великая радость-то будет! Среди лета запоют Пасху, радость моя! Приедет к нам царь и вся фамилия!»

М. В. Мантуров в это время, после постройки храма, был приглашен генералом Куприяновым управлять его симбирским имением. Преподобный отпустил своего служку. Божия Матерь вместо него прислала другого верного помощника – Николая Александровича Мотовилова, также обратившегося к преподобному за исцелением.

Между тем, за эти годы отошли ко Господу ближайшие послушницы преподобного – схимонахиня Марфа, и Елена Васильевна. Приходило время и к концу самого преподобного Серафима.

К исходу жития о. Серафима в его девичьей киновии было уже 73 сестры. Во главе их стояла Прасковья Степановна Шаблыгина, а в Казанской общине продолжала управлять всем Ксения Михайловна Кочеулова.

Преподобный, предупреждая о своем конце сирот дивеевских, неоднократно говорил им: «Искал я вам матери, искал и не мог найти. После меня никто вам не заменит меня. Оставляю вас Господу и Пречистой Его Матери!»

Духовное окормление преподобный завещал о. Василию Садовскому. Второе лицо, коему доверил заботы о Дивееве, был Николай Александрович Мотовилов. Ему была поручена другая задача – материальная и юридическая помощь обители. А третьим лицом был преданный служка о. Серафима Михаил Васильевич Мантуров. Он был по преимуществу практическим исполнителем заветов батюшки по постройке монастыря. Вот этим трем людям и поручил свое детище о. Серафим.

Вскоре после кончины о. Серафима начались нестроения в Дивеевской обители в связи с саровским послушником Иваном Тихоновичем Толстошеевым (в монашестве Иоасафом), который возомнил себя заместителем батюшки и стал вторгаться в жизнь Дивеева. В 1842 году обе обители были соединены. Завет о. Серафима был забыт. От этого произошло потом много скорбей и великая смута, которая не только втянула в себя сестер, но и архиереев, а потом и Синод, и даже царский дом.

В 1848 году, 5 июня, после большой борьбы между защитниками воли батюшки и о. Иоасафом с почитателями его, совершилась все же закладка собора, предначинанного

о. Серафимом, и именно на указанном им месте. А в 1851 году начальницей была назначена Екатерина Васильевна Лодыженская, девица из дворян Пензенской губернии. Около же этого времени, 27 декабря 1844 года, в Дивеевский монастырь поступила молодая 25-летняя помещица Тульской губернии Елизавета Алексеевна Ушакова.

При поступлении в должность настоятельницы матушки Екатерины в обители было уже 390 сестер. При ней на место казначеи и была назначена Ушакова. В 1859 году настоятельница Лодыженская, измученная внутренними неурядицами, решила покинуть Дивеево и уехать обратно в Пензу. Елизавета Алексеевна Ушакова оказалась преемницей ее.

При ней разразился самый грозный момент бури в Дивееве, дошедший даже до того, что епископа Нектария Нижегородского ударили по лицу. Но епископ Нектарий продолжал делать по-своему. Ушакова была отстранена от начальствования; на ее место по жребию была поставлена архиереем послушница Гликерия Занятова, сторонница о. Иоасафа.

Попечитель монастыря Н. А. Мотовилов не успокоился: исполняя завет преподобного Серафима, он отправился в Москву к митрополиту Филарету, коему все и изложил в Сергиевой Лавре через наместника архимандрита Антония. Благодаря вмешательству митрополита Филарета была назначена строгая ревизия.

В результате ее о. Иоасаф (Толстошеев) был совершенно отстранен от участия в обите-

ли; возвращена была начальницею Елизавета Алексеевна Ушакова, постриженная с именем Марии. А Дивеево было изъято из ведения Нижегородского архиерея и передано в управление Тамбовского епископа, каковым тогда был великий подвижник – епископ Феофан, впоследствии затворник Вышенский.

Жизнь Дивеева стала расцветать. Было окончено строительство собора. По благословению преосвященного Иеремии, собор был освящен в честь Пресвятой Троицы. Впоследствии, в 1880 году, был освящен правый придел храма в честь Умиления Божией Матери, а левый был оставлен до открытия мощей преподобного Серафима. В храме потом сами сестры монастыря расписали иконостас и стены.

К 90-м годам XIX века в обители собралось около 900 сестер. В Дивееве было более 30 корпусов для сестер и потребностей обители: трапезный, свечной, портновский, богадельня, больница, училище, живописный, стекольный, погребной, огородный, садовый, малярный и пр. За оградой – две гостиницы, конный двор, пять домов для священников.

Игуменья Мария (Ушакова) управляла обителью 42 года. Скончалась она 6/19 августа 1904 года. По ее завещанию и по единодушному выбору сестер ее преемницей стала казначея, монахиня Александра (Траковская).

Игуменья Александра была строгая и требовала от сестер точного исполнения монастырского устава. При ней был построен

Преображенский собор. В то время в Дивеево и в Саров приезжало множество паломников.

После революции земля и имущество монастыря были конфискованы. В 1919 году монастырь был преобразован в артель. В этом состоянии обитель просуществовала до 1927 года.

7/20 сентября 1927 года игуменья Александра и проживавшие в обители на покое епископ Серафим (Звездинский) и архиепископ Зиновий (Дроздов) были арестованы и отправлены в Нижний Новгород. Монастырь был закрыт.

После освобождения игуменья с сестрами, спасшими монастырские святыни, поселилась в Муроме, где они и проживали до конца своих дней.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ДИВЕЕВСКОЙ ОБИТЕЛИ

В октябре 1989 года православной общине был передан Троицкий собор. Он был вновь освящен в апреле 1990 года.

21 июля 1991 года Священный Синод принял решение о возобновлении Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского женского монастыря. 29 июля того же года в Дивеево были торжественно перенесены мощи преподобного Серафима Саровского.

17 ноября 1991 года митрополит Нижегородский и Арзамасский Николай (Кутепов) посвятил в сан игуменьи монасты-

ря монахиню Сергию (Конкову), до этого исполнявшую послушание благочинной в Спасо-Преображенской пустыни Рижского монастыря.

В 1992 году Дивеевской обители были возвращены Казанская и Рождественская церкви.

В 2000 году состоялось прославление в лике местночтимых святых Нижегородской епархии схимонахини Александры (Мельгуновой), схимонахини Марфы (Мелюковой) и монахини Елены (Мантуровой).

Важными событиями в жизни монастыря явились торжества 100-летия канонизации и 250-летия со дня рождения преподобного Серафима Саровского, торжественно отмеченные всеми православными христианами соответственно в 2003 и 2004 годах.

Важными событиями торжеств 2004 года, посвященных 250-летию со дня рождения преподобного Серафима, стали освящение главного престола восстановленного Казанского храма, и прославление в лике святых Нижегородской епархии блаженных старец Пелагии, Параскевы и Марии Дивеевских. К празднику были завершены работы на последнем тридцатиметровом отрезке Богородичной Канавки. В конце Канавки, на месте, где по указанию Божией Матери в 1827 году возвели мельницу для девичьей общины, была построена и освящена деревянная часовня. В 2004 году в основном завершилось благоустройство территории центральной части обители.

СВЯТЫНИ**ДИВЕЕВСКОЙ ОБИТЕЛИ**

Главной святыней Дивеевской обители являются мощи преподобного Серафима, почивающие в Троицком соборе монастыря. В алтаре этого храма сохраняются личные вещи преподобного: его крест, епитрахиль, кожаные рукавицы, бахилы, чуток и мотыга.

Еще одна святыня – копия иконы Божией Матери Умиления, ныне пребывающая в Троицком соборе.

Святынями Дивеевской обители являются также мощи преподобных жен и блаженных Дивеевских.

ПРЕПОДОБНЫЕ ЖЕНЫ ДИВЕЕВСКИЕ***Преподобная Александра***

Преподобная Александра (в миру Агафия Семеновна Мельгунова) происходила из Рязани, из древнего дворянского рода. Она рано овдовела и осталась с малолетней дочерью на руках. Она решила посвятить свою жизнь Богу. В Киеве Царица Небесная возвестила матери Александре, что ей предстоит стать основательницей новой великой обители.

На пути в Саровский монастырь, в селе Дивеево, Пресвятая Владычица указала ей это место как Свой Четвертый Удел на земле. По совету саровских старцев мать Александра поселилась близ Дивеева, в деревне Осиновка. После смерти единственной дочери и распро-

дажи своих имений она окончательно переселилась в Дивеево около 1765 года.

Средства от продажи имений преподобная Александра употребила на строительство церквей и на дела благотворения. Преподобный Серафим говорил, что саровский Успенский собор достроен на средства матушки Александры. Также на ее средства была выстроена каменная церковь в честь Казанской иконы Божией Матери в Дивеево.

Матушка выстроила себе келью у дома Дивеевского священника о. Василия Дертева и прожила в ней 20 лет, совершенно забыв свое происхождение и воспитание. По своему смирению она исполняла самые трудные и черные работы: очищала хлев, ухаживала за скотиной, стирала белье; творила много тайной милостыни. Преподобный Серафим так говорил о ней: «Ведь она великая жена, святая, смирение ее было неисповедимо, слез источник непрестанный, молитва к Богу чистейшая, любовь ко всем нелицемерная! Одежду носила самую простую, и то многошвейную, и опоясывалась кушачком с узелком... Из глаз ее текли не слезы, а источники слез, точно она сама соделывалась благодатным источником этих слез!»

Современники матушки Александры вспоминали, что она была образована, как редко бывает образован и мужчина, воспитана; лучше всех в округе знала церковные уставы, так что к ней часто обращались за помощью. За свою благодетельную жизнь она пользовалась уважением духовенства и мирян, богатых и бедных.

В 1788 году матушка Александра по благословению саровских старцев и с разрешения епархиального начальства построила около новой Казанской церкви три кельи, куда стали собираться сестры, решившие посвятить свою жизнь Богу.

Созданной в конце жизни маленькой общиной, которая должна была вырасти в великую обитель, матушка управляла в духе кротости, во всем следуя наставлениям саровских старцев и исполняя все строгости саровского устава. Умерла она 13/26 июня 1789 года, через несколько дней после пострига в великую схиму, в возрасте не более 60-ти лет. Отслужив литургию и отпевание соборно, саровские старцы Пахомий, Исаия и иеродиакон Серафим похоронили первоначальницу Дивеевской общины напротив алтаря Казанской церкви.

В 2000 году были обретены мощи преподобной Александры, а сама она прославлена в лике местночтимых святых. Ныне мощи преподобной почивают в храме Рождества Богородицы.

Преподобная Марфа

Преподобная Марфа – в миру – Мария Семеновна Милюкова, в тринадцать лет в первый раз пришла к батюшке Серафиму со старшей сестрой, и он благословил ей остаться жить в Казанской общине. В обители прожила всего 6 лет. Ангелоподобное дитя Божие, она с ранних лет по суровости подвигов, послушанию, чистоте и целомудрию превосходила взрослых сестер. Преподобная Марфа была

почти молчальница и непрестанно молилась. Ее послушание батюшке Серафиму было удивительно. Однажды сестра спросила матушку Марфу об одном саровском монахе. Она и говорит: «А какие они? На батюшку, что ли, похожи?» Сестра удивилась: «Ты бываешь часто в Сарове и не знаешь, как выглядят монахи?» – «Нет, батюшка Серафим приказал никогда по сторонам не глядеть, и я так платок повязываю, чтобы только видеть у себя под ногами дорогу».

Преподобный Серафим исключительно любил ее, посвящая во все духовные тайны и откровения Царицы Небесной о будущей славе обители. Она удостоилась присутствовать при молении преподобного о создании, по повелению Божией Матери, новой Мельничной обители. Скончалась преподобная Марфа 19-ти лет, и о ее кончине о. Серафим говорил: «Когда в Дивееве строили церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы, то девушки сами носили камушки, кто по два, кто по три; а она-то, матушка, наберет пять или шесть камешков-то, и с молитвой на устах, молча возносила свой горящий дух ко Господу! Скоро с больным животиком и преставилась Богу!»

Она была тайно пострижена Батюшкой в схиму – высшую степень монашества. Схимонахиня Марфа была похоронена в гробу, собственноручно выдолбленном преподобным, в одежде, которую он ей дал.

19-летняя подвижница схимонахиня Марфа, по словам преподобного Серафима, сподоби-

лась особой милости от Господа и «в Царствии Небесном у Престола Божия, близ Царицы Небесной со святыми девами предстоит», как начальница над Дивеевскими сиротами в Царствии Небесном.

В 2000 году схимонахиня Марфа была прославлена в лике местночтимых святых Нижегородской епархии. Святые мощи ее обретены 14/27 сентября 2000 года. Мощи преподобной Марфы почивают в храме Рождества Богородицы.

Преподобная Елена

Преподобная Елена (в миру Елена Васильевна Мантурова). В 17 лет дворянка, стремившаяся к светской жизни, чудным образом была обращена к духовной жизни через видение страшного змия, собиравшегося поглотить ее. Она закричала: «Царица Небесная, спаси! Даю Тебе клятву – никогда не выходить замуж и уйти в монастырь!» Змий тут же исчез. После этого случая Елена Васильевна изменилась, стала читать духовные книги, много молиться. Она жаждала скорее уйти в монастырь, страшись гнева Царицы Небесной за неисполнение данного ею обета. Но только через три года преподобный Серафим благословил Елену Васильевну поступить в дивеевскую Казанскую общинку, все это время испытывая ее. «Не монастырь путь твой, – говорил батюшка, – ты замуж выйдешь, и жених у тебя будет преблагочестивейший...» Только потом Елена Васильевна поняла, о каком женихе говорил

батюшка Серафим: он имел в виду Небесного Жениха – самого Господа Иисуса Христа.

Хотя Елена Васильевна до конца своих дней жила в Казанской общине, мельничным сестрам преподобный Серафим говорил о ней: «Госпожа ваша! Начальница!» Но это так смущало юную подвижницу, что она повторяла: «Всегда и во всем слушалась я вас, но в этом не могу! Лучше прикажите мне умереть у ног ваших...» Елена Васильевна наравне с другими сестрами трудилась на послушаниях и, кроме того, как «словесная», по выражению батюшки, исполняла многие трудные поручения. Необыкновенно добрая от природы, она много помогала сестрам втайне. По заповеди, данной ей преподобным, она больше молчала и постоянно молилась.

Со времени освящения храмов, пристроенных к Казанской церкви (Рождества Христова и Рождества Богородицы), преподобный Серафим назначил Елену Васильевну церковницей и ризницей. Для этого она была пострижена в рясофор.

Однажды ее брат Михаил, также верный ученик преподобного, тяжело заболел, и батюшка сказал монахине Елене: «Умереть надо ему, матушка, а он мне еще нужен для обители-то нашей. Так вот и послушание тебе: умри ты за Михаила-то Васильевича!» – «Благословите, батюшка», – смиренно ответила она. После этого батюшка Серафим долго беседовал с ней. «Батюшка, я боюсь смерти», – призналась Елена Васильевна. «Что нам с тобой бояться

смерти, радость моя! Для нас с тобой будет лишь вечная радость». Как только она шагнула за порог батюшкиной кельи, тут же и упала... Батюшка привел ее в чувство, но, вернувшись домой, она слегла в постель со словами: «Теперь я уже более не встану!»

Перед кончиной Елена Васильевна сподобилась многих чудесных видений. Царица Небесная показала ей обители Небесного Дивеева. Через несколько дней болезни она мирно скончалась накануне дня Святой Троицы. Елена Васильевна была похоронена рядом с первоначальницей, матушкой Александрой.

В 2000 году преподобная Елена была прославлена в лике местночтимых святых Нижегородской епархии. Святые мощи преподобной Елены обретены 14/27 сентября 2000 года, в праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня. Мощи преподобной Елены почивают в храме Рождества Богородицы.

ДИВЕЕВСКИЕ БЛАЖЕННЫЕ

Блаженная Пелагия Ивановна

Блаженная Пелагия Ивановна родилась в 1809 году в Арзамасе, росла в доме сурового отчима. По рассказам матери, она с детства отличалась странностями, и мать поскорее постаралась выдать замуж «дурочку». Два сына и дочь Пелагии Ивановны умерли в мла-

денчестве. Когда молодые супруги побывали у преподобного Серафима в Сарове, он долго беседовал с Пелагией, дал ей четки и сказал: «Иди, матушка, немедля в мою обитель, побереги моих сирот-то, и будешь ты свет миру». После этого она с каждым днем как будто все более стала терять рассудок: стала бегать по улицам Арзамаса, безобразно крича, а ночью молилась на паперти церкви. Муж не понимал ее подвига, бил ее и издевался, приковывал на цепь. Однажды по его просьбе городничий жестоко наказал Пелагию Ивановну; мать рассказывала: «Ключьями висело ее тело, кровь залила всю комнату, а она хотя бы охнула». После этого городничий увидел во сне котел со страшным огнем, уготованный для него за истязание избранной рабы Христовой.

После многих лет ее страданий родственники наконец отпустили блаженную в Дивеево. Здесь она в первое время продолжала безумствовать: бегала по монастырю, бросала камни, била окна в кельях, вызывала всех на оскорбления себя и побои. Становилась ногами на гвозди, прокалывая их насквозь, и всячески истязала свое тело. Питалась только хлебом и водой. Много лет, до старости, ходила она «на свою работу» – кидала кирпичи в яму с грязной водой. Все перекидает, потом лезет вытаскивать и снова кидает.

Во время смуты в обители блаженная по своему воевала за правду – что ни попадалось под руку, все била да колотила, и даже, обличив архиерея, ударила его по щеке. После оконча-

ния смуты блаженная переменялась, полюбила цветы и стала заниматься ими. Игуменья Мария ничего не предпринимала без ее совета. Всех в обители Пелагия Ивановна называла своими дочками и всем была истинной духовной матерью. Сохранилось много рассказов о случаях ее прозорливости. Прожив 45 лет в обители, блаженная скончалась 30 января/11 февраля 1884 года. Девять дней ее тело стояло в душном храме без малейшего изменения при большом стечении народа. Хотя была зима, она с головы до ног была осыпана живыми цветами, которые непрестанно разбирались и заменялись новыми.

31 июля 2004 года блаженная старица Пелагия Дивеевская была прославлена в лике местночтимых святых Нижегородской епархии. В октябре 2004 года Архиерейским Собором было принято решение о ее общецерковном почитании. Святые мощи блаженной Пелагии, обретенные в сентябре 2004 года, положены для поклонения в Казанскую церковь Серафимо-Дивеевского монастыря.

Блаженная Прасковья Ивановна

За год до кончины Пелагии Ивановны в обители поселилась блаженная Паша Саровская. В миру она носила имя Ирина Ивановна. Родилась в начале XIX века в с. Никольском Спасского уезда Тамбовской губернии в семье крепостного крестьянина.

После смерти мужа Ирину взяли в помещичий дом кухаркой, потом экономкой. Вскоре

прислуга оклеветала ее перед господами в краже, и они отдали ее на истязание солдатам. Не выдержав несправедливости, Ирина ушла в Киев, где прозорливые старцы благословили ее на путь юродства и тайно постригли в схиму с именем Параскевы, после чего она стала называть себя Пашей.

Через полтора года по заявлению помещика полиция разыскала ее и отправила по этапу к господам. Через год она снова бежала, и снова по розыску ее возвратили обратно. Однако помещики ее уже не приняли и с гневом выгнали на улицу.

30 лет блаженная прожила в саровском лесу в пещерах. Рассказывали, что вид ее в те годы был как у Марии Египетской: худая, высокая, почерневшая от солнца, она наводила страх на всех, не знавших ее. Видя ее подвижническую жизнь, люди стали обращаться к ней за советами и молитвой, и замечали, что она не лишена дара прозорливости.

Поселилась Прасковья Ивановна в Дивееве в 1884 году, сначала у клиросных, потом в домике у монастырских ворот. Она стала очень чистоплотной и полюбила порядок. Одевалась, как дитя, в яркие сарафаны. Своеобразно у нее проявлялась любовь к Царице Небесной и святым: то начинала угощать иконы, то украшала их цветами, ласково разговаривая с ними. Если упрекала людей за проступки, говорила: «Зачем обижаешь Маменьку!», то есть Царицу Небесную.

Всю ночь до утра она молилась. После обедни работала: вязала чулки или жала серпом

траву, – под видом этих занятий творила непрестанно Иисусову молитву и клала поклоны Христу и Богородице. С утра до вечера блаженная принимала приходивших к ней людей, кого-то обличая в тайных грехах, кому-то в точности предсказывая будущее. В 1903 году, после торжеств прославления преподобного Серафима, государь Николай II посетил Дивеево и был с государыней в келье у Паши Саровской.

Скончалась блаженная Прасковья Ивановна 24 сентября/5 октября 1915 года, в возрасте около 120 лет. 31 июля 2004 года блаженная старица была причислена к лику местночтимых святых, а в октябре 2004 года было благословлено ее общецерковное почитание. Домик-келья, где она жила, в 2004 году передан монастырю; ныне в нем находится музей блаженной Паши и истории Дивеевской обители. Святые мощи блаженной почивают в Казанской церкви.

Блаженная Мария Ивановна

Мария Захаровна Федина была родом из Тамбовской губернии. Родилась она около 1870 года. Впоследствии она называла себя Ивановной, и когда ее спрашивали почему, то отвечала: «Мы все, блаженные, Ивановны по Иоанну Предтече».

Тринадцати лет она осиротела. Однажды с попутчицами Мария пошла в Саров, да так и осталась странствовать между Саровом, Дивеевым и Ардатом. В любую погоду она ходила босиком, во всем рваном и грязном, ис-

кусанная собаками. За то, что она, как бы ругаясь, обличала людей в тайных грехах, многие ее не любили и не раз избивали. При этом никто никогда не слышал от нее жалоб на свою жизнь и на людскую несправедливость, и уже в молодости стали замечать в ней дар прозорливости.

Мария Ивановна приходила советоваться к дивеевской блаженной Прасковье Ивановне, которая перед своей кончиной говорила: «Я еще сижу за станом, а другая уже спует, она еще ходит, а потом сядет». А Марии Ивановне, благословив ее остаться в монастыре, сказала: «Только в мое кресло не садись».

В день смерти Прасковьи Ивановны, 22 сентября/5 октября 1915 года, монахини прогнали Марию Ивановну из обители за ее странности. Она молча ушла, а вскоре приехал один крестьянин и говорит: «Какую рабу Божию прогнали вы из монастыря! Она мне сейчас всю мою жизнь сказала и все мои грехи. Верните ее в монастырь, иначе потеряете навсегда».

Тотчас за Марией Ивановной послали, и с тех пор она окончательно поселилась в Дивееве. Блаженная с удивительным терпением переносила многие тяжкие болезни. Из-за сильнейшего ревматизма она вскоре перестала ходить.

После 1917 года блаженная часто ругалась, и притом очень грубо. Сестры не выдерживали и спрашивали: «Мария Ивановна, что ты так ругаешься? Мамашенька (Прасковья Ивановна) так не ругалась». Она отвечала:

«Хорошо было ей блажить при Николае. А ты поблажи-ка при советской власти!»

Свой духовный подвиг блаженная Мария Ивановна несла в страшные годы революционных переворотов, войны, голода и коллективизации. В 1920-е годы со всех концов России люди тянулись к ней за советом и духовной поддержкой. Представители советской власти увидели опасность «пропаганды» и пригрозили игумении арестом их обеих, если хоть один человек появится у блаженной.

Марию Ивановну перевели в богадельню рядом со святой Канавкой, где она под замком жила до закрытия монастыря; обращаться к ней можно было только тайно через записки.

Многим дивеевским сестрам она предсказала и лагеря, и ссылки, а когда одна из сестер как-то сказала: «Не будет монастыря!» – «Будет! Будет! Будет!» – и блаженная застучала изо всех сил по столу.

После закрытия монастыря Марию Ивановну перевозили из одного села в другое. В 1931 году ее подвергли аресту, но вскоре отпустили. Умерла она во время страшной грозы 26 августа/8 сентября 1931 года, и была похоронена на кладбище села Большое Череватово.

31 июля 2004 года блаженная старица Мария Дивеевская была прославлена в лике местночтимых святых Нижегородской епархии, а с октября 2004 года началось ее общецерковное почитание. Ее святые мощи были обреты 14 сентября 2004 года и ныне почивают в Казанской церкви Серафимо-Дивеевского монастыря.

ХРАМЫ И ДРУГИЕ СООРУЖЕНИЯ ДИВЕЕВСКОЙ ОБИТЕЛИ

Казанская церковь

Строительство Казанской церкви началось в 1773 году. Первоначальница обители матушка Александра сама участвовала не только в распоряжениях, но и во всех работах. Камень добывали неподалеку, на берегу речки Вичкинзы. По сооружении храма, в 1779 году, матушка Александра привезла из Казани точный список с чудотворной и явленной иконы Казанской Божией Матери, из Киева – частицы святых мощей, из Москвы – колокол в 76,5 пудов и необходимую церковную утварь. В начале 1780 года саровский строитель Пахомий освятил церковь. В новом храме левый придел был освящен в честь святителя Николая. А правый – в честь первомученика архидиакона Стефана.

Первоначально Казанская церковь была приходской, однако преподобный Серафим Саровский запрещал сестрам обители называть ее приходской, говоря, что со временем это будет теплый монастырский собор со множеством пристроек и приделов, наподобие Иерусалимского храма.

Относительно Казанской церкви преподобный Серафим говорил: «Казанская церковь, радость моя, такой будет храм, какого и нет подобного! При светопреставлении вся земля сгорит, радость моя, и ничего не останется. Только три церкви со всего света будут взяты целиком неразрушенными на небо: одна-то в

Киевской Лавре, другая... (сестрами забылось), а третья-то ваша Казанская, матушка. Вот, какая она Казанская-то церковь у вас! Все место, освященное подвигами матушки Александры и прочих, взойдет в этот храм, а теперешняя-то церковь останется лишь как бы ядрышком».

При советской власти, в 1940 году, храм был закрыт, купол и колокольня были разрушены, долгое время в церкви размещался склад.

После возрождения Дивеевской обители, в 1992 году, Казанская церковь была передана монастырю. Весной 2003 года приступили к ремонту храма и восстановлению колокольни и купола. 31 октября 2003 года состоялось торжественное водружение креста на вновь построенную колокольню, а 24 декабря – на купол Казанской церкви. Были отреставрированы сохранившиеся росписи храма, а также созданы новые композиции, отражающие события истории Дивеевской обители. 31 июля 2004 года, накануне дня 250-летия со дня рождения преподобного Серафима, состоялось торжественное освящение главного престола восстановленной Казанской церкви. 8 сентября преосвященный Георгий, епископ Нижегородский и Арзамасский, освятил правый придел во имя первомученика и архидиакона Стефана, а 17 октября – левый придел во имя святителя и чудотворца Николая.

Храм Рождества Христова

Храм Рождества Христова был пристроен ко входу в храм Казанской иконы Божией

Матери так, что алтарь Рождественской церкви оказался на месте паперти Казанской. «Паперть эта достойна алтаря, ведь матушка Агафья Семеновна, стоя на молитве, всю токами слез своего смирения омыла ее», – говорил преподобный Серафим.

Строителем Рождественских церквей с благословения батюшки Серафима был Михаил Васильевич Мантуров. За год, к лету 1829 года, церковь была в основном построена. Преподобный Серафим пожелал, чтобы эта церковь была непременно освящена в день Преображения Господня; и сказал, что если она не будет освящена в это лето, то останется неосвященной до следующего праздника, ибо так угодно Господу.

Наскоро были привезены два местных образа из соседнего села, так как иконостаса еще не было. Трудно было сочетать три службы: Рождеству Христову, Преображению и освящению храма, но батюшка Серафим поручил это опытному уставщику архимандриту Иоакиму из Нижнего Новгорода, который специально составил службу и освятил храм именно 6/19 августа, на праздник Преображения Господня.

По заповеди преподобного, в храме Рождества Христова перед образом Спасителя горела и с 1992 года вновь зажжена неугасимая свеча. В алтаре сохранилась старинная фреска, изображающая Спасителя в окружении Ангелов. Повторно храм был освящен в 1993 году.

Храм Рождества Богородицы

Вскоре после освящения храма Рождества Христова преподобный Серафим призвал к себе Михаила Васильевича Мантурова и встретил его словами: «Худо мы, батюшка, с тобой сделали; ведь мы храм-то во имя Рождества Спасителя выстроили, а во имя Богородицы церкви-то у нас с тобой и нет! А Царица-то Небесная, батюшка, прогневалась на меня, убогого Серафима, и говорит: «Сына Моего почтил, а Меня позабыл!» Так вот что и удумал я, батюшка, нельзя ли внизу-то нам с тобою под церковью еще церковь сделать? Схлопочи-ка, батюшка, и будут у нас две церкви с тобою...»

Преподобный дал нитку для мерки, и Михаил Васильевич принялся за работу. Пришлось подкопать землю, подкоп пришелся как раз по мерке. Так как свод потолка был очень полог и низок, необходимо было поставить четыре каменных столба, чтобы он смог держаться. Когда же Михаил Васильевич доложил об этом батюшке, отец Серафим преисполнился неизреченной радостью и в духовном восторге воскликнул: «Во-во, радость моя! Четыре столба – четверо мощей... Четыре столба – ведь это значит четверо мощей у нас тут почивать будут! И это усыпальница мощей будет у нас, батюшка! Вот, радость-то нам какая!»

Церковь была освящена 8/21 сентября 1830 года, в праздник Рождества Пресвятой Богородицы, и являлась вторым храмом Мельничной обители. Повторно церковь освящена 21 октября 1992 года.

В 1991 году, после многолетнего перерыва, опять зажглась неугасимая лампада, и с этого времени день и ночь сестрами читается неусыпаемая Псалтирь.

Троицкий собор

После постройки Рождественских церквей преподобный Серафим поручил Елене Васильевне Мантуровой купить участок земли недалеко от Казанской церкви. Брату ее, Михаилу Васильевичу, батюшка завещал хранить эту землю, несмотря ни на какие обстоятельства. Она была предназначена для постройки пятиглавого собора, о котором преподобный восклицал: «Собор-то какой у нас будет! Диво!.. Куда лучше Саровского и будут они нам завидовать!»

Впоследствии Михаилу Васильевичу пришлось вести борьбу с саровским послушником Иваном Тихоновичем Толстошеевым, желавшим заложить собор по своему усмотрению. 5/18 июня 1848 года все же состоялась закладка на месте, указанном преподобным Серафимом.

Строительство собора почти не велось до 1865 года, пока игуменья Мария не смогла привести в порядок хозяйство монастыря. Из-за смуты деньги, пожертвованные на собор, в обитель не попали, и постройку продолжили на малые средства. Неподалеку устроили завод на монастырской земле и стали делать свой кирпич.

Первоначально предполагалось освятить собор в честь иконы «Умиление» Божией Матери, но Нижегородский епископ Иоан-

никий определил его во славу Живоначальной Троицы. Что на это было изволение Божие, подтвердилось особым знамением, когда при воздвижении креста в 1874 году на виду всех присутствующих над крестом в вышине вились три белых голубя, а ниже три журавля описывали равномерные круги.

Немало чудес являлось в строящемся соборе. Зимой он был заколочен, но внутри слышались звуки непрекращающейся работы. Временами, вечером или ночью, видели над собором необыкновенный свет. А в 1875 году преосвященный Иоанникий неожиданно для обители решил освятить собор лишь с тремя необходимыми иконами.

День освящения совпал с праздником иконы «Умиление» Серафимо-Дивеевской – 28 июля/10 августа. В честь этой иконы был освящен в 1880 году 2/15 июня правый нижний придел. 3/16 июня 1884 года освятили справа, на хорах, престол во имя иконы Божией Матери Владимирской-Оранской, а на следующий день – левый придел на хорах в честь Третьего обретения главы Иоанна Предтечи. Левый нижний придел игуменья Мария оставляла неосвященным в течение 28-ти лет, с верой ожидая прославления батюшки Серафима. 22 июля/4 августа 1903 года, сразу после прославления преподобного, придел был освящен.

Автором проекта собора был архитектор А. И. Резанов, ученик академика К. Д. Тона, завершавший строительство храма Христа

Спасителя в Москве после кончины учителя. Вероятно поэтому, нельзя не заметить сходства Троицкого собора с московским храмом.

Долгие годы продолжалась внутренняя отделка собора. Стены были украшены замечательными живописными полотнами на темы Ветхого и Нового Завета работы дивеевских сестер. Убранство собора поражало изяществом и вкусом. В алтаре за престолом было установлено большое Распятие на фоне живописной картины. Изображение Спасителя, приносящего Себя в жертву за грехи мира, производило особое впечатление на входящих в храм.

В Троицком соборе находилась чудотворная икона Божией Матери «Умиление», пред которой всегда молился и коленопреклоненно скончался батюшка Серафим. На этом образе Богородица изображена в момент произнесения Ею слов архангелу Гавриилу при Благовещении: «Се раба Господня, буди Мне по глаголу твоему». Многих исцелял преподобный, помазывая елеем из лампады перед образом Царицы Небесной. Дивеевским сестрам Батюшка говорил: «Вручаю вас Самой Царице Небесной Умилению (иконе), Она вас не оставит!»

И ныне копия с этой иконы, написанная в начале XX века и также чудотворная, занимает почетное место в Троицком соборе в правом киоте, как указание на то, что Верховной Игуменьей Дивеевской обители является Пресвятая Владычица наша Богородица. Неопустительно каждое воскресенье, перед

литургией, по заповеди преподобного, пред иконой служится нараспев Параклис (особое молебное пение по уставу Афонской горы). Последнюю, перед разгоном монастыря, все-нощную под праздник Рождества Богородицы 21 сентября 1927 года служил в соборе иеромонах, оказавшийся в Дивееве после разгона Саровского монастыря, так как в тот день арестовали всех дивеевских священников.

В октябре 1989 года Троицкий собор был передан церковной общине. Весной 1990 года при сиявшей в чистом небе радуге был водружен крест. Богослужения в соборе возобновились в субботу Похвалы Пресвятой Богородицы в апреле 1990 года, когда был освящен главный придел. С 1 января 1991 года службы в главном дивеевском соборе совершаются ежедневно.

Преображенский собор

В монастыре было предание, что батюшка Серафим заповедал построить второй собор в конце Канавки на одной линии с Троицким. Иван Тихонович Толстошеев, распоряжавшийся всем в Дивееве после кончины преподобного, построил на этом месте Тихвинскую церковь. В начале века в ней служили зимой, но она была тесна и уже сильно обветшала. Когда встал вопрос о постройке нового теплого собора, игуменья Александра (Траковская), избранная после смерти игуменьи Марии (Ушаковой) в 1904 году, не пожелала ломать действующую Тихвинскую церковь (впоследствии сгорев-

шую в 1928 году), и собор заложили сбоку, напротив начала Канавки.

Молодая игуменья не посоветовалась с блаженной Прасковьей Ивановной. Когда уже шла закладка собора в 1907 году, блаженная сказала: «Собор-то собор, а я усмотрела, черемуха по углам-то собора выросла, как бы не завалили». Келейница решила, что уже поздно что-либо менять, и слова эти не передала, а сказала: «Благословляет».

Строился собор на крупные пожертвования Ф. В. Долгинцева, братьев Арцыбушевых и других. Храм построен в неорусском стиле по проекту архитектора А. Е. Антонова, техник-строителем был А. А. Румянцев (впоследствии погибший в лагерях в годы репрессий). Архитектурный облик храма дает ощущение его необыкновенной легкости, воздушности, устремленности ввысь, к небесам. Изнутри стены были расписаны от пола до потолка сестрами из иконописной мастерской под руководством палехского художника П. Парилова. В 1916 году строительство в основном завершилось, были и иконостас, и вся утварь. Тут спохватились, что забыли устроить отопление. Это оттянуло освящение собора на год, но с началом революции освятить его уже не удалось.

Долгие годы в соборе царил полное запустение, здесь был гараж, потом тир. На кровле росли деревья, как и предсказывала блаженная Прасковья Ивановна. В 1991 году собор был передан возрожденному монастырю, и несколько лет продолжалось его восстановле-

ние. Освящение главного престола состоялось 3 сентября 1998 года в честь Преображения Господня. В старом монастыре деревянная Преображенская церковь находилась на кладбище в восточном углу Канавки, там, где сейчас построена средняя школа.

В том же 1998 году был освящен правый придел в честь собора архистратига Божия Михаила и прочих Небесных сил бесплотных, а левый – в честь Всех Святых (такие приделы были ранее в Тихвинской церкви).

Трапезный храм

Поблизости от Троицкого и Преображенского соборов расположен одноэтажный трапезный храм во имя святого благоверного князя Александра Невского.

О появлении на этом месте трапезы пророчески говорил дивеевским сестрам батюшка Серафим, хотя при его жизни здесь находилось сельское кладбище. Строилась эта каменная трапезная в 90-е годы XIX века при игумении Марии (Ушаковой). В храме служили, в основном, зимой. Обычно пищу разносили по корпусам, на общую трапезу сестры собирались только по праздникам. Трапезный зал вмещал одновременно до 1600 человек. В западной части здания находилась кухня.

В советское время в здании располагались клуб, библиотека и кинотеатр. Возвращение трапезного корпуса монастырю растянулось с 1997 по 2000 год. 1 августа 2000 года в отреставрированном трапезном храме состоялась

праздничная трапеза с участием Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, а 14/27 ноября 2000 года храм был освящен митрополитом Нижегородским и Арзамасским Николаем.

Колокольня

До 1900 года в конце святой Канавки стояла звонница с колоколами. Колокольню начали строить в 1893 году при игумении Марии (Ушаковой) по проекту епархиального архитектора А. К. Никитина. Первые колокола подняли на нее в октябре 1901 года.

Когда колокольня была почти отстроена, новый архитектор нашел, что она имеет опасный наклон (он хорошо замечен и ныне), и строительство остановили. При внимательном рассмотрении наклон сочли даже полезным, и колокольню достроили.

Колокольня пятиярусная, высота ее от земли до верхнего карниза – 55,4 м, а высота с кровлей и крестом – 70,3 м.

Строительство колокольни было завершено незадолго до прославления преподобного Серафима. На колокольне были установлены большие часы, которые отбивали каждый час: «Пресвятая Богородице, спаси нас». Позднее испорченные, они неожиданно зазвонили перед разгоном обители в 1927 году. В северном и южном флигелях располагались мастерские. В советское время наверху колокольни, лишенной купола и креста, был установлен телевизионный ретранслятор, а Святые врата

приспособлены под гараж. Они были освобождены в июне 1991 года, перед перенесением мощей преподобного Серафима в Дивеево. В настоящее время колокольня полностью восстановлена, собран необходимый комплект колоколов. Во флигелях колокольни размещаются административные и жилые помещения монастыря.

Игуменский корпус

Слева от колокольни расположено большое двухэтажное здание голубого цвета с резными наличниками и карнизом, построенное в 1885 году, в пору управления монастырем игуменьей Марией (Ушаковой). Это бывший игуменский корпус.

Здесь жила матушка игуменья, казначея, благочинная, а также находились канцелярия, библиотека, велся учет всего хозяйства монастыря и жили сестры, ведавшие вещевыми и продуктовыми складами.

Позднее, в 1902 году, в восточной части игуменского корпуса была устроена домовая церковь во имя святой равноапостольной Марии Магдалины. В 1903 году государь император Николай II приезжал в Саров на прославление преподобного Серафима. Когда он прибыл в Дивеево, по его просьбе была отслужена литургия в храме святой равноапостольной Марии Магдалины. Он просил найти священника, который мог бы совершить службу всего за один час, но неспешно и с благоговением. Служил младший священник Петр Соколов.

Царь остался доволен и наградил его золотым крестом с драгоценными камнями.

После закрытия монастыря церковь была разорена. Летом 1996 года усердием сестер обители приведен в порядок наружный фасад корпуса, а над церковью вновь сделан купол. 27 сентября 1996 года, в праздник Воздвижения Креста Господня, на купол водружен крест. С 1997 года ведутся восстановительные работы внутри церкви.

Источник преподобного Серафима

В нескольких километрах от Дивеевской обители в селе Цыгановка расположен источник преподобного Серафима. Явление этого источника произошло следующим образом. В 60-х годах это место входило в запретную зону. Охранникам явился старичок в белом балахончике. Они спросили его, что он здесь делает. В ответ старичок ударил посохом – забила вода и открылся источник. Колкую проволоку отодвинули за источник.

Позже его хотели засыпать. Подогнали трактор, но сломалась какая-то деталь. Тракторист ждал, пока привезут новую деталь. В это время из-за дерева показался тот же старичок, назвал тракториста по имени и сказал: «Не засыпай мой источник». Как окружающие ни уговаривали тракториста, он засыпать источник отказался.

На источнике батюшки Серафима установлена бревенчатая часовня, освященная Святейшим Патриархом Алексием II в честь

преподобного Серафима 1 августа 1993 года. В праздничные дни здесь совершаются торжественные молебны.

Возле часовни устроена купальня. Изменено русло протекающей здесь реки Сатис. Теперь ее русло огибает источник, в результате чего у часовни образовалось живописное озеро с чистой родниковой водой.

С 2003 года продолжается работа по общему благоустройству территории вокруг источника.

Вокруг Дивеевской обители также расположено несколько других источников: источник матушки Александры, Иверский источник, Казанский источник, источник великомученика Пантелеимона.

АКАФИСТ ПРЕПОДОБНОМУ СЕРАФИМУ, САРОВСКОМУ ЧУДОТВОРЦУ

Кондак 1

Избранный чудотворче и предивный угодниче Христов, скорый помощниче и молитвенниче наш, преподобне отче Серафиме! Величающе прославльшаго тя Господа, воспеваети похвальная. Ты же, имеяй велие дерзновение ко Господу, от всяких нас бед свободи, зовущих: Радуйся, преподобне Серафиме, Саровский чудотворче.

Икос 1

Ангелов Творец избра ты изначала, да прославиши житием твоим пречудное имя Святыя Троицы: явился бо еси воистинну ангел на земли и во плоти Серафим, яко луч пресветлый Вечнаго Солнца Правды, просветися житие твое. Мы же, зряще прехвальныя труды твоя, с благоговением и радостию глаголем ти сицевая: Радуйся, правило веры и благочестия; радуйся, образе кротости и смирения. Радуйся, преславное верных величание; радуйся, претихое скорбным утешение. Радуйся, прелюбимое иноков похваление; радуйся, живущим в мире предивное поможение. Радуйся, Российския державы славо и ограждение; радуйся, тамбовския страны священное украшение. Радуйся, преподобне Серафиме, Саровский чудотворче.

Кондак 2

Видящи мати твоя, преподобне отче Серафиме, теплую любовь твою ко иноческому житию, позна святую волю Господню о тебе, и Богу, яко дар совершен приносящи, благослови тя на тесный путь иноческий святым крестом своим, егоже до конца жития твоего на персех носил еси, знаменуя велию любовь твою к распеншемуся за ны Христу Богу нашему, Ему же вси со умилением зовем: Аллилуиа.

Икос 2

Разум небесный тебе даровася, святче Божий: от юности твоя не престая помышляти о Небеснем, оставил еси дом отчий, Царствия Божия ради и правды Его. Сего ради приими от нас похвалы сия: Радуйся, града Курска чадо богоизбранное; радуйся, родителей благочестивых отрасль пречестная. Радуйся, добродетели матере своя унаследивый; радуйся, благочестию и молитве ею наученный. Радуйся, на подвиги от матере крестом благословенный; радуйся, благословение сие яко святыню до смерти соблюдый. Радуйся, любви ради Господа дом отеческий оставивый; радуйся, вся красная мира сего ни во что же вменивший. Радуйся, преподобне Серафиме, Саровский чудотворче.

Кондак 3

Сила Вышняго от юности твоя воистинну храняше тя, преподобне: с высоты бо хра-

ма спадша, сохрани тя Господь неврежденна, и страждущу ти люте Сама Владычица мира явися, с Небес исцеление принеши, зане измлада верно служил еси Богу, выну взывая Ему: Аллилуиа.

Икос 3

Имея тщание о подвизе иноческого равноангельного жития, во град святой Киев поклонения ради преподобным Печерским притекл еси, и от уст преподобного Досифея повеление приим в пустыню Саровскую путь свой управити, верою издавеча облобызал еси место святое сие, и тамо вселився, житие твое богоугодное скончал еси. Мы же, дивящиеся таковому о тебе Божию промыслению, со умилением вопием ти: Радуйся, мирския суеты отрешивыйся; радуйся, Небеснаго Отечества пламенне возжелевый. Радуйся, Христа всем сердцем возлюбивый; радуйся, благое иго Христово на себе восприемый. Радуйся, совершеннаго послушания исполненный; радуйся, святых заповедей Господних блюстителю верный. Радуйся, ум твой и сердце в Бозе молитвенно утвердивый; радуйся, столпе благочестия непоколебимый. Радуйся, преподобне Серафиме, Саровский чудотворче.

Кондак 4

Бурю злых напастей утишая, прошел еси весь путь тесный и скорбный подвига иноческого, несый ярем пустынного жития, затвора и молчания, многонощнаго бдения, и тако,

благодатию Божиею восходя от силы в силу, от деяния к боговидению, преселился еси во Обители Горния, идеже со Ангелы поеши Богу: Аллилуиа.

Икос 4

Слышаще и видяще святое житие твое, преподобне отче Серафиме, вся братия твоя удивляхуся тебе и, приходяще к тебе, поучахуся о словесех твоих и подвизех, славяще Господа, дивнаго во святых Своих. И мы вси с верою и любовью восхваляем тя, преподобне отче, и вопием ти сие: Радуйся, всего себе в жертву Господеву принеся; радуйся, на высоту безстрастия возшедый. Радуйся, воине Христов добропобедный; радуйся, Небеснаго Домовладыки рабе благий и верный. Радуйся, предстателю о нас пред Господом непостыдный; радуйся, к Богородице молитвенниче наш неусыпный. Радуйся, пречуднаго благоухания крине пустынный; радуйся, благодати Божия сосуде непорочный. Радуйся, преподобне Серафиме, Саровский чудотворче.

Кондак 5

Божественный свет осия жилище твое, преподобне, егда, болящу ти и на одре смертном лежащу, Сама Пречистая Дева, пришедши к тебе со святыми апостолы Петром и Иоанном, рече: «Сей есть от рода нашего», и главе твоей коснулся. Абие же исцелев, воспел еси благодарне Господеву: Аллилуиа.

Икос 5

Видя враг рода человека чистое и святое житие твое, преподобне Серафиме, восхоте погубити тя: наведе бо на тя люди злы, иже беззаконно истязашу тя и еле жива суща оставиша; ты же, отче святой, яко агнец кроток, вся претерпел еси, за обидящих тя Господеву моляся. Темже мы вси, таковому твоему незлобию дивящися, вопием ти: Радуйся, в кротости и смирении твоём Христу Богу подражавый; радуйся, незлобием твоим духа злобы победивый. Радуйся, чистоты душевныя и телесныя хранителю усердный; радуйся, пустынниче, дарами благодатными преисполненный. Радуйся, подвижниче богопрославленный и прозорливый; радуйся, наставниче монахов предивный и богомудрый. Радуйся, Святыя Церкви похвало и радование; радуйся, обители Саровския славо и удобрение. Радуйся, преподобне Серафиме, Саровский чудотворче.

Кондак 6

Проповедует пустыня Саровская подвиги и труды твоя, богоносне угодниче Христов: дебри бо и леса ея молитвою облагоухал еси, пророку Божию Илии и Крестителю Господню Иоанну подражая, и явился еси пустыни прозябение многоплодное дарами Духа Святаго, Егоже действием многая и преславная совершил еси, подвизая верных воспевати благих Подателю Богу: Аллилуиа.

Икос 6

Возсия в тебе новый боговидец, Моисею подобный, Серафиме блаженне: непорочно бо служение олтарю Господню совершая, сподобился еси зрети Христа, во храме со Безплотными Силами грядуща. Сему Божию о тебе благоволению дивящися, воспеваем ти сице: Радуйся, боговидче преславный; радуйся, Светом Трисиянным озаренный. Радуйся, Пресвятая Троицы служителю верный; радуйся, Духа Святаго жилище украшенное. Радуйся, Христа со Ангелы телесными очима лицезревший; радуйся, в брэнном телеси райскую сладость предвкусивый. Радуйся, Хлебом Жизни насыщенный; радуйся, питием безсмертия напоенный. Радуйся, преподобне Серафиме, Саровский чудотворче.

Кондак 7

Хотя Человеколюбец Господь явити в тебе, преподобне, Свое неизреченное к людям милосердие, показа тя яко воистинну светило богосветлое: дела бо и словеса твоими всех приводил еси ко благочестию и любви Божией. Темже сиянием подвигов твоих просвещени и хлебом учения твоего насыщени, тебе усердно величаем, и прославльшему тя Христу вопием: Аллилуиа.

Икос 7

Нового видяще тя избранника Божия, издавша притекаху к тебе вернии в скорбех и болезнях; и сих, бедами отягченных, не отринув еси, источая целения, даруя утешение, пред-

стательствуя в молитвах. Темже исхождаше во всю землю Российскую вещание чудес твоих, и сице ты славляху духовная чада твоя: Радуйся, пастырю наш добрый; радуйся, отче милостивый и кроткий. Радуйся, врачу наш скорый и благодатный; радуйся, немощей наших целителю милосердый. Радуйся, в бедах и обстоятельствах помощниче скорый; радуйся, душ смятенных умирителю пресладостный. Радуйся, грядущая яко настоящая провидевый; радуйся, прегрешений сокровенных обличителю прозорливый. Радуйся, преподобне Серафиме, Саровский чудотворче.

Кондак 8

Странное чудо видим на тебе, преподобне: яко старец сый немощный и притрудный, тысящу дний и тысящу ноций на камени в молитве пребывал еси. Кто доволен изрещи болезни и борения твоя, блаженне отче, яже претерпел еси, воздея преподобнии руце твои к Богу, Амалика мысленнаго побеждая и Господеви поя: Аллилуиа.

Икос 8

«Весь еси желание, весь сладость, Сладчайший Иисусе!» – тако в молитвах взывал еси, отче, в пустынном безмолвии твоём. Мы же, суетою помраченнии и во гресех все житие иждившии, восхваляюще любовь твою ко Господу, сице вопием ти: Радуйся, любящим и чтущим тя ходатаю спасения; радуйся, приводяй грешников ко исправлению. Радуйся, мол-

чальниче и затворниче предивный; радуйся, молитвенниче о нас усердный. Радуйся, пламенную любовь ко Господу показавый; радуйся, огнем молитвы стрелы вражия попавивый. Радуйся, свеще неугасимая, молитвою в пустыни пламенеющая; радуйся, светильниче, горяй и светяй даровании духовными. Радуйся, преподобне Серафиме, Саровский чудотворче.

Кондак 9

Все естество ангельское удивися странному зрению: старцу бо, сущу в затворе, Небесе и земли Царица явися, повелеваю и, да открыет затвор свой и да не возбранит людем православным внити к себе, но да всех пети научит Христу Богу: Аллилуиа.

Икос 9

Ветия многовещанная не возмогут изрещи крепость любви твоя, блаженнее; предал бо еси себе на служение всем приходящим к тебе, повеление Богоматере исполняя, и был еси недоумевающим советник благий, унывающим утешитель, заблуждающихся кроткое вразумление, болящих врач и целитель. Сего ради вопием ти: Радуйся, от мира в пустыню вселившийся, да добродетели приобретаеши; радуйся, из пустыни во обитель возвратившись, во еже добродетели семена сеяти. Радуйся, Духа Святаго благодатию осиянный; радуйся, кротосте и смирения исполненный. Радуйся, притекавшим к тебе отец чадолюбивый; радуйся, в словесех любви ободрение и утешение

им подававший. Радуйся, приходящая к тебе радостию и сокровищем именовавший; радуйся, за любовь твою святую радостей Небесного Царствия сподобившись. Радуйся, преподобне Серафиме, Саровский чудотворче.

Кондак 10

Спасительного твоего подвига, преподобне, достиг скончания, на молитве коленопреклоненно святую душу твою в руке Божии предал еси, юже Ангели Святии вознесоша Горе ко Престолу Вседержителя, да со всеми святыми предстоиши во славе невечерней, воспевая песнь хвалебную святых Святейшему Слову: Аллилуиа.

Икос 10

Стена всем святым и иноком отрада, Пресвятая Дева пред кончиною твоею явися ти, провозвестивши близкое твое к Богу отшествие. Мы же, дивящиеся таковому посещению Богоматере, вопием ти: Радуйся, Небесе и земли Царицу лицезревший; радуйся, явлением Божия Матере обрадованный. Радуйся, весть от Нея ко преселению Небесному приемый; радуйся, праведною кончиною святость жития твоего показавый. Радуйся, в молитве пред иконою Богоматере умиленный дух твой Богу предавший; радуйся, неболезненным исходом проречения твоя исполнивший. Радуйся, венцем бессмертия от руки Вседержителя увенчанный; радуйся, блаженство райское со всеми святыми унаследовавший. Радуйся, преподобне Серафиме, Саровский чудотворче.

Кондак 11

Пение непрестанное Пресвятей Троице вознося, преподобне, всем житием твоим подвижник великий благочестия явился еси, заблуждшим на вразумление, болящим душею и телом на исцеление. Мы же, благодарни суще Господеви за таковую милость Его к нам, выну зовем Ему: Аллилуиа.

Икос 11

Светоподательный светильник быв в житии, богоблаженне отче, и по смерти твоей возсиял еси, яко светозарное светило Российския земли: источаеши бо от честных мощей твоих токи чудес всем с верою и любовью к тебе притекающим. Темже мы, яко молитвеннику о нас теплому и чудотворцу, вопием ти: Радуйся, множеством чудес от Господа прославленный; радуйся, любовью твоею всему миру возсиявый. Радуйся, любви Христовы верный последователю; радуйся, утешение всем требующим твоея помощи. Радуйся, источнике чудес неоскудеваемый; радуйся, болящих и недужных исцелителю. Радуйся, воды многоцелебная кладязю неисчерпаемый; радуйся, яко вся концы земли наша любовь твоею объял еси. Радуйся, преподобне Серафиме, Саровский чудотворче.

Кондак 12

Благодать и велие твое дерзновение пред Богом ведуще, тебе, преподобне отче, молимся: молися тепле ко Господу, да хранит Церковь

Свою Святую от неверия и раскола, от бед и напастей, да поем тобою благодееющему нам Богу: Аллилуиа.

Икос 12

Поюще твое прославление, ублажаем тя, преподобне, яко многомощна молитвенника о нас пред Господем, утешителя и заступника, и с любовью возглашаем ти сице: Радуйся, Церкви Православныя похвало; радуйся, Отечеству нашему щит и ограждение. Радуйся, путеводителю, всех к Небеси направляя; радуйся, защитниче наш и покровителю. Радуйся, силою Божиею многая чудеса содеявый; радуйся, ризою твоею многия недужныя исцеливый. Радуйся, вся козни диавольския победивый; радуйся, звери дикия кротостию твоею покоривый. Радуйся, преподобне Серафиме, Саровский чудотворче.

Кондак 13

О предивный угодниче и великий чудотворче, преподобне отче Серафиме, приими малое сие моление наше, в похвалу тебе возносимое, и, предстоя ныне Престолу Царя царствующих, Господа нашего Иисуса Христа, молися о всех нас, да обрящем милосердие Его в день судный, в радости поюще Ему: Аллилуиа.

*Этот кондак читается трижды,
затем икос 1-й «Ангелов Творец...», и кондак 1-й
«Избранный чудотворче...»*

МОЛИТВЫ
ПРЕПОДОБНОМУ СЕРАФИМУ САРОВСКОМУ

Молитва первая

О пречудный отче Серафиме, великий Саровский чудотворче, всем прибегающим к тебе скоропослушный помощник! Во дни земного жития твоего никтоже от тебе тощ и неутешен отиде, но всем в сладость бысть видение лика твоего и благоуветливый глас словес твоих. К сим же и дар исцелений, дар прозрения, дар немощных душ врачевания обилен в тебе явися. Егда же призыва тя Бог от земных трудов к небесному упокоению, николиже любовь твоя преста от нас, и невозможно есть исчислити чудеса твоя, умножившаяся, яко звезды небесныя: се бо по всем концем земли нашае людем Божиим являешия и даруеши им исцеления. Темже и мы вопием ти: о претихий и кроткий угодниче Божий, дерзновенный к Нему молитвенниче, николиже призывающия тя отреваяй, вознеси о нас благомошную твою молитву ко Господу Сил, да дарует нам вся благопотребная в жизни сей и вся к душевному спасению полезная, да оградит нас от падений греховных, и истинному покаянию научит нас, во еже безпреткновенно внити нам в вечное Небесное Царство, идеже ты ныне в незаходимей сияеши славе, и тамо воспевати со всеми святыми Живоначальную Троицу до скончания века. Аминь.

Молитва вторая

О великий угодниче Божий, преподобне и богоносне отче наш Серафиме! Призри от Горния славы на нас, смиренных и немощных, обремененных грехми многими, твоя помощи и утешения просящих. Приникни к нам благосердием твоим и помози нам заповеди Господни непорочно сохранять, веру православную крепко содержати, покаяние во гресех наших усердно Богу приносить, во благочестии христианством благодатно преуспевати и достойны быти твоего о нас молитвеннаго к Богу предстательства. Ей, святче Божий, услыши нас, молящихся тебе с верою и любовью, и не презри нас, требующих твоего заступления; ныне и в час кончины нашея помози нам и заступи нас молитвами твоими от злобных наветов диавольских, да не обладает нами тех сила, но да сподобимся помощью твоею наследовати блаженство обители райския. На тя бо упование наше ныне возлагаем, отче благосердый: буди нам воистинну ко спасению путевождь и приведи нас к невечернему свету Жизни Вечныя богоприятным предстательством твоим у Престола Пресвятыя Троицы, да славим и поем со всеми святыми достопокланяемое Имя Отца и Сына и Святаго Духа во веки веков. Аминь.

Молитва третья

О преподобне отче Серафиме! Вознеси о нас, рабех Божиих (*имена*), благомошную

твою молитву ко Господу сил, да дарует нам вся благопотребная в жизни сей и вся к душевному спасению полезная, да оградит нас от падений греховных; и истинному покаянию да научит нас, во еже безпреткновенно внити нам в вечное Небесное Царство, идеже ты ныне в незаходимей сияеши славе, и тамо воспевати со всеми святыми Живоначальную Троицу во веки веков. Аминь.

Тропарь, глас 4

От юности Христа возлюбил еси, блаженне, и Тому Единому работати пламенно вождеlev, непрестанною молитвою и трудом в пустыни подвизался еси, умиленным же сердцем любовь Христову стяжав, избранник возлюблен Божия Матере явился еси. Сего ради вопием ти: спасай нас молитвами твоими, Серафиме, преподобне отче наш.

Кондак, глас 2

Мира красоту и яже в нем тленная оставил, преподобне, в Саровскую обитель вселился еси: и тамо ангельски пожив, многим путь был еси ко спасению. Сего ради и Христос тебе, отче Серафиме, прослави, и даром исцелений и чудес обогати. Темже вопием ти: радуйся, Серафиме, преподобне, отче наш.

Величание

Ублажаем тя, преподобне отче Серафиме, и чтим святую память твою, наставниче монахов и собеседниче Ангелов.

СЕРАФИМОВО ПРАВИЛО

Преподобный Серафим Саровский преподавал всем следующее молитвенное правило: «Вставши от сна, всякий христианин, став пред святыми иконами, пусть прочитает:

- молитву Господню *Отче наш*, трижды, в честь Пресвятой Троицы;
- песнь Богородице *Богородице Дево, радуйся*, также трижды;
- *Символ Веры*, единожды.
- Совершив это правило, пусть занимается своим делом, на которое поставлен или призван.

– Во время же работы дома, или в пути куда-нибудь, пусть тихо читает *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного или грешную*; а если окружают его другие, то, занимаясь делом, пусть говорит умом только *Господи, помилуй* и продолжает до обеда.

– Перед самым же обедом пусть совершает вышеуказанное утреннее правило. После обеда, исполняя свое дело, – читает тихо *Пресвятая Богородице, спаси мя грешного или же Господи Иисусе Христе, Богородицею помилуй мя грешного или грешную*, и это пусть продолжает до самого сна.

– Отходя ко сну, всякий христианин пусть снова прочитает вышеуказанное утреннее правило; после того пусть засыпает, оградив себя крестным знамением».

– «Держась этого правила, – говорит отец Серафим, – можно достигнуть меры христианского совершенства, ибо означенные три

молитвы – основание христианства: первая, как молитва, данная Самим Господом, есть образец всех молитв; вторая принесена с неба Архангелом в приветствие Деве Марии, Матери Господа; Символ же вкратце содержит в себе спасительные догматы христианской веры».

Тем, кому по разным обстоятельствам невозможно выполнять и этого малого правила, преподобный Серафим советовал читать его во всяком положении: и во время занятий, и на ходьбе, и даже в постели, представляя основанием для того слова Святого Писания: *Всякий, кто призовет имя Господне, спасется.*

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

БЕСЕДА О СМЫСЛЕ ХРИСТИАНСКОЙ ЖИЗНИ

Данный текст был обнаружен в 1903 году С. А. Нилусом в бумагах покойного Н. А. Мотовилова, переданных ему вдовой Мотовилова Еленой Ивановной. Н. А. Мотовилов, богатый помещик, исцеленный святым Серафимом от неизлечимой болезни ног, всю свою жизнь провел близ великого старца. Этому «службе Серафимову», как он сам называл себя, обязаны мы многими сведениями о жизни преподобного, и он же оказался единственным свидетелем великого чуда, явленного преподобному Серафиму в 1831 году в дремучих лесах Сарова.

I

Однажды, – пишет в своих записках Мотовилов, – это было в Саровской пустыни вскоре после исцеления моего, в начале зимы 1831 года, во вторник конца ноября; я стоял во время вечерни в теплом соборе Живоносного Источника на обыкновенном, как и потом всегда бывало, месте моем, прямо против чудотворной иконы Божией Матери. Тут подошла ко мне одна из сестер Мельничной общины Дивеевской. О названии и существовании этой общины, отдельной от другой церковной, то-

же Дивеевской общины, я не имел тогда еще никакого понятия. Эта сестра сказала мне:

– Ты, что ли, хроменький барин, которого исцелил вот недавно наш батюшка, отец Серафим?

Я отвечал, что это именно я и есть.

– Ну, так, – сказала она, – иди к батюшке; он велел позвать тебя к себе. Он теперь в келье своей в монастыре и сказал, что будет ждать тебя.

Люди, хоть раз при жизни великого старца Серафима бывшие в Саровской пустыни и хоть только слышавшие о нем, могут постигнуть вполне, какую неизъяснимою радостью наполнилась душа моя при этом нечаянном зове его. Оставив слушание божественной службы, я немедленно побежал к нему в келью его. Батюшка отец Серафим встретил меня в самых дверях сеней своих и сказал мне:

– Я ждал, ваше Боголюбие. И вот только немного повремените, пока я поговорю с сиротами моими. Я имею много и с вами побеседовать. Садитесь вот здесь.

При этих словах он указал мне на лесенку с приступками, сделанную, вероятно, для закрытия труб печных и поставленную против печки его, устьем в сени, как и во всех двойных кельях саровских устроений. Я сел было на нижнюю ступеньку, но он сказал мне:

– Нет, повыше сядьте.

Я пересел на вторую, но он сказал мне:

– Нет, ваше Боголюбие. На самую верхнюю ступеньку садиться извольте. – И, усадив ме-

ня, прибавил: – Ну вот, сидите же тут и подождите, когда я, побеседовав с сиротами моими, выйду к вам.

Батюшка ввел к себе в келью двух сестер, из коих одна была девица из дворян, сестра нижегородского помещика Мантурова, Елена Васильевна, как о том мне на мой спрос сказали оставшиеся со мной в сенцах сестры.

Долго я сидел в ожидании, когда и для меня отворит двери великий старец. Думаю, сидел я так часа два. Вышел ко мне из другой, ближайшей ко входу в сени сей кельи, келейник отца Серафима, Павел, и, несмотря на отговоры мои, убедил меня посетить его келью, и стал мне делать разные наставления к жизни духовной, в самом же деле имевшие целью, по наущению вражьему, ослабить мою любовь и веру в заслуги перед Богом великого старца Серафима.

Мне стало грустно, и я со скорбью сказал ему:

– Глуп я был, отец Павел, что, послушавшись убеждений ваших, вошел к вам в келью. Отец игумен Нифонт – великий раб Божий, но и тут в Саровскую пустынь я не для него приехал и приезжаю, хотя и весьма много его уважаю за его святину, но лишь для одного только батюшки Серафима, о коем думаю, что и в древности мало было таких святых угодников Божиих, одаренных силою Илииною и Моисеевою. Вы же кто такие, что навязываетесь ко мне с вашими наставлениями, тогда как, догадываюсь я, вы и пути-то Божьего порядочно сами не знаете. Простите меня, я сожалею, что послушал вас и зашел к вам в келью.

С тем и вышел я от него и сел опять на верхнюю ступеньку лесенки в сенцах батюшкиной кельи. Потом я слышал от того же отца Павла, что батюшка грозно за это ему выговаривал, говоря ему: «Не твое дело беседовать с теми, которые убогого Серафима слова жаждут и к нему приезжают в Саров. И я сам, убогий, не свое им говорю, но что Господь изволил мне открыть для назидания. Не мешайся не в свои дела. Себя самого знай, а учить никогда не смей: не дал Бог тебе этого дара – ведь он подается не даром людям, а за заслуги их перед Господом Богом нашим и по особенной Его милости и Божественному о людях смотрению и Святому Промыслу Его». Вписываю я это сюда для памяти и назидания дорожащих и малою речью, и едва заметною чертою характера великого старца Серафима.

Когда же около двух часов побеседовал Старец со своими сиротами, тогда дверь отворилась и батюшка отец Серафим, проводив сестер, сказал мне:

– Долго задержал я вас, ваше Боголюбие. Не взыщите. Вот сиротки мои нуждались во многом: так я, убогий, и утешил их. Пожалуйте в келью.

В келье этой своей монастырской он побеседовал со мною о разных предметах, относившихся до спасения души и до жизни мирской, и велел мне с отцом Гурием, саровским гостинником, на другой день, после ранней обедни, ехать к нему в ближнюю пустыньку.

II

Целую ночь проговорили мы с отцом Гурием про отца Серафима, целую ночь почти не спавши от радости; и на другой день отправились мы к батюшке отцу Серафиму в его ближнюю пустыньку, даже ничего не пивши и ничего не закусивши, и целый день до поздней ночи, не пивши – не евши, пробыли у дверей этой ближней его пустыньки. Тысячи народа приходили к великому старцу, и все отходили, не получив его благословения, а постояв немного в его сенцах, возвращались вспять; человек семь или восемь остались с нами ждать конца этого дня и выхода из пустыньки батюшки отца Серафима; в том числе, как сейчас помню, была жена балахнинского казначея из уездного города Нижегородской губернии Балахны и какая-то странница, все хлопотавшая об открытии святых мощей Пафнутия, кажется, в Балахне нетленно почивающего. Они решились с нами дожидаться отворения дверей великого старца. Наконец и они смутились духом, и даже сам отец Гурий ввечеру, уже поздно ему наставшу, очень смутился и сказал мне:

– Уж темно, батюшка, и лошадь проголодалась, и мальчик-кучер есть, вероятно, хочет. Да как бы, если позже поедем, и звери на нас не напали бы. Но я сказал:

– Нет, батюшка отец Гурий, поезжайте вы одни назад, если боитесь чего, а меня пусть хотя и звери растерзают здесь, а я не отойду от двери батюшки отца Серафима, хоть бы мне и голодную смертью при них пришлось умереть;

я все-таки стану ждать его, покуда отворит он мне двери святой своей кельи!

И батюшка отец Серафим, весьма немного погодя, действительно отворил двери своей кельи и, обращаясь ко мне, сказал:

– Ваше Боголюбие, я вас звал, но не взыщите, что я не отворял целый день: ныне среда, и я безмолствую, а вот завтра – милости просим, я рад буду душевно с вами побеседовать. Но уже не так рано извольте жаловать ко мне; а то, не кушавши целый день, вы изнемогли вельми. А так, после поздней обедни, да подкрепивши себя довольно пищею, пожалуйте с отцом Гурием ко мне. Теперь грядите и подкрепитесь пищею – вы изнемогли.

И стал нас, начиная с меня, благословлять и сказал отцу Гурию:

– Так, друг, так-то, радость моя, завтра с господином-то пожалуйте ко мне на ближайшую мою пажникку – там меня обрящете, а теперь грядите с миром. До свидания, ваше Боголюбие!

С этими словами батюшка опять затворился. Никакое слово не может выразить той радости, которую я ощутил в сердце моем. Я плавал в блаженстве. Мысль, что, несмотря на долготерпение целого дня, я хоть под конец да сподобился, однако же, не только узреть лицо отца Серафима, но и слышать привет его богодухновенных словес, так утешила меня. Да, я был на высоте блаженства, никаким земным подобием не изобразимой! И, несмотря на то, что я целый день не пил и не ел, я сделался так сыт, что

как будто наелся до пресыщения и напился до разумного упоения. Говорю истину, хоть, может быть, для некоторых, не испытавших на деле, что значит сладость, сытость и упоенье, которыми преисполняется человек во время наития Духа Божия, слова мои и покажутся преувеличенными и рассказ чересчур восторженным. Но уверяю совестью православно-христианскою, что нет здесь преувеличения, а все сказанное сейчас мною есть не только сущая истина, но даже и весьма слабое представление того, что я действительно ощущал в сердце моем.

Но кто даст мне глагол, могущий хоть мало, хоть отчасти выразить, что восчувствовала душа моя на следующий день?

III

Это было в четверг. День был пасмурный. Снегу было на четверть на земле, а сверху порошила довольно густая снежная крупа, когда батюшка отец Серафим начал беседу со мной на ближней пажникке своей, возле той же его ближней пустыньки против речки Саровки, у горы, подходящей близко к берегам ее.

Поместил он меня на пне только что им срубленного дерева, а сам стал против меня на корточках.

– Господь открыл мне, – сказал великий старец, – что в ребячестве вашем усердно желали знать, в чем состоит цель жизни нашей христианской, и у многих великих духовных особ вы о том неоднократно спрашивали.

Я должен сказать тут, что с двенадцатилетнего возраста меня эта мысль неотступно тревожила; и я, действительно, ко многим из духовных лиц обращался с этим вопросом, но ответы их меня не удовлетворяли. Старцу это было неизвестно.

– Но никто, – продолжал отец Серафим, – не сказал вам о том определенительно. Говорили вам: ходи в церковь, молись Богу, твори заповеди Божии, твори добро – вот тебе и цель жизни христианской. А некоторые даже негодовали на вас за то, что вы заняты небогоугодным любопытством, и говорили вам: вышших себя не ищи. Но они не так говорили, как бы следовало. Вот я, убогий Серафим, растолкую вам теперь, в чем действительно эта цель состоит.

Молитва, пост, бдение и всякие другие дела христианские, сколько ни хороши они сами по себе, однако не в делании только их состоит цель нашей христианской жизни, хотя они и служат необходимыми средствами для достижения ее. Истинная же цель жизни нашей христианской состоит в стяжании Духа Святаго Божьего. Пост же и бдение, и молитва, и милостыня, и всякое Христа ради делаемое доброе дело суть средства для стяжания Святаго Духа Божьего. Заметьте, батюшка, что лишь только ради Христа делаемое доброе дело приносит нам плоды Святаго Духа. Все же не ради Христа делаемое, хотя и доброе, но мзды в жизни будущего века нам не представляет, да и в здешней жизни благодати Божией тоже не дает. Вот почему Господь Иисус Христос сказал: «Всяк, иже

не собирает со Мною, той расточает». Доброе дело иначе нельзя назвать, как собиранием, ибо хотя оно и не ради Христа делается, однако же добро. Писание говорит: «Во всяком языке бояйся Бога и делаяй правду приятен Ему есть». И, как видим из последовательности священного повествования, этот «делаяй правду» до того приятен Богу, что Корнилию сотнику, боявшемуся Бога и делавшему правду, явился Ангел Господень во время молитвы его и сказал: «Пошли в Иоппию к Симону Усмарю, тамо обрящещи Петра, и той ти речет глаголы живота вечнаго, в них спасеши ты и весь дом твой».

Итак, Господь все Свои Божественные средства употребляет, чтобы доставить такому человеку возможность за свои добрые дела не лишиться награды в жизни пакибытия. Но для этого надо начать здесь правой верой в Господа нашего Иисуса Христа Сына Божия, пришедшего в мир грешных спасти, и приобретением себе благодати Духа Святаго, вводящего в сердца наши Царствие Божие и прокладывающего нам дорогу к приобретению блаженства жизни будущего века. Но тем и ограничивается эта приятность Богу дел добрых, не ради Христа делаемых: Создатель наш дает средства на их осуществление. За человеком остается или осуществить их, или нет. Вот почему Господь сказал Евреям: «Аще не бысте видели, греха не бысте имели. Ныне же глаголете – видим, и грех ваш пребывает на вас». Воспользуется человек, подобно Корнилию, приятностью Богу дела своего, не ради Христа сделанного, и уве-

рует в Сына Его, то такого рода дело вменится ему, как бы ради Христа сделанного и только за веру в Него. В противном же случае человек не вправе жаловаться, что добро его не пошло в дело. Этого не бывает никогда, только при делании какого-либо добра Христа ради, ибо добро, ради Него сделанное, не только в жизни будущего века венец правды ходатайствует, но и в здешней жизни преисполняет человека благодатию Духа Святого и притом, как сказано: «Не в меру бо дает Бог Духа Святого. Отец бо любит Сына и вся дает в руце Его».

Так-то, ваше Боголюбие. Так в стяжании этого-то Духа Божия и состоит истинная цель нашей жизни христианской; а молитва, бдение, пост, милостыня и другие ради Христа делаемые добродетели суть только средства к стяжанию Духа Божьего.

– Как же стяжания? – спросил я батюшку Серафима. – Я что-то не понимаю.

– Стяжание все равно что приобретение, – отвечал мне он, – ведь вы разумеете, что значит стяжание денег? Так все равно и стяжание Духа Божия. Ведь вы, ваше Боголюбие, понимаете, что такое в мирском смысле стяжание? Цель жизни мирской обыкновенных людей есть стяжание или наживание денег, а у дворян сверх того – получение почестей, отличий и других наград за государственные заслуги. Стяжание Духа Божия есть тоже капитал, но только благодатный и вечный; и он, как и денежный, чиновный и временный, приобретается одними и теми же путями, очень сходственными друг с другом. Бог

Слово, Господь наш, Богочеловек Иисус Христос уподобляет жизнь нашу торжищу, и дело жизни нашей на земле именуется куплею, и говорит всем нам: «Купуйте, дондеже прииду, искупующе время, яко дние лукави суть», то есть выгадывайте время для получения небесных благ через земные товары. Земные товары – это добродетели, делаемые Христа ради, доставляющие нам благодать Всесвятого Духа. В притче о мудрых и юродивых девах, когда у юродивых недоставало елея, сказано: «Шедше купите на торжищи». Но когда они купили, двери в чертог брачный уже были затворены, и они не могли войти в него. Некоторые говорят, что недостаток елея у юродивых дев знаменует недостаток у них прижизненных добрых дел. Такое разумение не вполне правильно. Какой же это у них был недостаток в добрых делах, когда они хоть юродивыми, да все же девами называются? Ведь девство есть наивысочайшая добродетель, как состояние равноангельское, и могло бы служить заменой само по себе всех прочих добродетелей. Я, убогий, думаю, что у них именно благодати Всесвятого Духа Божьего недоставало. Творя добродетели, девы эти по духовному своему неразумию полагали, что в том-то и дело лишь христианское, чтобы одни добродетели делать. Сделали мы-де добродетель и тем-де и дело Божие сотворили; а до того, получена ли была ими благодать Духа Божия, достигли ли они ее, им и дела не было. Про такие-то образы жизни, опирающиеся лишь на одно творение добродетелей без тщательного испытания, приносят ли они и сколь-

ко именно приносят благодати Духа Божьего, и говорится в отеческих книгах: «Ин есть путь, мняйся быти благим в начале, но концы его – во дно адово». (Суть путие мнящиеся прави быти мужу, обаче последняя их зрят во дно адово (Притч. 16: 25). Есть пути, которые кажутся человеку прямыми, но конец их – путь к смерти. Антоний Великий в письмах своих к монахам говорит про таких дев: «Многие монахи и девы не имеют никакого понятия о различиях в волях, действующих в человеке; и не ведают, что в нас действуют три воли: первая – Божия, всесовершенная и всеспасительная; вторая – собственная своя, человеческая, то есть если не пагубная, то и не спасительная; и третья – бесовская – вполне пагубная». И вот эта-то третья вражеская воля и научает человека или не делать никаких добродетелей, или делать их из тщеславия, или для одного добра, а не ради Христа. Вторая – собственная воля наша – научает нас делать все в услужение нашим похотям, а то, и как враг научает, творить добро ради добра, не обращая внимания на благодать, им приобретаемую. Первая же – воля Божия и всеспасительная – в том только и состоит, чтобы делать добро единственно лишь для стяжания Духа Святого как сокровища вечного, неоскудеваемого и ничем вполне и достойно оценить не могущего. Оно-то, это стяжание Духа Святого, собственно и называется тем елеем, которого недоставало у юродивых дев. За то-то они и названы юродивыми, что забыли о необходимом плоде добродетели, о благодати Духа Святого, без Которого и спасе-

ния никому нет и быть не может, ибо «Святым Духом всяка душа живится, и чистотою возвышается, светлеется же Троическим Единством священнотайне». Сам Дух Святой вселяется в души наши, и это-то самое вселение в души наши Его, Вседержителя, и сопребывания с духом нашим Его Троического Единства и даруется нам лишь через всемерное с нашей стороны стяжание Духа Святого, которое и предуготовляет в душе и плоти нашей престол Божеству всетворческому, с духом нашим сопребыванию, по непреложному слову Божию: «Вселюся в них и похожу, и буду им в Бога, и тии будут в людие Мои». Вот это-то и есть тот елей в светильниках у мудрых дев, который мог светло и продолжительно гореть, и девы те с этими горящими светильниками могли дожидаться и Жениха, пришедшего в полунощи, и войти с Ним в чертог радости. Юродивые же, видевши, что угасают их светильники, хотя и пошли на торжище, да купят елея, но не успели возвратиться вовремя, ибо двери уже были затворены. Торжище – жизнь наша; двери чертога брачного, затворенные и не допустившие к Жениху, – смерть человеческая; девы мудрые и юродивые – души христианские; елей – не дела, но получаемая через них вовнутрь естества нашего благодать Всесвятого Духа Божия, претворяющая оное от сего в сие, то есть от тления в нетление, от смерти душевной в жизнь духовную, от тьмы в свет, от вертепа существа нашего, где страсти привязаны, как скоты и звери, – в храм Божества, в пресветлый чертог вечного радования о Христе

Иисусе Господе нашем, Творце и Избавителе и Вечном Женихе душ наших.

Сколь велико сострадание Божие к нашему бедствию, то есть невниманию к Его о нас попечению, когда Бог говорит: «Се, стою при дверях и толку», разумея под дверями течение нашей жизни, еще не затворенной смертью. О, как желал бы я, ваше Боголюбие, чтобы в здешней жизни вы всегда были в Духе Божиим! «В чем застану, в том и сужду», – говорит Господь. Горе, великое горе, если застанет Он нас отягощенными попечениями и печальми житейскими, ибо кто стерпит гнев Его и против лица гнева Его станет! Вот почему сказано: «Бдите и молитесь, да не внидете в напасть», то есть да не лишитесь Духа Божия, ибо бдение и молитва приносят нам благодать Его. Конечно, всякая добродетель, творимая ради Христа, дает благодать Духа Святого, но более всего дает молитва, потому что она как бы всегда в руках наших как орудие для стяжания благодати Духа. Захотели бы вы, например, в церковь сходить, да либо церкви нет, либо служба отошла; захотели бы нищему подать, да нищего нет, либо нечего дать; захотели бы девство соблюсти, да сил нет этого исполнить по сложению вашему или по усилиям вражеских козней, которым вы по немощи человеческой противостоять не можете; захотели бы и другую какую-либо добродетель ради Христа сделать, да тоже сил нет, или случая сыскать не можно. А до молитвы это уже никак не относится: на нее всякому и всегда есть возможность – и богатому и бедному, и знатному и

простому, и сильному и слабому, и здоровому и больному, и праведнику и грешнику. Как велика сила молитвы даже и грешного человека, когда она от всей души возносится, судите по следующему примеру Священного Предания: когда по просьбе отчаянной матери, лишившейся единородного сына, похищенного смертью, жена-блудница, попавшаяся ей на пути, и даже еще от только что бывшего греха не очистившаяся, тронутая отчаянной скорбью матери, возопила ко Господу: «Не мене ради, грешницы окаянной, но слез ради матери, скорбящей о сыне своем и твердо уверенной в милосердии и всемогуществе Твоем, Христе Боже, воскреси, Господи, сына ея!» – воскресил его Господь. Так-то, ваше Боголюбие, велика сила молитвы, и она более всего приносит Духа Божьего, и ее удобнее всего всякому исправлять. Блаженны мы будем, когда обрящет нас Господь бдящими, в полноте даров Духа Его Святого. Тогда мы можем благодержноვნно надеяться быть восхищенными на облацех во сретение Господа на воздухе, Грядущаго со славою и силою многою судити живым и мертвым, и воздати коемуждо по делам его.

Вот, ваше Боголюбие, за великое счастье считать изволите с убогим Серафимом беседовать, уверены будучи, что и он не лишен благодати Господней. То, что речем о Самом Господе, Источнике приснонеоскудевающем всякия благостыни – и небесныя и земныя? А ведь молитвою мы с Ним Самим, Всеблагим и Животворящим Богом и Спасом нашим, беседовать удостоиваемся. Но и тут надобно молиться лишь

до тех пор, пока Бог Дух Святой не сойдет на нас в известных Ему мерах небесной Своей благодати. И когда благоволит Он посетить нас, то надлежит уже перестать молиться. Чего же и молиться тогда Ему: «Прииди и вселися в ны и очисти ны от всякия скверны и спаси, Блаже, души наша», когда уже пришел Он к нам во еже спасти нас, уповающих на Него и призывающих Имя Его святое во истине, то есть с тем, чтобы смиренно и с любовью встретить Его, Утешителя, внутрь храмин душ наших, алчущих и жаждущих Его пришествия. Я вашему Боголюбию поясню это примером: вот хоть бы вы меня в гости к себе позвали, и я бы по зову вашему пришел к вам и хотел бы побеседовать с вами. А вы бы все стали меня приглашать: милости-де просим, пожалуйста, дескать, ко мне. То я поневоле должен был бы сказать: что это он, из ума, что ли, выступил? Я пришел к нему, а он все-таки меня зовет! Так-то и до Господа Бога Духа Святого относится. Потому-то и сказано: «Упразднитесь и разумейте, яко Аз есмь Бог, вознесуся во языцех, вознесуся на земли», то есть явлюся и буду являться всякому верующему в Меня и призывающему Меня, и буду беседовать с ним, как некогда беседовал с Адамом в раю, с Авраамом и Иаковом и со другими рабами Моими, с Моисеем, Иовом и им подобными. Многие толкуют, что это упразднение относится только до дел мирских, то есть что при молитвенной беседе с Богом надобно упраздниться от мирских дел. Но я вам по Бозе скажу, что хотя и от них при молитве необходимо упраздниться, но когда при всемогущей си-

ле веры и молитвы соизволит Господь Бог Дух Святой посетить нас и придет к нам в полноте неизреченной Своей благодати, то надобно и от молитвы упраздниться. Молвит душа и в молве находится, когда молитву творишь, а при нашествии Духа Святого надлежит быть в полном безмолвии, слышать явственно и вразумительно все глаголы живота вечного, которые Он тогда возвестить соизволит. Надлежит притом быть в полном трезвении и души и духа, и в целомудренной чистоте плоти. Так было при горе Хориве, когда израильтянам было сказано, чтобы они до явления Божьего на Синае за три дня не прикасались бы и к женам, ибо Бог наш есть «огнь поядая все нечистое», и в общение с Ним не может войти никто же от скверны плоти и духа.

IV

– Ну, а как же, батюшка, быть с другими добродетелями, творимыми ради Христа, для стяжания благодати Духа Святого? Ведь вы мне о молитве только говорить изволите.

– Стяжайте благодать Духа Святого и всеми другими Христа ради добродетелями, торгуйте ими духовно, торгуйте теми из них, которые вам больший прирост дают. Собирайте капитал благодатных избытков благодати Божией, кладите их в ломбард вечный Божий из процентов невестественных; и не по четыре или по шести на сто, но по сту на один рубль духовный, но даже еще того в бесчисленное число раз больше. Примерно: дает вам более

благодати Божией молитва и бдение – бдите и молитесь; много дает Духа Божьего пост – поститесь; более дает милостыня – милостыню творите, и таким образом о всякой добродетели, делаемой Христа ради, рассуждайте.

Вот я вам расскажу про себя, убогого Серафима. Родом я из курских купцов. Так, когда не был я еще в монастыре, мы бывало торговали товаром, который нам больше барыша дает. Так и вы, батюшка, поступайте, и как в торговом деле не в том сила, чтобы лишь только торговать, а в том, чтобы больше барыша получить, – так и в деле жизни христианской не в том сила, чтобы только молиться или другое какое-либо доброе дело делать. Хотя апостол и говорит: «Непрестанно молитесь», но да ведь, как помните, и прибавляет: «Хочу лучше пять словес рещи умом, нежели тысячи языком». И Господь говорит: «Не всяк глаголяй Ми: Господи, Господи, спасется, но творяй волю Отца Моего», то есть делающий дело Божие и притом с благоговением, ибо проклят всяк, иже творит дело Божие с нерадением. А дело Божие есть: да веруете в Бога и Его же послал есть Иисуса Христа. Если рассудите правильно о заповедях Христовых и апостольских, так дело наше христианское состоит не в увеличении счета добрых дел, служащих к цели нашей христианской жизни только средствами, но в извлечении из них большей выгоды, то есть вящем приобретении обильнейших даров Духа Святаго.

Так желал бы я, ваше Боголюбие, чтобы и вы сами стяжали этот приснонеоскудевающий ис-

точник благодати Божией и всегда рассуждали себя, в Духе Божиим вы обретаетесь или нет; и если в Духе Божиим, то, благословен Бог, не о чем горевать, хоть сейчас – на Страшный Суд Христов. Ибо в чем застану, в том и сужду. Если же нет, то надобно разобрать, отчего и по какой причине Господь Бог Дух Святой изволил оставить нас; и снова искать и доискиваться Его, и не отставать до тех пор, пока искомый Господь Бог Дух Святой не сыщется и не будет снова с нами Своею благодатию. На отгоняющих же нас от Него врагов наших надобно так нападать, покуда и прах их возметется, как сказал пророк Давид: «Пожену враги моя и постигну я, и не возвращусь, дондеже скончаются; оскорблю их, и не возмогут стати, падут под ногами моима».

Так-то, батюшка. Так и извольте торговать духовно добродетельно. Раздавайте дары благодати Духа Святаго требующим по примеру свечи возжженной, которая и сама светит, горя земным огнем, и другие свечи, не умаляя своего собственного огня, зажигает во светение всем в других местах. И если это так в отношении огня земного, то что скажем об огне благодати Всесвятаго Духа Божия? Ибо, например, богатство земное при раздавании его оскудевает, богатство же небесное Божией благодати чем более раздается, тем более преумножается у того, кто его раздает. Так и Сам Господь изволил сказать самаряныне: «Пий от воды сей возжаждет вновь, а пий от воды, юже Аз дам, не возжаждет во веки; но вода, юже Аз дам ему, будет в нем источник приснотекущий в живот вечный».

V

– Батюшка, – сказал я, – вот вы всё изволите говорить о стяжании благодати Духа Святаго как о цели христианской жизни, но как же и где я могу ее видеть? Добрые дела видны, а разве Дух Святой может быть виден? Как же я буду знать, со мной Он или нет?

– Мы в настоящее время, – так отвечал старец, – по нашей почти всеобщей холодности к святой вере в Господа нашего Иисуса Христа, и по невнимательности нашей к действиям Его Божественного о нас Промысла, и общения человека с Богом до того дошли, что, можно сказать, почти вовсе удалились от истинно христианской жизни. Нам теперь кажутся странными слова Священного Писания, когда Дух Божий устами Моисея говорит: «И виде Адам Господа, ходящего в раи», или когда читаем у апостола Павла: «Идохом во Ахаию, и Дух Божий не иде с нами, обратихомся в Македонию, и Дух Божий иде с нами». Неоднократно и в других местах Священного Писания говорится о явлении Бога человеку.

Вот некоторые и говорят: «Эти места непонятны: неужели люди так очевидно могли видеть Бога?» А непонятного тут ничего нет. Произошло это непонимание оттого, что мы удалились от простоты первоначального христианского ведения и под предлогом просвещения зашли в такую тьму неведения, что нам уже кажется неудобопостижимым то, о чем древние до того ясно разумели, что им и в обыкновенных разговорах понятие о явлении

Бога между людьми не казалось странным. Так, Иов, когда друзья его укоряли в том, что он хулит Бога, отвечал им: «Как это может быть, когда я чувствую дыхание Вседержителя в ноздрях моих?» То есть как-де я могу хулить Бога, когда Дух Святой со мной пребывает? Если бы я хулил Бога, то Дух Святой отступил бы от меня, а вот я и дыхание Его ощущаю в ноздрях моих. Таким точно образом говорится и про Авраама и про Иакова, что они видели Господа и беседовали с Ним, и Иаков даже и боролся с Ним. Моисей видел Бога и весь народ с ним, когда он сподобился приять от Бога скрижали закона на горе Синае. Столп облачный и огненный; или, что то же, явная благодать Духа Святаго, служили путеводителями народу Божию в пустыне. Бога и благодать Духа Его Святаго люди не во сне видели, и не в мечтании, и не в исступлении воображения расстроенного, а истинно въяве. Очень уж мы стали невнимательны к делу нашего спасения, отчего и выходит, что мы и многие другие слова Священного Писания приемлем не в том смысле, как бы следовало. И все потому, что не ищем благодати Божией, не допускаем ей, по гордости ума нашего, вселиться в души наши и потому не имеем истинного просвещения от Господа, посылаемого в сердца людей, всем сердцем алчущих и жаждущих правды Божией.

Вот, например, многие толкуют, что когда в Библии говорится, «вдуну Бог дыхание жизни в лице Адама первозданного и созданного Им от персти земной», что будто бы это значило, что в

Адаме до этого не было души и духа человеческого, а была будто бы лишь плоть одна, созданная от персти земной. Неверно это толкование, ибо Господь Бог создал Адама от персти земной в том составе, как, батюшка, святой апостол Павел утверждает: «Да будет всесовершенен ваш дух, душа и плоть в пришествии Господа нашего Иисуса Христа». И все три сии части нашего естества созданы были от персти земной, и Адам не мертвым был создан, но действующим животным существом, подобно другим живущим на земле одушевленным Божиим созданиям. Но вот в чем сила, что если бы Господь Бог не вдунул потом в лице его сего дыхания жизни, то есть благодати Господа Бога Духа Святого, от Отца исходящего и в Сыне почивающего и ради Сына в мир посылаемого, то Адам, как ни был он совершенно превосходно создан над прочими Божиими созданиями, как венец творения на земле, все-таки пребыл бы не имущим внутри себя Духа Святого, возводящего его в Богоподобное достоинство, и был бы подобен всем прочим созданиям, хотя и имеющим плоть, и душу, и дух, принадлежащие каждому по роду их, но Духа Святого внутри себя не имущим. Когда же вдунул Господь в лице Адамово дыхание жизни, тогда-то, по выражению Моисееву, и «Адам бысть в душу живу», то есть совершенно во всем Богу подобную и такую, как и Он, на веки веков бессмертную. Адам сотворен был до того не подлежащим действию ни одной из сотворенных Богом стихий, что его ни вода не топила, ни огонь не жег, ни земля не могла пожрать в пропастях своих, ни воздух не

мог повредить каким бы то ни было своим действием. Все покорено было ему, как любимцу Божию, как царю и обладателю твари. И все любовалось на него как на всесовершенный венец творений Божиих. От этого-то дыхания жизни, вдохнутого в лице Адамово из Всетворческих Уст Всетворца и Вседержителя Бога, Адам до того преумудрился, что не было никогда от века, нет, да и едва ли будет когда-нибудь на земле человек, премудрее и многозначительнее его. Когда Господь повелел ему нареши имена всякой твари, то каждой твари он дал на языке такие названия, которые знаменуют вполне все качества, всю силу и все свойства твари, которые она имеет по дару Божию, дарованному ей при ее сотворении. Вот по этому-то дару вышеестественной Божией благодати, ниспосланному ему от дыхания жизни, Адам мог видеть и разуместь и Господа, ходящего в раю, и постигать глаголы Его, и беседу святых Ангелов, и язык всех зверей и птиц и гадов, живущих на земле, и все то, что ныне от нас, как от падших и грешных, сокрыто и что для Адама до его падения было так ясно.

Такую же премудрость и силу, и всемогущество, и все прочие благие и святые качества Господь Бог даровал и Еве, сотворив ее не от персти земной, а от ребра Адамова в Едеме сладости – в раю, насажденном Им посреди земли. Для того чтобы они могли удобно и всегда поддерживать в себе бессмертные, Богоблагодатные и всесовершенные свойства сего дыхания жизни Бог посадил посреди рая древо жизни, в плодах которого за-

ключил всю сущность и полноту даров этого Божественного Своего дыхания. Если бы не согрешили, то Адам и Ева сами и все их потомство могли бы всегда, пользуясь вкушением от плода древа жизни, поддерживать в себе вечно животворящую силу благодати Божией и бессмертную, вечно юную полноту сил плоти, души и духа и непрестанную нестареемость бесконечно бессмертного всеблаженного своего состояния, даже и воображению нашему в настоящее время неудобопонятно.

Когда же вкушением от древа познания добра и зла – преждевременно и противно заповеди Божией – узнали различие между добром и злом и подверглись всем бедствиям, последовавшим за преступление заповеди Божией, то лишились этого бесценного дара благодати Духа Божия, так что до самого пришествия в мир Богочеловека Иисуса Христа Дух Божий «не убо бе в мире, яко Иисус не убо бе прославлен». Однако это не значит, чтобы Духа вовсе не было в мире, но Его пребывание не было таким полноценным, как в Адаме или в нас, православных христианах, а проявлялось только вне, и признаки Его пребывания в мире были известны роду человеческому. Так, например, Адаму после падения, а равно и Еве вместе с ним, были открыты многие тайны, относившиеся до будущего спасения рода человеческого. И Каину, несмотря на нечестие его и его преступление, удобопонятен был глас благодатного Божественного, хотя и обличительного, собеседования с ним. Ной беседовал с Богом. Авраам,

видя Бога и день Его, и возрадовался. Благодать Святаго Духа, действовавшая отвне, отражалась и во всех ветхозаветных пророках и святых Израиля. У евреев потом заведены были особые пророческие училища, где учили распознавать признаки явления Божьего или Ангелов и отличать действия Духа Святаго от обыкновенных явлений, случающихся в природе неблагоприятной земной жизни. Симеону Богоприимцу, Богоотцам Иоакиму и Анне и многим бесчисленным рабам Божиим бывали постоянные, разнообразные въяве Божественные явления, гласы, откровения, оправдывавшиеся очевидными чудесными событиями. Не с такой силой, как в народе Божием, но проявление Духа Божьего действовало и в язычниках, не ведавших Бога Истинного, потому что и из их среды Бог находил избранных Себе людей. Таковы, например, были девственницы пророчицы, сивиллы, которые обрели свое девство хотя для Бога Неведомого, но все же для Бога, Творца вселенной, и Вседержителя, и Мироправителя, каковым Его и язычники признавали. Также и философы языческие, которые хотя и во тьме неведения божественного блуждали; но, ища истины, возлюбленной Богу, могли быть по самому этому боголюбезному ее исканию причастными Духу Божьему, ибо сказано: «Языки, не ведающие Бога, естеством законная творят и угодная Богу соделывают». А истину так ублажает Господь, что Сам про нее Духом Святым возвещает: «Истина от земли возсия, и правда с небесе прииде».

Так вот, ваше Боголюбие, и в еврейском священном, Богу любезном народе, и в язычниках, не ведающих Бога, а все-таки сохранялось ведение Божие; то есть, батюшка, ясное и разумное понимание того, как Господь Бог Дух Святой действует в человеке, и как именно, и по каким наружным и внутренним ощущениям можно удостовериться, что это действует Господь Бог Дух Святой, а не прелесть вражеская. Таким-то образом все это было от падения Адама до пришествия Господа нашего Иисуса Христа во плоти в мир.

Без этого, ваше Боголюбие, всегда сохранявшегося в роде человеческом ощутительно о действиях Духа Святого понимания, не было бы людям ни по чем возможности узнать в точности, пришел ли в мир, обетованный Адаму и Еве, Плод Семени Жены, имеющий стереть главу змиеву.

Но вот Симеон Богоприимец, сохраненный Духом Святым после предвозвещения ему на 65-м году его жизни тайны приснодевственного от Пречистой Приснодевы Марии Его зачатия и рождения, проживши по благодати Всесвятого Духа Божьего 300 лет, потом на 365-м году жизни своей сказал ясно в храме Господнем, что ощутительно узнал по дару Духа Святого, что это и есть Он Самый, Тот Христос, Спаситель мира, о вышеестественном зачатии и рождении Коего от Духа Святого ему было предвозвещено триста лет тому назад от Ангела.

Вот и святая Анна пророчица, дочь Фануилова, служившая восемьдесят лет от

вдовства своего Господу Богу в храме Божиим, и известная по особнным дарам благодати Божией за вдовицу праведную, чистую рабу Божию, возвестила, что это действительно Он и есть, обетованный миру Мессия, истинный Христос, Бог и человек; Царь Израилев, пришедший спасти Адама и род человеческий.

Когда же Он, Господь наш Иисус Христос, изволил совершить все дело спасения, то по воскресении Своим дунул на апостолов, возобновив дыхание жизни, утраченное Адамом, и даровал им эту же самую Адамову благодать Всесвятого Духа Божия. Но мало сего – ведь говорил же Он им: «Уне есть им, да Он идет ко Отцу; аще же бо не идет Он, то Дух Божий не приидет в мир; аще же идет Он, Христос, ко Отцу, то послет Его в мир, и Он, Утешитель, наставит их и всех последующих их учению на всякую истину, и воспомянет им вся, яже Он глагола им, еще сущи в мире с ними». Это уже обещана была Им благодать-возблагодать. И вот в день Пятидесятницы торжественно ниспослал Он им Духа Святого в дыхании бурне, в виде огненных языков, на коемждо из них седших и вошедших в них и наполнивших их силою огнеобразной Божественной благодати, росоносно дышащей и радостотворно действующей в душах, причащающихся ее силе и действиям. И вот эту-то самую огнедухновенную благодать Духа Святого, когда она подается нам всем, верным Христовым, в Таинстве святого Крещения, священно запечатлевают миропомазанием в главнейших, указанных Святой

Церковью, местах нашей плоти, как вековой хранильницы этой благодати. Говорится: «Печать дара Духа Святаго». А на что, батюшка, ваше Боголюбие, кладем мы, убогие, печати свои, как не на сосуды, хранящие какую-нибудь высокоценимую нами драгоценность? Что же может быть выше всего на свете, и что драгоценнее даров Духа Святаго, ниспосылаемых нам свыше в Таинстве Крещения, ибо крещенская эта благодать столь велика, что даже и от человека-еретика не отъемлется до самой его смерти, то есть до срока, обозначенного свыше по Промыслу Божию для пожизненной пробы человека на земле – на что-де он будет годе, и что-де он в этот Богом дарованный ему срок при посредстве свыше дарованной ему силы благодати сможет совершить? И если бы мы не грешили никогда после крещения нашего, то вовеки пребыли бы святыми, непорочными и изытыми от всякой скверны плоти и духа угодниками Божиими. Но вот в том-то и беда, что мы, преуспевая в возрасте, не преуспеваем в благодати и в разуме Божиим, как преуспевал в том Господь наш Христос Иисус; а напротив того, развращаясь мало-помалу, лишаемся благодати Всесвятаго Духа Божьего, и делаемся в многообразных мерах грешными и многогрешными людьми. Но когда кто, будучи возбужден ищущею нашего спасения премудростью Божиею, обходящею всяческая, решится ради нее на утреневание к Богу и бдение ради обретения вечного своего спасения, тогда тот, послушный гласу ее, должен прибегнуть к ис-

тинному во всех грехах своих покаянию, и к сотворению противоположных содеянным грехам добродетелей; а через добродетели Христа ради – к приобретению Духа Святаго, внутрь нас действующего и внутрь нас Царствие Божие устрояющего. Слово Божие недаром говорит: «Внутри вас есть Царство Божие, и нужно есть оно, и нуждники е восхищают». То есть, те люди, которые, несмотря и на узы греховные, связавшие их и не допускающие своим насилием и возбуждением на новые грехи прийти к Нему, Спасителю нашему, с совершенным покаянием на истязание с Ним, презирая всю крепость этих греховных связок, нудятся расторгнуть их – такие люди являются потом действительно пред лице Божие, паче снега убеленными Его благодатью. «Приидите, – говорит Господь, – и еще грехи ваши будут, яко багряное, то яко снег убелю их». Так, некогда святой тайновидец Иоанн Богослов видел таких людей в одеждах белых, то есть одеждах оправдания, и «финицы в руках их», как знамение победы, и пели они Богу дивную песнь «Аллилуиа». «Красоте пения их никтоже подражати можаше». Про них Ангел Божий сказал: «Сии суть, иже приидоша от скорби великия, иже испраша ризы своя и убелиша ризы своя в Крови Агнчей», – испраша страданиями и убелиша их в причащении Пречистых и Животворящих Тайн Плоти и Крови Агнца Непорочна и Пречиста Христа, прежде всех век закланного Его собственною волею за спасение мира, присно и донныне закалаемого и раздробляемого, но николиже иж-

диваемого, подающего же нам в вечное и неоскудеваемое спасение наше на путие живота вечного во ответ благоприятен на Страшном судище Его, и замену дражайшую и всяк ум превосходящую того плода древа жизни, которую хотел было лишить наш род человеческий враг человеков, спадший с небес Денница.

Хотя враг диавол и обольстил Еву, и с нею пал и Адам, но Господь не только даровал им Искупителя в плоде Семени Жены, смертью поправшего, но и дал всем нам в Жене, Приснодеве Богородице Марии, стершей в Самой Себе и стирающей во всем роде человеческом главу змиеву, неотступную Ходатаицу к Сыну Своему и Богу нашему, непостыдную и непреодолимую Предстательницу даже за самых отчаянных грешников. По этому самому Божия Мать и называется «Язвою бесов», ибо нет возможности бесу погубить человека, лишь бы только сам человек не отступил от прибегания к помощи Божией Матери.

VI

– Еще, ваше Боголюбие, должен я, убогий Серафим, объяснить, в чем состоит различие между действиями Духа Святого, священнотайне вселяющегося в сердца верующих в Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, и действиями тьмы греховной, по наущению и разжжению бесовскому воровски в нас действующей. Дух Божий воспоминает нам слова Господа нашего Иисуса Христа и

действует едино с Ним, всегда торжественно, радостотворя сердца наши и управляя стопы наши на путь мирен; а дух лестчий, бесовский, противно Христу мудрствует, и действия его в нас мятежны, стропотны и исполнены похоти плотской, похоти очес и гордости житейской. «Аминь, аминь глаголю вам, всяк живой и веруяй в Мя не умрет вовеки». Имеющий благодать Святого Духа за правую веру во Христа, если бы по немощи человеческой и умер душевно от какого-либо греха, то не умрет вовеки, но будет воскрешен благодатию Господа нашего Иисуса Христа, взяющего грехи мира и туне дарующего благодать-возблагодать. Про эту-то благодать, явленную всему миру и роду нашему человеческому в Богочеловеке, и сказано в Евангелии: «В Том живот бе, и живот бе свет человеком», и прибавлено: «И свет во тьме светится, и тьма его не объят». Это значит, что благодать Духа Святого, даруемая при крещении во имя Отца и Сына и Святого Духа, несмотря на грехопадения человеческие, несмотря на тьму вокруг души нашей, все-таки светится в сердце искони бывшим Божественным светом бесценных заслуг Христовых. Этот свет Христов при нераскаянии грешника глаголет ко Отцу: «Авва отче, не до конца прогневайся на нераскаянность эту!» А потом, при обращении грешника на путь покаяния, совершенно изглаживает и следы содеянных преступлений, одевая бывшего преступника снова одеждой нетления, сотканной из благодати Духа Святого, о стяжании кото-

рой, как о цели жизни христианской, я говорю столько времени вашему Боголюбию.

Еще скажу вам, чтобы вы еще яснее поняли, что разумею под благодатию Божиею, и как распознать ее, и в чем особенно проявляется ее действие в людях, ею просвещенных. Благодать Духа Святого есть Свет, просвещающий человека. Об этом говорит все Священное Писание.

Так, Богоотец Давид сказал: «Светильник ногама моима закон Твой и свет стезям моим, и еще не закон Твой научение мне был, тогда убо погибл бых во смирении моем». То есть, благодать Духа Святого, выражающаяся в законе словами заповедей Господних, есть светильник и свет мой, и если бы не эта благодать Духа Святого, которую я так тщательно и усердно стяжеваю, что седмижды на день поучаюсь о судьбах правды Твоей, просвещала меня во тьме забот, сопряженных с великим званием моего царского сана, то откуда бы я взял себе хоть искру света, чтобы озарить путь свой по дороге жизни, темной от недоброжелательства недругов моих! И на самом деле, Господь неоднократно проявлял для многих свидетелей действие благодати Духа Святого на тех людях, которых Он освящал и просвещал великими наитиями Его. Вспомните про Моисея после беседы его с Богом на горе Синайской. Люди не могли смотреть на него – так сиял он необыкновенным светом, окружавшим лицо его. Он даже принужден был являться народу не иначе как под покрывалом. Вспомните Преображение Господне на горе Фавор.

Великий свет объял Его, и «быша ризы Его, блещущие яко снег, и ученицы Его от страха падоша ниц». Когда же Моисей и Илия явились к Нему в том же свете, то, чтобы скрыть сияние света Божественной благодати, ослеплявшей глаза учеников, «облак, – сказано, – осени их». И таким-то образом благодать Всесвятого Духа Божия является в неизреченном свете для всех, которым Бог являет действие ее.

VII

– Каким же образом, – спросил я батюшку отца Серафима, – узнать мне, что я нахожусь в благодати Духа Святого?

– Это, ваше Боголюбие, очень просто, – отвечал он мне, – поэтому-то и Господь говорит: «Вся проста суть обретающим разум». Да беда-то вся наша в том, что сами-то мы не имеем этого разума Божественного, который не кичит (не гордится), ибо не от мира сего есть. Разум этот, исполненный любовью к Богу и ближнему, созидает всякого человека во спасение ему. Про этот разум Господь сказал: «Бог хочет всем спастися и в разум истины прийти». Апостолам же Своим про недостаток этого разума Он сказал: «Ни ли неразумливи есте и не чли ли Писания, и притчи сия не разумете ли?..» Опять же про этот разум в Евангелии говорится про апостолов, что «отверз им тогда Господь разум разумети Писания». Находясь в этом разуме, и апостолы всегда видели, пребывает ли Дух Божий в них или нет, и проник-

нутые Им и видя сопребывание с ними Духа Божия, утвердительно говорили, что дело их свято и вполне угодно Господу Богу. Этим и объясняется, почему они в посланиях своих писали: «Изволися Духу Святому и нам» и только на этих основаниях и предлагали свои послания как истину непреложную, на пользу всем верным – так святые апостолы ощутительно сознавали в себе присутствие Духа Божьего. Так вот, ваше Боголюбие, видите ли, как это просто?

Я отвечал:

– Все-таки я не понимаю, почему я могу быть твердо уверенным, что я в Духе Божиим? Как мне самому в себе распознавать истинное Его явление?

Батюшка отец Серафим отвечал:

– Я уже, ваше Боголюбие, сказал вам, что это очень просто, и подробно рассказал вам, как люди бывают в Духе Божиим и как должно разуметь Его явление в нас... Что же вам, батюшка, надобно?

– Надобно, – сказал я, – чтобы я понял это хорошенько!..

Тогда отец Серафим взял меня весьма крепко за плечи и сказал мне:

– Мы оба теперь, батюшка, в Духе Божиим с тобою! Что же ты не смотришь на меня?

Я отвечал:

– Не могу, батюшка, смотреть, потому что из глаз ваших молнии сыпятся. Лицо ваше сделалось светлее солнца, и у меня глаза ломит от боли...

Отец Серафим сказал:

– Не уstraшайтесь, ваше Боголюбие! И вы теперь сами так же светлы стали, как и я сам. Вы теперь в полноте Духа Божьего, иначе вам нельзя было бы и меня таким видеть.

И приклонив ко мне свою голову, он тихонько, на ухо сказал мне:

– Благодарите же Господа Бога за неизреченную к вам милость Его. Вы видели, что я и не перекрестился даже, а только в сердце моем мысленно помолился Господу Богу и внутри себя сказал: «Господи, удостой его ясно и телесными глазами видеть то Сошествие Духа Твоего, которым Ты удостаиваешь рабов Своих, когда благоволишь являться во свете великолепной славы Твоей!» И вот, батюшка, Господь и исполнил мгновенно смиренную просьбу убогого Серафима... Как же нам не благодарить Его за этот Его неизреченный дар нам обоим? Этак, батюшка, не всегда и великим пустынникам являет Господь Бог милость Свою. Эта благодать Божия благоволила утешить сокрушенное сердце ваше, как мать чадолюбивая, по предстательству Самой Матери Божией... Что ж, батюшка, не смотрите мне в глаза? Смотрите просто и не бойтесь – Господь с нами!

Я взглянул после этих слов в лицо его, и напал на меня еще больший благоговейный ужас. Представьте себе: в середине солнца, в самой блистательной яркости его полуденных лучей, лицо человека, с вами разговаривающего. Вы видите движение уст его, меняющееся выражение его глаз, слышите его голос, чувствуете,

что кто-то вас руками держит за плечи, но не только рук этих не видите, не видите ни самих себя, ни фигуры его, а только один свет ослепительный, простирающийся далеко, на несколько сажен кругом, и озаряющий ярким блеском своим и снежную пелену, покрывающую поляну, и снежную крупу, осыпающую сверху и меня, и великого старца. Возможно ли представить себе то положение, в котором я находился тогда?

– Что же чувствуете вы теперь? – спросил меня отец Серафим.

– Необыкновенно хорошо! – сказал я.

– Да как же хорошо? Что именно?

Я отвечал:

– Чувствую я такую тишину и мир в душе моей, что никакими словами выразить не могу!

– Это, ваше Боголюбие, – сказал батюшка отец Серафим, – тот мир, про который Господь сказал ученикам Своим: «Мир Мой даю вам, не якоже мир дает, Аз даю вам. Аще бо от мира были бысте, мир убо любил свое, но якоже избрах вы от мира, сего ради ненавидит вас мир. Обаче дерзайте, яко Аз победих мир». Вот этим-то людям, ненавидимым от мира сего, избранным же от Господа, и дает Господь тот мир, который вы теперь в себе чувствуете: «Мир, по слову апостольскому, всяк ум преимуший». Таким его называет апостол, потому что нельзя выразить никаким словом того благосостояния душевного, которое он производит в тех людях, в сердца которых его внедряет Господь Бог. Христос Спаситель называет его

миром от щедрот Его собственных, а не от мира сего, ибо никакое временное земное благополучие не может дать его сердцу человеческому; он свыше даруется от Самого Господа Бога, почему и называется миром Божиим. Что же еще чувствуете вы? – спросил меня отец Серафим.

– Необыкновенную сладость! – отвечал я. И он продолжал:

– Это та сладость, про которую говорится в Священном Писании: «От тука дому Твоего упиются и потоком сладости Твоея напоиши я». Вот эта-то теперь сладость преисполняет сердца наши и разливается по всем жилам нашим неизреченным услаждением. От этой-то сладости наши сердца будто тают, и мы оба исполнены такого блаженства, какое никаким языком выражено быть не может... Что же еще вы чувствуете?

– Необыкновенную радость во всем моем сердце!

И батюшка отец Серафим продолжал:

– Когда Дух Божий снисходит к человеку и осеняет его полнотою Своего наития, тогда душа человеческая преисполняется неизреченною радостью, ибо Дух Божий радостотворит все, к чему бы Он ни прикоснулся. Это та самая радость, про которую Господь говорит в Евангелии Своем: «Жена, егда раждает, скорбь имать, яко прииде год ея; егда же родит отроча, к тому не помнит скорби за радость, яко человек родился в мир. В мире скорбни будете, но егда узрю вы, возрадуется сердце ваше, и ра-

дости вашей никтоже возьмет от вас». Но как бы ни была утешительна радость эта, которую вы теперь чувствуете в сердце своем, все-таки она ничтожна в сравнении с тою, про которую Сам Господь, устами Своего апостола, сказал, что радости той «ни око не виде, ни ухо не слыша, ни на сердце человеку не взыдоша благая, яже уготовал Бог любящим Его». Предзадатки этой радости даются нам теперь, и если от них так сладко, хорошо и весело в душах наших, то что сказать о той радости, которая уготовлена там, на небесах, плачущим здесь, на земле?! Вот и вы, батюшка, довольно-таки поплакали в жизни вашей на земле, и смотрите-ка, какою радостью утешает вас Господь еще в здешней жизни. Теперь за нами, батюшка, дело, чтобы, труды к трудам прилагая, восходить нам от силы в силу и достигнуть меры возраста исполнения Христова, да сбудутся на нас слова Господни: «Терпящие же Господа, тии изменят крепость, окрилатеют, яко орли, потекут и не утрудятся, пойдут и не взалчут, пойдут от силы в силу, и явится им Бог богов в Сионе разумения и небесных видений...» Вот тогда-то наша теперешняя радость, являющаяся нам вmale и вкратце, явится во всей полноте своей, и никто не возмет ее от нас, преисполняемых неизъяснимых пренебесных наслаждений... Что же вы чувствуете, ваше Боголюбие?

Я отвечал:

– Теплоту необыкновенную!

– Как, батюшка, теплоту? Да ведь мы в лесу сидим. Теперь зима на дворе, и под ногами

снег, и на нас более вершка снегу, и сверху круп па падает... Какая же может быть тут теплота?

Я отвечал:

– А такая, какая бывает в бане, когда поддадут на каменку и когда из нее столбом пар валит...

– И запах, – спросил он меня, – такой же, как из бани?

– Нет, – отвечал я, – на земле нет ничего подобного этому благоуханию. Когда еще при жизни матушки моей я любил танцевать и ездил на балы и танцевальные вечера, то матушка моя опрыснет меня, бывало, духами, которые покупала в лучших модных магазинах Казани, но те духи не издают такого благоухания...

И батюшка отец Серафим, приятно улыбувшись, сказал:

– И сам я, батюшка, знаю это точно так же, как и вы, да нарочно спрашиваю у вас, так ли вы это чувствуете? Сущая правда, ваше Боголюбие! Никакая приятность земного благоухания не может быть сравнена с тем благоуханием, которое мы теперь ощущаем, потому что нас теперь окружает благоухание Святого Духа Божия. Что же земное может быть подобно ему?... Заметьте же, ваше Боголюбие, ведь вы сказали мне, что кругом нас тепло, как в бане, а посмотрите-ка, ведь ни на вас, ни на мне снег не тает и под нами также. Стало быть, теплота эта не в воздухе, а в нас самих. Она-то и есть именно та самая теплота, про которую Дух Святой словами молитвы заставляет нас вопиять к Господу: «Теплотою Духа Святого согрей мя!» Ею-то со-

греваемые, пустыnnики и пустыnnицы не боялись зимнего мразя, будучи одеваемы, как в теплые шубы, в благодатную одежду, от Святаго Духа истканную. Так ведь и должно быть на самом деле, потому что благодать Божия должна обитать внутри нас, в сердце нашем, ибо Господь сказал: «Царствие Божие внутри вас есть». Под Царствием же Божиим Господь разумел благодать Духа Святаго. Вот это Царствие Божие теперь внутри нас и находится, а благодать Духа Святаго и отвне осиявает и согревает нас и, преисполняя многообразным благоуханием окружающий нас воздух, услаждает наши чувства пренебесным услаждением, напоая сердца наши радостью неизглаголанною. Наше теперешнее положение есть то самое, про которое апостол говорит: «Царствие Божие несть пища и питье, но правда и мир о Дусе Святе». Вера наша состоит «не в препретельных земных премудрости словах, но в явлении силы и духа». Вот в этом-то состоянии мы с вами теперь и находимся. Про это состояние именно и сказал Господь: «Суть нецыи от zde стоящих, иже не имут вкусити смерти, дондеже видят Царствие Божие, пришедшее в силе...» Вот, батюшка, ваше Боголюбие, какой неизреченной радости сподобил нас теперь Господь Бог!.. Вот что значит быть в полноте Духа Святаго, про которую святой Макарий Египетский пишет: «Я сам был в полноте Духа Святаго...» Этою-то полнотою Духа Своего Святаго и нас, убогих, преисполнил теперь Господь... Ну уж теперь нечего более, кажется, спрашивать, ваше

Боголюбие, каким образом бывают люди в благодати Духа Святаго!.. Будете ли вы помнить теперешнее явление неизреченной милости Божией, посетившей нас?

– Не знаю, Батюшка, – сказал я, – удостоит ли меня Господь навсегда помнить так живо и явственно, как теперь я чувствую, эту милость Божию.

– А я мню, – отвечал мне отец Серафим, – что Господь поможет вам навсегда удержатъ это в памяти вашей, ибо иначе благодать Его не преклонилась бы так мгновенно к смиренному молению моему и не предварила бы так скоро послушать убогого Серафима, тем более что и не для вас одних дано вам разуметь это, а через вас для целого мира, чтобы вы сами, утвердившись в деле Божиим, и другим могли быть полезными. Что же касается до того, батюшка, что я монах, а вы мирской человек, то об этом думать нечего: у Бога взыскуется правая вера в Него и Сына Его Единородного. За это и подастся обильно свыше благодать Духа Святаго. Господь ищет сердца, преисполненные любовью к Богу и ближнему, – вот престол, на котором Он любит восседать и на котором Он является в полноте Своей пренебесной славы. «Сыне, даждь Ми сердце твое! – говорит Он. – А все прочее Я Сам приложу тебе», ибо в сердце человеческом может вмещаться Царствие Божие. Господь заповедует ученикам Своим: «Ищите прежде Царствия Божия и правды его, и сия вся приложатся вам. Вестъ бо Отец ваш Небесный, яко всех сих требуете». Не уко-

ряет Господь Бог за пользование благами земными, ибо и Сам говорит, что по положению нашему в жизни земной мы всех сих требуем, то есть всего, что успокаивает на земле нашу человеческую жизнь и делает удобным и более легким путь наш к Отечеству Небесному. На это опираясь, святой апостол Петр сказал, что, по его мнению, нет ничего лучше на свете, как благочестие, соединенное с довольством. И Церковь Святая молится о том, чтобы это было нам даровано Господом Богом; и хотя прискорбия, несчастья и разнообразные нужды и неразлучны с нашей жизнью на земле, однако же Господь Бог не хотел и не хочет, чтобы мы были только в одних скорбях и напастях, почему и заповедует нам через апостолов носить тяготы друг друга и тем исполнять закон Христов. Господь Иисус лично дает нам заповедь, чтобы мы любили друг друга и, соутешаясь этой взаимной любовью, облегчали себе прискорбный и тесный путь нашего шествования к Отечеству Небесному. Для чего же Он и с небес сошел к нам, как не для того, чтобы, восприяв на Себя нашу нищету, обогатить нас богатством благодати Своей и Своих неизреченных щедрот. Ведь пришел Он не для того, чтобы послужили Ему, но да послужит Сам другим, и да даст душу Свою за избавление многих. Так и вы, ваше Боголюбие, творите и, видевши явно оказанную вам милость Божию, сообщайте о том всякому желающему себе спасения. «Жатвы бо много, – говорит Господь, – делателей же мало». Вот и нас

Господь Бог извел на делание и дал дары благодати Своей, чтобы, пожиная класы спасения наших ближних через множайшее число приведенных нами в Царствие Божие, принесли Ему плоды ово тридесят, ово шестьдесят, ово же сто. Будем же блюсти себя, батюшка, чтобы не быть нам осужденным с тем лукавым и ленивым рабом, который закопал свой талант в землю, а будем стараться подражать тем благим и верным рабам Господа, которые принесли Господину своему один вместо двух – четыре, другой вместо пяти – десять. О милосердии же Господа Бога сомневаться нечего: сами, ваше Боголюбие, видите, как слова Господни, сказанные через пророка, сбылись на нас. «Несмы Аз Бог издалече, но Бог изблизи и при устех твоих есть спасение твое». Не успел я, убогий, перекреститься, а только лишь в сердце своем пожелал, чтобы Господь удостоил вас видеть Его благодетельню во всей ее полноте, как уже Он немедленно и на деле исполнении моего пожелания поспешить изволил. Не велехваясь говорю я это, и не с тем, чтобы показать вам свое значение и привести вас в зависть, и не для того, чтобы вы подумали, что я монах, а вы мирянин, нет, ваше Боголюбие, нет! «Близ Господь всем призывающим Его во истине, и несть у Него зрения на лица, Отец бо любит Сына и вся дает в руце Его», лишь бы только мы сами любили Его, Отца нашего Небесного, истинно, по-сыновнему. Господь равно слушает и монаха, и мирянина, просто-го христианина, лишь бы оба были православ-

ные, и оба любили Бога из глубины душ своих, и оба имели в Него веру, хотя бы «яко зерно горюшно», и оба двинут горы. «Един движет тысячи, два же тьмы». Сам Господь говорит: «Вся возможна верующему», а батюшка святой апостол Павел велегласно восклицает: «Вся могу о укрепляющем мя Христе». Не дивнее ли еще этого Господь наш Иисус Христос говорит о верующих в Него: «Веруяй в Мя, дела не точию яже Аз творю, но и больше сих сотворит, яко Аз иду ко Отцу Моему и умолю Его о вас, да радость ваша исполнена будет. Доселе не просите ничесоже во имя Мое, ныне же просите и примете...» Так-то, ваше Боголюбие, все, о чем бы вы ни попросили у Господа Бога, все восприимете, лишь бы только было во славу Божию или на пользу ближнего, потому что и пользу ближнего Он же к славе Своей относит, почему и говорит: «Вся, яже единому от меньших сих сотвористе, Мне сотвористе». Так не имейте никакого сомнения, чтобы Господь Бог не исполнил ваших прошений, лишь бы только они или к славе Божией, или к пользам и назиданию ближних относились. Но если бы даже и для собственной вашей нужды, или пользы, или выгоды вам что-либо было нужно, и это даже все столь же скоро и благопослушливо Господь Бог изволит послать вам, только бы в том крайняя нужда и необходимость настояла, ибо любит Господь любящих Его: благ Господь всяческим, щедрит же и дает и не призывающим имени Его, и щедроты Его во всех делах Его, волю же боящихся Его сотворит, и

молитву их услышит, и весь совет их исполнит, исполнит Господь вся прошения твоя. Одного опасайтесь, ваше Боголюбие, чтобы не просить у Господа того, в чем не будете иметь крайней нужды. Не откажет Господь вам и в том за вашу православную веру во Христа Спасителя, ибо не предаст Господь жезла праведных на жребий грешных, и волю раба Своего Давида сотворит неукоснительно, однако взыщет с него, зачем он тревожил Его без особой нужды, просил у Него того, без чего мог бы весьма удобно обойтись.

Так-то, ваше Боголюбие, все я вам сказал теперь и на деле показал, что Господь и Божия Мать через меня, убогого Серафима, вам сказать и показать соблаговолили. Грядите же с миром. Господь и Божия Мать с вами да будет всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь. Грядите же с миром!..

И во все время беседы этой с того самого времени, как лицо отца Серафима просветилось, видение это не переставало, и все с начала рассказа и доселе сказанное говорил он мне, находясь в одном и том же положении. Исходившее же от него неизреченное блистание света видел я сам, своими собственными глазами, что готов подтвердить и присягою.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

*Архимандрит Иоанн (Крестьянкин)***СЛОВО В ДЕНЬ ПАМЯТИ
ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА,
САРОВСКОГО ЧУДОТВОРЦА**

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Возлюбленные мои, други наши, ныне Православная Церковь вспоминает день кончины дивного угодника Божия, покровителя и молитвенника земли Русской, отца нашего Серафима Саровского.

Краткое житие его почти всем вам известно. Сейчас же Божиим благословением к нам приходят книги о преподобном старце, изданные большим тиражом. Их читали некогда наши бабушки и дедушки и даже, может быть, наши родители, и эти книги поддерживали в них живое горение любви к дивному угоднику Божию, повествуя о подвигах и наставлениях преподобного Серафима. А теперь и мы с вами имеем такую радостную возможность – подробно узнать его житие и руководствоваться его наставлениями на пути к Богу.

158 лет назад отошел в мир иной великий подвижник, перейдя от великих трудов к великой радости вечной, дерзновенно молясь Святой Троице за многострадальную Русь. Он ушел, но опыт его жизни, его советы и любовь остались с нами, и сегодня я хочу воспроизве-

сти беседу старца с тем, кто, как и мы с вами теперь, искал пути спасения. Преподобный Серафим Саровский живою любовью к людям подобен ключу, который забил чистой струей из глубины темного леса, разлился в реку и, неся в море неиссякающие волны свои, поит миллионы людей.

Живя на земле, старец Божий учил, утешал, исцелял тех, кто с верой, любовью, надеждой приходил к нему, подкреплял и вразумлял тех, кто желал побеждать грехи. «Умру, в могиле буду лежать, но вы приходите ко мне на могилку, здесь, как живому, расскажите мне все, что ваше сердце хочет сказать; и я, как живой, и из могилки услышу вас», – говорил старец друзьям перед смертью.

Не всем людям, особенно беднякам, труженикам или больным, даже при глубокой вере в молитвенную помощь и любовь старца, удастся прийти к нему, но зато все могут прочитать советы его сердца святого, которые он оставил нам.

Вот почему в эти святые дни, когда Церковь славословит Христа и вспоминает кончину преподобного старца, верного слуги Христова, хорошо и нам вспомнить советы святого Серафима.

В день Рождества Христова 1832 года некий раб Божий удостоился видеть отца Серафима в Саровской пустыни. «Я, – говорил этот раб Божий, – пришел в больничную церковь к ранней обедне еще до начала службы и увидел, что отец Серафим сидит на правом клиросе, на

полу... По окончании же обедни, когда я снова подошел к нему, он приветствовал меня словами: «Молитвами Пресвятыя Богородицы все благо будет!» Тогда я осмелился попросить его о назначении мне времени для выслушания от него спасительных советов. Старец на то отвечал мне так: «Два дня праздника. Времени не надо назначать. Святой апостол Иаков, брат Божий, поучает нас: аще Господь восхощет, и живы будем, сотворим сие и сие».

Я спросил его: продолжать ли мне мою службу или жить в деревне? Отец Серафим отвечал: «Ты еще молод, служи». – «Но служба моя нехороша», – возразил я. «Это от твоей воли, – отвечал старец. – Добро делай; путь Господень все равно! Враг везде с тобой будет. Кто приобщается – везде спасен будет, а кто не приобщается – не мною. Где господин, там и слуга будет. Смирй себя, мир сохраняй, ни за что не злобься».

Я спросил еще: благополучно ли кончится мое дело? Старец отвечал: «Надобно полюбовно разделить с родными, у кого есть что разделить. Было у двух родных братьев два озера; у одного все множилось, а у другого нет. Тот и захотел завладеть войною. Одному нивы надобно двенадцать сажень, а другому более. Не пожелай».

После того я спросил: учить ли детей языкам и прочим наукам? И он отвечал: «Что же худого знать что-нибудь?» Я же, грешный, подумал, рассуждая по-мирскому, что нужно, впрочем, ему самому быть ученым, чтобы отвечать на это, и

тотчас же услышал от прозорливого старца обличение: «Где мне, младенцу, отвечать на это против твоего разума? Спроси кого поумней».

Вечером я умолял его продолжить спасительную беседу, и предложил ему следующий вопрос: скрывание дел, предпринятых во имя Господне, в случае, когда знаешь, что получишь за них скорее осмеяние, нежели похвалу, не похоже ли на отвержение Петра; и что делать при противоречиях? Старец на это отвечал мне так:

«Святой апостол Павел в послании к Тимофею говорит: пей вино вместо воды, а вслед за ним следует: не упивайтесь вином. На это надо разум. Не воструби; а где нужно, не премолчи».

Я спросил еще: что прикажет он мне читать? И получил ответ: «Евангелие по четыре зачала в день, каждого Евангелиста по зачалу, и еще жизнь Иова. Хотя жена и говорила ему: лучше умереть; а он все терпел и спасся. Да не забывай дары посылать обидавшему тебя».

На вопросы мои: должно ли лечиться в болезнях и как вообще проводить жизнь, он отвечал: «Болезнь очищает грехи. Однако же воля твоя. Иди средним путем; выше сил не берись – упадешь, и враг посмеется тебе; аще юн сый, удержишься. Однажды диавол предложил праведнику прыгнуть в яму. Тот было согласился, но Григорий Богослов удержал его. Вот что делай: укоряют – не укоряй; гонят – терпи; хулят – хвали; осуждай сам себя, так Бог не осудит; покоряй волю свою воле Господней;

никогда не льсти; познавай в себе добро и зло; блажен человек, который знает это, люби ближнего твоего: ближний твой – плоть твоя. Если по плоти живешь, то и душу, и плоть погубишь; а если по-Божьему, то обоих спасешь. Эти подвиги больше, чем в Киев идти или и далее, кого Бог позовет».

Последние слова отца Серафима относились к желанию моему отправиться на богомолье в Киев и далее, если благословит.

Впрочем, я не открыл ему еще этого желания, и отец Серафим узнал о нем единственно по дару прозрения, которое имел он по благодати Божией... Я попросил его помолиться обо мне, он отвечал: «За всех молюсь всякий день. Устрой мир душевный, чтобы никогда не огорчать и ни на кого не огорчаться, тогда Бог даст слезы раскаяния». И опять подтвердил: «Укоряют – не укоряй», и т. д.

На вопрос мой: как сохранить нравственность людей, мне подчиненных, и не противны ли Богу законные, по-видимому, наказания – он отвечал: «Милостями, облегчением трудов, а не ранами. Напой, накорми, будь справедлив. Господь терпит; Бог знает, может быть, и еще протерпит долго. Ты так делай: аще Бог прощает, и ты прощай. Сохрани мир душевный, чтобы в семействе у вас ни за что не было ссоры; тогда благо будет. Исаак, Авраамов сын, не злобился, когда у него колодцы засыпали, и отходил; а потом его же стали просить к себе, когда Господь Бог благословил его стократным плодом ячменя».

Я спросил старца: нужно ли молиться Богу об избавлении от опасных случаев? Старец отвечал: «В Евангелии сказано: «молящиеся же не лишше глаголите... вестъ бо Отец ваш, ихже требуете, прежде прошения вашего. Сице убо молитесь вы: Отче наш, Сущий на небесах! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; хлеб наш насущный дай нам на сей день. И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаво-го». Тут благодать Господня; а что приняла и облобызала Святая Церковь, все для сердца христианина должно быть любезно. Не забывай праздничных дней: будь воздержен, ходи в церковь, разве немощи когда, молись за всех: много этим добра сделаешь; давай свечи, вино и елей в церковь: милостыня много тебе блага сделает».

Когда я спросил о посте и браке, старец сказал: «Царство Божие не брашно и питье, но правда, мир и радость о Дусе Святе; только не надобно ничего суетного желать, а все Божие хорошо: и девство славно, и посты нужны для побеждения врагов телесных и душевных. И брак благословен Богом: и благослови их Бог, глаголя: раститесь и множитесь. Только враг смущает все».

На вопрос мой о духе мнительности и о хульных помыслах он отвечал: «Неверного ничем не уверишь. Это от себя. Псалтирь купи: там все есть...»

Я спросил его: можно ли есть скоромное по постам, если кому постная пища вредна и врачи приказывают есть скоромное? Старец отвечал: «Хлеб и вода никому не вредны. Как же люди по сто лет жили? Не о хлебе едином жив будет человек; но о всяком глаголе, исходящем из уст Божиих. А что Церковь положила на семи Вселенских Соборах, то исполняй. Горе тому, кто слово одно прибавит к сему или убавит. Что врачи говорят про праведных, которые исцеляли от гниющих ран одним прикосновением, и про жезл Моисея, которым Бог из камня извел воду? Какая польза человеку, аще мир весь приобрящет, душу же свою отщетит? Господь призывает нас: приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы: иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть: да мы сами не хотим».

Во все время всей нашей беседы отец Серафим был чрезвычайно весел. Он стоял, опершись на дубовый гроб, приготовленный им для самого себя, и держал в руках зажженную восковую свечу».

Но бывали у старца Серафима и такие люди, «которые не искали себе назидания, а хотели лишь удовлетворить свою пытливость».

Так, одному саровскому брату подумалось, что уже близок конец мира, что наступает великий день второго пришествия Господня. Вот он и спрашивает о сем мнения отца Серафима. Старец же смиренно отвечал: «Радость моя! Ты много думаешь о Серафиме убогом. Мне ли знать, когда будет конец миру сему и наступит

великий день, в который Господь будет судить живых и мертвых и воздаст каждому по делам его? Нет, сего мне знать невозможно...»

Господь сказал Своими пречистыми устами: «О дни же том и часе никтоже весть, ни Ангели небеснии, токмо Отец Мой един. Якоже бо бысть во дни Ноевы, тако будет и пришествие Сына Человеческого. Якоже бо беху во дни прежде потопа, ядуще и пиюще, женящиеся и посягающе, до негоже дне вниде Ное в ковчег, и не уведеша, дондеже прииде вода и взят вся: тако будет и пришествие Сына Человеческого» (Мф. 24: 36–39).

При сем старец тяжело вздохнул и сказал: «Мы, на земле живущие, много заблудили от пути спасительного; прогневаем Господа и нехранением святых постов; ныне христиане разрешают на мясо и во святую четыредесятницу, и во всякий пост; среды и пятницы не сохраняют; а Церковь имеет правило: не хранящие святых постов и всего лета среды и пятницы много грешат. Но не до конца прогневается Господь, паки помилует. У нас вера Православная, Церковь, не имеющая никакого порока».

И «исполнение заповедей Христовых для каждого христианина есть бремя легкое, как сказал Сам Спаситель наш, только нужно всегда иметь их в памяти; а для этого всегда нужно иметь в уме и на устах молитву Иисусову, а пред очами представлять жизнь и страдания Господа нашего Иисуса Христа, Который из любви к роду человеческому пострадал до смерти крестной. В то же время нужно очищать совесть

исповеданием грехов своих и приобщением Пречистых Таин Тела и Крови Христовой».

«Радость моя, молю тебя, стяжи мирный дух!» – сказал отец Серафим другому вопрошающему и тут же объяснил: «...это значит надобно быть подобно мертвому или совершенно глухому или слепому при всех скорбях, клеветах, поношениях и гонениях, которые неминуемо приходят ко всем, желающим идти по спасительным стезям Христовым».

А заканчивались беседы старца почти всегда словами о необходимости тщательно заботиться о своем спасении, пока не прошло еще благоприятное время. Преподобный Серафим Саровский еще в начале прошлого века сказал: «У нас вера Православная, Церковь, не имеющая никакого порока. Сих ради добродетелей Россия всегда будет славна и врагам страшна и непреоборима, имущая веру и благочестие... – сих врата ада не одолеют».

Из истории России видно, что есть соответствие внешней судьбы нашей Родины с внутренним состоянием народного духа. Поэтому необходимо понять, что как грех привел к катастрофе, так и покаяние способно привести к восстановлению России.

События XX века показали, что мир стоит перед лицом гибели. Дай Господь вам всем мужество очнуться, чтобы понять, что заблудились люди во мраке обольщения. Вот тогда-то миру и понадобится неугасимая лампада – Святая Русь, ибо без нее не выбраться из трясины.

Россия! Будь такою, какою ты нужна Христу!

Дорогие мои, великое счастье и утешение, но и трепет велик видеть сбывающимися обетования Божии. Сегодня сбываются не только обетования Самого Спасителя, сбываются предсказания святых угодников Божиих – Божиих людей.

Россия за многие согрешения идет путем огненного и скорбного очистительного испытания, и это чувствует вся страна, вся Церковь, каждый человек.

Особенно тяжки скорби тех, кому дал Господь провидеть судьбы народа Божия. Скорбел обо всем мире, о Церкви и ее иерархах, о каждом приходящем к нему человеке преподобный Серафим Саровский. В молитве, на морозе, примерзая к земле, плакали в судьбоносные моменты жизни России воспитанницы преподобного – юродивые Христа ради. Но обещали они сквозь слезы и грядущее за горем облегчение.

В свое время, когда возвращенная молитвой и трудами преподобного Серафима Саровского Дивеевская обитель еще была в расцвете, ее великий покровитель однажды в незначительном, на первый взгляд, разговоре на празднике Рождества Пресвятой Богородицы сказал: «Придет время, и мои сиротки в Рождественские ворота как горох посыпятся». И никто ничего не понял из его слов. А в 1927 году, в день Рождества Пресвятой Богородицы, тяжелая рука гонителей опустилась на обитель, и надолго умолкло живое слово молитвы к Богу в стенах ее.

Но тот же преподобный Серафим произнес тогда – еще при жизни своей – и другое пророческое слово о Дивееве. Обещая возрождение обители, он говорил: «Не хлопчите и не доискивайтесь, и не просите монастыря – придет время, без всяких хлопот прикажут вам быть монастырем, тогда не отказывайтесь».

И время пришло. В апреле 1988 года светские власти неожиданно приказали верующим принимать монастырский Троицкий собор.

А теперь и сам преподобный хочет исполнить свое пророчество о возвращении его в Дивеево. Ведь при жизни он там никогда не был, а мощами своими обещал упокоение в созданной его трудами Дивеевской обители, возрождающейся в наши дни его молитвой.

Дорогие мои, сейчас происходят знаменательные события в духовном мире. Одно из них – удивительное второе обретение святых мощей преподобного Серафима Саровского. Ровно семьдесят лет томившийся в заточении своими нетленными мощами угодник Божий преподобный Серафим возвратился в Церковь.

В 1920 году при закрытии Саровского монастыря рака его была вскрыта, и останки великого старца земли Русской исчезли, и след их затерялся. Но он потерялся для нас, но сокроуен и сохранен Господом. Святейший Патриарх Алексий II в связи с этим знаменательным событием сказал, обращаясь ко всем нам, что преподобный Серафим во дни своей земной жизни, в начале XIX века, был тем духовным огоньком, у которого отогревалась

Россия, уже более века насильственно ведомая по пути расцерковления и обмирщения народной жизни. Он был общенародно прославлен в первые годы нашего века, накануне новых, невиданно тяжких испытаний для страны и Церкви.

И вот сейчас, когда мы вновь входим в скорбные годы (хотя Церковь ныне и не притесняема, но она не может не скорбеть вместе со своим народом обо всех его бедах), снова нам явлен и, если можно так сказать, зримо приближен к нам преподобный Серафим.

Сегодня, вспоминая заветы преподобного, особо хочется вспомнить о его удивительном, поистине благодатном умении радоваться людям. «Радость моя!» – этими словами он встречал каждого приходящего.

В наши дни, когда в любом незнакомце люди склонны подозревать врага, соперника, помеху, нам так необходимо вспомнить, что можно и должно иначе относиться к ближним.

Ни один человек не уходил неутешенным из келии саровского старца. Надеюсь, ныне он донесет и наши молитвы до Престола Всемиловитого Спаса; тогда наше духовное обновление и выздоровление не замедлит. Дай Бог всем нам стать причастниками «Серафимовой радости».

Мощи преподобного, освящая русскую землю, ради поклонения многих людей до февраля будут находиться в Александро-Невской Лавре; с февраля по август посетит преподобный Москву и побудет в патриаршем Елоховском

соборе. А ко дню памяти преподобного – 1 августа – его мощи обретут покой и останутся на постоянное пребывание в Дивеевской обители, основанной святым угодником.

И верится нам, что если преподобный Серафим при жизни своей согревал любовью приходящих людей, то и теперь с прежней лаской согреет он изболевшие души. Только приди к нему мысленно, обратись к нему в молитве. И услышишь сердцем своим: «Радость моя, гряди, гряди ко мне!»

Трогательное до слез, привязывающее сердце невыразимой властью есть в дивном старце Серафиме. «Он, как пудовая свеча, – говорил Воронежский архиепископ Антоний, – всегда горит пред Господом, как прошедшею своею жизнью на земле, так и настоящим своим дерзновением пред Святою Троицею».

И именно в те дни, когда оскудела среди людей любовь, когда стала остывать в народе вера, взошел в блистающем ореоле любви и святости преподобный отец Серафим, Саровский чудотворец.

Возрадуемся же, други мои, что имеем мы среди наших русских святых такого дивного, жившего во славу Божию, преподобного старца, память которого сегодня мы собрались молитвенно прославить. И из глубины сердец наших воззовем: «Ублажаем, ублажаем тя, преподобне отче Серафиме, и чтим святую память твою, наставниче монахов и собеседниче Ангелов». Аминь.

2 (15) января 1991 года.

Приложение 3

Иван Шмелев

МИЛОСТЬ ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА

То, что произошло со мною в мае сего 1934 года, считаю настолько знаменательным, настолько поучительным и радостным, что не могу умолчать об этом. Мало того: внутренний голос говорит мне, что я должен, должен оповестить об этом верующих в Бога и даже неверующих, дабы и эти, неверующие, задумались... Чудесно слово Исаии: «О, вы, напоминающие о Господе! не умолкайте!» (Ис. 62: 6).

Старая болезнь моя, впервые сказавшаяся в 1909–1910 гг., обострилась весной 1923 года. Еще в Москве доктора, к которым я обращался, предполагали, кишечные мои боли надо объяснить неправильным режимом, – «много работаете, едите наскоро, не жуя, много курите... очевидно, избытие и крепость желудочного сока способствуют раздражению слизистой оболочки желудка и кишечника... Расстройство нервной системы также способствует выделению желудочного сока и мешает заживлению язвочек... Меньше курите, пейте больше молока, это пройдет, вы еще молоды, поборете болезнь». Отчасти они были правы. Правда, ни один не предложил исследования лучами Рентгена, ни один не предписал како-

го-нибудь лекарства... но, повторяю, отчасти они были правы: не определив точно моей болезни, они все же указывали разумное: воздержание и некоторую диету. Временами боли были едва терпимы, – в области печени, – но я опытом находил средства облегчать их: пил усиленно молоко, старался меньше курить, часто днями лежал и много ел. Поешь – и боли утихали. Странная вещь: во время болей, продолжавшихся иногда по два и по три месяца, я прибавлялся в весе. Это меня успокаивало: ничего серьезного нет. Проходили годы, когда я не чувствовал знакомых и острых или, порой, «рвущих» болей под печенью. В страшные годы большевизма, в Крыму, болей я не испытывал. Правда, тогда питание было скудное, да и куренье тоже. А может, нервные потрясения глушили, давили боли физические? – не знаю. Пять лет жизни во Франции, с 1923 по весну 1928 года, я был почти здоров, если не считать мимолетных болей – на 1–2 недели. Но ранней весной 1928 года начались такие острые боли, что пришлось обратиться к доктору. Впервые, за многие годы, один наш, русский, доктор в Париже, С. М. Серов – расспросами и простукиваниями установил предположительно, что у меня язва 12-перстной кишки, и настоял на исследовании лучами Рентгена. Исследование подтвердило: да, язва... но она была, а теперь лишь «раздражение», причиняющее порой боли. Мне прописали лечение висмутом – *ou nitrate de bismuth* – и указали пищевой режим. С той поры боли затихали на месяц, на два, и

возобновлялись все с большей силой. Я следовал режиму, не ел острого, пил больше молока, меньше курил, совершенно не пил вина, но боли стали появляться чаще, давали отсрочки все короче. Наконец, дело дошло до того, что я редкий день не ложился на два – на три часа, чтобы найти знакомое облегчение болям. Но эти облегчения приходили все реже.

Доктора вновь исследовали меня лучами Рентгена, через 2 года, и вновь нашли, что язва была, а теперь – так, ее последствия, воспаляется оставленная язвой в стенках 12-перстной кишки так называемая на медицинском языке «ниша». Что бы там ни было, но эта «ниша» не давала мне покою. Бывало, я хоть ночами не чувствовал болей, а тут боли начинали меня будить, заставляли вставать и пить теплое молоко. Я стал усиленно принимать «глинку» (*caolin*), чтобы, так сказать, «замазать», прикрыть язву или «нишу». Теперь уже не помогала и усиленная еда, напротив: через часа два после еды, когда пищевая кашица начинала поступать из желудка в кишечник, тут-то боли и начинали рвать и раздирать когтями, – в правом боку, под печенью. Пропадала охота к работе, неделями я не присаживался к письменному столу, а лишь переключивался с постели на диван, с дивана – на постель. С горечью, с болью душевной, думал: «кончилась моя писательская работа... довольно, пора...» Только присядешь к столу, напишешь две-три строчки... – они, боли! Там, где-то, меня гложет что-то... именно, гложет, сосет, потом начинает царапать, потом уже и рвать

когтями. На минуту-другую я находил облегчение, когда выпьешь теплого молока. Полежишь с недельку в постели – боли на недельку-другую затихают. Так я перемогался до весны 1934 года. Ранней весной я стал испытывать головокружения, слабость. Боли непрекращающиеся. Я стал худеть, заметно. Я ел самое легкое (и, между прочим, бульон, чего как раз и не следовало бы), курить почти бросил, давно не ел ничего колбасного, жирного, острого. Принимал всякие «спесиалите» против язв... – никакого результата. Мне приходило в голову, что язва, может быть, перешла в нечто более опасное, неизлечимое. Начались и рвоты. Еда уже не облегчала, напротив: после приема пищи, через два часа, боли обострялись, начинало «стрелять» и «сверлить» в спине под правой лопаткой, будто там поселился злой жук-сверлильщик. Я терял сон, терял аппетит: я уже боялся есть. Всю Страстную неделю были нестерпимые боли.

Я люблю церковные песнопения Страстной, и с трудом доходил до церкви; преодолевая боли, стоял и слушал. Помню, в Великую Субботу в отчаянии я думал: не придется поехать к Светлой Заутрене... Нет, преодолел боли, поехал, – и боли дорогой кончились. Я отстоял без них Заутреню. Первый день Пасхи их не было, – как чудо! Но со второго дня боли явились снова и уже не отпускали меня... до конца, до... чудесного, случившегося со мной.

Весь апрель я метался, не зная, что же предпринять теперь. Мне стали советовать обратиться к французам-специалистам.

Обычный вес мой упал в середине апреля с 54 кило до 50. Я поехал к известному профессору – французу Б., специалисту по болезням кишечника и печени. Он взвесил меня: 48 кило. Исследовал меня тщательно, все расспросил, – и выражение его лица не сказало мне ничего ободряющего. «Думаю, что операция необходима... и как можно скорей... – сказал он, – вы можете еще вернуть себе здоровье, будете нормально питаться и работать. Но я должен вас исследовать со всех сторон, произвести все анализы, и тогда мы поговорим». Меня исследовали в парижском госпитале Т. Это было 3 мая. Слабый, я насилу добрался с женой до этого отдаленного госпиталя. Боли продолжались: что-то сидело во мне и грызло – грызло, не переставая. Мне исследовали кровь, меня радиофотографировали всячески, было сделано 12 снимков желудка и кишечника, во всех положениях. Меня измучили: мне выворачивали внутренности, сильно нажимая деревянным шаром на пружине в области болей, подводили шар под желудок, завертывали желудок и там просвечивали – снимали. Совершенно разбитый, я едва добрался до дому. Я уже не был в силах через три дня приехать в госпиталь, чтобы выслушать приговор профессора, как было условлено. Я лежал бессильный, в болях. Мало того, этот барит или барий, который дают принимать внутрь перед просвечиванием, – я должен был выпить этой «сметаны» большой кувшин! – застрял во мне, и я чуть не помер через два дня. Срочно вызванный друг-

доктор, Серов, опасался или заворота кишок или – прободения. Температура поднялась до 39°. Молился ли я? Да, молился, маловерный... слабо, нетвердо, без жара... но молился. Я был в подавленности великой, я уже и не помышлял, что вернутся когда-нибудь – хотя на краткий срок! – дни без болей. Рвоты усиливались, боли тоже. Пришло письмо от профессора, где он заявлял, что операция необходима, что язва 12-перстной кишки в полном развитии, что уже захвачен и выход из желудка (пилер), что кишка деформировалась, что стенки желудка дряблы, спазмы и проч... – ну, словом, я понял, что дело плохо.

Я просил – только скорей режьте, все равно... скорей только. А что дальше? Этого «дальше» для меня уже не существовало: дальше – конец, конечно. Ну, после операции, – месяцы, год жизни: уже не молод, я так ослаблен. Профессор прописал лекарства – белладонну, висмут, особого приготовления – «Tulasne», глинку – «Gastrocaol», лепешечки, известковые, против кислотности... (Comprimees de carbonate de chaux, «Adrian») и еще – вспрыскивания 12 ампул, под кожу («Laristine»). – «Это лечение – я даю, – писал он, – на 12 дней вам, чтобы немного вас подкрепить перед операцией, но думаю, что это лечение не будет действительным». Я начал принимать уже лекарства с 12, помню, мая. Принимать и молиться. Но какая моя молитва! Не то чтобы я был неверующим, нет; но крепкой веры, прочной духовности не было во мне, скажу со всей прямоотой.

Молился и великомученику Пантелеимону, и преподобному Серафиму. Молился и думал – все кончено. Сделал распоряжения, на случай. Не столько из глубокой душевной потребности, а скорее – по православному обычаю, я попросил доброго и достойнейшего иеромонаха о. Мефодия, из Аньера, исповедать и приобщить меня. Он прибыл со Святыми Дарами. Мы помолились, и он приобщил меня. Этот день был светлей других, и в этот день – впервые, кажется, за этот месяц – не было у меня дневных болей. Это было 15 мая. Должен сказать, что еще до приема лекарства профессора, с 9 мая, кончились у меня позывы на рвоту. И, странное дело, – появился аппетит. Я с наслаждением, помню, сжевал принесенную мне о. Мефодием просфору. Значу, что обо мне в эти дни душевные друзья мои молились. Да вот же, эта просфорка, вынутая о. Мефодием!..

Меня должны были перевезти в клинику для операции.

Известный хирург, по происхождению американец, друг русских, много лет работавший в России и в 1905 году покинувший ее, д-р Дю Б... затребовал все радио-фотографии мои. Мой друг Р. привез эти снимки от проф. Б... Я поглядел на них – и ничего не мог понять: надо быть специалистом, чтобы увидеть на этих темных листах – из целлюлозы, что ли? – что-нибудь явственное: там были только пятна, светотени, какие-то каналы... – и все же эти пятна и тени сказали профессору, что операция необходима. На каждом из 12 снимков сверху было

написано тонким почерком, по-французски, белыми чернилами, словно мелом:

«Jean Chmeleff pour professeur B...»

И вот мой друг повез эти снимки и еще два бывших у меня, старых, к хирургу Дю Б. Это было 17 или 18 мая. В эту ночь я опять кратко, но, может быть, горячее, чем обычно, мысленно взмолился... – именно взмолился, как бы в отчаянии, преподобному Серафиму: «Ты, святой, преподобный Серафим... можешь!.. верую, что ты можешь!..» Только. Ночью были небольшие боли, но скоро успокоились, и я заснул. Заснул ли? Не могу сказать уверенно: может быть, это как бы предсонье было. И вот, я вижу... радио-снимки, те, стопку в 12 штук, и на первом – остальных я не видел, – все тем же тонким почерком, уже не по-французски, а по-русски, меловыми чернилами, написано... Но не было уже ни «Jean Chmeleff», ни «pour professeur B...» А явственно-явственно, ну вот как сейчас вижу: «Св. Серафим». Только. Русскими буквами, и с сокращением «Св.» И все. Я тут же проснулся или пришел в себя. Болей не было. Спокойствие во мне было, будто свалилась тяжесть. Операция была уже не страшна мне. Я позвал жену – она дремала на соседней кровати, истомленная бессонными ночами, моими болями и своею душевной болью. Я сказал ей: вот что я видел сейчас... Знаешь, а ведь святой Серафим всех покрыл... и меня, и профессора... и нет нас, а только – «Св. Серафим». Жене показалось это знаменательным. И мне – тоже. Словом, мне стало легче, душевно легче.

Я почувствовал, что он, святой, здесь, с нами... Это я так ясно почувствовал, будто он был, действительно, тут. Никогда в жизни я так не чувствовал присутствие уже отшедших... Я как бы уже знал, что теперь, что бы ни случилось, все будет хорошо, все будет так, как нужно. И вот неопределимое чувство как бы спокойной уверенности поселилось во мне: он со мной, я под его покровом, в его опеке, и мне ничего не страшно. Такое чувство, как будто я знаю, что обо мне печется могущественный, для которого нет известных нам земных законов жизни: все может теперь быть! Все... – до чудесного. Во мне укрепилась вера в мир иной, неизвестный нам, лишь чуемый, но – существующий подлинно. Необыкновенное это чувство – радости! – для маловеров! С ним, с иным миром неразрывны святые, праведники, подвижники: он им дает блаженное состояние души, радость. А преподобный Серафим... да он же – сама радость. И отсвет радости этой, только отсвет, – радостно сиял меня. Не скажу, чтобы это чувство радости проявлялось во мне открыто. Нет, оно было во мне, внутри меня, в душе моей, как мимолетное чувство, которое вот-вот исчезнет. Оно было во мне, как вспоминаемое радостное что-то, но что – определить я не мог сознанием: так, радостное, укрывающее от меня черный провал – мое отчаяние, которое меня давило. Теперь отчаяние ослабело, забывалось.

Дневные боли не приходили. Мне предстояла операция, я об этом думал с стесненным

сердцем, – и забывал: будто может случиться так, что и не будет никакой операции, а так... Может быть и будет даже, но так будет, что как будто и не будет... Смутное, неопределимое такое чувство. Мне делали впрыскивание под кожу «ляристина», 12 ампул; я принимал назначенные лекарства и не мог дождаться, когда же дадут мне есть. Аппетит, небывалый, давно забытый, овладел мною, словно я уже вполне здоров, только вот – эта операция! Я смотрел на исхудавшие мои руки... что случилось с ними! А ноги... – кости! Я все еще худею? и буду худеть? Но почему же так есть мне хочется? Значит, тело мое здорово, если так требует?..

22 мая меня повезли к хирургу Дю Б..., на его квартиру. Он слушает рассказ – историю моей болезни, очень строго: не любит многословия. Велит прилечь и начинает исследовать: «Больно?» – нет... «А тут?..» – нет. Захватывает, жмет то место, где, бывало, скребло, точило: нет, не больно. Я думаю, зачем же операция? Хирург поглаживает мне бока и говорит, но уже ласково: «Ну, хорошо-с». Просматривает доставленные ему еще вчера рентгеновские снимки. «Эти снимки мне ничего не говорят... ровно ничего... – и подымает плечи, – я ничего не вижу! Я должен сам вас снова просветить на экране. Ваша болезнь... коварная! Ложитесь в наш госпиталь, и чем скорей – тем лучше». Странно! снимки ничего не говорят, «Я ничего не вижу...» Но ведь говорили же они профессору Б.? и он видел?! Я вспомнил сон: «Св. Серафим!» Он покрыл, «заместил» собою и меня, и

профессора Б. Может быть, закрыл и то, что видел профессор?.. И потому-то хирург Дю Б... не видит?..

24 мая меня положили в лучший из госпиталей, в американский, где Дю Б. оперирует. Меня взвешивают: 45 кг, опять падение! А, все равно, только бы дали есть. Я один в светлой большой палате, – в дальнем углу какой-то молодой американец. Я пью с жадностью молоко, прошу есть, но мне нельзя: завтра будут меня просвечивать. А пока делают анализы, выстукивают меня, выслушивают, разные доктора смотрят снимки и – ничего не видят?! Но там все же «каналы» и светотени. Сестры на разных языках спрашивают, как я себя чувствую. Прекрасно, только дайте поскорей есть. Мне дозволяют молока, – только молока. Я попиваю до полуночи, с наслаждением небывалым. Чудесное, необыкновенное молоко! Я – один, мне грустно: за сколько лет, впервые, я один, – и все же есть во мне какая-то несознаваемая радость. Что же это такое... радостное во мне?.. Я начинаю разбираться в мыслях.. да-а, «Св. Серафим!» Он и здесь ведь! вовсе я не один... Правда, тут все американцы, француженки, шведки, швейцарка даже, – чужие все.., но он со мной. Поздно совсем входит сестра, русская! – «Вы не один здесь, – говорит она ласково, – за вами следят добрые души», – так и сказала «следят!» и «добрые... души!» «мы ведь вас хорошо знаем и любим». «Правда?!» – спрашивает моя душа. Мне светлее. Кто же она, добрая душа, – русская? Да, сестра, здесь служит, племянница В. Ф. Малинина. Я его знаю хоро-

шо, москвич он, навещал меня в начале мая. Я рад ласковой сестре, душевной, нашей. Она говорит, что знает мои книги. «Неупиваемая чаша» – всегда при ней. Я думаю, она так, чтобы утешить лаской меня, больного. Мне и светло и горестно: все кончилось, какой же я теперь работник! Она уходит, но... нет, я не один, у меня здесь родные души, и он со мной, тоже наш, самый русский, из Сарова, курянин по рождению, мое прибежище – моя надежда. Здесь, в этой – чужой всему во мне – Европе. Он все видит, – все знает, и все он может. Уверенность, что он со мной, что я в его опеке, – могущественнейшей опеке во мне, все крепнет, влилась в меня и никогда не пропадет, я знаю. И оттого я хочу есть, и оттого не думаю, что скоро будут меня резать. С непривычки мне одному мучительно тоскливо: жена придет ведь только завтра, на два часа всего. И все же мне это переносно, ибо не один я тут, а – «все может случиться так, что... Я боюсь додумывать, что операции и не будет». Может... Он все может! Утром меня снимают, долго смотрят через экран: сам хирург и специалист – рентгеновец, оба люди немолодые. Гымкают, пожимают плечами. Нажимают – не сильно пальцами, спрашивают – больно? Ничего не больно, ибо все может быть. Я опять пью «сметану». Мне говорят – можете идти, очень хорошо. Для них? Поняли? Нашли? Все ясно? Мне ничего не говорят.

Наутро хирург Дю Б. говорит мне: «Пока ничего не могу сказать... болезнь коварная...» Да что же это за «коварная» болезнь? Я хочу

есть и есть. Об операции мне скажут – дня через два. Мне начинает думаться, что дело плохо: стоит ли и делать операцию, – потому и не говорят, – не знают? Мне подают подносы с разной пищей, очень красиво приготовленной: американцы! Я удивляюсь: острые какие блюда, а бифштекс, с крепким бульоном даже, прямо яд! Я сам назначаю себе диету, и мне дают... Да, ведь здесь только оперируют... меня-то привели сюда оперировать, а не лечить. Я плохо сплю, но болей нет и ночью, – первая ночь, когда у меня нет болей!

Сегодня меня будут оперировать? Нет, пока. Приходит Дю Б. Говорит: – «Ваша болезнь коварная...» Опять! – «Я не вижу необходимости в операции... так и напишу профессору. Я не уверен, что операция даст лучшие результаты, чем те, которые уже есть...» Он говорит по-русски, но очень медленно и очень грамматически правильно, старается. А я с бьющимся, с торжествующим сердцем, думаю: «Покрыл и его». Да: он, «Св. Серафим», покрыл.. Это он... – «лучшие результаты». Лечение проф. Б.? Да, лечение, полезное, но... Он покрыл. Я знаю: он и лечению профессора Б. дал силу: ведь сам профессор ясно же написал, – у меня цело его письмо! – «В активность лечения не верю», – а уж ему ли не знать, когда десятки тысяч больных прошли через его руки! – «и потому считаю, что операция необходима». А вот хирург Дю Б. говорит – не вижу повелительных оснований для операции. А он все видит, все знает и направляет так, как надо. Ибо он в разряде

ином, где наши все законы ему яснее всех профессоров, и у него другие, высшие законы, по которым можно законы наши так направлять, что «невозможное» становится возможным. Мне говорит дальше хирург Дю Б., что желудок хороший, что пилор – выход из желудка, не затронут, что... Одним словом, я, пробыв в госпитале пять суток, выхожу из него, под руку с поддерживающей меня женой, слабый... кружится голова, но, Боже, как чудесно! Какие великолепные каштаны, зеленые-зеленые... и какое ласковое, радостное небо... какой живой Париж, какие милые люди, как весело мчит автобус... и вот, дыра «метро», но и там, под землей, какие плакаты на стенах, какие краски! Только слабость... и ужасно есть хочется. А вот и моя квартира, мой «ремингтон», с которым я прощался, мой стол, забытые, покинутые письма, рукописи... Господи, неужели я еще буду писать?! Сена под окнами, внизу. Какая светлая она... теперь! Вон старичок идет, какой же милый старичок!.. А у меня нет его, образа его... Но он же тут, всегда со мною, в сердце... – Радость о Господе!

Я ем, лечусь, радуюсь, дышу. Через две недели мой вес – 49 кило. Еще через две недели – 51 кило. Болей нет.

Я уже не шатаюсь, ступаю твердо, занимаюсь даже гимнастикой. Какая радость! Я могу думать даже, читать и отвечать на письма. Во мне роятся мысли, планы... рождается желание писать. Нет, я еще не конченный, я буду... Я молюсь, пробую молиться, благодарю...

Страшусь и думать, что он призрел меня, такого малOVERA. Но знаю: он – призрел.

Слава Господу! Слава преподобному ходатаю: вот уже семь месяцев прошло... я жил в горах, гулял, взбирался на высоту, – ничего, болей – ни разу! Правда, я очень осторожен, держу диету, принимаю время от времени лекарства – «глинку». Боюсь и думать, что исцелен. Но вот с памятного дня, с 24 мая, с первого дня в госпитале, боли меня оставили. Совсем? Может быть, вернуться? Но что бы ни было, я твердо знаю: преподобный всех нас покрыл, всех отстранил, – и с нами – законы наши, земные... и стало возможным то непредвиденное, что повелело докторам внимательней всмотреться – может быть, втайне и вопрошать, что это? – и удержаться от операции, которая «была необходима». Может быть, операция меня... – не надо размышлять... По ощущениям своим я знаю: радостное со мной случилось. Если не говорю «Чудо со мной случилось», так потому, что не считаю себя достойным чуда. Но внутренне-то, в глубине, я знаю, что чудо: благодать Господней, преподобного Серафима милостью!

28 декабря 1934 года,
Париж

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

*Евгений Поселянин***СВЕТЛЫЕ ДНИ В САРОВЕ**

Я спешил в Саров. Из Арзамаса мне предстоял длинный путь на лошадях. Отъехав верст пять от Арзамаса, я остановился и оглянулся назад.

Перед мной на холмах, как на ладони, был Арзамас со своими 36 церквями, а со всех сторон кругом – русское приволье с восстающими колокольнями сел.

Мы ехали мимо сжатых полей, с кое-где уже увезенною жатвой. Во многих местах на краю нив в этой местности ставят ящичек, вроде улья, с тремя стеклянными стенками, и в нем иконы.

Ямщик сильно гнал, и мы быстро двигались вперед среди тихой красоты этого вечера. Все тут было прекрасно, ласково. Сжатые, мягко-золотистые поля с убраным в копны хлебом, по краям горизонта неясная линия лесов, ветряные мельницы со стоячими крыльями, лениво пасущийся по жнивью мешанный скот, крестьяне, веющие взмахами лопат на гумне рожь или везущие полную снопов телегу, кое-где среди желтого поля ярко-зеленеющее одинокое дерево, – все это я чувствовал и всем наслаждался.

Дорога прекрасно отремонтирована, а в Арзамасском уезде та сторона пути, по которой

должен проехать Государь, заставлена рогатками. Часто попадались нам навстречу пешие солдаты, казачьи патрули. Кое-где раскинуто в стороне от дороги несколько палаток, и около них солдаты, разведя костер, варили в котелках кашу.

В большом селе Ореховце, на площади, близ церкви, расположился громадный табор богомольцев. Лошади были отпряжены, и множество телег стояло с поднятыми кверху оглоблями.

С Ореховца, из которого ведет дорога в Саров, мы свернули по дороге в Дивеево и вскоре доехали до большого села Онучина.

Мы остановились в доме богатого крестьянина, имеющего 75 десятин наследственной от отца земли. И так как в верхнем этаже его дома было просторно и чисто, то я остался ночевать у него. Здесь я услышал об одном исцеленном. За две недели до того, у этого дворника останавливался мужчина, торговец из-под Казани, в 60 верстах от этого города. Еще молодой, 42-летний, полный и красивый мужчина, он плохо владел ногами, волоча их: ходил, по словам дворника, «движком». На источнике отца Серафима он получил полное исцеление. По словам дворника, он раз 15 пробежал по его лестнице, радуясь своему излечению, не чуя под собою ног.

На следующий день, в воскресенье 13 июля, часов в 5 утра, мы двинулись дальше. Богомольцев становилось все больше и больше. При приближении к Дивееву стало за-

метно множество полиции. Площадь около Дивеева залита народом.

Вскоре начался благовест: должен был приехать из Сарова и служить обедню митрополит Петербургский Антоний, в сослужении с епископами Назарием Нижегородским и Иннокентием Тамбовским.

Теперь, когда собор был переполнен народом, его красота выступала особенно торжественно. В самом же соборе была лишь одна, бесконечно-малая на вид, перемена, – именно, в левом нижнем приделе, который был оставлен не освященным в ожидании прославления старца Серафима. В его узком иконостасе вместо иконы Богоматери, изображенной среди пышных цветов, стоит теперь икона сгорбленного, благословляющего монаха с нимбом вокруг лица, – кроткого, благоуветливого лика старца Серафима. А в будущем алтаре по-прежнему все висит портрет одухотворенного, точно прозрачного, старца.

Я прошел, пока народ не повалил из церкви, в заветные места – ближнюю и дальнюю пустыньки. На пороге той кельи, которая видела столько чудес и которая впоследствии как бы раздвинулась и приняла в себя весь простор Русской Земли, со всеми ее горестями и скорбями, – опять охватывает вас ясное ощущение чего-то жившего здесь сверхземного, сильного и бесконечно благого.

В этой «пустыньке» все по-прежнему. Так же тихо шепчет монахиня слова не умолкающей здесь никогда Псалтири. Лампада бросает спо-

койный отсвет на большой образ Спасителя, и, если осветить изображение во весь рост старца Серафима, он так же отрадно и зорко всматривается вам в душу.

«Смотри, всё знавший еще на земле. Смотри! Как тебе не открыть с радостью всё самое затаенное, чтобы повсюду мог проникать твой взор и всё исцелить». Я не смог зайти к почтенной старушке Елене Ивановне Мотовиловой, живущей в Дивееве. Она единственная осталась в живых из тех, кто знал старца. Ее воспоминания о старце необыкновенно интересны, и она безгранично чтит его. Ее покойный муж, помещик Н. А. Мотовилов, получил от старца замечательное исцеление странной болезни ног.

Мне говорили, что чрезвычайно трогательно была Е. И. Мотовилова, когда происходило перенесение гроба старца из его могилы в церковь Зосимы и Савватия. Старушка, бывшая при похоронах старца, упала на колени при появлении гроба из недр земли, закричала: «Кормилец мой, 70 лет назад я видела, как тебя опускали в могилу. А теперь ты выходишь из нее».

В Дивееве, в «дальней пустыньке», хранятся одежда и некоторые вещи преподобного Серафима. «Дальняя пустынька» – это остов той кельи, в которой Серафим жил во время своего пустынночества в саровском лесу. В этой келье сделан алтарь кладбищенской Преображенской церкви. Конечно, вся «пустынька» находится внутри церкви, и сзади западной алтарной стены есть очень широкий проход.

Вот тут, по алтарной стене, висит большой, во весь рост, портрет старца Серафима, в черном одеянии и клобуке, на который окна в стене напротив бросают много света.

Под этим портретом, в деревянной витрине с подъемною стеклянною крышкой, хранились раньше вещи старца. Здесь были и тулуп его, который он носил лишь в последние свои годы, мантия, и тот же кусок кожи с прорезом для головы, который он надевал на себя в дурную погоду, невольно напоминая слова апостола о тех, «иже в милотех и козиих кожах проидоша, в горах и вертепех и пропастех земных скитающиеся, скорбяще, озлоблени, ихже мир не бысть достоин». Тут материя от его клобука, его рукавицы, чулочки, четки деревянные из больших зерен. Их не могут выносить бесноватые.

Так хорошо было вблизи рассматривать эти вещи. Можно приложить к ним голову и чувствовать то особое благоухание, которое от них исходит: тогда, вынув эти вещи из витрины, монахиня накладывает их на вас. В самом алтаре хранится тот малый камень, на котором старец молился тысячу дней у себя в келье; табуретка, пень того громадного дерева, которое преклонилось по молитве старца, в знамение того, что он должен заботиться о Дивееве; его подсвечник, несколько келейных его икон и, в особой шкатулке, его крест, его Евангелие, которое он носил всегда на лентах в сумочке; листы из Четьи-Минеи, обгоревшие при его смерти от упавшего на них подсвечника с го-

рящею свечой. Теперь все три вещи находятся внутри храма, в прекрасных бронзовых витринах с толстейшими стеклами, устроенные московскими хоругвеносцами. Но витрины эти уже не будут отпираться. К вещам присоединились новые, хранившиеся у Елены Ивановны Мотовиловой и дивеевской игуменьи Марии. Здесь есть теперь еще мотыжа, которою старец работал; кусочек овчины, которою он прикрывал грудь в холодную пору, и еще некоторые другие вещи. Во дворе дивеевской гостиницы я застал за столом нескольких петербуржцев, и мне было очень интересно прислушаться к впечатлениям людей, совершенно незнакомых с Дивеевым и мало что выдавших из духовной области.

– Я тебя уверяю, – говорил один, – своими глазами видел: на источник его принесли, а оттуда сам пошел. А вот еще из Сибири четверо на подводе едут. Все продали, что у них было, поднялись и отправились.

Еще один говорил из них, довольно интересно, про дивеевскую юродивую Папу. Один из разговаривавших был очень удивлен, что она уличила его в расточительности, видя его в первый раз. И он сознавался, что это его главный порок. Другой говорил:

– Удивительно ее лицо. Пред вами сидя старая женщина, с лицом, сморщенным, как печеное яблоко; и, вместе с тем, это лицо ребенка со светло-голубыми прекрасными глазами. Я слышал, что несколько офицеров, узнав, что Е. И. Мотовилова знала старца

лично, придя к ней, просили ее рассказать им, что она о нем помнит. Бывшего с ними военного доктора особенно интересовали обстоятельства исцеления старцем ее покойного мужа. Старушка рассказала, между прочим, как однажды она, забегая вперед старца, смотрела, как он идет по дороге. Видимо, он уже был тогда очень слаб, и ему было тяжело и трудно. Он шел, прихрамывая и сгибаясь. Пройдет немного, остановится, помолится и пойдет дальше. Е. И. Мотовилова рассказывает, что, как ни мала она была возрастом, но стоя пред старцем, она чувствовала, будто находится на небе, всею душою ощущая его святость.

Она же рассказывает, как впервые открылась целебная сила тех камней, на которых молился старец Серафим.

Раз в Воронеж пришел искать исцеления у мощей святителя Митрофания один больной, живший неподалеку от Сарова. И вот святой Митрофаний является во сне знаменитому архиепископу Антонию и говорит ему:

– Зачем идут искать исцелений из того края, где жил старец Серафим. Он имеет великую силу. У Мотовилова есть часть его целебного камня, на котором он молился тысячу ночей. Возьми этот камень, слей с него воду, и больной исцелится этою водой.

На другой день архиепископ Антоний справился у Мотовилова, есть ли у него камень старца Серафима, и очень удивил его этим вопросом. Мотовилов, действительно, никогда

не расставался с этим камнем. Больной был исцелен.

По дороги в Саров я остановился у одного из барачков. Там отдыхали богомольцы, а с верхних полатей слышалось громкое и внятное пение. Я вошел кверху и увидел там молодого человека, аскетического вида, который, прочитав какое-то место в книге, пояснял от себя:

– Так вот когда праведники подойдут к раю, двери рая пред ними распахнутся.

Человек десять народа и несколько человек казаков внимательно его слушали. Увидав меня, он, хотя продолжал чтение, но уже с меньшим воодушевлением. И мне стало неприятно, что он мог подумать, будто я не сочувствую, или не понимаю его мыслей на этот счет.

Чем ближе к Сарову, тем все виднее становилась новая, вливавшаяся в эти места, струя. Но вот и Саров! Как много нового, какая повсюду суета! В часовне-шатре служат панихиду по старцу Серафиме, вдоль дороги множество полиции, а у самых ворот, вокруг зданий, где помещается заведывание всеми торжествами и живут официальные лица, – толчея.

Я только что вошел в монастырские ворота, как между колокольной и соборами встретил толпу народа, окружавшую старуху с мальчиком, исцелившемся поутру у источника. Я в первый раз видел близко только что исцеленного. Мальчик лет восьми-деяти, с умными глазами, весело подпрыгивал. Чрезвычайная радость и жизненность светятся на его лице.

Мальчика этого зовут Петр Ильич Зобник; он родом из Моршанского уезда Нечаевской волости, из села Бодина.

Он два года не ходил, и у него была искривлена шея. Недавно матери его во сне Царица Небесная сказала: «Веди его к старцу Серафиму, и он будет исцелен».

Его привезли в Саров. На ночь мальчик сильно плакал и, наконец, уснул.

Утром, после ранней обедни, его купали, и он тут же закричал: «Я хочу бегать!» И шея у него начала выпрямляться.

Старуха бабушка его плачет, рассказывая об этом событии, а мальчик, держа ее за руку, радостно смотрит на людей и на весь мир Божий. Место, где был схоронен старец, заперто; там оканчивали работы.

Памятник, стоявший над могилой, оставлен на своем месте. К низу сбоку устроен сход, и вырыта выемка в том самом месте, где стоял гроб. Этот гроб, в котором преподобный лежал 70 лет, будет сюда вновь перенесен.

Я видел гроб в том месте, где он временно хранится: толстая дубовая колода, длинная, показывающая высокий рост старца. Он не имеет вовсе формы современных гробов, это скорее ящик.

Старец изготовил этот гроб себе лично за долго до кончины и, часто беседуя, указывал на него. Гроб стоял у него тогда в сенях.

Церковь над кельей довершена, то есть сделан пол, оштукатурены стены, поставлен иконостас. В келье старца перемены. Оставлена

лишь одна копия с дивеевской иконы Богоматери «Умиление», пред которой старец скончался, а все прочие взяты. Из изображений старца оставлена одна его кончина. Затем, печь изразцовая – обделана для сохранности в стеклянные рамы, а немногие хранящиеся здесь вещи старца заключены в бронзово-стеклянную витрину.

Я в Сарове. Ближе полночь на 16-е число. Звезды обступили все небо, бесконечно-чистое. Саров, как невеста в белоснежном уборе, безмятежно покоится под Божьими звездами. Вот в такую же ночь, когда все спало, старец Серафим стоял когда-то на коленях и молился, молился, чтобы некогда спасенному – и нас своею молитвой спасти.

Душа полна.

Вся жизнь тут представляется под иным образом, совершаются дивные вещи: расслабленные ходят, немые говорят, глухие слышат. Изумительно выражение лиц исцелившихся детей. Я видел вчера в 6 часов одного 11-ти лет мальчика, не ходившего два года; его держала за руку бабушка, с плачем рассказывавшая о чуде. А у мальчика чрезвычайная радость в глазах и отпечаток чего-то неземного на лице.

Один старик после троекратного купания пошел, – старик, рассказывающий, как долго «он не был хозяин своего тела!»

Послезавтра, в 2 часа ночи, Серафимо-Дивеевский монастырь подымет свои святыни и между ними – подлинную икону Богоматери «Умиление», келейную старца Серафима, пред

которую он опочил смертным сном. И пойдет величественным крестным ходом в Саров.

В этом же ходу участвует Серафимо-Понетаевский женский монастырь, с чудотворною понетаевскою иконой Богоматери «Знамение»; другие женские обители Нижегородской епархии и крестные ходы, пришедшие из многих мест. Когда мы ездили сегодня к источнику, я был поражен видом того пути, по которому некогда лесною дорожкой ходил старец, удрученный, с тяжелою котомкой на плечах. Теперь по широкой, словно столбовой, дороге нескончаемо тянутся толпы народа, пешего и конного. Площадь пред источником занята густою толпой, хочется сказать священным языком наших богослужений: «Радуйся, яко воды источника твоего древния Вифезды славнейшия и сильнейшия показываются».

И когда я вижу, как, не переставая, черпают и выносят ведрами воду, мне вспоминается брак в Кане Галилейской – прообраз того, как силен Бог благодатью претворять все и дать каплям ключевой воды силу большую, чем всякое знание и всякое искусство целых факультетов врачей.

И над всем этим, этими десятками тысяч народа со всех концов России и местными жителями, этою хлопотливою суетой устраивающегося здесь Царского пребывания, этих великолепных служб и этого торжественно ясного неба, – надо всем стоит он! Он один, всем этим владеющий и все движущий – наижежеланный, чудный Серафим! Семнадцатого июля утром, в

восьмом часу раздался с саровской колокольни громкий звон: то выходил из пустыни крестный ход навстречу крестному ходу из Дивеева, который вышел с места в третьем часу ночи.

Я смотрел на ход с шатра-часовни, в четверти часа от монастыря, где ожидал ход епископ Иннокентий. Вот среди аллеи-просеки, по которой пролегает дорога из Сарова, показались всадники, а затем целый лес хоругвей, числом чуть не до полусотни – все – жертвы из разных мест в нововыстроенный над кельей старца храм.

Особенно выделяется своим оригинальным рисунком одна из хоругвей Общества хоругвеносцев московских Кремлевских соборов и монастырей. Она представляет старца молящимся на коленях и, при строго-иконописном виде, очень нова. Края ее представляют собою как бы концы металлических развевающихся лент. Трудно передать то чувство, с каким впервые видишь на высокоподнятой кверху хоругви дорогой лик преподобного Серафима. Особенное впечатление производят изображения старца, молящимся на камне. Вид коленопреклоненной фигуры в белом балахончике на зеленом фоне леса чрезвычайно сильно действует на душу. Хоругвей с таким изображением несколько. И вот, под торжественный трезвон, несшийся к нему навстречу с монастырской колокольни, тихо двигался этот лес хоругвей, раскачиваясь на крепких палках; звеня тяжелыми привесами и кистями. Потом, за воздвизальными крестами несли три святыни – чудотворную

икону «Знамения» Богоматери из Серафимо-Понетаевского монастыря, образ преподобного Серафима, впервые носимый в крестном ходу, и заветную икону Богоматери «Умиление», которую старец называл «Всех радостей Радость», которая была его келейною иконой и на молитве пред которою он скончался.

Эти три иконы стали пред шатром-часовней, и начался молебен Божией Матери. Было что-то особое в этой небольшой иконе старца Серафима, окруженной с обеих сторон оплотами и утверждениями его двух обителей, из которых одна им возвращена, а другая создана в его память.

Яркое солнце озаряло светлый, радостного письма лик «Знамения» с очами, в каком-то пророчественном экстазе поднятыми к небу, и грустный, слегка темный лик «Умиления», с глазами, опущенными долу, с покорно сложенными на груди руками.

И мне казалось, что в выражении этих двух икон отразилась судьба обителей.

Одна, Понетаевская, обеспеченная, теперь даже чрезвычайно богатая, с великолепными своими зданиями; другая, Дивеевская – в вечных страданиях, доселе бедная, почти нищая, возлюбленное чадо старца Серафима, и получившая в удел его удел, то есть непрерывное страдание.

И дай Бог, чтобы хоть теперь страдания и недостатки Дивеева кончились!

Но эти грустные воспоминания бледнели пред торжеством праздника.

Чрезвычайно живописен был этот крестный, далеко растянувшийся ход, разнообразие горящих на солнце хоругвей, разноцветные, пестрые ризы сельского духовенства, толпы народа со всех сторон, высокая часовня-беседка с высшим духовенством в золоте, а там густой лес с просекой, по которой нескончаемою лентой проезжали казаки, спешившие навстречу Государю. После молебна архиерей поднял в руках тяжелую икону «Умиления» и осенил ею народ на все четыре стороны.

Ход тронулся далее к монастырю. Нельзя без волнения думать об этом торжественном возвращении в Саров для присутствия при прославлении того человека, который пред нею молился, пред нею умер; знаменитой теперь святыни, которая 70 лет назад была унесена трогательными дивеевскими «сиротами» как часть неценного для саровцев имущества «убогого Серафима». Теперь же она возвращается во славе к прославленному старцу, который так чтит и любил ее.

После крестного хода была обедня, отслуженная митрополитом Петербургским Антонием и епископом Назарием Нижегородским, который сказал слово о жизненности старца Серафима и его близости к верующим. Затем была отслужена торжественная панихида по старце.

Вчерашний день также был посвящен молитве о нем; в 12 часов была отслужена митрополитом, с архиереями Казанским, Нижегородским и Тамбовским, при тихом, грустном,

вдумчивом пении Петербургского митрополичьего хора из 60 человек, под регентством Тернова, панихида по лицам, причастным к отцу Серафиму: Императорам, при которых он жил и по смерти постепенно прославлялся, с Елизаветы Петровны до Александра III; архиереям, его рукополагавшим, и правившим со времени его монашества и до последнего времени Тамбовской епархией; его родителям Исидору и Агафии, и о нем самом. Вечером служили парастас – торжественную, заупокойную всенощную.

Когда я слушал последние о нем заупокойные молитвы, странное чувство овладело душой, грустное – так что многие плачут, – и вместе невыразимо сладостное. Грустное оттого, что всякий раз, как молятся о дорогом умершем лице – все равно, знали ли вы его, или нет, – тяжело думать, что вы никогда его не увидите. Сладкое потому, что, зная мученическую жизнь старца Серафима, отрадно думать о том, что его теперь окружает. И вот почему эти последние за него молитвы земных, чтущих его людей, принимают особый смысл.

Доселе, во все эти дни, что я нахожусь здесь, все как-то не привыкает мысль к этим противоположностям.

С одной стороны, страшное убожество, «снитка», с другой – великолепные облачения, золотые митры собравшегося в честь его духовенства, золотые хоругви и лампы, ему принесенные. С одной стороны – пустыня, безмолвие, общество медведей; с другой стороны,

кроме нескончаемого простого народа, много избалованных горожан, оставляющих удобства жизни, чтобы приехать к этому пустыннику, и, наконец, русский двор и Царская Семья. Канун светлого дня.

С высокой саровской колокольни величественно несутся мощные звуки колоколов. Они зовут нас ко всенощному бдению. Собор полон. Все сияло великолепием. Оригинальная чудная рака-саркофаг из белого мрамора, с шатром русского стиля, на черно-мраморных колоннах, с изображением на шатре – живописных, а на решетке раки – литых «шестикрылых Серафимов», ждала принять в себя мощи нового Чудотворца. С четырех сторон ее, на прутьях, и по двум сторонам у колонн, между которыми она стоит, висело до 50 незажженных лампад. В ногах стоял подсвечник, полный громадных свечей, много пятирублевых. Со стороны внутренности церкви выделялись лампы, привезенные и только что лично повешенные Царскою Семьею. По трем ступеням величественного широкого беломраморного помоста, на котором стоит рака, расстился изумительно красивый ковер работы и усердия Государыни Императрицы Александры Феодоровны: на светло-зеленом фоне по краям стильная вышивка, верх простоты и изящества.

Посреди храма стоял покрытый зеленым бархатом низкий катафалк, и пред ним подсвечник, тоже полный свеч, поставленных уже и занявших все местечки и положенных между

стоячими свечами. На бесчисленном множестве духовенства, собравшегося в громадном, глубоком и широком алтаре, надеты одинаковые ризы – по золотому фону шестикрылые Серафимы.

В задней части храма собрались: двор, министры – в местах, огороженных решетками; частные лица, но все почти в мундирах, инокини, дамы. Входят Государь, Императрицы и становятся у правого клироса, а около раки – Великие княгини и князья.

Начинается всенощная, и начинается она со стихир. Многие следят службу по только что вышедшей «Службе преподобному Серафиму», составленной московским единоверческой церкви протоиереем Иоанном Звездинским, сын которого, Николай, учащийся в Московской Духовной Семинарии, получил в прошлом январе от старца Серафима чудесное исцеление и теперь с отцом приехал в Саров.

Приходит время выхода на литию. Впереди идут 60 человек хора митрополита С.-Петербургского с правого клироса и 65 человек прекрасного хора Тамбовского епископа, потом золотая лента духовенства и за ними Государь с Императрицами, Великие князья и княгини и часть публики. Большая часть публики остается в соборе.

Проходит минут двадцать в напряженном ожидании, слышен тихий плач женщин, засвечают в руках свечи. Некоторые поскорее вставляют свечи в подсвечник пред катафалком. На колокольне громкий трезвон. А время

идет, минуты одна за другою – и сердце сжимается нетерпением, вы ждете, как иногда пред рассветом нетерпеливо ждете брызга первого солнечного луча...

И, стараясь забыть все разнообразие того, что вас окружает, всю эту блестящую и пеструю бытовую картину, вы хотите сосредоточить все силы души лишь на одном призывании того, кто сейчас придет в этот храм, чтоб почтить в нем до конца мира. Наконец, идет опять духовенство, трепет охватывает всех, и видна плотно сомкнутая группа архиереев, Государя и Великих князей. Они несут что-то тяжелое и ставят на катафалк гроб...

Гроб представляет собой дубовый ящик в виде колоды с подъемною крышкой и в трех местах покрыт серебряными обручами в виде листьев. Только что гроб установлен, и несшие в глубоком волнении расходятся по своим местам, как кончается лития чтением Отче наш и раздается громовое пение тропаря:

«В тебе, отче, известно спасется еже по образу; приим бо крест, последовал еси Христу, и дея учил еси презирати убо плоть, преходит бо; прилежати же о души, вещи безсмертней. Темже и со Ангелы срадуется, преподобне Серафиме, дух твой». И громовыми раскатами в словах: «со Ангелы сорадуется, преподобне Серафиме, дух твой», впервые проносится это признание святости отца Серафима, и невозможно этим звукам внимать без волнения!

И, когда духовенство уходит в алтарь, так чудно и странно стоять около этого гроба.

Ведь тут, в трех-четыре шагах от вас, лежит тот муж, которого вы так любили, в которого так горячо, страстно и сладко, гордо и смиренно верили, который давал душе вашей узнать невыразимые на языке земном чувства.

Он, который последние годы, покорив вас себе еще в детстве, составил самую, может быть, лучшую часть вашей жизни; он, который, вместе с тем, век тому назад жил во всех этих пустынных местах, куда вы входили столько раз с умиленной радостью, который молился над источником, где теперь прозревают слепые, говорят немые, ходят хромы; который сказал: «Я молился, радость моя, чтоб сия вода в колодце была целительной от болезней», – сбылось чудно это слово; к кому приходила как к родному и близкому человеку Царица Небес, и кто молился тысячу дней и ночей на камне, части которого есть у вас, – этот бесконечно далекий от вас святостью, невыразимо близкий милосердием человек лежит от вас в нескольких шагах, отделенный деревом колоды и глазетовыми воздухами...

И что сказать ему теперь? Если его любили и любят: он это видел и видит. То, как ему удивляются, благодарят, чтят, как он светел, как вся душа трепещет и наполняется светом при мысли о нем, – того не выразить словом. Чего просить у него? Но неужели указывать этому удивительному человеку, который при жизни своей уже доходил до таких подробностей заботы своей о людях, и, будучи пророком Вышнего, будучи вещателем правды

Христовой и высших путей благочестия, в то же время давал людям и то, чего все так жаждут, и что так редко дается: житейское счастье. И вы шепчете лежащему в этом гробе только одно: «Подумай о нас, подумай о нас, не забудь нас. Только подумай о нас!» Выходит епископ Тамбовский и громко, вдохновенно говорит слово. Он говорит о гробе, как источнике печали, и о том гробе, который сейчас, перед нами, источнике радости, и говорит о вечной жизни. Он напоминает о трогательном образе старца Серафима, о его невыразимых подвигах, безграничном смирении, пламенеющей к ближнему любви, и напоминает о том, что происходит теперь, когда «точно небо отверзлось» и русский народ получает нового ходатая, ради которого слепые видят, расслабленные встают, немые говорят. Громадное впечатление произвела эта речь, сказанная с волнением и слезами, и ее конец: «Через минуту откроется крышка этого гроба, и мы пропоем пред мощами нового Чудотворца: «Ублажаем, ублажаем тя, преподобне отче Серафиме!» Запели «Хвалите...», вышли епископы, и по левую руку стало духовенство. Когда замолкло пение, митрополит Антоний подошел ко гробу, раздалось щелканье замка, и крышка была снята. Открылось под глазетовую пелену очертание тела, медный крест на груди, и на челе святого прорезь для целования мощей.

Когда сняли крышку, раздалось пронзавшее, кажется, самое небо пение: «Ублажаем, ублажаем тя, преподобне отче Серафиме, и чтим

святую память твою, наставниче монахов и собеседниче Ангелов!» И какое было счастье подпевать этой гремющей хвале: «преподобне отче Серафиме». Могучее чувство стояло в воздухе, мужчины не стыдились утирать слезы.

И вся слава этого дня, эти летящие во все концы света телеграммы о поездке Царя к останкам пустынноика, это слияние здесь, в прославлении духовного подвига, русского народа со своим Вождем, этот блеск Православия во всем его потрясающем величии, – какая разительная противоположность с положенным 70 лет назад в дубовую колоду сгорбленным, изможденным непомерными подвигами старичком, тайновидцем, Божьим пророком и чудотворцем, но тихим, крепким, умиленно-любовным, детски-простым. Пой же, Русь, греми ему хвалу высоко, громко, все выше и громче, до самого Престола, где он дерзновенно предстоит пред Сущим, откликаясь на всякий вздох, доносящийся к нему с измученной земли. Пой, пой ему громче, Русская земля, радуясь, что ты, твой дух его создал, что тебя он выражал в своей жизни, в своих стремлениях: пой ему громче: «Ублажаем, ублажаем тя!»

Когда на всенощной стали прикладываться к мощам, теснота была очень велика, даже тогда, когда подходили официальные лица и те, кто стоял на лучших местах. Приложившись в самом начале «канона», я отправился домой.

Я прошел свободно к выходу из монастыря, так как все проходы были обставлены сплошными шпалерами солдат. За воротами, на вы-

соком пригорке, стояли богомольцы с зажженными, кротко теплившимися в тишине ночи, свечами. Что-то непоколебимое, надежное, несомненное стояло в воздухе.

Я шел точно во сне, уверяя себя, что все, что я видел и слышал – все эти признаки причисления старца Серафима к святым, действительно, совершились...

Некоторое время просидел я в своей комнате, не быв в состоянии ни делать что-либо, ни говорить, чувствуя какую-то душевную усталость от всего пережитого. Но я не мог долго высидеть в комнате. Меня тянуло опять туда, под своды Успенского собора, к раке мощей преподобного Серафима. Был первый час ночи, когда я вошел опять в монастырь. Без всякого препятствия я вошел в собор. По всему монастырю тянулись громадные, в несколько человек в ряд, вереницы народа, ожидавшие очереди попасть в собор и приложиться. Было очень темно, и по сосредоточенной тишине, в которой стояла эта толпа, трудно было поверить, что переполнен монастырь.

В соборе к раке, освещенной множеством горящих пред ней свечей, с двух сторон прикладывался народ. Я мог еще раз подойти к ней приложиться к тому месту глазетовой серебряной пелены, которая покрывает ноги, к лежащему на груди, на цепочке, медному Распятию, с которым он был схоронен, и к челу, для чего сделана круглая прорезь в покрове, облегающем голову.

Ко мне подошел петербургский молодой военный и рассказал, что сейчас, на его глазах, исцелился бесноватый. Он говорил, что страшно было смотреть на выражение его лица, когда его силою подносили к раке, и что после прикладывания он очнулся совершенно здоровым.

Этот молодой человек принадлежал к семье, которая приехала к торжествам почти в полном составе и сохраняет память о великой помощи старца Серафима. Жившая в Петербурге жена генерала С. чтит старца Серафима; будучи беременна, она раз видит во сне, что отец Серафим молится у ее кровати, а другой раз, что у нее родится мертвый, посиневший младенец, но в эту минуту входит в комнату отец Серафим, благословляет младенца, и младенец оживает, укрепив в этой семье веру в старца Серафима.

Познакомился с ними в 1857 году игумен Иоасаф, составитель жизнеописания отца Серафима. Он же принес в эту семью изображение старца Серафима, в котором г-жа С. узнала старичка, виденного ею во сне. Роды были тяжелые, и младенец родился бездыханным. Но когда его стали растирать и брызнули на него водой, появились признаки жизни.

Его поднесли к матери, и она узнала в нем виденного ею во сне, которого тогда благословлял старец Серафим.

Этот ребенок и был отцом молодого военного, и теперь, полный сил и глубоко помнивший, чем обязан старцу Серафиму, привез своих детей к своему загробному благодетелю.

И таких, съехавшихся к прославлению старца Серафима за недавно или давно оказанную им помощь, было не двое и не трое.

Была на торжествах игуменья Вятского монастыря Пульхерия.

– Как приятно, матушка, – сказал я, когда познакомился с нею, – что вы тут, и что вы носите то же имя, как та ваша предшественница, Вятская игуменья Пульхерия, которой отец Серафим чудесно помог в приобретении дома для обители.

– Я приехала сюда, – отвечала она, – помня благодетель старца нашей обители.

Я хорошо знал это чудо старца. Игуменья Пульхерия желала приобрести раскольниковый дом с садом, прилегавший к монастырю. Хозяин согласился, но умер, а вдова его заломила дорогую цену. Долго игуменья, имевшая пламенную веру в старца Серафима, молилась ему о помощи и заметила после молитвы, как особенно ярко светит лампада, неугасимо горевшая пред висевшим в гостинной большим изображением старца. В полночь к игуменье вошел отец Серафим и ласково сказал: «Придет и принесет».

После заутрени к игуменье подошла в церкви хозяйка дома с документами, заявляя, что дарит дом монастырю, рассказала, что среди ночи почувствовала такое желание уступить дом, что не могла спать и задолго до открытия ворот монастыря собралась в церковь, чтобы видеть игуменью.

На всех саровских торжествах можно было встретить стоящую обыкновенно впереди

хорошенькую, лет десяти-двенадцати, девочку в белом платье с матерью. Это – исцеленная недавно старцем дочь московской жительницы Марии Васильевны Васильевой, живущей близ Арбата, по Сивцеву Вражку, в доме князя Волконского.

Мне рассказывали об этом исцелении. Госпожа Васильева раньше никогда не слыхала о старце Серафиме. Дочь ее несколько лет не могла ходить. У нее была тяжелая форма ревматизма с сильной опухолью ног.

Девочка эта, по имени Римма Александровна, очень способный ребенок. Но доктор запретил ее учить, чтобы не утомлять больного организма. Ее посылали на лиман в Одессу, но поездка не состоялась.

Однажды мать ее видит во сне согбенного старика, выходящего из монастыря (впоследствии, приехав в Саров, наяву она узнала тот монастырь). Он поднес ей маленькую просфорку. Г-жа Васильева рассказала этот сон одной знакомой, которая уверяла, что этот сон плохое предзнаменование. Как-то на память святителя Алексия митрополита г-жа Васильева пошла в Чудов монастырь, и монах, продающий у дверей духовные книги, предложил ей взять жизнеописание старца Серафима, говоря, что это интересная книжечка. Она купила книжку и, прочтя ее, так стала чтить старца Серафима, что желала непременно иметь его изображение. Она обращалась в иконные лавки, но ей повсюду говорили, что отец Серафим не святой, что его икон не существует.

Раз она зашла к знакомой монахине Вознесенского монастыря и стала ее просить, чтоб та помогла найти изображение отца Серафима.

– На что вам оно?

– Я желала бы ему молиться. Я думаю, что это он являлся мне во сне.

Тогда монахиня рассказала, что у нее есть сестра гувернантка. Дети, при которых она живет, нашли в песке писанное на жести изображение старца Серафима, молящимся на камне, которое и принесли ей. Гувернантка передала изображение сестре. Когда монахиня показала это изображение госпоже Васильевой, та выпросила его себе и, в великой радости, что ей, наконец, подано желаемое, поклонилась в ноги монахине. Она оправила изображение в серебро и стала постоянно носить его на груди. Она решила ехать в Саров. Но в Москве никто не мог объяснить ей путь туда. Она отправилась в Нижний и тут, встретив на улице монахинь, стала их расспрашивать о пути к старцу Серафиму. Они пригласили ее с собою и, введя в комнату, объявили ей, что тут подворье Серафимова монастыря. На стене висело изображение старца Серафима. Увидев его, г-жа Васильева залилась слезами: именно в этом виде являлся ей во сне старичок с просфорой.

Накануне Троицына дня 1901 года мать и дочь приехали в Саров и поехали к источнику. По дороге, видя растущие по опушке леса ландыши, девочка говорила:

– Ах, как бы мне хотелось, если бы могла ходить, нарвать ландышей.

Когда больную внесли в купальню, там были какие-то интеллигентные дамы, которые уговаривали мать не купать Римму:

– Что с вами! Ее на руках внесли, а вы купать хотите. Она умрет.

Девочка тоже не хотела купаться. Но мать сказала:

– Если отец Серафим привел нас к себе, то я ему так верю, что, если ты и умрешь, я это приму спокойно.

Девочку свели внутрь сруба и поставили под желоб. Когда она была облита водой, то пошла назад сама и, взбираясь по ступенькам, закричала:

– Мапочка, мапочка, я могу ходить.

На возвратном пути она могла собрать ландыши, которые ей так понравились за полчаса до того, когда ее, больную, недвижимую, везли к источнику. В первый день она была слабовата и ходила с некоторым трудом. А потом совсем стала здорова, и опухоль прошла.

Чрезвычайною любовью платила девочка своему исцелителю, как в конце июня появилось радостное известие о церковном его прославлении. И присутствие всех этих лиц, взысканных отцом Серафимом до его прославления, придавало какую-то особую несомненность и яркость чудотворной силе этого удивительного святого.

Я вышел из собора в эту таинственную ночь, скрывшую такую громаду веры, такую великость любви и столь пламенное усердие к «новому чудотворцу» Земли Русской.

Могила старца ярко светила в ночи множеством лампад. Я пошел в часовню, видел еще раз дивные видения – старца, молящимся на камне и пробирающимся по лесу, и кончину его, и спустился вниз по лестнице, где в обделанной мрамором стене сделана ниша на том самом месте, где стоял гроб старца и где теперь этот гроб хранится за громадною бронзовою решеткой.

И по всему монастырю в таинственной, полной веры и чудес, темноте летней ночи стояли вереницы богомольцев в сосредоточенном молчании.

Настало утро 19 июля. Мне было несколько совестно идти в собор мимо громадной, сдерживаемой полицией и солдатами, толпы, которая еще никуда не попала, и в которой всякий человек был, конечно, достойнее меня стоять близко к мощам.

Началась обедня. Великолепная служба, в которой слилась торжественность архиерейского богослужения, значительность того, что происходило, и удивительное пение 120 человек Петербургского и Тамбовского хоров.

Вот малый вход, и весь многочисленный собор служащих (архимандритов и священников было, кажется, 12 пар) запел громкое и властное: «Приидите, поклонимся».

Вот митрополит Антоний осеняет народ на четыре стороны пылающими дикирием и трикирием; вот при пении могучем, стихийном, как широкоразлившееся половодье, слов: «Спаси ны, Сыне Божий, во святых дивен Сый, поюция Ти», – шествие тронулось вперед.

Я не ожидал, забыл о том, что должно было произойти затем, и потому оно произвело на меня тем сильнейшее впечатление...

Шествие окружило катафалк с гробом, архимандриты со священниками подняли гроб и понесли его вслед Евангелию в алтарь. И при раскатах заполнявшего весь храм, рвавшегося наружу пения, сознательной, могучей, спокойной, в своем одушевлении, мольбы и вместе прославления Царя Царей, – при раскатах этого пения старец Серафим вновь входил во «святая святых» земного храма – он, так давно дерзновенно стоящий близко-близко к великому Престолу.

Есть события, которые могут захватить скептика, тронуть до слез человека самого хладнокровного, сдержанного. Было что-то неотразимо-действующее и в этой минуте, когда от середины собора старец Серафим в своем гробе медленно приближался к алтарю. Вот вошел среди роя золотых риз под золотыми шапками, вот обходит медленно-медленно вокруг престола, а мощное «Спаси нас, Сыне Божий, во святых дивен» – продолжает колыхаться в воздухе, несется в высокий купол, наполняет все углы храма и каждое бьющееся сердце.

Вот, опять в Царских дверях показывается гроб и медленно сходит с солеи, а собор по-прежнему звучит словами «Спаси нас, Сыне Божий, во святых дивен Сый, поющая Тя».

Вот гроб мимо нас проносят к раке. Среди склоняющихся пред святыней голов я вижу ру-

ку, которая быстро протягивает к гробу платок и вытирает им нижнюю доску гроба.

Гроб подносят к раке и с некоторым усилием вкладывают его в раку.

Совершилось! «Не может укрыться град, верху горы стояй. Ниже зажигают светильника и ставят под спудом, но на свешнице, и светит всем»...

Старец Серафим до скончания века вчинен в лик святых.

Кипарисовый гроб, тонкий, вложен в дубовую колоду, представляющую собой художественное воспроизведение того гроба, в котором почивал преподобный в могиле. Внутренность этой колоды обита зеленым шелком. К колоде прикреплены серебряные скобы для вынимания и ношения ее. Крышка колоды теперь более не будет нужна. Когда стали успокаиваться после сильного потрясения, произведенного перенесением мощей, все заметили необыкновенное волнение, выдаваемое тою самою молодою женщиной, которая отерла платком доску гроба. Она плакала, прижимая к себе свою дочь, девочку на вид лет десяти, с болезненным лицом, и говорила, что ее дочь мгновенно исцелилась от немоты, когда она приложила к ее лицу платок, которым отерла гроб.

Многие из стоявших вблизи стали расспрашивать эту женщину, и вообще произошло движение, замеченное всеми.

Из рассказов матери можно было понять, что девочка была нема около двух лет, потеряв дар слова вследствие каталепсии.

У отца ее, Масленникова, – сенной лабаз в Москве, у Немецкого рынка, в Ольховцах. Как-то раз служащий мальчик, желая напугать товарища при проходе его по темному коридору, внезапно выскочил на него; но он ошибся – проходил не товарищ его, а хозяйская дочка Екатерина, с которой от потрясения и приключилась нервная болезнь. Она онемела, впадала в летаргию. Московские известные доктора лечили ее без пользы, и родители пролечили на нее почти весь свой достаток. Начало болезни относится к сентябрю 1901 года, так что девочка страдала около двух лет. Иногда состояние ее здоровья бывало крайне опасно. Об ее исцелении много говорили в тот день.

В конце обедни исцеленная девочка приобщалась.

По окончании литургии, среди множества народа, усыпавшего все пространство монастыря, гроб с мощами, высоко поднятый на широких, обитых бархатом, носилках, был обнесен вокруг собора.

Сильный ветер развевал хоругви, шелестел, казалось, покровом, под которым лежат мощи. И всем издали была видна возвышающаяся из гроба глава преподобного, с большою прорезью в покрове для прикладывания. Все простонародье, пришедшее в Саров, помещалось верстах в четырех от монастыря, на обширной лужайке, где были выстроены бараки. Вся эта местность носила название «Городок».

Нельзя сказать, чтобы выбор именно этого пункта был для богомольцев удачен. Идти

четыре версты по глубокому песку человеку, утомленному длинным путем и продолжительным стоянием, в высшей степени тяжело. Между тем, иным приходилось совершать этот переход не по одному разу в день. Исключительно в «Городке» богомолец мог подкрепиться пищей, так как только здесь раздавали кипяток, в котором он мог размочить принесенные с собою сухари, у кого они не вышли. Далеко от городка и источник старца Серафима. В «Городке» мне пришлось близко видеть одну несчастную, из тех, которых Церковь называет «одержимыми», «бесноватыми», которых менее определенно означают словом «кликуши» и, наконец, совершенно неправильно словом «истеричные больные».

В нашем самодовольстве невежества, склонные поправлять даже Евангелие, многие из нас отрицают возможность такого страдания – нахождения души человеческой во власти дьявола. Между тем лица, стоящие близко к делу, так сказать, духовной медицины, прекрасно знают неопровержимость этого тяжкого недуга, со всеми его ужасами. Помимо того, что больные этого рода испытывают непреодолимое отвращение ко всему священному, замечательно например то обстоятельство, что иногда простые крестьяне говорят, в случае одержимости, на иностранных языках, с закрытыми глазами обличают тайные дела подходящих к ним людей. И, во всяком случае, страшная область этого недуга настолько интересна, что, вме-

сто глумления, заслуживала бы серьезного наблюдения врачей, которые часто оказываются совершенно бессильными пред этим явлением. Замечательно, что эти одержимые имеют совершенно неестественную силу, так что несколько мужиков иногда еле справляются со слабою на вид женщиною.

Кроме того, чем сильнее степень недуга, чем крепче «враг» вцепился в свою жертву, тем труднее он выпускает ее. Вот почему так силится он не подпустить к великим святыням человека, в которого вселился.

Тут же, в «Городке», громко рассказывали, что в Саров три человека везли из Сибири закованного в цепи тяжело одержимого. Чем ближе к Сарову, тем он становился ужаснее и, наконец, накануне того дня, когда мы были в «Городке», уже находясь в саровском лесу, он разорвал цепи и бежал.

Бесноватые освобождаются, обыкновенно, из-под власти духов у мощей отца Серафима мгновенно. Он невыразимо им страшен.

Едва ли кто из людей вел такую лютую борьбу, ежеминутную, непрерывную, со «врагом спасения», как старец Серафим.

Он сам говорил, что боролся с духами, как «со львами и леопардами»; свой страшный подвиг столпничества тысячедневного и тысяченощного моления на камнях он предпринял, когда они особенно ополчились на него. И до последних дней он вел «жестокое житие», чтобы «томить томившего мя», – как сам говорил, – томившего до последнего его часа.

Потому и страшен он им. Быть может, этим яростным нападением можно объяснить и то, как у такого величайшего среди великих святых не оказалось целокупных мощей. И глубока, блестяща мысль протоиерея П. А. Смирнова, который говорит: чем яростнее нападение (расхищающего) врага, тем славнее победа (сохранение цельбоносных костей). Чем больше похищенное, тем драгоценнее сохраненное.

Заговорив о бесноватых, я хочу закончить рассказом о том исцелении, которое произошло на моих глазах 20 июля.

Я находился в Успенском соборе, когда Государь и Императрицы уезжали из него прямо в Дивеев.

После их выхода, стали допускать народ прикладываться к мощам. Должны были скоро начаться часы пред обедней, и я остался в соборе. Литургию должен был служить настоятель нашей церкви в Риме, архимандрит Владимир (Путята), кандидат Московского университета, потом Преображенский офицер, которого я знал, когда он был в миру.

Стоя неподалеку от раки, я услышал ужасные вопли, несшиеся от северных входных дверей храма. Я пошел туда. Восемь мужиков с трудом несли бившегося в их руках немолодого, обросшего волосами мужика. Своим видом он напомнил мне какого-нибудь страшного гнома из детских сказок. Внутри его какой-то страдающий голос кричал: «Выйду, выйду!»

Я шел около, пока его несли по собору к раке. У раки он затих, точно лишился чувств.

Я смотрел на лицо его, когда его подвинули, чтобы приложить к раке. Оно было искажено так и такое было на нем выражение, что страшно было смотреть.

Его приложили, он очнулся и отошел совершенно освободившимся от страшной власти и здоровым.

Через несколько минут я застал его на другом конце собора. Бывший староста Казанского в Петербурге собора, граф Н. Ф. Гейден, записывал место жительства его. Вокруг стояло много народа. Оказывается, он страдал 30 лет и имел от исправника свидетельство, что болен тяжелою формой «кликушества».

Исцеление это произвело особо сильное впечатление. Фамилия его, кажется, Панцов.

Страшно было думать, что 30 лет, с 18-летнего возраста, эта душа лишена была исповеди и причастия.

Я спросил его, ел ли он что-нибудь. Он был натошак. Не тут ли, в радости исцеления, было ему идти к Чаше.

Я попросил архимандрита Владимира исповедовать его, а в конце обедни он спокойно приобщился. Главное движение народа было направлено в Сарове к источнику отца Серафима, где происходило и наибольшее число исцелений.

Источник находится близ того места, где была так называемая ближняя пустынька старца, где он проводил все дневное время, при рассвете приходя в нее из Сарова и оставаясь в ней до вечера.

Сначала в этой местности был устроен для старца шалаш без окон и двери, с вырезом для входа в него, а потом маленький домик, перенесенный впоследствии в Дивеево и замененный здесь точною с того домика копию.

Предание говорит, что, когда однажды старец пробирался лесною тропой близ этого места, он увидел Пресвятую Богородицу с жезлом. Владычица ударила жезлом по земле, и тогда из земли искипел источник чистой воды. Таково происхождение «источника старца Серафима». Еще при жизни своей старец говорил, что вода того источника сильнее евангельской Вифезды.

По кончине своей, старец в явлениях своих людям звал их к этому источнику, или приказывал достать воды из него, чтобы пить эту воду или обтираться ею.

Одно из первых чудес от этой воды произошло над престарелым помещиком Астафьевым, потерявшим зрение. Получив от родственницы воды из этого источника, Астафьев вытер глаза полотенцем, смоченным этою водой, и тотчас прозрел.

Бывали случаи, что даже нечаянно попадавшие под эту воду исцелялись. Один богатый помещик страдал застарелою простудой головы и боялся обмыться этою водой. Купальни, существующей теперь, еще не было, и под воду становились на открытом воздухе. Наклонясь близко к желобу, из которого течет вода, помещик поскользнулся и упал под самую струю.

Можно представить себе его ужас. Но он вышел из-под струи здоровым.

Замечательно, что этою холодною (в ней 4°) водою и зимой обливаются снаружи люди нежной организации, без вреда для себя и с ощутительной пользой.

Когда-то к источнику, лежащему на берегу реки Саровки, вела узкая тропа, по которой дважды в день ходил старческою своею поступью, сгибаясь под грузом своей котомки, старец Серафим. Теперь тут широкая дорога, на которой могут разъехаться две тройки.

С зари по этой дороге шли вереницы богомольцев. И каких несчастий, каких болезней здесь не было! Параличные, со сведенными членами, слепые, немые, бесноватые. Люди на костылях, кто идет на четвереньках, лицом книзу, по-собачьи, кто на четвереньках лицом кверху, что производит особенно-ужасающее впечатление. Часто больной возвращается от источника здоровым и по дороге он сам или его родные рассказывают о совершившемся чуде.

Этих чудес было столько, что трудно было уследить за ними, и я уверен, что множество из них не зарегистрировано.

Вся площадь пред источником бывала обыкновенно залита сплошною пестрою толпой. Самый источник представляет собою поверхность воды сажени в полторы в поперечнике, заключенную в деревянный сруб. В этот колодезь бросают прикрепленные к стенкам колодца на цепочках жестяные ведерки и вытаскива-

ют их с водой. По бортам колодца идет узкая, жестью обитая, стойка, на которую ставят сосуды для наполнения их водой. Тут же лежат воронки.

Над этим колодцем устроена высокая, светлая, довольно просторная часовня.

Два великолепные, во весь рост, изображения Старца молящимся на камне и идущим по лесу – украшают стены, кроме икон.

Рядом с часовней – купальни: одна женская и две мужские. Во вторую мужскую купальню стекает вода после того, как она прошла чрез первую. Купанья, собственно, нет, а есть обливание. Сходят в деревянный сруб, в стене которого, на половине высоты человеческого роста, устроен желоб. Надо повернуть кран и наклониться под текущую из желоба воду.

В самых купальнях особой тесноты не бывало, так как пускали партиями человек по 10–12. Но несколько бесконечных верениц постоянно ждали своей очереди.

В часовне служились непрерывно сперва панихиды по старце Серафиме, потом молебны преподобному Серафиму. Ежеминутно из часовни выносили целые ведра воды, которую в бутылках народ разнес по всем концам России.

Звуки нестройного пения, крики кликуш, голоса солдат, наблюдавших за порядком, нестерпимый зной, пыль, яркость красок и напряженное желание попасть скорее к заветной воде, – вот что чувствовалось в этой несметной

толпе. И вся она была наэлектризована рассказами о совершившихся и совершавшихся тут же, на ее глазах, чудесах.

Вы могли умышленно укрываться от этих чудес. Они, так сказать, сами шли на вас, становились пред вами во всей своей неопровержимости.

– Я видел сейчас несколько исцелившихся, – вот самая обычная фраза, слышавшаяся в эти дни в Сарове.

– Сегодня двое слепых прозрели.

– На моих глазах хромой бросил костыли и пошел прямо, – казалось самым привычным явлением.

И как не быть толпе у этой «Вифезды» большей чем та, которая была в Иерусалиме, потому что эта готова всякий миг подать исцеление, не считая числа исцеляемых.

Кроме особо бьющих, так сказать, в глаза исцелений, совершались постоянно и менее видные, но все же поразительные события.

Один, бывший в купальне одновременно со мною, средних лет мужчина, рассказывал мне следующее.

У его восьмилетней дочери уже три года была на ноге мучительная мозоль, затвердевшая, как кость. Бедная девочка не могла при ходьбе ставить ногу иначе как ребром. Мать ее ездила даже просить совета у харьковских профессоров, но без пользы.

Родители взяли девочку с собою в Саров и, накануне моей встречи с ее отцом, больную купали в источнике. На следующее утро весь этот

нарост с корнем отделился от ноги без всякой боли и без всякого средства.

Зовут эту девочку Серафима. Отец ее, Михаил Матвеев-Крымов, служит ревизором вагонов на станции Лиски Юго-Восточных железных дорог.

Из числа виденных мною больных, особую жалость возбуждает несчастнейший человек, которого держали в телеге на пригорке, под деревьями, близ источника.

Когда мы подошли к этой телеге, я заглянул в нее и увидел лежащее под полукруглую крышей человеческое существо, которое поразило меня своими руками. Руки от самого плеча были тоненькие-тоненькие, страшно красные, и что было особенно ужасно – не были круглые, а плоские, как новомодные английские карманные карандаши.

Около телеги стояла приятная, здоровая женщина, жена больного.

К этому обезображенному недугом корпусу была приставлена совершенно на вид здоровая голова, с умным, располагающим выражением. Прикройте этого человека до шеи, – и вы, глядя на его лицо, не угадали бы, какую зловещую развалину он собой представляет.

Он рассказал нам, что до военной службы он был очень силен, первым силачом по селу. Женился он рано, и у него растет теперь дома сын. Он взят был во флот, в Кронштадт, и там был определен в числе лучших матросов в учебную команду, для подготовки к званию машиниста. У него случилась сильная болезнь

с жаром 41°. Доктора, вероятно, не поняли болезни и сажали его в ледяные ванны. С этого он захирел. Кажется, пред нами было то явление, которое в Евангелии названо словами: «расслабленный жилами».

Чрезвычайно благоприятное впечатление производили как сам больной, так и его жена, красивая, полная жизни женщина, забывшая свою молодость для ухода за калекой-мужем. Сюда они приехали, как к последней надежде. Я очень жалею, что не возвращался после встречи с ними к источнику, и не знаю, что с ним случилось. Его зовут Иван Кругленков из села Шатрищ Шатрищевской волости Спасского уезда Рязанской губернии. Особое впечатление производило на народ прозрение слепых.

Лично я не искал чудес. Я так уверен был в невыразимо чудотворной силе старца Серафима, так привык слышать о благодатном действии его источника, что никакое чудо не могло бы прибавить моей веры в дерзновение старца Серафима пред Богом.

Я ничего не искал, живя в Сарове субъективной жизнью, и лишь не загораживался от явлений, происходивших на моих глазах, от рассказов достоверных очевидцев.

Я не буду говорить о постоянно-встречавшихся исцеленных детях, бывших скорченными всем телом, или ногой.

«Мальчик пошел», «у мальчика ножка развернулась», – слышалось постоянно.

Понятно почему после множества изо дня в день повторяющихся и учащавшихся событий

народ так стремился к источнику, к этой даром раздававшейся целительной благодати.

Теснота доходила до того, что богатые, роскошно одетые женщины, снимали свои платья поодаль в лесу и в одном белье проходили мимо солдат в купальню.

Особенное что-то было в этой толпе 17-го числа, когда около места «ближней пустыньки», в нескольких десятках сажен от источника, народ исповедовался под открытым небом у иеромонаха, положившего крест и Евангелие на пень дерева.

И темная зелень саровского леса, пение панихид в часовне, ржание лошадей, гул народа, шепот исповедей, звон посуды с целебной водой и радостный блеск неба, скрывавшего простертую над всем этим, благословляющую своих детей руку старца Серафима, – все сливалось в одну единственную, никогда еще не бывшую и драгоценную красоту.

Прошли почти две недели со времени окончания Саровских торжеств, и я, вдали от Сарова, после значительного промежутка времени, снова берусь за перо, чтобы закончить запись тех впечатлений, которые там были пережиты.

Странное чувство пришлось испытать нам в последние дни празднеств: какую-то преисполненность души, какую-то невозможность восприятия ничего нового. словно те двери, которыми внешний мир шлет свой духовный отсвет в душу, закрылись, и ничего нового не могло войти в душу, как не входит уже более ни

одна монета в копилку, набитую деньгами... От массы пережитых чувств наступила, наконец, какая-то одеревенелость. Внимание, восторг, радость – все притупилось. Не было больше ни силы изумления, ни свежести восприятия.

Душевная работа, которую пришлось невольно совершить в Сарове, была слишком сложна и трудна. Я не говорю о личных чувствах, о тех уголках души, которые давно уже наполнялись трепетом при мысли о будущем прославлении старца Серафима. Я говорю об общей восприимчивости.

Живя среди определенных физических законов, привыкнув к известной логике жизненных явлений, наш ум трудно воспринимает столь охотно допускаемые верой нарушения этих законов, этой логики жизни.

Вы знаете, что хромой никогда не пойдет, глухонемой не заговорит и слепорожденный не будет видеть. И эти понятия засели клином в нашу голову среди основных наших понятий.

И вдруг, в продолжение десяти дней вы видите ниспровержение этого естественного, закономерного порядка. Слепорожденные видят, расслабленные вскакивают и прыгают, немые говорят. Застарелые, не поддавшиеся никаким врачам недуги, мигом исчезают. Один, другой, десятый случай... Десятки случаев!..

И вам уже начинает казаться законным и обыкновенным не тот порядок неисцелимости убожества и горя, а этот новый порядок всеобщего, чудом вносимого здоровья, бодрости, счастья. Но чтобы достичь, хотя на те несколь-

ко дней, такой перемены десятков лет мирозерцания, как сильно и глубоко должны были избородить душу эти впечатления, как переволновать ее!.. И тогда там мне все казалось возможным.

Если бы мне сказали там: «Сейчас Дивеевский собор сорвался с земли и унесся в небо!», если бы мне сказали: «Мертвые встали из гробов и пришли к раке отца Серафима», – я бы не удивился, и сказал бы спокойно: «Ну, так что ж? Это так просто и понятно!» Но эта ломка, хоть на несколько дней, всех старых понятий, под напором всего того необъяснимого, что происходило в Сарове, потрясала все существо, и душа начинала чувствовать глубокую усталость от слишком многих, бьющих и необыкновенных впечатлений. И потом все это, столь невыразимо-высокое, непостижимое, сверхчувственное, было столь непривычною сферой для робкой, ограниченной, стелющейся по земле души мирского человека! И какие восторги ни переживала там душа, она не без удовлетворения вернулась опять к обычному быту, к закономерности ограниченных и ясных земных явлений.

Все, что я там видел и слышал: толпы бесноватых, исцеляющихся от прикосновения к мощам отца Серафима, небесная торжественность служб, за душу хватающие громы церковного пения, ясное влияние чего-то страшного, вечного во всем, что происходило, радостные, обновленные лица исцеленных, – это большее, чем я ожидал, оправдание нашей страст-

ной веры в старца Серафима; это всех переполнявшее, напряженное чувство восторга, умиления, беззаветной благодарности ему за его светлеющую жизнь и за его загробную благодать, – все это столь сильно действовало на душу, что последние ночи я бредил тем, что видел днем. И, наконец, перестал вовсе что-либо чувствовать. Меня не тянуло ни к раке отца Серафима, ни на колодезь, ни смотреть на исцеленных. Я не мог более ни изумляться, ни радоваться, ни с интересом смотреть. Вся, что в душе, способность чувствовать была уже истощена...

И теперь, когда я вернулся к обычной летней жизни, и когда между Саровом и мною стал длинный путь, разговоры с посторонними людьми, дела службы, интересы театра и литературы, новые книги и новые мысли, множество мелких житейских интересов, – саровские дни кажутся мне очень далеким, дорогим сном, сном бесконечно задушевым и чрезвычайно ярким.

И тут, в этих воспоминаниях, где уже меркнут подробности, и яснее рисуются главные части общей картины, встает во весь рост главный после старца Серафима герой этой картины – русский народ.

Я вижу его отсюда, из моего утопающего в зелени, прохладного уголка, – вижу усталым, запыленным, в неложящейся, густой, как осенний туман, пыли, добровольно принявшим подвиг для того, чтобы на секунду приблизиться к раке отца Серафима.

По два, по три дня дожидались, стоя в нескончаемой шеренге очереди, войти в ограду монастыря и приложиться к мощам. И часто, какое-нибудь неразумное распоряжение полиции, – и человек, стоявший у самых ворот, отодвигался назад, Бог знает на какое время.

И вот, в этой толпе было одно лишь покорное ожидание, – ожидание этой минуты таинственного единения с этим чисто-народным, национальным святым, в лобзании его мощей.

Я думаю, если бы здесь были иностранцы, зараженные ненавистью к нам, они были бы прямо испуганы и ошарашены выносливостью русского человека.

Прийти за сотни верст, питаясь черным хлебом и водою, и несколько дней на ногах, в тесной толпе, спокойно, скрестив руки на груди, ожидать мгновения приблизиться и коснуться губами чела старца Серафима, – сколько сил души надо иметь для такого подвига, какой неиссякаемый родник идеализма, питающий в себе этот подвиг!

И я думаю, что в эти дни внешнего страдания, многие из этих безвестных людей больше приблизились к старцу Серафиму, и он им больше откликнулся, чем всем нам, культурным людям, приехавшим в Саров с возможными удобствами и имевшими к святыне легкий доступ. Я думаю, что он, великий народолюбец, сумел тайно – от души к душе – так много и так сладко утешить своих бесчисленных, со всех концов прибредших к нему детей, что все они ушли от него обогащенные и обрадованные... Я думаю,

что и те, которые не добрались до его раки, и те приходили в Саров не вотще, потому что он их все-таки принял и им ответил.

А нужно заметить, и нельзя на этом достаточно не настаивать, что отец Серафим был особенно милостив к простому люду. Конечно, он произвел сильнейшее впечатление на все классы русского общества, и во многих родовитых семьях почитание старца Серафима передавалось из поколения в поколение. Но беды и горести простолюдина, его приниженное положение, вызывали особенное сострадание со стороны старца.

Он не раз вступался за слабых пред сильными.

Как-то пришла к нему гордая барыня с крепостною девушкою. На вопрос старца, кто с нею, барыня небрежно отвечала: «А это моя крепостная девка». Старец благословил обеих, и ласково заговорил с девушкой. Барыня была этим очень недовольна и все время старалась привлечь к себе внимание старца. Старец вторично спросил: «Кто это с вами?» Барыня так же небрежно ответила: «А это моя крепостная девка».

Тогда отец Серафим решительно сказал ей: «Она не девка, а человек, хороший человек, и лучше нас с вами, потому что у нее честный нрав и доброе сердце!» Потом, обращаясь к бедной крепостной, он ласково сказал: «Господь над тобою, мое сокровище!» – и благословил ее.

В другой раз старец, пуская к себе посетителей, все запирает дверь пред носом одного

важного посетителя, крича: «Дома нет», или: «Некогда». Когда, наконец, посетитель был допущен и попросил объяснения поступка старца, отец Серафим ответил ему: «Так же поступают ваши подчиненные, когда приходят к вам нуждающиеся в вас люди. Они говорят постоянно: «Барина дома нет», или: «Барину некогда». А это нехорошо и оскорбляет Бога.

А сколько чудес совершено отцом Серафимом для маленьких, безвестных людей, скольким невидным людям помог он в их малых, с виду для большого человека, но еще более, чем часто трагическое, большое несчастье для сильного человека, – трагичных бедах.

И, когда я смотрел на этот серый, безвестный люд, на эти загорелые лица и мозолистые руки, на коричневые армяки и лапти; когда мне до слез, до страдания становилось больно за них, за все, что они терпят, я тотчас же сознавал, что они-то и суть привилегированные гости отца Серафима и что им-то, этим смиренным, он больше всего и подает свою благодать.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Денисов Л. Житие преподобного и богоносного отца нашего Серафима, Саровского чудотворца. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2005.

2. Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря Нижегородской губернии, Ардатовского уезда с жизнеописанием основателей ее преподобного Серафима и схимонахини Александры / Сост. Архимандрит Серафим (Чичагов). М.: Издание Богородице-Рождественского женского монастыря, 1996.

3. Акафист преподобному и богоносному отцу нашему Серафиму, Саровскому чудотворцу. Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский женский монастырь, 1993.

4. Преподобный Серафим Саровский и его советы. М.: Русский духовный центр, 1993.

5. Поселянин Е. Русские подвижники XIX века. Калуга: Синтагма, 1996.

6. Поселянин Е. Русская Церковь и русские подвижники XVIII века. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1990.

7. Радость моя: Доброе слово пастыря вступившим на путь духовного устроения. М.: Благовест, 1998.

8. Преподобный Серафим Саровский в воспоминаниях современников. М.: Ковчег, 2009.

9. Вениамин (Федченков), митр. Всемирный светильник: Преподобный Серафим, Саровский чудотворец. М.: Даръ, 2007.

10. Свенцицкий Валентин, прот. Преподобный Серафим. Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский женский монастырь, 1995.

11. Иоанн (Крестьянкин), архим. Проповеди. Размышления. Поздравления. М.: Правило веры, 2007.

12. Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский женский монастырь: Путеводитель. Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский женский монастырь, 2000.

13. Источники чудес неоскудеваемый: Избранные случаи помощи преподобного Серафима в наши дни. М., 2008.

14. Преподобный Антоний Радонежский: Житие, монастырские письма. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2005.

15. Н. А. Мотовилов и Дивеевская обитель. Дивеево: Издание Свято-Троице-Серафимо-Дивеевского монастыря, 1999.

16. Колымагин Б. Перенесение мощей преподобного Серафима в Москву // Журнал Московской Патриархии. № 5, 1991.

17. Виктор А. Перенесение мощей преподобного Серафима Саровского из Москвы в Дивеево // Журнал Московской Патриархии. № 12, 1991.

18. Глебов С. Воспоминания паломника о преподобном Серафиме // «Миссионерское обозрение». 1903. № 11.

19. Сайт Дивное Дивеево: Русская Православная Церковь: Нижегородская епархия: Женский монастырь Дивеево. <http://www.diveevo.ru>

20. Сайт ВНИИЭФ: Российский федеральный ядерный центр ВНИИЭФ. <http://www.vniief.ru>

21. Сайт Библиотека Гумер Православие. <http://www.gumer.info>

22. Сайт Чудеса Православия. www.chudesnoe.ru

23. Сайт Седмица.ру. <http://www.sedmitza.ru>

24. Сайт Древо: Открытая православная энциклопедия. <http://drevo.pravbeseda.ru>

25. Сайт Информационное агентство «НЕТДА»: Преподобный Серафим Саровский. <http://agios.netda.ru>

26. Сайт Церковь святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии. <http://www.hram.kokoshkino.ru>

27. Сайт Серафим Саровский: К 100-летию со дня канонизации и 250-летию со дня рождения. <http://www.serafim100ru>

28. Сайт Православие и мир. <http://www.pravmir.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

ЖИТИЕ 6

Рождение и детство преподобного Серафима 6

Юность – выбор жизненного пути 10

Послушник в Сарове 14

Болезнь и исцеление после видения Богородицы 19

Монашеский постриг, дьяконское служение и основание

Дивеевской общины 21

Священническая хиротония и удаление в пустыню 28

Подвижничество в уединении 30

Искушения и страхование от бесов 35

Нападение разбойников и явление Божьей Матери 40

Кончина игумена Исаии и подвиг молчаливчества

в пустыне 44

Возвращение в обитель и уход в затвор 47

Окончание затвора 55

Старчество преподобного 57

Чудотворения преподобного Серафима 69

Забота о дивеевских сиротах 80

Явление Богоматери 87

Изнеможение и кончина преподобного 93

ПОСМЕРТНЫЕ ЧУДЕСА 101

Чудеса в дореволюционной России 101

Исцеление от беснования 101

Исцеление дочери ротмистра Теплова 101

Исцеление от болезни глаз 102

Вода из источника преподобного 102

Спасение имущества купчихи Петаковской 103

Иеросхимонах Сергей Святогорец 103

Исцеление 103

Спасение от разбойников 104

Алексей Куркин. Помощь в устройстве сына 105

Исцеление сына вице-губернатора 105

Помощь и увещание 107

Избавление от страха и рождение сына 107

Явление преподобного дивеевской инокине Евдокии 108

Спасение умирающего 109

Явление преподобного 111

Страница. Избавление от пьянства 111

Дивеевская схимонахиня Доротея. Исцеление Артемия

Иларионова 112

Явление преподобного Серафима и исцеление 113

<i>Сергей Алексеевич Никитин. Исцеление лютеранина</i> ..	115
Исцеление послушницы	115
«Стой хорошо, не падай»	117
Чудеса в Советском Союзе и в русском зарубежье	118
<i>Митрополит Вениамин (Федченков). «Кто он, этот старичок?»</i>	118
Чудо о расслабленных	120
Рассказ офицера	121
Книга	123
«Выпей воды из моего источника...»	126
<i>Мария Павловна Б. Почитание преподобного Серафима</i>	127
<i>Галина Александровна Пыльнева. Утешение</i>	130
Современные чудеса	131
<i>А.А. Юрков. Облегчение предсмертных страданий</i> ..	131
<i>Татьяна Владимировна Калнина. Исцеление девочки</i> ..	132
Исцеление врача	133
<i>Валентина Васильевна Романова. Чудесное исцеление по молитвам преподобного Серафима</i>	134
Ладошка очистилась	134
<i>Елена. Рождение сына</i>	135
<i>Раба Божия Людмила. Исцеление и помощь преподобного Серафима</i>	136
Рассказ из Индонезии	137
<i>Кузьменкова. Исцеление дочери</i>	137
Исцеление ног	138
<i>Наталья Изрядкина. Кубинка, М.О. Хочу рассказать о моем чуде исцеления</i>	139
<i>Роман Панков. Вразумление матерщинника</i>	139
Возвращение зрения	141
<i>Драгнев Алексей Петрович. Преподобне отче, Серафиме, моли Бога о нас</i>	142
<i>Екатерина Павловна Миенкова. Исцеление глаза</i>	142
<i>Ольга Ушакова, г. Катав-Ивановск. Помощь преподобного</i>	142
<i>В.И. Ларин. Исцеление от глухоты</i>	143
<i>Наталья. Удочерение</i>	144
<i>Раб Божий Иван, г. Самара. Исцеление от рака</i>	144
ПРОСЛАВЛЕНИЕ ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА	145
Деяние Святейшего Синода	149
<i>Протоиерей Д. Троицкий. Торжество 19-го июля 1903 года</i>	157
ВТОРОЕ ОБРЕТЕНИЕ МОЩЕЙ ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА	163
Рассказ сотрудника музея, заведующего отделом истории Православия С. Павлова	164

Рассказ архиепископа Истринского Арсения (Епифанова)...	165
Перенесение мощей преподобного Серафима в Москву	171
Перенесение мощей преподобного Серафима из Москвы в Дивеево	174
ВОСПОМИНАНИЯ	179
Воспоминания современников о преподобном Серафиме ..	179
<i>Надежда Аксакова – старица Шамординской обители.</i>	
Из детских воспоминаний о преподобном Серафиме	179
<i>Я. М. Неверов. Записки</i>	194
Преподобный Антоний Радонежский	199
Воспоминания М. Н. В.	203
Воспоминания отца Рафаила, иеродиакона Саровской пустыни	208
Рассказ старицы Дивеевской обители Матроны.	210
Воспоминания начальницы Адратовской общины матушки Евдокии	214
Воспоминание симбирской помещицы Е. Н. Пазухиной. ...	218
НАСТАВЛЕНИЯ ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА ПИСЬМЕННЫЕ И УСТНЫЕ	224
О Боге	224
О таинстве Святой Троицы	225
О причинах пришествия в мир Иисуса Христа	225
О вере	226
О надежде	227
О любви к Богу	228
О страхе Божиим	228
О хранении познанных истин	230
О многословии	231
О молитве	232
О слезах	236
О печали	236
О скуке и унынии	237
Об отчаянии	240
О болезнях	243
О терпении и смирении	244
О милостыне	245
О должностях и любви к ближним.	246
О должности подчиненных к начальникам	247
О неосуждении ближнего и о прощении обид	247
О попечении о душе	250
Чем должно снабждать душу	251
О мире душевном	252
О сохранении мира душевного	254
О хранении сердца	256
О распознавании действий сердечных	257
О свете Христовом	258

О помыслах и плотских движениях.	259	Храмы и другие сооружения Дивеевской обители	353
О внимании к самому себе	261	Казанская церковь	353
Против излишней попечительности	262	Храм Рождества Христова	354
Об отречении от мира	263	Храм Рождества Богородицы	356
О подвигах	264	Троицкий собор	357
О покаянии.	265	Преображенский собор	360
О посте	270	Трапезный храм	362
О бодрствовании против искушений	272	Колокольня	363
Об уединении и молчании	273	Игуменский корпус	364
О безмолвии.	275	Источник преподобного Серафима	365
О жизни деятельной и умозрительной	275		
О Таинстве Причащения	278	АКАФИСТ ПРЕПОДОБНОМУ СЕРАФИМУ,	
О Священном Писании.	280	САРОВСКОМУ ЧУДОТВОРЦУ	367
О спасении	281	Молитвы преподобному Серафиму Саровскому	378
О храме	284	Серафимово правило	381
О страстях	284		
О духовном руководстве	285	<i>Приложение 1. Беседа о смысле христианской жизни</i>	383
Об утешении	286	<i>Приложение 2. Архимандрит Иоанн (Крестьянкин). Слово в день</i>	
Об искушении	287	<i>памяти преподобного Серафима,</i>	
О правильной жизни.	288	<i>Саровского чудотворца</i>	428
О послушании	291	<i>Приложение 3. Иван Шмелев. Милость преподобного</i>	
О браке и монашестве	292	<i>Серафима</i>	441
О благодарности	293	<i>Приложение 4. Евгений Поселянин. Светлые дни в Сарове</i>	456
		<i>Список литературы.</i>	504
САРОВСКИЙ МОНАСТЫРЬ	294		
Возрождение Саровской обители	315		
Храмы и другие сооружения Саровской обители	318		
Успенский собор	318		
Церковь Живоносного Источника	318		
Церковь Зосимы и Савватия.	318		
Церковь Иоанна Предтечи	318		
Храм преподобного Серафима	319		
Храм Всех Святых	320		
Саровские пещеры.	320		
Колокольня	321		
СВЯТО-ТРОИЦКИЙ СЕРАФИМО-ДИВЕЕВСКИЙ			
ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ	323		
Возрождение Дивеевской обители	338		
Святыни Дивеевской обители	340		
Преподобные жены Дивеевские	340		
Преподобная Александра	340		
Преподобная Марфа	342		
Преподобная Елена	344		
Дивеевские блаженные	346		
Блаженная Пелагия Ивановна	346		
Блаженная Прасковья Ивановна	348		
Блаженная Мария Ивановна	350		